

fantasy

9

КОНАН

ISBN 5-7906-0073-5

9 785790 600739

КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ

Северо-Занэг®

МОРЕ ЗАПАДА

ПУСТОШИ ПИКТОВ
БОССОНСКИЕ ТОПИ

ВАНАХЕИМ

КИММЕРИЯ

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

ГАНДЕРЛАНД

МЕДИЯ

БРИТУНИЯ

КЕЗАНКИШСКИЕ ГОРЫ

ПУСТЫНИ

ГИРКАНИЯ

АКВИЛОНИЯ

КОРИНФИЯ

ЗАМОРА

СУЛТАНАПУР

КХИТАЙ

Баразские острова

ЗИНГАРА

ПУАНТЕН

ТАРАНТИЯ

ШАМАР

БЕЛЬВЕРУС

ОФИР

КАРПАШСКИЕ ГОРЫ

АРЕНДЖУН

Остров Железных Идолов

Р. Широк

Р. Красная

Р. Тамбор

Р. Херот

Р. Алмалар

Р. Корсет

Р. Золотонья

Р. Золотонья

МОРЕ ВИЛАЕТ

ШЕМ

ХОРАИЯ

ПУСТЫНИ

САМАРРА

ГОРЫ ИЛЬБАРС

ШАНГАРА

ХОЗРЕЗМ

ВЕНДИЯ

КЕМ

ЛУКСУР

СУХИЕТ

ПРЕЙОН

КУТХЕМЕС

КАССАЛИ

АГРАПУР

Остров Ксапур

Остров Ксапур

Остров Сиптах

КЕШАН

КУШ

ДАРФАР

КЕШАН

ПУНТ

ЗЕМБАБВЕ

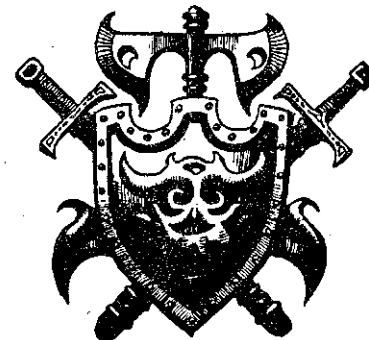
Хайборийская Эра

ИРАНИСТАН

КОНАН
ПРИНИМАЕТ
ВОЙ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

К 64 **Конан принимает бой: Романы.**— СПб.:
«Северо-Запад», 1999.— 528 с.

ISBN 5-7906-0073-5

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации. Любые
попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

ISBN 5-7906-0073-5

© «Северо-Запад», составление
и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца, 1998

Пролог

Лучи солнца заливали увешанную гобеленами комнату сквозь окно под мраморной аркой. Слуги с вырезанными языками (чтобы не могли рассказать о тех, кого видели в доме хозяина) вышли, оставив пятерых в молчании потягивать вино.

Кантаро Албанус, хозяин, изучал взглядом гостей, лениво поигрывая тяжелой золотой цепью, красовавшейся на его алом камзоле, женщина делала вид, что рассматривает замысловатый узор гобелена.

Утро в разгаре, размышлял Албанус. Самое время для таких встреч. Хотя нервы сообщников, конечно, страдают. Подобные собрания обычно происходят в темноте ночи. Причем в тайных чертогах, занавешенных так, чтобы не проник даже свет луны. С другой стороны, кто поверит, кто хотя бы на миг заподозрит, что знатнейшие люди Немедии среди бела дня в самом сердце столицы примутся обсуждать государственную измену?

Его худощавое лицо потемнело при этой мысли, а черные глаза заблестели, подобно обсидиану. Орлиный нос и проблески серебра в черных волосах, особенно на висках, делали его похожим на старого полководца. Когда-то он и в самом деле был воином, но недолго, всего один год. Ему было только семнадцать, когда его отец устроил ему место офицера в отряде Золотых Леопардов — так с незапамятных

времен назывался отряд телохранителей королей Немедии. После смерти отца Албанус подал в отставку. Нет уж, горбатиться, продвигаясь по служебной лестнице, пусть даже через ступеньку, благодаря знатному происхождению — это не для него. Не для того, кто и по крови, и по силе духа достоин быть королем. А значит, то, чем он занят сейчас,— это не измена.

— Господин Албанус,— неожиданно сказал Барка Веджент,— мы много слышали об... об особого рода помощи, которую ты оказываешь нашей... организации. Мы много слышали, но до сих пор ничего не видели.

Большой и плотный нынешний командир Золотых Леопардов тщательно выговаривал каждое слово. Он пытался утаить свое происхождение, скрывая акцент трущоб Бельверуса. Он и не подозревал, что всем давно была известна его хитрость.

— Какими осторожными словами ты выражаешь свои сомнения, Веджент,— сказал Деметр Амариан. Стройный юноша поднес к носу футлярчик с ароматным шариком, но это не помогло ему скрыть презрительную усмешку, которая играла на его почти женских губах.— Впрочем, ты всегда выражаешься осторожно, не так ли? Мы все знаем, что ты здесь только для того, чтобы...

— Довольно! — резко перебил их Албанус. Оба, и Деметр, и быстро наливавшийся гневной краской Веджент, умолкли, точно хорошо выдрессированные животные, услышавшие щелчок бича укротителя. Подобные перебранки случались нередко; Албанус терпел их лишь по необходимости. Сегодня же явно был не тот день.

— Все вы чего-нибудь хотите,— продолжал Албанус.— Ты, Веджент, жаждешь звания полководца, в котором тебе отказал король Гариан. Ты, Деметр, хочешь возвращения поместья, которое отец Марианна отобрал у твоего деда, а ты, Сефана, ты собираешь-

ся отомстить Гариану, ибо он сказал тебе, что предпочитает женщин помоложе...

— Ты, как всегда, весьма любезен, Албанус,— произнесла женщина. У госпожи Сефаны было лицо сердечком, украшенное фиалковыми глазами и обрамленное густой гривой иссиня-черных волос, ниспадавших на плечи. Ее красное шелковое платье с глубоким вырезом спереди и боковыми разрезами до бедра не скрывало достоинств прекрасного пышного тела.

— А чего хочу я? — спросил пятый человек. Все вздрогнули, как будто забыли о его присутствии.

О Константо Мелиусе и впрямь было нетрудно забыть: этот немолодой вельможа прямо-таки олицетворял собой неприметность. Редящие волосы и мешки под часто моргающими глазами были самыми примечательными его чертами. Его ум и способности были вполне под стать внешнему виду.

— Ты хочешь, чтобы к твоим советам прислушивались,— ответил Албанус.— Так и будет, когда я сяду на трон.

Буду прислушиваться к твоим советам, пока не подвернется случай отправить тебя в изгнание, думал хищнолицый вельможа. Гариан, себе на беду, сделал ошибку, отказав дураку и оставив его жить на свободе в столице. Он, Албанус, такой ошибки не сделает.

— Мы, кажется, отвлеклись от того, что сказал Веджент,— внезапно напомнила Сефана.— Однако я тоже хотела бы знать, на какую помощь с твоей стороны, Албанус, мы можем рассчитывать. Деметр и Веджент снабжают нас информацией. Мы с Мелиусом даем золото для организации беспорядков на улице и платим разбойникам за порчу зерна. Ты держишь свои планы при себе, только знай говоришь о волшебных средствах, которые заставят Гариана отдать тебе трон, если мы будем продолжать в том же духе. Я хочу взглянуть, что там за волшебные средства!

Остальных явно смутило столь открытое упоминание обещанного волшебства, но Албанус лишь улыбнулся.

Поднявшись, он дернул парчовую ленточку колокольчика на стене и направился в другой конец комнаты. Там виднелся стол, а на столе — некие предметы, покрытые куском ткани. И предметы, и покрывало он расположил там собственноручно.

— Подойдите, — сказал он остальным.

Они подошли медленно, с большой неохотой.

Торжественным взмахом он сбросил покрывало, с удовольствием отметив, как вздрогнули гости. Он знал, что вещи на столе — сапфировая статуэтка, меч с волнистым лезвием и крестовиной древней работы, несколько кристаллов и драгоценных камней с надписями — все они, за одним исключением, были практически бесполезны. По крайней мере в фолиантах, которые он с таким тщанием расшифровал, этим вещам приписывалось немного полезного. Настоящие предметы он хранил в другом месте.

Десять лет тому назад в одном из его помещений к северу от Нумалии рабы, копавшие землю, наткнулись на подземный чертог. Хорошо, что он сам в это время как раз был там. Он догадался, что это кладовая колдуна, и, опустошив ее, распорядился погребсти в ней злополучных рабов...

Целый год ушел у него на то, чтобы определить, к какому времени относится этот тайник. Зато оказалось, что он восходил к эпохе Ахерона — темной империи, власть которой зиждилась на обрядах отвратительной тавматургии. Со времени падения Ахерона прошло более трех тысячелетий. Остальные девять лет Албанус учился магии — учился сам, избегая наставников из страха, что любой сколько-нибудь могущественный колдун пожелает присвоить себе его клад. Это было воистину мудрое решение: если бы о его занятиях стало известно, облава на колдунов, устроенная Гарианом в столице, его бы не миновала.

Гариан!.. Зловеще усмехнувшись про себя, Албанус поднял со стола маленький шарик из алого хрустала.

— Не доверяю я этим штуковинам, — содрогнулась Сефана. — Лучше бы нам полагаться на вещи более простые. Незаметный яд...

— Вызовет гражданскую войну за престолонаследие, — оборвал ее Албанус. — Сколько можно повторять, что я вовсе не собираюсь отвоевывать Трон Дракона у дюжины претендентов. Я уже говорил: *трон будет мне отдан!*

— В это, — проворчал Веджент, — я не поверю, пока сам не увижу.

Албанус призвал всех к тишине: вошла девушка-служанка — белокожая, не более шестнадцати лет от роду. Простая белая туника, вышитая по краю знаками принадлежности к дому Албануса, почти открывала маленькую грудь и длинные ноги. Войдя, она тут же встала на колени и склонила голову.

— Ее зовут Омфейл, — сказал хищнолицый вельможа.

Услышав свое имя, девушка шевельнулась, но головы не подняла: она уже знала, что этого делать не следует. Она была только недавно продана в рабство (ее отец-лавочник вконец разорился и влез в долги), но некоторые уроки быстро запоминаются.

Албанус взял красный шар левой рукой, а правой стал делать пассы, произнося нараспев:

— *Ан-нааль наа-таан Вас-ти но-эштей!*

Трепещущий язычок пламени вспыхнул над кристаллом. Он был длиной с локоть, но более плотный, чем полагалось быть простому огню. Внутри пламени, пульсировавшего красным и желтым, возникли две черные точки, неприятно похожие на глаза. Они двигались, ни дать ни взять разглядывая комнату и ее обитателей. Все невольно подались назад. Все, кроме Албануса и Омфейл, съежившейся на полу.

— Огненный элементал, — спокойно сказал Албанус и добавил, не меняя тона: — Убей Омфейл!

Белокурая девушка попыталась закричать, но не успела. Дух огня послушно ринулся вперед, набухая по пути, и сразу охватил Омфейл всю целиком. Она кое-как сумела подняться на ноги, корчась внутри огненного вихря, который начал постепенно уплотняться и наконец скрыл ее. Какое-то время из глубины шипящего огня еще доносился женский крик, казалось, ослабленный расстоянием. Потом огонь пропал со звуком лопнувшего пузыря, оставив после себя слабый тошнотворно-сладковатый залах...

— Не особенно чисто плотно, — задумчиво заметил Албанус, растирая ногой, одетой в домашнюю туфлю, маслянистое пятно на мраморном полу в том месте, где была девушка.

Остальные ошеломленно таращили глаза, как если бы он у них на глазах превратился в мифического дракона Ксутаркана. Удивительно, но именно Мелиус первым обрел дар речи.

— Эти предметы, Албанус... Не следует ли и нам кое-чем обзавестись? — Никто не поддержал его, и он заморгал припухшими глазами. — Ну... в знак того, что мы все равны, — закончил он неуверенно.

Албанус улыбнулся. Что ж, очень скоро он им покажет, насколько они «равны».

— Конечно, — вкрадчиво сказал он, — я и сам уже думал об этом. — Он указал на стол. — Выбирайте, кому что нравится, а я расскажу вам, какими свойствами обладает каждый предмет. — И с этими словами он опустил красный шарик в поясной кошелёк.

Поколебавшись, Мелиус протянул руку и кончиками пальцев коснулся меча, лежащего на столе.

— На что он... способен?

— Всякий, кто возьмет его в руку, становится отменным фехтовальщиком.

Может, у меча были и другие свойства, но Албанус, выяснив одно, особо глубоко копаться не стал. Он не собирался быть воином-героем. Он станет королем. Небось найдется кому за него воевать.

— Возьми клинок, Мелиус. Но, если ты боишься, может быть, Веджент... — Албанус вопросительно поднял бровь, косясь на широколицего солдата.

— Я и без чародейства неплохо дерусь, — презрительно усмехнулся Веджент. Впрочем, никакого магического предмета он себе еще не присмотрел.

— Деметр? — сказал Албанус. — Сефана?

— Не люблю колдовство, — ответил стройный юноша и, не скрывая испуга, отшатнулся прочь от стола.

Сефана была сделана из теста покрепче, но и она столь же поспешно замотала головой.

— Мне вполне хватит, если эти причиндалы помогут спихнуть Марианна с Трона Дракона. А если нет... — Какой-то миг они с Албанусом смотрели друг другу в глаза, потом женщина отвернулась.

— Я возьму этот меч, — неожиданно сказал Мелиус. — Он примерился к оружию, проверил, как сбалансировано, и рассмеялся: — В отличие от тебя, Веджент, мне бы только стать заправским рубакой, а уж каким способом — не все ли равно!

Албанус вежливо улыбнулся, но мало-помалу его лицо посуровело.

— Теперь слушайте меня, — медленно проговорил он, обводя всех по очереди черными обсидиановыми глазами. — Я показал вам лишь малую часть того могущества, которое завоюет мне трон Немедии и обеспечит вам выполнение ваших желаний. Знайте же, что я не потерплю никакого инакомыслия и никакой самостоятельности, способной помешать моим планам. Ничто не должно встать между мной и Коронай Дракона. Ничто! А теперь ступайте!

И они удалились, пятась, как если бы он уже сидел на Троне Дракона.

Глава первая

Высокий мускулистый юноша мерил шагами улицы Бельверуса, столицы Немедии. Город действительно имел вид столицы: большие дома, украшенные мраморными колоннами, и памятники на каждом углу. Юноша настороженно смотрел по сторонам, а рука была готова в любой миг схватиться за рукоять меча, оплетенную выдавшим виды кожаным ремнем. Его синие глаза и отделанный мехом плащ говорили о том, что он уроженец севера. В лучшие времена Бельверус видел много таких дикарей-северян. Ослепленные великолепием большой столицы, они быстро проматывали свое серебро или жалкий запас золота. Проигравшихся в пух и прах выкидывала за ворота Городская стража, одетая в черные плащи. Стражники тащили варваров прочь, а они, не понимая жизни большого города, громко жаловались, что их обманули. Этот юноша, однако, в свои двадцать два года имел уверенный вид человека, топтавшего камни мостовых и не таких еще столиц; ему были не в диковинку даже Арэнджун и Шадизар, прозванный Злым, он успел повидать Султанапур, Аграпур и даже полуполегендарные столицы далекого Кхитая.

Он шагал верхними улицами Торгового района, расположенного менее чем в полумиле от дворца Гариана, короля Немедии. Однако, думал юноша, эти места

мало чем отличаются от Адских Врат, воровского района столицы. Напротив лавок, открывавшихся прямо на улицу, стояли столы с выложенным на них товаром. Толпы людей сновали туда и сюда, прицениваясь к тканям из Офира, аргосским винам, всевозможным товарам из Кофа, Коринфии и даже Турана. По камням мостовой то и дело громыхали тележки торговцев, но на них было мало съестного, а цены заставили юношу задуматься, долго ли он может позволить себе прожить в этой столице не голодая.

Между лотками и лавками жались к стенам нищие, покалеченные, слепые; они во все горло требовали милостыни, силясь перекричать коробейников, нахваливавших товары. Буквально на каждом углу стояли местные головорезы — грубо одетые мужчины с жесткими глазами. Одни из них поглаживали пальцами рукоятки мечей, другие в открытую точили кинжалы или взвешивали на ладони дубинки, проводя взглядом то пухлого купца, торопливо проходившего мимо, то пробирающуюся сквозь толпу проворную дочку хозяина какой-нибудь лавки, боязливо оглядывающуюся по сторонам. Не хватало только увешанных дешевыми украшениями проституток в легких платьях, обрезанных так, чтобы выставить весь товар напоказ. Даже сам воздух был насыщен, как казалось Конану, запахом трупоб, которые он недавно видел, — отвратительными испарениями рвоты, мочи и экскрементов...

Тележку с фруктами, переезжавшую через перекресток, неожиданно окружило с полдюжины негодяев; в одежде громил странным образом сочетались лохмотья и роскошь. Владелец тележки, худощавый мужчина с измученным лицом, стоял молча, опустив голову, только на скулах выступили красные пятна. Мерзавцы тем временем рылись в его товаре, надкусывая то грушу, то персик, и швыряли все подряд на мостовую. Наполнив подолы своих одеяний фруктами, они развязной походкой двинулись прочь. Судя

по выражению наглых рож, они только и ждали, чтобы кто-нибудь отважился раскрыть рот. Чисто одетая публика отводила глаза, старательно не замечая случившегося.

— Не думаю я, что вы заплатите,— не поднимая глаз, простонал торговец.

Один из громил, небритый детина в расшитом золотом засаленном плаще поверх простой драной рубашки, улыбнулся, показывая черные пеньки зубов.

— Заплатим? Вот тебе плата! — И он наотмашь ударил несчастного торговца в лицо, разорвав на щеке кожу,— тот, всхлипывая, рухнул на свою тележку. С отвратительным смехом головорез присоединился к товарищам, остановившимся позабавиться. Все вместе они пошли дальше по улице, грубо расталкивая локтями толпу. Люди уступали им дорогу, кое-кто невянятно ворчал, но не более того.

Широкоплечий северянин остановился около тележки.

— Что ж ты не зовешь стражу? — спросил он с любопытством.

Ограбленный торговец тяжело выпрямился.

— Пожалуйста. Мне надо кормить семью. Есть ведь и другие тележки...

— Я не ворую фрукты и не бью стариков,— чопорно ответил юноша. — Меня зовут Конан. Послушай, разве Городская стража не должна тебя защищать?

— Городская стража? — Старик горько рассмеялся. — Они сидят в своих казармах и боятся нос оттуда высунуть. Я сам видел, как три таких вот мерзавца подвесили одного стражника за ноги вниз головой и оскопили его. Вот что они думают о Городской страже. — Он вытер трясущиеся руки о край туники и неожиданно понял, что слишком уж разговорился с этим незнакомцем, стоя на виду у всех посреди перекрестка. — Мне надо идти,— заторопился он. — Надо идти... — Не поднимая глаз, он взялся за ручку тележки.

С жалостью в глазах смотрел Конан, как уходит торговец фруктами. Киммериец пришел в Бельверус заниматься в телохранители или солдаты — ему случилось быть и тем и другим, равно как вором, контрабандистом и разбойником. Но если кому в этом городе и потребуется его меч, это, увы, будут не те, кто действительно нуждается в защите...

Несколько уличных бездельников услышали его разговор с торговцем и подошли, надеясь развлечься с провинциалом. Но когда Конан обвел их взглядом, на сорвиголов словно бы повеяло холодом киммерийских ледников и показалось — сама смерть бродит сегодня по улицам Бельверуса. Нет уж, лучше поискать себе жертву где-нибудь в другом месте, решили они. И поспешно убрались прочь с перекрестка.

Некоторые люди смотрели на Конана с благодарностью, понимая, что на несколько минут он сделал это место вполне безопасным. Конан досадливо тряхнул головой, сердясь то ли на них, то ли на себя самого. Он пришел сюда подзаработать деньжат! А вовсе не очищать улицы от всякого сброда!

Бродячий ветерок подкатил к его сапогу обрывок пергамента. Конан машинально поднял его и прочитал. Слова были написаны аккуратным круглым почерком.

На Троне Дракона надменный сидит властелин.
В роскошном чертоге своем он пирует один.
А ты надрывайся за черствого хлеба кусок
И в страхе живи — от гибели на волосок.
Да будет часами измерено это правленье!
Пусть Митра, священное Солнце, лишит его зренья!
Да сгинет навеки несправедный наш властелин,
Который в роскошном чертоге пирует один!¹

Конан отпустил обрывок лететь по ветру дальше и невольно обратил внимание на другие такие же

¹ Стихи в переводе Г. Трубицыной.

клички, кружившие по улице. Конан видел, как то тут, то там люди поднимали листочки и читали. Некоторые, поблуднев, спешили незаметно уронить их или, наоборот, с гневом выбрасывали. А иные, прочитав, украдкой прятали в карман.

Как спелая слива готова сорваться вниз, так Бельверус был готов к мятежу. Конану доводилось видеть похожие признаки в других городах. Скоро все это выльется наружу. Королевскому дворцу начнут открыто грозить кулаками. И более сильных правителей свергало народное возмущение, даже не столь мощное.

Волна криков и визгов вдруг прокатилась по улице, толпа прихлынула к перекрестку. Началась паника, оказавшаяся, как всегда, заразной: никто не знал, что случилось, однако каждый кричал и бежал вместе со всеми. С трудом Конан пробрался поближе, к лавке, покинутой хозяином. И что могло вызвать подобный переполох?..

Наконец людской поток иссяк, и Конан увидел, что на мостовой, по которой люди спасались бегством, в беспорядке лежали тела. Лишь немногие еще шевелились. Некоторые были затоптаны, у других, лежащих чуть подале, не было рук или голов. А по самой середине улицы большими шагами приближался человек в богато расшитом голубом платье. Он держал меч со странным волнистым лезвием, от острия до рукоятки залитым кровью. Из угла рта человека сочилась тягучая клейкая слюна...

Конан взялся было за меч, затем решительно убрал руку прочь. За деньги, напомнил он себе, за деньги! Он не собирался мстить какому-то сумасшедшему за совершенно незнакомых людей. Он оглянулся, собираясь отойти подале в тень.

Но в этот момент из лавочки прямо под ноги сумасшедшего выскочил ребенок — девочка лет восьми. Она отчаянно кричала, быстрые ножки так и мелькали. Безумец зарычал, поднял меч и бросился за ней.

— Во имя потрохов Эрлика! — выругался Конан. Его меч легко выскользнул из поношенных шагреновых ножен, и киммериец шагнул обратно на перекресток.

Девочка с криком пробежала мимо него. Сумасшедший остановился. Вблизи, несмотря на богатое, нарядное одеяние, редкие волосы и мешки под глазами придавали ему вид человека, привыкшего к спокойной сидячей работе. Но мутные карие глаза смотрели безумно, а звуки, которые он издавал, были бессмысленным мычанием. Было слышно, как мухи жужжат над раскиданными по земле фруктами.

В конце концов, подумал Конан, у этого человека осталось достаточно разума, чтобы не переть на рожон.

— А ну-ка стой смирно, — сказал варвар. — Я тебе не удирающий младенец и не беспомощный лавочник и спину под меч не подставляю. Почему бы тебе...

Конану послышался несытый металлический звон. Животный рев вырвался из человеческой глотки, и сумасшедший бросился вперед с поднятым мечом.

Киммериец подставил свой меч, отражая удар, но волнистый клинок с удивительной быстротой метнулся в сторону. Конан отскочил назад; острие чужого меча прочертило линию поперек его живота, разрезав рубашку и тонкую кольчугу с такой легкостью, словно то и другое было из пергамента. Конан отлетел еще на шаг, освобождая место для замаха, но сумасшедший на удивление проворно прыгнул вперед. Окровавленный клинок полосовал и колол с яростью, не поддающейся описанию. Широкоплечий юноша медленно отступил.

Он был воистину потрясен, осознав, что едва успевает обороняться от ударов тщедушного, неприметного противника. Вся его скорость и мастерство уходили на то, чтобы просто остаться в живых! При этом он уже получил не менее полудюжины небольших

ран, из которых сочилась кровь. Э, да как бы не помереть за просто так на этом месте!

— Именем Владыки Могил, не бывать тому! — крикнул он. — Кром и сталь!

Это не помогло. Клинки звенели один о другой, и снова он вынужден был отступить.

Еще миг — и Конан, поскользнувшись на недоеденной сливе, тяжело рухнул навзничь, так, что перед глазами замигали серебристые огоньки. Задыхаясь, он увидел, как сумасшедший заносит свой волнистый клинок для удара, который окончит его жизнь. Ну нет, так вот просто его не убьешь. Собрав последние силы, Конан откатился в сторону, и весьма вовремя. Кровавый клинок высек искры из мостовой как раз в том месте, где он только что был. Конан с лихорадочной быстротой катился дальше и дальше, потом вскочил на ноги и прижался спиной к стене. Одержимый стремительно повернулся к нему...

Но тут в воздухе прожужжал словно бы рой разгневанных ос, и противник киммерийца внезапно стал похож на подушку для булавок, утыканную перьями. Конан моргнул от неожиданности. Это наконец появилась Городская стража — два десятка лучников в черных плащах. Они заняли позицию на почтительном расстоянии и снова натягивали луки, ибо сумасшедший все еще стоял, несмотря на то что был пронзен насквозь. Из рта его вырывался кровожадный рев пополам с кровью. Напоследок он швырнул свой меч в киммерийца...

Конану не стоило больших усилий отразить этот последний удар. Он едва пошевелил рукой, и странный клинок со звоном упал на мостовую. Стражники еще раз спустили тетивы, и сумасшедший упал. И, пока он падал, на один короткий миг безумное выражение пропало с его лица, сменившись несусветным ужасом. Мостовой он коснулся уже мертвым. Солдаты медленно подошли к труп, держа оружие наготове.

Киммериец бросил свой меч обратно в ножны, раздраженно ворча себе под нос. Какой позор: он так и не сумел обагрить клинка. Пролилась только его собственная кровь, и все порезы, хотя и незначительные, горели стыдом его неудачи. Только одно он смог сделать как следует — перехватить брошенный клинок. Но это могла бы сделать и девчонка. Десятилетняя девчонка!

Стражник поддел мертвеца за плечо и перевернул на спину, с треском сломав о мостовую штук шесть стрел.

— Поосторожнее, Тулио, — проворчал другой. — Чего доброго, за эти стрелы у нас вычтут из жалованья. Почему...

— Клянусь Троном Эрлика Черного! — задохнулся Тулио. — Это же господин Мелиус!

Люди в кольчугах поспешно отступили назад, оставляя Тулио одного около трупа. Нехорошо стоять слишком близко к знатному покойнику, особенно если ты принимал участие в его убийстве, — что бы там он ни натворил. Когда дело касалось знати, справедливость короля порой выделявала замысловатые кренделя.

Седой сержант Городской стражи плюнул на мостовую около трупа. Из-под стрелки его шлема был виден багрово-синий шрам, проходивший поперек широкого носа.

— С этим ничего уже не поделаешь, Тулио!

Стражник внезапно понял, что он остался один около тела. Он так и подскочил, испуганно смотря на остальных.

— Закрой своим плащом этого... знатного господина, — продолжал сержант. — Пошевеливайся! — добавил он. Тулио нехотя подчинился.

— Абидиус, Крато, Джокор, Насо, — продолжал распоряжаться сержант, — берите его за руки и за ноги. Быстро! Или вы хотите тут торчать, пока его мухи не слопают?

Четыре человека выступили вперед и с ворчанием подняли тело. Сержант зашагал прочь по улице.

Несшие тело поспевали за ним как могли, остальные строем шли сзади. Никто даже не оглянулся на Конана.

— Неужели ты настолько утратил сноровку, а, киммериец? — окликнул грубый голос.

Конан резко повернулся на месте, но гневный ответ замер у него на губах при виде могучего бородача, прислонившегося к витрине лавчонки.

— Может, и так, но я по-прежнему быстрее тебя, Ордо, старый негодяй!

Бородач выпрямился. Он ненамного уступал Конану в росте, зато был шире в плечах. Грубая кожаная повязка закрывала его левый глаз. Из-под повязки через всю щеку тянулся шрам, из-за которого угол рта кривился в постоянной усмешке. Впрочем, сейчас Ордо действительно улыбался, причем во весь рот. В каждом ухе бородача красовалось по увесистому золотому кольцу — немалый соблазн для воров. Другое дело, выдавшие виды меч и кинжал на поясе способны были мигом образумить воришку.

— Может, и так, Конан, — сказал он. — Но хотел бы я знать, что ты делаешь в Немедии? Я имею в виду, помимо уроков фехтования, которые ты берешь у разных там занюханных вельмож. Последний раз я видел тебя по дороге в Аграпур. Ты, помнится, собирался служить в войске у короля Йилдиза...

Ордо был другом, но его знакомство с Конаном начиналось далеко не безоблачно. Первый раз они встретились, когда одноглазый с несколькими другими бандитами растянул Конана между колышками на равнинах Заморы. Сделали они это по приказу Карелы, своей рыжеволосой предводительницы, известной среди разбойников под именем Рыжий Ястреб. Потом они вместе ездили в Кезанкийские горы за сокровищами, украденными колдуном Аманаром. И едва унесли оттуда ноги, ничего не добыв. Они встречались еще дважды, и все в погоне за золотом. Но

всякий раз им удавалось достать так мало, что хватало лишь на одну приличную пирушку в ближайшем притоне. Интересно, подумал Конан, встретимся ли мы еще раз в подобном предприятии...

— Я и служил, — ответил Конан. — Но вот уже год с лишним как убрался оттуда.

— Держу пари, неприятности из-за женщины, — хихикнул Ордо. — Уж я-то тебя знаю!

Конан только пожал могучими плечами. Кажется, у него всегда неприятности с женщинами. А впрочем, у кого их нет?

— Скажи лучше, тебя-то какая баба выжила из Султанапура, Ордо? Когда мы расставались, ты сидел в своей собственной гостинице, причем с пухленькой туранской женой на коленях. Кажется, ты клялся, что больше даже и пряника не потащишь через границу, и еще, что ни шагу не сделаешь из Султанапура, разве только на свой погребальный костер.

— Это все Карела, — смущенно понизив голос, объяснил одноглазый и с силой дернул себя за густую бороду. — Я так надеялся о ней хоть что-нибудь разузнать, а жена все время меня за это пилила. Она говорила, что я стал всеобщим посмешищем. Люди, мол, уже шепчутся у меня за спиной и говорят, что у меня не все дома. Ну и она, мол, не потерпит, чтобы ее считали дурочкой, вышедшей замуж за свихнутого. Она никак не могла смириться с этим. Ну а я тоже не мог вести себя иначе. Так что в один прекрасный день я сказал ей «до свидания» и ушел не оглядываясь.

— Ты все еще ищешь Карелу?

— Она ведь жива. Я уверен, что она жива. — Ордо схватил Конана за руку. Единственный глаз смотрел настойчиво, но выдавал внутреннее страдание. — То есть я не слышал даже и полсловечка, но, если бы она умерла, я бы почувствовал. Я бы почувствовал... А ты — может, ты о ней что-нибудь знаешь? Ну хоть что-нибудь?

В голосе Ордо слышалась тоска. Конан знал, что в тот раз в горах Рыжий Ястреб действительно осталась жива. Но если сказать Ордо об этом, придется говорить и о том, как он видел ее последний раз — обнаженную, закованную в цепи, бредущую на рабский торг. Вообще-то он мог бы объяснить, что у него было тогда в кармане всего несколько медяков, — это и отдаленно не напоминало цену, которую давали в Туране за пышногрудую зеленоглазую рабыню. Мог бы упомянуть даже о том, какую клятву Карела заставила его дать: клятву, что он и пальцем не пошевелит, защищая ее. Она очень гордая, эта Карела. Или... была такой. Если Ордо ничего не слышал о ней, то, скорее всего, сломленная кнутом, она теперь ублажает танцами какого-нибудь темноглазого хозяина. Рассказать всю эту историю?.. Э, так можно и убить старого приятеля, человека, который всегда называл себя верным псом Карелы...

— Последний раз я видел ее в Кезанкийских горах, сказал Конан, не греша против истины.

И я уверен, что она выбралась из гор живая. Горцы не противники для Карелы, когда в руке у нее меч.

Ордо кивнул, тяжело вздыхая.

Люди понемногу начинали высываться на улицу. С ужасом смотрели они на тела, все еще лежавшие там, где их настигла смерть. То там, то здесь плачущая женщина бросалась обнимать труп мужа или ребенка...

Конан огляделся вокруг, ища глазами меч сумасшедшего. Меч лежал перед настезь распахнутой лавкой, заваленной разноцветными тканями. Хозяина не было видно. Может быть, он лежал среди мертвых, а может, стоял среди тех, кто глазел на трупы. Киммериец поднял меч и обтер извилистое лезвие от загустевшей крови о рулон желтого шелка.

Он примерился к оружию, взвесив его на руке. Кружевная серебряная крестовина была очень старой ра-

боты. Еще на клинке были надписи, очень красивые, но Конан в жизни своей не видел таких слов. Что ж. Кто бы ни сделал это оружие, это был мастер. Оно ощущалось как естественное продолжение руки. Более того — продолжение его мыслей. И все же... Сколько народу было только что убито этим мечом! Мужчины. Женщины. Дети... Убитые ударами в спину или вовсе по чему попало. Во время бегства... Безумец убивал всех, до кого мог дотянуться. Они пытались уползти прочь, а он рубил их и колол... Эта картина так и стояла у Конана перед глазами. Он почти чувствовал запах их предсмертного пота... запах крови.

Конан с отвращением хмыкнул. Меч есть меч, и не более того. Сталь неповинна. Однако брать себе этот меч Конану почему-то не хотелось. Совсем не хотелось. Другое дело, и на улице бросать его было негоже. Дорогая все же штукавина. Глядишь, еще и удастся выручить за него несколько серебряных монет...

— Надеюсь, ты не оставишь его себе? — сказал Ордо. — Этот меч запятнан. Женщины и дети... — Он сплюнул и сделал знак, отвращающий зло.

— Запятнан или нет, а продать можно, — ответил Конан, сбросил с плеч отделанный мехом плащ и завернул в него меч. Не ровен час, кто-нибудь увидит: меч-то ведь старинный, приметный. Вряд ли стоит открыто нести его по улицам Бельверуса вскоре после того, как он принес сюда столько смертей.

— У тебя что, совсем денег нету? — спросил Ордо. — Могу дать немного взаймы, если старый друг на мели.

— Денег у меня достаточно. — Конан снова мысленно взвесил свой кошелек. Если жить в гостинице, хватит на четыре дня. И на две недели, если ночевать в конюшнях. — Скажи лучше, каким это образом ты разбогател до такой степени, чтобы швыряться серебром? Ты что, опять разбойничаешь? Или контрабандой занимаешься?

— Тихо ты! — Ордо придвинулся ближе, настороженно оглядываясь по сторонам единственным гла-

зом — не слышал ли кто-нибудь их разговор. — Давай-ка потише о контрабанде, — сказал он приглушенным голосом, предназначавшимся только для ушей киммерийца. — За это нынче на кол сажают. Причем медленно. А власти за любую наводку платят так, что собственная бабушка тебя продаст...

— Тогда почему ты ввязался в это дело?

— А я разве говорил, что... — Одноглазый всплеснул руками. — Камни Ханумана! Да, я ввязался. А ты сам что — ослеп и оглох? Не знаешь, какие в этом городе цены? А пошлины? Сдирают больше, чем сам товар стоит. Да контрабандист себе такое состояние сколотит!.. Если жив останется, конечно...

— А напарник тебе не нужен? — заинтересовался Конан.

Ордо колебался:

— Здесь не так, как бывало в Султанапуре. Все вино, до последнего бочонка, и весь шелк, до клочка, которые минуют Королевскую Таможню, поставляются одной-единственной шайкой...

— На всю Немедию? — не поверил Конан.

— Именно так. И происходит это, как я понимаю, вот уже более двух лет. Сам я здесь всего только год. Вызвать у них, кто допущен в банду и кто что знает, не легче, чем вынуть у скряги денежку из кулака. Я получаю приказания от человека, который в свою очередь получает их от человека, которого я в жизни не видел, а тот, надо думать, получает распоряжения еще от кого-то. — Он покачал косматой головой. — То есть попробовать я попробую, но обещать ничего не могу.

— Не очень-то мне верится в подобную скрытность, — усомнился Конан. — Ты-то ведь уже стал одним из них, а сам прожил здесь не больше года! Ордо довольно засмеялся и потер широкий нос пальцем.

— Я — особый случай. Сидел я раз в Кофе, в одной из таверн Хоршемиша; понимаешь, дошел до меня

слух... однако это к делу не относится. Суть в том, что один парнишка, Хассан, тамошний член банды, слышал, как я наводил справки. Он знал о Рыжем Ястребе и восхищался ею безмерно. Когда он выяснил, что я с ней имел дело, он предложил мне работу здесь, в Бельверусе. К тому времени мой ремень уже застегивался на последнюю дырочку и я помаленьку прикидывал, не сварить ли из него суп. Так что я принял предложение. Словом, будь здесь Хассан, я бы тебя мигом к делу пристроил. Ну да он в Кофе сидит...

— Странно, как это он и тебя там не оставил, если так уж восхищался Рыжим Ястребом, — задумчиво сказал Конан. — Ладно. Сможешь так сможешь, а нет — как-нибудь выкручусь...

— Попробую, — сказал Орда, прищурился на солнце, которое уже перевалило за полдень, и смущенно переступил с ноги на ногу. — Послушай, у меня тут еще кое-какие дела есть. Ну, те самые дела, ты понимаешь. Мы еще с тобой обо всем как следует поговорим и обсудим, кто что станет врать. Больно уж они на незнакомцев косятся...

— Чего другого, а времени у нас полно.

— Это точно. Послушай, давай-ка через полчаса после заката встретимся в таверне «Зарезанный Бык»: это на улице Сожаления, прямо над Адскими Вратами. Идет? — Он засмеялся и похлопал Конана по плечу. — Будем гудеть так, чтобы из конца в конец по столице слышно было!

— И сверху донизу! — подхватил Конан.

Когда одноглазый ушел, Конан двинулся было, держа под мышкой меч, завернутый в плащ... но тотчас остановился. Неподалеку на улице стояли богато украшенные черно-золотые носилки с алыми занавесками. Мирные обыватели и даже жулики уважительно обходили их стороной. Но не носилки привлекли внимание киммерийца. Эка невидаль, роскошные носилки, внутри которых восседает толстый купец или раздетая знатная дама! Конан заметил другое:

как только он повернулся в ту сторону, занавеска резко задернулась. Он едва успел смутно разглядеть женщину, до самых глаз закутанную в серое покрывало. Зато Конан мог бы поклясться, что, как ни коротко было видение, эти самые глаза смотрели прямо на него. И даже не просто смотрели. Куда там — пронзали взглядом! И недобро сверкали!..

Вот передняя занавеска снова пошевелилась. Очевидно, последовало приказание — носильщики скорым шагом двинулись по улице прочь.

Конан покачал головой, наблюдая, как носилки исчезают в толпе. Не лучший способ начинать дела в Бельверусе, сказал он себе. Похоже, мне уже мерещится! Кроме Ордо, он не знал здесь никого. Покрепче прихватив свернутый узлом плащ, он пошел куда глаза глядят, надеясь как-нибудь скоротать время до назначенной встречи, а заодно разузнать что только возможно об этой столице. Он твердо надеялся, что здесь ему повезет.

Глава вторая

Улица Сожаления была последней перед Адскими Вратами. Те, кто обитал здесь, готовы были, ломая ногти, лезть на стену, только чтобы не скатиться в действительно адский котел трущоб и не впасть в окончательную нищету. Отчаянное усердие их было тем более велико, что они знали: даже если они и удержатся на этой улице, их дети будут захвачены трясинной уже наверняка. Кое-кому, впрочем, удавалось выползти на эту улицу из Адских Врат. Эти немногие оседали тут повыше Корноухого переулочка — попросту боялись двигаться дальше в город, которого не понимали. Они не обращали внимания на отвратительное зловоние, достигавшее переулочка всякий раз, когда ветер дул с юга, — хотя это был знак нищеты, по-прежнему поджидавший за ближайшим углом. Те, кто действительно вырывался из Адских Врат, не останавливались на улице Сожаления ни на день, ни даже на час. Но таких были считанные единицы.

На улице Сожаления предпочитали не думать, что ждало впереди, за следующим поворотом, на следующий день, равно как и о том, что осталось в прошлом. На этой улице постоянно царил безумный, лихорадочный карнавал.

Уличные музыканты неистово терзали лютни, цитры и флейты, силясь перекрыть звучащий по-

всюду смех. Вернее, не смех, а неестественный, хриплый, пьяный, истерический хохот. Жонглеры с мячами, кольцами, булавами и сверкающими ножами развлекали своим искусством дарительниц удовольствий, прогуливавшихся по улице. Эти последние, едва прикрытые клочками цветного шелка, увешанные браслетами из начищенной меди, обутые в невероятные сандалии, чтобы казаться стройней, выставляли напоказ свои прелести ради всякого, у кого звенел в кармане хотя бы грош. Но наиболее сладострастно они вращали бедрами и поглаживали себя по бокам перед хорошо одетыми пришельцами из Верхнего города, которые выделялись в пестрой толпе не хуже, чем если бы у каждого на шее висела табличка: *чужак*. Люди города приходили сюда поглазеть на то, что казалось им глубинами разврата и порока, возможно только в Адских Вратах. А надо всем этим царил смех...

Таверна «Зарезанный Бык» оказалась именно таким местом, какого, по мнению Конана, на этой улице и следовало ожидать. В общей комнате разлило скисшим вином. У дальней стены на небольшом помосте извивались под томные звуки флейты три пышнотелые девицы в платьях из прозрачного желтого шелка. Таверна была набита битком, но посетители, занятые выпивкой, картами или игрой в кости, почти не обращали внимания на танцовщиц. У одного из столиков стояла медноволосая блудница; вместо одежды ее обвивала полоска темно-синего шелка, причем таким образом, что большая часть пухлого тела оставалась обнаженной. Девушка улыбалась застывшей улыбкой; толстый коринфиец в полосатом халате поглаживал ее, точно прикидывая, сколько следовало заплатить за каждый фунт ее плоти.

Другая девка, с волосами невысказанного красного цвета, смерила взглядом широкие плечи Конана и поспешно поправила золоченые ляточки, которые больше подчеркивали, чем прикрывали роскошную

грудь. А потом направилась к нему, приглашающе облизывая губы. Конан отрицательно покачал головой, и девка остановилась, разочарованная и недовольная. Женщины подождут: Конан никак не мог разглядеть Ордо в пьяной толпе.

Потом он обратил внимание на девушку, сидевшую за столиком около стены. Она заметно отличалась от других посетителей. Сидела в одиночестве перед нетронутой чашей с вином, и, похоже, только она и смотрела на танцовщиц. Длинные черные волосы спадали ей на спину и плечи. Большие карие глаза и пухлый рот так и притягивали взгляд; проституткам, шнырявшим между столиками, о подобной красоте оставалось только мечтать. Однако к числу ночных красоток она явно не принадлежала. Это было ясно по ее простому белому хлопковому платью до пят, закрытому по самую шею. Такое платье было здесь совсем не к месту, как, впрочем, и она сама. Жительницы улицы Сожаления предпочитали кричащие цвета и откровенные вырезы, а уроженки Верхнего города дорогие материи и богатые вышивки. Эти благородные дамы, случалось, тоже забредали сюда, чтобы испытать острые ощущения. Им нравилось отдаваться мужчинам, которые вполне могли оказаться убийцами, а то и еще похуже...

...Женщины подождут, напомнил себе Конан, удобнее перехватил меч, завернутый в плащ, и оглянулся в поисках свободного столика.

И в это время из кучи лохмотьев, не дававшей особого повода заподозрить внутри нее человека, высунулась костлявая рука и подергала Конана за рубашку. Открылся беззубый рот, и существо заговорило тонким дребезжащим голосом:

— Эй, киммериец! Куда это ты идешь с таинственным клинком, сулящим убийство?

Конан почувствовал, как шевельнулись волосы на затылке. Перед ним был старик, столь истощенный, что кожа, обтянувшая скулы, скрадывала морщины.

Глаза, вернее, то место, где полагалось быть глазам, пряталось под грязной повязкой. Но даже будь старец зрячим, откуда бы ему знать, что у Конана под плащом? Как и то, что родом он из Киммерии?..

— Что ты знаешь обо мне, старик? — спросил Конан. — И как ты узнал это без глаз?

Старик пронзительно захихикал и тронул свою повязку загнутым концом палки, которую держал в руке:

— Когда Боги взяли их у меня, они взамен надели меня иным зрением. Я не могу смотреть глазами, поэтому и не вижу того, что видят все. Зато... я вижу другие вещи.

— Я слышал о таком, — пробормотал Конан. — И даже кое о чем похлеще. Что ты еще можешь сказать обо мне?

— О, много, очень много, молодой господин. Ты узнаешь любовь многих женщин, от простых крестьянок до королев. Ты будешь жить долго и завоюешь себе корону. А смерть твоя будет окутана легендой.

— Чепуха! Дерьмовая чепуха! — буркнул Ордо, чья голова неожиданно высунулась из-за плеча киммерийца.

— А я-то гадаю, куда ты подевался, — сказал ему Конан. — Представь, этот старик угадал, откуда я родом!

— Эка премудрость! Подслушал твой дикарский акцент, и готово. Давай-ка лучше займем столик и попросим кувшинчик вина...

Конан покачал головой:

— Я ничего не успел сказать, но он все равно как-то понял. Скажи мне еще что-нибудь, старик. Например, что меня ждет? Но не через годы, а через несколько недель?

Слепой слушал разговор Конана и Ордо с обиженным выражением, наклонив голову, чтобы лучше слышать. При этих последних словах он снова беззубо заулыбался.

— Что до этого... — Он поднял руку и большим пальцем потер кончики остальных, потом распрямил пальцы и повернул руку ладонью вверх: — Я, молодой господин, как видишь, бедняк...

Могучий киммериец без лишних слов полез в кошелек, висевший на поясе. Правду сказать, кошелек был полупустой. В нем было больше меди, чем серебра, причем того и другого не ахти сколько. Однако он вытащил серебряную монету с изображением королевы и опустил ее в жесткую ладонь старика.

Ордо задохнулся от гнева:

— Я знаю одного гадалщика по книгам и трех звездочетов, которые, вместе взятые, возьмут половину этой цены! И такого тебе напредсказывают, чего этому деду и во сне не приснится...

Старик между тем кончиками пальцев ощущал монету.

— Ты щедрый человек, — пробормотал он. Монета исчезла в лохмотьях. — А теперь дай мне руку. Правую.

— Хиромант без глаз! — засмеялся Ордо, но Конан молча протянул руку.

Пальцы старика обследовали ладонь киммерийца, находя линии, отмечая мозоли и старые шрамы и двигаясь так же быстро, как и по монете. Потом он начал говорить, и, хотя голос его звучал по-прежнему тихо, старческой болтливости как не бывало.

В голосе слышалась сила и даже некая властность.

— Берегись женщины сапфиров и золота. Любя власть, она способна обречь тебя на погибель. Берегись женщины изумрудов и рубинов. Любя тебя, она только рада будет увидеть твою смерть. Берегись человека, который стремится к трону. Берегись человека, чья душа прах. Берегись благодарности королей...

Конану казалось, что старик говорит все громче и громче, но никто вокруг не оторвался от чаш с вином

и не обратил внимания, даже когда старик заговорил нараспев:

— Спаси трон, спаси короля, убей короля — или погибнешь. Что бы ни случилось сейчас, что бы ни случилось потом, сумей понять, когда придет время исчезнуть!

— Ну ничего себе предсказание! От такого и молодое вино скиснет, — пробормотал Ордо.

— И не слишком понятное к тому же, — добавил Конан. — Нельзя ли вразумительнее?

Старик отпустил руку Конана и пожал плечами.

— Если бы мои предсказания были понятнее, — сказал он сухо, — я бы жил во дворце, а не в свинарнике и не в Адских Вратах.

Постукивая палкой, он прохромал в сторону двери, ловко обходя столы и пьяниц.

— Запомни мои слова, Конан из Киммерии, — окликнул он через плечо уже от самой двери. — Знай: мои предсказания не обманывают...

С этими словами он вышел и исчез в бурлящей толпе.

— Старый козел, — проворчал Ордо. — Послушай доброго совета, если тебе приперло, так сходи лучше к звездочету, у которого есть соответствующее разрешение. Нечего слушать всяких доморощенных шарлатанов! Конан тихо ответил:

— Я никому здесь не говорил, как меня зовут.

Ордо подмигнул и утер рот обратной стороной молистой руки.

— Что-то меня жажда замучила, киммериец.

Шлюха с красными волосами как раз поднималась из-за стола, ведя дородного офирского разбойника к лестнице наверх, где можно было снять комнату на полчаса. Конан немедленно уселся на освободившийся табурет, жестом указывая Ордо на другой. Пока он укладывал свой сверток на стол, одноглазый успел поймать за руку служанку с глазами лани. Белая грудь и кругленький зад девушки были едва прикрыты двумя полосками зеленого муслина.

— Вина! — приказал Ордо. — Самый большой кувшин. И две кружки.

Служанка ловко вывернулась из его лапы и поспешила прочь.

— Ну что, говорил ты с друзьями обо мне? — спросил Конан.

— Я-то говорил, — Ордо тяжело вздохнул и покачал головой, — но они ответили «нет». Работа, Конан, здесь легкая, и золото течет рекой, но лично я всего лишь исполняю приказания толстого ублюдка по имени Эраний, косоглазого и притом вонючего, как навозная куча. Этот засранец выговаривал мне — вообрази только, я стою перед ним навтыжку и внимаю! — что нельзя, дескать, в наше непростое время доверять каждому встречному-поперечному! Непростое время!.. Видал я его в...

— Неважно, — ответил Конан. По правде говоря, он здорово надеялся снова поработать с этим бороатым медведем. О, им было что вспомнить!

Возвратилась девушка-служанка, поставила на стол две кожаные кружки и грубый глиняный кувшин размером в полторы человеческие головы. Она наполнила кружки и выжидательно протянула руку.

Ордо вытащил несколько медяков, чтобы расплатиться, и исподтишка ущипнул ее.

— Беги себе, красавица, — засмеялся он, — а то как бы мы не решили купить больше, чем ты собираешься продать!

Потирая пухленькую задницу, служанка ушла, успев, однако, одарить Конана слегка затуманенным взглядом: вздумай он прицениться, она торговалась бы недолго.

— Я говорил ему, что ты не какой-нибудь там первый встречный, — продолжал Ордо. — Я немало рассказал ему о тебе и о том, как ты занимался контрабандой в Султанапуре. Этот говнюк даже слушать не захотел! Сказал мне, что ты, похоже,

опасный человек. Приказал держаться от тебя по-дальше. Ну да, так я его и послушал!

— Да уж,— согласился Конан.

Неожиданно киммериец почувствовал невесомое прикосновение в подозрительной близости от своего кошелька. Сильная рука мгновенно метнулась в ту сторону, перехватила тонкое запястье и вытащила из-под стола человека.

Золотые кудри обрамляли невинное детское личико. Голубые глаза смотрели простодушно. Однако пышная грудь, перетянутая узенькой полоской красного шелка, выдавала занятие ее владелицы, так же как и пояс из медных монет, низко спущенный на бедра. С пояса свисали полоски красной просвечивающей ткани, едва прикрывавшие соблазнительные линии спереди и круглые ягодицы сзади. Рука, которую держал Конан, была крепко сжата в кулак.

— Ну вот и женщина сапфиров и золота,— засмеялся Ордо.— Сколько ты стоишь, девочка?

— В следующий раз,— сказал ей Конан,— не лезь к трезвому человеку, который сразу заметит твою неуклюжую лапку в своем кошельке...

Девушка изобразила на лице соблазнительную улыбку, как будто маску надела:

— Не наговаривай на меня. Я хотела просто прикоснуться к тебе. Я не запрошу дорого с такого красавца, как ты. Да и травник говорит, что я уже совсем вылечилась...

— Травник!..— Ордо подавился вином.— Не трогай ее, Конан! В этом городе тысяча и одна похабная хворь! И если у нее есть хоть одна, то значит, и остальная тысяча тоже...

— И она вот так сразу и рассказывает мне об этом,— задумчиво произнес Конан.

Он сжал руку немного сильнее. На лице девушки выступил пот, прелестный ротик открылся, она тихонько вскрикнула. Стиснутый кулачок разжался, оттуда прямо в его подставленную ладонь выпали две серебря-

ные монеты. Конан рывком притянул девочку к себе, завернув за спину ее пойманную руку. Полная грудь прижалась к его мускулистой груди. Испуганные небесно-голубые глаза смотрели прямо в глаза Конана.

— Правду, девочка,— сказал он.— Кто ты? Воровка, шлюха или то и другое? Скажи правду, и я тебя отпущу. Попробуй только соврать — мигом окажешься наверху и сполна отработаешь все, что пыталась у меня украсть.

Она медленно облизала губы.

— Ты правда меня отпустишь? — прошептала она.

Конан кивнул. Прерывистое дыхание девушки вздымало ее грудь, и ему нравилось это прикосновение.

— Я не шлюха,— наконец сказала она.

— Значит, воровка,— проворчал Ордо.— Все равно держу пари, что она больна какой-нибудь дрянью.

— В опасную игру ты играешь, девочка,— сказал Конан.

Она вызывающе вскинула светловолосую голову:

— Кто обратит внимание на блудницу, когда их так много вокруг? Я беру у каждого понемногу, всего несколько монет, и люди думают, что пропили их. А стоит мне упомянуть лекаря, у любого мужика весь пыл отшибает...— И тут она неожиданно потянулась губами к его губам.— Я не шлюха,— пробормотала она,— но с удовольствием провела бы в твоих объятиях ночь...

— Не шлюха,— засмеялся Конан,— просто воровка. Кто-кто, а я знаю воришек! Проснись поутру, глядь — ни кошелька, ни плаща, ни меча... а может, и сапоги куда-то уйдут...

Глаза девушки вспыхнули, простодушное выражение лица на миг сменила самая настоящая ярость. Воровка беспомощно извивалась: руки у Конана были железные.

— Твое везенье, девочка, на сегодня кончилось. Уж ты мне поверь.— И с этими словами он ее выпустил.

Несколько мгновений она стояла в растерянности, не веря себе. Конан шлепнул ее ладонью пониже спины, и это сразу привело ее в чувство. Подскочив, она завизжала. За соседними столами грянул хохот.

— Иди своей дорогой, девочка, — сказал Конан. — Сегодня тебе удачи больше не будет.

— Иду куда хочу! — огрызнулась она и устремилась прочь, в глубь таверны.

Конан сразу забыл и думать о ней, взял со стола кружку и занялся вином. Стоило ему, однако, сделать несколько глотков, как его глаза встретились с глазами девушки в белом платье, той самой, что еще показалась ему здесь лишней. Она смотрела на него с явным одобрением, но не зазывно — это тоже было ясно с первого взгляда. Девушка писала что-то на обрывке пергамента. Конан был готов спорить, что на этой улице едва ли наберется горсточка женщин, способных написать и прочитать хотя бы свое имя. Коли на то пошло, то ж среди мужчин грамотеев было не больше.

— Эта не для нас, — заметил Ордо, от которого не укрылся его взгляд. — Не знаю, кто она, но уличные девки рядятся не так.

— Меня не заботит, кто она, — ответил киммериец. Говоря так, Конан немного кривил душой. Девушка была красива, а он к красивым женщинам питал слабость и не думал этого скрывать. — Сейчас меня больше волнует, как бы найти заработок, а то скоро мне женщины вообще станут не по карману. Я целый день шлялся по городу и видел немало людей с телохранителями. Конечно, это дело не такое доходное, как контрабанда, но мне не впервой...

— Да уж, на охранников нынче спрос, — кивнул Ордо. — Если в прошлом году человек имел телохранителя, то сейчас у него пять. Купцы побогаче, вроде Фабиуса Палиана и Энаро Осториана, держат

целые отряды наемников. Вот, кстати, где можно сделать настоящие деньги! Сколотить свой собственный отряд и...

— Если у тебя для начала есть золото, чтобы поднять это дело, — согласился Конан. — Лично у меня не хватит и на доспехи для одного человека, не говоря уже об отряде.

Одноглазый провел пальцем через лужу вина на столе.

— Коли уж на то пошло, половина нашей контрабанды — это оружие. Особенно с тех пор, как начались беспорядки. Пошлина на хороший меч больше его обычной цены. — Ордо прямо встретил взгляд Конана. — Если я не ошибаюсь, мы могли бы отначить достаточно, чтобы обеспечить отряд. И уж как-нибудь без умников обойдемся!

— Мы, Ордо?

— Камни Ханумана, парень! Когда мне начинают указывать, с кем дружить, а с кем нет, я сматываю удочки!

— Тогда остается только поднакопить серебра, чтобы ребята заинтересовались. Человек, скажем, пятьдесят...

— Нужно золото, — перебил Ордо. — Нынешняя ставка — золотая монета каждому.

Конан свистнул сквозь зубы:

— Навряд ли мне доведется хотя бы увидеть столько денег сразу. Разве только если ты...

Ордо печально покачал головой:

— Ну, меня-то ты знаешь, киммериец. Я слишком люблю женщин, выпивку и игру в кости. Золото при мне надолго не задерживается...

— Вор! — закричал кто-то. — Держи вора!

Конан оглянулся и увидел ту самую блондинку с невинным лицом, вырывающуюся из рук сразу двоих: грузного бородача в засаленной голубой одежде и высокого парня с хищными, близко посаженными глазами.

— Она запустила руку в мой кошелек! — кричал бородатый.

Раздался всеобщий хохот, посыпались непристойные шутки.

— Говорил же я, что ее удача кончилась, — пробормотал Конан.

Блондинка отчаянно заверещала: бородач сорвал полоску шелка с ее груди и швырнул ее худощавому парню, взобравшемуся на стол. Несмотря на сопротивление, тот быстро покончил с остатками ее легкого наряда и представил девушку обнаженной на обозрение всей таверне.

Бородатый встряхнул над головой чашей с игральными костями.

— Ну, кто хочет быть первым?

Вокруг него тут же сгрудились мужчины.

— Пойдем, — сказал Конан. — Неохота смотреть.

Он взял меч, завернутый в плащ, и направился к выходу,

Ордо с сожалением посмотрел на едва початый кувшин вина и двинулся следом.

У самой двери Конан еще раз встретился взглядом с молодой девушкой в простом хлопковом платье. Она снова в упор смотрела на него, но на этот раз с осуждением. И что я такого сделал, удивился Конан. А впрочем, какая разница. Нынче у него других забот полон рот. Конан пригнулся в дверях и вместе с Ордо вышел наружу.

Глава третья

Снаружи было уже совсем темно, однако неистовый карнавал и не думал стихать. Наоборот, обитатели улицы Сожаления, казалось, хотели громкой музыкой и быстрым движением разогнать прохладу наступающей ночи. Шлюхи уже не расхаживали важно и томно, а откровенно ловили клиентов, перебегая от одного к другому. Акробаты гнулись и кувыркались, как будто были без костей, а земля не притягивала их. Они так лезли из кожи, словно на них смотрел сам король Гариан. Вот только в уплату они получали лишь пьяный смех. И все-таки продолжали кувыркаться...

Конан остановился посмотреть на жонглера с огнем. Шесть горящих факелов один за другим неторопливо вырисовывали огненные дуги над лысой головой своего повелителя. Небольшая кучка зрителей все время менялась. Пока Конан стоял и смотрел, трое подошли, а двое ушли. На улице в этот вечер было много и других, более интересных зрелищ. Конан достал медяк из кошелька и бросил его в шляпу, которую жонглер заранее поставил перед собой на землю.

Монета Конана была всего лишь третьей. Киммериец очень удивился, когда жонглер неожиданно повернулся к нему и, продолжая усердно работать, приветствовал щедрого зрителя полупоклоном. Потом

начал выделять прыжки, высоко вскидывая ноги, так что они все время оказывались в середине кольца, которое чертили в воздухе горящие факелы.

Ордо потянул Конана за руку, уводя его дальше по улице.

— Всего лишь за медяк! — пробормотал он с отвращением. — Было время, такое выдавали только за серебряную монету, а то и больше.

— Да, в этом городе все точно с ума посходили, — сказал Конан. — Никогда еще я не видел столько нищих по эту сторону моря Вилайет. Бедные стали беднее, да и развелось их столько, что на три города хватит и еще останется. Коробейники запрашивают цены, от которых порядочного купца из гильдии в Султанапуре припадок бы хватил. Да еще и рожки корчат такие, как будто вот-вот разорятся... За несчастный кувшин вина дерут чуть не сребреник, а жонглер выделяет лучший трюк за медяк. И кажется, никого не заботит, наступит ли завтра. Что здесь происходит?

— Да кто я такой, чтоб знать? Ученый? Жрец?.. Только вот говорят, будто трон проклят и Гариан тоже проклят Богами...

Конан тут же машинально сотворил знак, оберегающий от зла. С проклятиями шутки плохи. Несколько человек рядом заметили его жест и шарахнулись в сторону: чего-чего, а чужого зла им не надо, и своего достаточно.

— А это проклятие, — продолжал разговор киммериец через некоторое время, — оно что, действительно?.. Что говорили о нем жрецы или звездочеты? Подтверждали его?

— Такого не слышал, — сознался Ордо. — Но об этом говорят на каждом углу. Все это знают.

— Камни Ханумана! — фыркнул Конан. — Ты сам знаешь не хуже меня: то, что известно всем, обычно ложь. Да есть ли вообще какие-нибудь подтверждения этого проклятия?

— Они есть, киммериец, — ответил Ордо и для большей убедительности наставил на Конана короткий толстый палец. — В тот самый день, когда Гариан взойшел на Трон Дракона, — учти, не в какой-нибудь другой день, а именно в тот самый день! — по улицам Бельверуса бегало чудовище. Оно убило больше двадцати человек. С виду оно и само было вроде человека, только сделанного из глины, а потом немного размытого водой. Но все дело в том, что видевшие его говорят, будто оно здорово напоминало Гариана...

— Человек, чья душа прах, — тихо произнес Конан, вспоминая предсказание слепого старика.

— Тоже выдумал верить всякому старому слепому козлу! — возмутился Ордо. — Чудовища-то уже ведь нет! Однако заслуги Городской стражи, просидевшей себе задницы по казармам, тут никакой нет. Просто одна до смерти напуганная старушка запустила в чудовище масляной лампой. Да! Облила его горящим маслом, оно и сгорело. Всего-то и осталось, что куча пепла. Городская стража хотела было забрать старушку для допроса, спасибо, соседи выручили. Закидали их, говорят, ночными горшками...

— Пойдем, — сказал Конан, сворачивая на узенькую улочку.

— Ты понимаешь, что эта улица ведет напрямиком в Адские Врата? — Ордо заколебался.

— За нами кто-то идет. Причем от самого «Зарезанного Быка», — ответил Конан. — Я хочу выяснить, кому мы понадобились. Давай-ка сюда...

Извилистая улочка быстро сужалась. Свет с улицы Сожаления сюда уже не доходил, вскоре стих и смех, доносившийся оттуда. Зато сгустились запахи нищеты. Пахло гниющими отбросами и мочой. Мостовых тут и в помине не было. В наступившей тишине двое мужчин слышали только шуршание сапог по земле да собственное дыхание. Конан и Ордо двинулись вперед в кромешной тьме. Только иногда на

дорогу падал луч света из окна, расположенного достаточно высоко, чтобы владелец его мог чувствовать себя в относительной безопасности от грабителей.

— Говори,— сказал Конан.— Все равно что. Так что за король этот Гариан?

— Теперь он требует, чтобы я говорил,— пробурчал Ордо.— Спаси нас Бэл от...— Он тяжело вздохнул.— Ну он король. А что еще? Я как-то с королями близко не знакомлюсь. Да и ты, насколько мне известно, тоже...

— Конечно, нет. Но продолжай говорить... все равно что. Мы с тобой — двое пьяниц, у которых не хватает ума помалкивать, шляясь по Адским Вратам посреди ночи...— И с этими словами Конан шевельнул меч в ножнах. Едва заметный луч света откуда-то сверху упал на его лицо, и его глаза, казалось, замерцали в темноте, как у лесного звери. Как у хищника на охоте.

Неожиданно под ногами Ордо что-то зачавкало.

— Потроха и кости Вары! Дай-ка подумать... Гариан! По крайней мере он избавился от колдунов. Колдунов я люблю еще меньше, чем королей. Короли мне все же душевно ближе, чем колдуны.

— Ну и как же это ему удалось? — спросил Конан, но не ответ интересовал его. Он весь обратился в слух: что там сзади? Уж не камешки ли хрустнули под чьей-то ногой?..

— Да он попросту казнил всех колдунов, какие еще оставались при дворе, и сделал это чуть не через три дня после коронавания. Когда правил его отец Гефенис, колдунам во Дворце счета не было. Гариан никому не сказал, что собирается сделать. Некоторые чародеи, правда, успели под тем или иным предлогом удраить из Дворца, зато остальные... Гариан отдал приказ Золотым Леопардам после полуночи, а к рассвету все было уже кончено. Колдунов, какие оставались еще во Дворце, выволокли из кроватей и всем поотрубили головы. А Гариан сказал: кто успел смыть-

ся, вот те — настоящие колдуны. Могут за себя постоять. А кто не сумел догадаться о королевском намерении — шарлатаны и бездельники. Все имущество убитых раздали бедным, даже жителям Адских Врат. Ничего хорошего Гариан с тех пор больше не совершил...

— Занятно,— рассеянно произнес Конан. Между тем его острый взгляд внимательно ощупывал каждую тень. Впереди виднелся переулок, пересекавший их путь.

А сзади? Да! Кто-то вяпался в ту же дрянь, что испачкала сапоги Ордо, и вполголоса выражал свое недовольство.

— Давай говори дальше...— попросил Конан. Его клинок тихонько прошуршал о кожу, выползая из ножен.

Увидев, что сделал Конан, одноглазый удивленно приподнял бровь, однако потом и сам вытащил меч. Оба пошли дальше, не подавая виду, но вполне готовые дать отпор.

— Что касается проклятия,— продолжал Ордо как ни в чем не бывало,— Гефенис заболел две недели спустя после весенних посадок. И, как только он слег в постель, дожди прекратились. Видишь ли, в Офире лило как из ведра, Аквилонии грозил потоп. А в Немедии — хоть тресни! Чем ближе был Гефенис к могиле, а Гариан к трону, тем сильнее делалась засуха. Когда он взошел на трон, поля были сухи, как старая кость. Ну и урожай собрали соответствующий. Это ли не подтверждение проклятия?

Они подошли к перекрестку. Тут Конан отступил в сторону, в тень, жестом показывая Ордо идти дальше. Плотная фигура одноглазого неторопливо двинулась дальше в темноту, его голос постепенно затихал вдали.

— Так как урожая не было,— говорил Ордо,— Гариан закупил зерно в Аквилонии, ну и, конечно, увеличил пошлины, чтобы расплатиться за него. Ка-

кие-то ненормальные, разбойники то есть, начали поджигать повозки с зерном около границы. Гариан опять поднял пошлыны, чтобы нанять больше охраны для повозок, ну и купить зерна побольше, а его опять-таки жгут эти недоумки на границе. Из-за больших пошлын контрабанда сильно оживилась. Но я, как раз когда он...

Конан ждал прислушиваясь. У него мелькнула было мысль достать клинок сумасшедшего, но Конану все еще чудилось исходившее от него зло — даже сквозь плащ. Лучше прислонить его к стене за спиной... Шаги преследователя слышались все ближе. Кто-то спешил, но спешил не очень уверенно, Конан наострил уши: так и есть, за ними шел всего один человек.

Легкая фигура, закутанная в плащ, вышла на перекресток и немного помедлила в темноте, прислушиваясь к удаляющимся шагам Ордо. Конан быстро выступил вперед, и его левая рука тяжело опустилась на плечо незнакомца. С силой развернув человека, киммериец мгновенно прижал его к стене, да так, что у непрошеного гостя с шумом вырвался воздух из легких. Держа меч у горла противника, Конан протащил его по улочке, ища где посветлее. Но когда он разглядел лицо пойманного, у него рот открылся от удивления.

Это была та самая девушка, которая казалась так не к месту в «Зарезанном Быке»!

В больших карих глазах стоял страх, но девушка сумела заставить себя говорить довольно спокойно:

— Хочешь убить меня? Ну что ж, с тебя станется. Если уж ты способен предать женщину...

— О чем ты? — зарычал он. — Ты что, тоже с ворьем заодно?..

На первый взгляд трудно было в это поверить, но ему встречались вещи и похлеще.

— Еще чего! — ответила девушка. — Я — поэт. Меня зовут Ариана. Кстати, если ты все-таки не собираешься резать мне горло, так, может быть, уберешь

этот меч?.. Знаешь ли ты, что они делали там, когда я уходила? Есть какие-нибудь соображения?..

— Кром! — пробормотал Конан, несколько сбитый с толку ее неожиданным напором. Меч, однако, он опустил.

Она нарочито сглотнула и пристально уставилась на него.

— Они бросали кости, кто первым... будет с ней. Каждый хотел принять участие. А в промежутках швыряли ее друг другу и били по задку, пока он не стал похож на две спелые сливы...

— Так ты про ту беленькую! — воскликнул Конан. — Про ту беленькую воровку. Уж не хочешь ли ты сказать, что отправилась за мной в Адские Врата только затем, чтобы поведать о ее участи?..

— Я не знала, что ты идешь в Адские Врата, — ответила она сердито. — Я привыкла действовать по первому побуждению. И вообще, какое твое дело, куда я иду? Я не рабыня, уж во всяком случае не твоя. А та... бедная девушка! После того как ты отпустил ее, я подумала, что тебе стало жаль ее, что ты не такой, как все, несмотря на внешность дикаря. Но...

— Ты знала, что она воровка? — вставил Конан.

Ариане пришлось защищаться:

— Чем-то ведь надо ей жить. Я полагаю, тебе не откуда знать, как люди становятся ворами, что такое нищета и голод и что они делают с людьми. Конечно, ведь у тебя огромный меч, крепкие мускулы и...

— Заткнись! — рявкнул Конан, но тут же понизил голос и оглянулся по сторонам. В таком месте, как Адские Врата, лучше не привлекать лишнего внимания.

Когда он снова взглянул на девушку, она смотрела на него во все глаза, раскрыв рот.

— Я знаю, что такое бедность и голод, — сказал Конан спокойно. — И что значит быть вором, я тоже знаю. Все это я испытал на себе еще до того, как начал бриться.

— Мне жаль,— медленно проговорила девушка. Конан с раздражением понял, что эти слова больше относятся к его голодному детству, нежели к тому, что она тут наговорила.

— Что касается той девицы. Я дал ей возможность, она пренебрегла ею. Я же ей сказал, что удачи ей больше не будет. Так оно и было, потому что я ее поймал. Ты же сама видела.

— Наверное, мне надо было поговорить с ней,— вздохнула Ариана.

Конан покачал головой:

— Что ты за женщина? Поэтесса, говоришь. Сидишь в таверне на улице Сожаления и переживаешь за воров. Одеваешься, как целомудренная дочка лавочника, а говоришь, как знатная дама. Идешь за мной в Адские Врата, чтобы отругать.— Он басовито рассмеялся.— Вот вернется Ордо, проводим тебя обратно на улицу Сожаления, и Митра спаси шлюх и карманников от встречи с тобой!

В глазах девушки зажегся опасный огонек:

— Я действительно поэт, причем не из последних! И что тебе не нравится в том, как я одеваюсь? Ты, верно, предпочел бы, чтобы на мне были узенькие полоски шелка и я бы извивалась, как...

Конан закрыл ей рот ладонью и прислушался, затаив дыхание. Девушка смотрела на него влажными расширенными глазами. Вот снова послышался тот же звук, который и заставил его насторожиться. Шорох стали, выходящей из ножен...

Конан отшвырнул девушку подальше в темноту переулка и крутанул назад, как раз навстречу первому из преследователей. Не успел нападавший поднять клинок, как меч киммерийца перерезал ему горло.

За тем, кого сразил Конан, по пятам следовало еще трое. Первый из них споткнулся о падающее тело, потом дико завопил: клинок Конана обрушился ему между шеей и плечом. В это время откуда-то сзади раздался крик, сразу захлебнувшийся хрипом.

Услышав следом боевой клич «Рыжий Ястреб!», Конан понял, что это Ордо вступил в драку. Разбойник, оказавшийся перед Конаном, занял оборонительную позицию. Он явно нервничал, пытаясь разглядеть, что происходит позади, не спуская при этом глаз с рослого киммерийца.

Внезапно Конан закричал и повел плечами, якобы собираясь рубануть сверху вниз. Клинок противника взметнулся навстречу. Конан стремительно подался вперед, и они оказались лицом к лицу, вот только меч киммерийца на добрый фут торчал из спины нападавшего. Конан смотрел в глаза умирающему человеку. Даже в темноте он сумел разглядеть в них отчаяние и тень приближающейся смерти. Потом осталась одна только смерть. Конан вытащил свой клинок и вытер его о плащ убитого.

— Не ранен, Конан? — окликнул Ордо. Он шел к Конану переулком, впотьмах запинаясь о трупы.

— Как раз вытираю мой...— И тут поздри Конана наполнил отвратительный запах.— Кром! — вырвалось у него.— Что это?..

— Я вляпался во что-то,— мрачно пояснил Ордо.— Это меня задержало. А что там за девка?

— Я не «девка»! — возмутилась Ариана.

— Ее зовут Ариана,— сказывал Конан. И слегка поднял брови, заметив, что она прячет в складках платья кинжальчик: небольшой, но вполне пригодный для дела.— Надеюсь, ты не мне его предназначала, девочка...

— Так или иначе, он у меня был,— ответила она.— Допустим, я полагала, что против тебя он не понадобится. А кто это был? Твои друзья?

— Ворье,— фыркнул Конан.

Ордо наклонился над одним из убитых.

— Не хочешь посмотреть, Конан? Слишком уж хорошо одеты для подобного места...

— Наверное, местные богачи,— сморщил нос киммериец.— Слушай, Ордо, давай-ка проводим Ариану

на улицу Сожаления да и поищем для тебя баню. Если, конечно, ты намерен продолжить совместную выпивку...

Ордо шепотом выругался.

— Если вам все равно,— начала Ариана, потом засомневалась в чем-то и остановилась, покусывая пухлую нижнюю губу. Затем решительно кивнула.— Все будет хорошо,— заметила она будто бы про себя.— Есть тут одна гостиница, «Феста», совсем рядом с улицей Сожаления. Там можно вымыться. Вы можете даже остановиться, как мои гости, по крайней мере на ночь...

— «Феста»? — не поверил Орда.— Где это видано, чтобы гостиницу называли в честь богини музыки и всего такого прочего?..

— А вот и назвали,— ответила Ариана с некоторым вызовом.— Если вы приглашены, постель, еда и вино — бесплатно, хотя и подразумевается, что вы дадите немного денег, если сможете. Вы все поймете, когда сами увидите. Ну? Идете или так и будете вонять тут, пока не наберете две серебряные монеты на мытье в купальне?

— Почему ты зовешь нас? — спросил Конан.— Помнится, совсем недавно ты была отнюдь не так дружелюбна...

— Вы мне интересны,— просто ответила Ариана.

Ордо от этих слов тихонько захихикал. А Конан пожалел, что одноглазый так скверно пахнет: подойти бы да поддать ему как следует. Киммериец торопливо подобрал свой плащ с завернутым в него старинным мечом.

— Пора выбираться отсюда,— сказал он,— пока на шум не прибежали еще какие-нибудь подонки.

Стараясь не ступить в грязь, они поспешили прочь из Адских Врат.

Глава четвертая

Албанус резко затянул на талии пояс шитого золотом халата и с важным видом вошел в комнату, предшествующую спальне. Здесь все было устлано коврами. Золотые лампы заливали мягким светом настенные барельефы, изображавшие сцены из жизни Брагораса — полулегендарного древнего короля Немедии. Албанус претендовал на чистое и незапятнанное происхождение от знаменитого короля, причем как по отцовской линии, так и по материнской.

Вельможа с хищным лицом заходя велел слугам поднять его с постели в любое время, как только явятся Веджент и Деметр. И вот эти люди ждали его. Похоже, оба они этой ночью вовсе не спали. Накидка солдата, расшитая золотыми леопардами, была смята и пропитана потом. А у молодого человека вид был и вовсе измученный.

— Что вам удалось разузнать? — безо всяких предисловий требовательно спросил Албанус.

Деметр пожал плечами и недовольно засопел, сделав вид, что нюхает свой вечный ароматический шарик. Что до Веджента, то и ему давно не нравился резкий тон Албануса.

— Ничего! — отрезал он.— Меч исчез! По мне, и шут с ним. Нам он не нужен, а ты уже добился смерти Мелиуса, всучив ему эту штуковину. Хотя, Митра свидетель, невелика потеря...

— Откуда было мне знать, что проклятый меч сломит его разум? — вырвалось у Албануса. Ему пришлось крепко стиснуть руки, чтобы не выдать их дрожи. — Меч, — с трудом овладев собой, продолжал Албанус, — непременно должен быть найден. Еще один такой случай, как сегодня, еще один бешеный с мечом в руке — и Гариан поймет, что в Немедии снова колдуют. Хотя он и не любит волшебства, все-таки может завести у себя во Дворце одного-двух магов. Для защиты. Вы что же, воображаете, я позволю так вот запросто разрушить мои планы?

— Наши планы, — вежливо напомнил Деметр, не убирая ароматического шарика от лица.

Албанус скривил губы, что должно было означать улыбку.

— Наши планы, — согласился он. Но через мгновение даже мимолетный намек на мягкость исчез без следа. — Допрошены ли стражники, Веджент? В конце концов, это ведь они убили господина Мелиуса...

Веджент коротко кивнул головой:

— Все, кроме их старшины. Он исчез. Когда Золотые Леопарды явились в казармы с арестами, его уже там не было. Что ж, удрал, значит, виновен. Он наверняка что-то знает.

— Скорее всего, — пробормотал Деметр, — он знал, какими способами будут допрашивать...

— Если только это не он уволок с собой меч, — сказал Албанус. — Что говорили стражники на допросе?

— Не особенно много, — вздохнул Веджент. — В основном они просили пощады. Они твердят, что им было приказано остановить сумасшедшего, резавшего без разбора в Торговом районе. Когда они прибыли туда, сумасшедший дрался с дикарем, по виду северянином. Сумасшедшего они застрелили. Когда же поняли, что убили знатного господина, они испугались так, что им мигом стало не до какого-

то там меча. Они даже и дикаря не прихватили с собой!

— Так он что, остался жив? — удивился Албанус. — Должно быть, это искусный фехтовальщик!

Веджент пренебрежительно засмеялся:

— Мелиус едва ли знал, за какой конец меч держат...

— Все дело в самом мече, — возразил Албанус. — Шесть лучших фехтовальщиков были убиты ради него. Кости их горели в кузнечном горне, а кровь закаляла меч. Так мастерство людей передалось металлу...

— Веджент только и знает, что резать и рубить по-мясницки. — Голос Деметра сочился насмешливым ядом. — Что же касается истинного искусства...

Его меч вылетел из ножен в одно мгновение. Деметр слегка согнул колени и протанцевал по многоцветному пространству ковра. Меч так и сверкал в его руке, выписывая в воздухе замысловатые фигуры.

— Такая забава, может, и хороша для поединков до первой крови, как это принято между знатными господами, — язвительно заметил Веджент. — В бою, когда жизнь твоя висит на кончике меча, этого мало.

— Хватит! — рявкнул Албанус. — Ну! Вы, оба! — Он перевел дух. Когда-нибудь он позволит им сразиться и позабавится их поединком... а победителя потом посадит на кол. Но теперь — не время. Тридцать лет упорного труда! Тридцать лет унижительного страха!.. Потрачено слишком много времени и усилий, чтобы сейчас все это рухнуло. — Взять меч мог и дикарь, — сказал Албанус. — Найдите его! Отыщите меч во что бы то ни стало!

— Я уже кое-что начал, — самодовольно сказал солдат. Квадратная челюсть от важности стала еще заметнее. — Я сообщил Тэрасу. Он должен был послать шпионов всю ночь шнырять по переулкам...

— Хорошо.— Албанус потерял руки. Звук был как от шуршащего пергамента.— А ты, Деметр? Что делал ты, чтобы отыскать меч?

— Задавал тысячи вопросов,— вяло ответил юный вельможа.— Повсюду, от улицы Сожаления до дома Тысячи Орхидей. Но ничего не узнал. Если бы Веджент додумался рассказать мне о варваре, поиски были бы проще...

Веджент, самодовольно улыбаясь, разглядывал свои ногти.

— Кому придет в голову искать тебя в доме Тысячи Орхидей? Своих клиентов они снабжают только женщинами...

Деметр со стуком швырнул меч обратно в ножны, и было видно, что он мысленно вонзал его в сердце солдата. Однако рот открыть он так и не успел. Албанус опередил его:

— Нет времени для перепалок! Найдите меч! Украдите, купите — мне все равно. Но достаньте его! И чтоб тихо, без шума...

— А что, если владелец обнаружил свойства меча? — спросил Деметр.

— Тогда убейте его,— равнодушно сказал Албанус.— Или ее.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Еще одно,— спохватился Веджент.— Тэрас хочет видеть тебя.

Албанус вновь повернулся к ним лицом, глаза жесткие, как два черных камня.

— Этот мерзавец осмеливается? Да он камни мостовых лизать должен за то золото, что ему заплатили...

— Он боится,— сказал Веджент.— Он и некоторые другие, кто хоть как-то представляет себе, что они на самом деле делают. Я могу запугать их. Но даже золото не вправит им мозги, пока они не увидят тебя и не услышат лично от тебя, что все будет именно так, как ты говорил.

— Разрази их Митра! — Албанус перевел глаза на барельеф. Неужели и Брагорасу доводилось иметь дело с такими людьми?.. — Хорошо. Соберите их для встречи в каком-нибудь неприметном месте.

— Будет сделано,— ответил солдат. Неожиданно Албанус улыбнулся. Они впервые видели, чтобы он так искренне улыбался.

— Когда я взойду на трон, я велю содрать кожу живьем с Тэраса и всей его шайки на площади Королей. Добрый правитель должен защитить своих подданных от таких, как он.— И Албанус засмеялся коротким лающим смехом.— Теперь уходите. А когда вернетесь, чтобы доложили мне об успехе.

И он удалился точно так же, как и вошел,— без каких-либо церемоний. Он больше не считал для себя необходимым соблюдать правила приличия, принятые между обычными смертными. В любом случае эти двое — глупцы. Не могут понять, что он не делает никакой разницы между ними и Тэрасом. Когда все будет кончено, он и с ними разделается так же жестоко. Ведь если они предали одного короля, смогут предать и другого...

Вернувшись в тускло освещенную спальню, Албанус неторопливо подошел к большой квадратной пластине прозрачного хрусталя, подвешенной на стене. Тонкий кристалл ничем не был украшен, только по внешним краям его сохранились странные отметки, расположенные в прозрачной толще кристалла. Сейчас их почти не было видно: спальня освещалась всего одной маленькой лампой на золотом треножнике. Но Албанус много раз пользовался кристаллом, и его пальцы безошибочно дотрагивались до отметок, соблюдая нужную последовательность. При этом он нараспев произносил какие-то слова на языке, умершем тысячелетия назад.

Вот Албанус убрал палец с последней отметки. Кристалл потемнел и стал серебристо-синим. Потом в нем постепенно стало проявляться изображение.

Было видно, как люди ходили и разговаривали, жестикулируя. Вот только не было слышно ни единого звука. Албанус уставился на изображение Гариана. Вероятно, сказал он себе, король считает себя в безопасности, находясь в Королевском Дворце. Вон, обсуждает что-то с советниками, которым больше всего доверяет, — длиннорылым Сульпицием и лысым Малариком...

Видно было, что король высокого роста, с широким подбородком и хорошо развитыми мускулами. Таким его сделала юность, проведенная в боевых походах. Теперь он начинал понемногу обрастать благополучным жирком — результат полугодового пребывания на троне. Темные, глубоко посаженные глаза смотрели уже не так открыто, как бывало раньше. Да, исполнение королевских обязанностей не прошло для него бесследно...

Пальцы Албануса вновь легко заскользили по поверхности кристалла. Лицо Гариана увеличилось и заняло почти всю поверхность.

— Почему ты делаешь это так часто? — прозвучал голос с атласных подушек, раскиданных на постели Албануса: оттуда за ним наблюдала блондинка с кошачьими сапфировыми глазами. Она томно потянулась: ее кожа переливалась, точно смазанная медом слоновая кость, а ноги, длинные ноги танцовщицы, казались еще длиннее, так как носки она вытянула. Роскошная грудь приподнялась, когда женщина гибко выгнула спину. Албанус почувствовал комок в горле.

— Что же ты не отвечаешь? — самым невинным тоном спросила женщина.

Сука, подумал он.

— Я хочу, Сулария, чтобы он некоторым образом присутствовал при том, как его любовница извивается и стонет.

— И это все, что я для тебя значу? — спросила она, на сей раз с известной хрипотцой; ее голос обво-

лакивал Албануса, как теплое масло. — Только оружие мести Гариану?

— Да! — ответил он беспощадно. — И если бы у него была жена или дочь, тебе пришлось бы чередоваться здесь с ними!

Женщина подняла глаза, рассматривая кристалл и лицо, видневшееся в нем.

— У него нет времени даже для любовницы, не говоря уже о жене. Да, ты в ответе за многие несчастья, которые занимают его время. А что скажут твои сообщники, если узнают, что ты рискнул соблазнить любовницу короля?

— Что значит — «рискнул»? — В его лице и голосе была угроза. — Или ты вздумала меня страшить?

Она повернулась на подушках и посмотрела на него. При этом легла так, чтобы пышная округлость бедер выгодно подчеркивала тонкую талию.

— Нет, — сказала она тихо. — Я хочу только служить тебе.

— Почему? — настаивал он. — Сначала я хотел, лишь чтобы ты приходила на мое ложе. Ты сама вызвалась шпионить во Дворце; на коленях у моих ног ты напештывала мне, кто что сделал и кто что сказал. Почему?

— Власть, — выдохнула она. — Я способна чувствовать власть в человеке... чувствовать, кому будет принадлежать власть. Такой человек притягивает меня, как огонь мотылька. И я чувствую в тебе власть гораздо больше, чем в Гариане...

— Ты чувствуешь власть. — Он прикрыл глаза веками и далее говорил почти про себя: — Я тоже чувствую в себе власть. Это всегда было так — я знал, что она во мне. Я рожден, чтобы стать королем и сделать Немедию империей. И ты первая, кто понял это. Скоро люди выйдут на улицы Бельверуса и с мечами в руках потребуют, чтобы Гариан отрекся в мою пользу. Очень скоро! В этот день я сделаю тебя знатной дамой, Сулария. «Госпожа Сулария», а?

— Я благодарю тебя, о мой государь...

Он вдруг решительно расстегнул халат и сбросил его, повернувшись так, чтобы человеку в кристалле, если бы он на самом деле мог видеть оттуда, хорошо была видна кровать.

— Иди же сюда и окажи почести своему королю! — приказал он.

Рот Суларии приоткрылся во влажной улыбке. Она поползла к нему на коленях...

Глава пятая

Когда на следующее утро Конан спустился в общую комнату гостиницы «Феста», ему снова показалось, что он попал на сборище людей немного чокнутых. Две лиры, четыре цитры, три флейты да еще шесть арф, от большой до маленькой, звучали одновременно. Только вот музыканты сидели в разных концах комнаты и играли каждый свое.

Один человек декламировал стихи. Он очень старался, помогал себе руками, как будто перед ним был богатый заказчик. Увы, он обращался к стене... Вокруг большого стола, уставленного глиняными фигурками, собралось около дюжины мужчин и женщин. Стараясь перекричать музыку, они пытались объяснить друг другу ошибки, допущенные при лепке. Три человека у подножия лестницы тоже кричали что-то, причем одновременно. Что-то насчет того, когда нравственно недопустимое действие необходимо совершать из нравственных же соображений. По крайней мере так показалось Конану. Да, в этой комнате полно было молодых людей — всем было только за двадцать, — и все что-то кричали. Не одно, так другое.

Вчера вечером Конану и Ордо оказали здесь, можно сказать, радушный прием. В гостинице тогда было не больше двух десятков человек. Если только это вообще была гостиница. Конан уже в этом готов был усомниться. Орава, сидевшая в общей комнате, пали-

лась на них с Ордо так, будто Ариана привела в дом двух бритунийских медведей. Вообще говоря, примерно так они и выглядели среди этих юнцов, из которых лишь несколько носили на поясах ножи, да и то коротенькие, только мясо резать.

Ордо сразу вышел, чтобы помыться. Для этой цели в маленьком грязном дворике стояли деревянные корыта. Да уж, это вам не мраморные дворцы чистоты для богатых бездельников, хотя и такие в городе были. Пока Ордо мылся, странные молодые люди окружили Конана, и все просили его рассказать что-нибудь. При этом, если кружке Конана начинала грозить засуха, в нее тут же подливали дешевого вина. Когда же вернулся Ордо, они надели с тем же и на него. В результате Конан и Ордо, соперничая друг с другом, далеко за полночь толкали истории одна удивительнее другой.

Необычные молодые люди — иные из них представились художниками, другие — музыкантами, а третьи — философами — слушали их с Ордо, как пришельцев из другого мира. Те, что именovali себя философами, часто вставляли замечания более чем странного свойства. Конан не понял ни одного. Правда, через некоторое время до киммерийца дошло, что и все остальные понимали не больше. За каждым таким высказыванием какого-нибудь философа следовало мгновение тишины, причем все в нерешительности смотрели на говорившего, стараясь угадать, что следовало делать: торжественно поддакнуть в восхищении премудростью или хохотать, радуясь удачной шутке. Раз два Конан заподозрил, что над ним смеются, но ничего по этому поводу не предпринял. Не убивать же человека, если не вполне уверен в его вине...

У подножия лестницы Конан протиснулся мимо философов — никто из троих не обратил на него внимания, — а в следующий миг буквально остолбенел.

В углу комнаты, на столе, стояла Ариана. Обнаженная!!! Между прочим, фигурка у нее оказалась легкой и стройной, и тем приятнее было смотреть на округлости груди и бедер...

Конан быстро сбросил с плеч плащ — волнистый клинок сейчас был надежно спрятан в крошечной комнате, предоставленной Конану на ночь, — а потом решительно пересек комнату и протянул плащ Ариане.

— Возьми, девочка. Честное слово, такие занятия не для тебя, — сказал он. — А если тебе деньги нужны, так у меня хватит, чтобы нам обоим какое-то время кормиться...

Несколько мгновений Ариана стояла по-прежнему неподвижно, спокойно подбоченившись, и смотрела на него сверху вниз, не в силах понять, что происходит.

А потом вдруг откинула голову и звонко расхохоталась.

Потрясенный Конан почувствовал, как лицо налируется кровью: не очень-то ему нравилось, когда над ним смеются. Ариана сейчас же опустилась на колени, не слезая, впрочем, со стола, на лице было написано раскаяние. Конан же мигом взмок: прекрасная грудь Арианы оказалась в двух вершках от его лица.

— Прости меня, Конан, — сказала она тихо, во всяком случае за общим шумом никто, кроме него, не услышал. — Кажется, я никогда и не слышала слов благородней. Зря я посмеялась...

— Если тебе так уж охота покрасоваться нагишом, — ответил он сердито, — почему бы тебе не пойти в какую-нибудь таверну? Там за это хоть платят...

— Видишь вон тех людей? — указала она на трех мужчин и двух женщин, сидевших за столом. У каждого был кусок пергамента, прикрепленный к доске, и угольный карандаш. Все они нетерпеливо поглядывали на девушку и на Конана. — Я позирую им, —

продолжала Ариана.— У них нет денег нанять кого-нибудь, вот я и делаю им одолжение.

— У всех на виду? — недоверчиво поинтересовался он.

— У нас мало места,— отчасти забавляясь, объяснила она Конану.— Кроме того, все тут так или иначе люди искусства, они не обращают внимания.

Глядя на ее точеное тело, он мог биться об заклад с кем угодно, что это не так. Но он только сказал:

— По мне, ты можешь делать то, что считаешь нужным.

— Вот и правильно.

Ариана сделала знак рукой людям, ожидавшим ее, и спрыгнула со стола. Ее тело в движении было еще обольстительнее, чем во время позирования. Конан испытывал просто невыносимые муки. Уж скорее бы, что ли, она кончила скакать тут в таком виде и накинула хоть что-нибудь!.. Ему едва хватило выдержки, чтобы тут же не перекинуть ее через плечо и не унести в свою комнату. Потом он заметил, как в глазах Арианы зажглись огоньки, а на щеках проступил легкий румянец.

Ока отлично знала, какое впечатление произвела.

Ариана проворно взяла у него плащ и целомудренно завернулась в него.

— А сейчас я хочу выпить немного вина. С тобой...

Конан оглядел ее в плаще и вопросительно поднял бровь. Ариана ответила со смешком:

— Там, на столе, это по-другому: я позирую. А раз уж спустилась, то я просто голая. Пойдем, вон столик освобождается.

Она быстро пошла вперед, он следом за ней, удивляясь непостижимой разнице между «на столе» и «на полу». Что за существа эти женщины? Разве их поймешь когда-нибудь?.. Как только он уселся на табуретку напротив Арианы, кто-то сразу поставил на грубо сколоченный маленький столик глиняный

кувшин с вином и две помятые металлические кружки.

Конан по привычке полез в кошелек, но никого рядом уже не было.

Он покачал головой:

— Первый раз вижу таверну, где не требуют денег вперед...

— Неужели никто тебе не объяснил вчера? — засмеялась она.

— Может, и объясняли. Но вчера было столько вина...

— А что, ты и правда совершил все то, про что рассказывал? — Ариана с интересом наклонилась к нему через стол. Верх плаща разошелся, и было видно начало прекрасных округлых линий, уходящих под ткань. Конан отметил про себя, что даже это небольшое ласкает взгляд несколько не менее, чем общая картина, которую он только что созерцал. Интересно, она что, нарочно?..

— Ну почти все,— уклончиво ответил он. По правде говоря, он просто не помнил, что именно они с Ордо вчера им задвигали. Кажется, действительно было слишком много вина. Конан наполнил кружки.

— Я так и думала,— заметила Ариана с удовольствием.— Что касается денег, просто дай сколько можешь. Так делают все, кто живет здесь, хотя те, кто приходит только днем, иногда и вовсе не платят. Некоторых из нас снабжают наши семьи, и, конечно, мы все вкладываем сюда. Наши родственники не одобряют такое житье, зато радуются хотя бы тому, что мы не торчим дома: от нас им одни неприятности. То, что остается, мы тратим на хлеб и соль для голодных жителей в Адских Вратах. Конечно, этого мало,— тут она вздохнула,— но голодному дорога каждая крошка...

— Значит, кое у кого из этих людей есть богатые родственники? И они дают им деньги? — спросил Конан, недоверчиво оглядываясь по сторонам. Но тут

же сообразил, что сама Ариана говорит как образованная женщина.

— Мой отец — знатный человек, — сказала она виновато. В ее устах это прозвучало, словно признание в преступлении.

— Тогда почему ты живешь здесь, рядом с Адскими Вратами, и позируешь на столе голая? Ты что, не можешь писать свои стихи, сидя в отцовском дворце?

— Ах, Конан, — вздохнула она, — неужели ты не понимаешь, что это несправедливо, когда знатные господа утопают в золоте, в то время как нищие голодают в своих лачугах?

— Может, это и так, — ответил Конан, — но лично я все-таки люблю золото... хотя в достатке его у меня никогда не бывало. Что же касается бедных... Если бы я был богатым, то, насколько я себя знаю, сумел бы набить доброй едой не одно голодное брюхо...

— Какого еще ответа можно ждать от подобного типа? — сказал, подставляя себе табуретку, какой-то долговязый мужчина. На его длинном лице словно бы лежала печать постоянного недовольства. Хмурый вид усугублялся густыми бровями, сросшимися на переносице.

Он сгреб кружку Арианы и мигом выхлебал половину. Конан наконец вспомнил его. Вчера этот мужчина назвался скульптором и только и делал, что лапал Ариану. Она, казалась, не обращала внимания на его вольности, но кружку назад забрала довольно-таки сердито.

— Это честный ответ, Стефано, — сказала Ариана. Стефано только фыркнул. — Он щедрый человек, Стефано, — продолжала девушка. — И, я думаю, он остался бы таким же, если бы разбогател. — Она прямо посмотрела Конану в глаза. — Но неужели ты не видишь, что одной щедрости недостаточно? В Адских Вратах живут люди, которым не хватает денег на кусок хлеба, а знать сидит себе спокойно в роскошных домах, да и купцы знай богатеют день ото дня.

Гариан — несправедливый король. Всем понятно, что нужно сделать...

— Ариана! — резко перебил Стефано. — Это опасная тема. Держи лучше язык за зубами.

— А по какому это праву ты меня учишь? — с каждым словом девушка горячилась все больше. — Что бы ни было между нами, ты не имеешь права распоряжаться мной! Я не твоя вещь!

— Я и не говорю, что ты моя вещь, — отвечал он, вспыхивая в ответ. — Я только хочу, чтобы ты хоть немного слушалась меня. Не говори так с незнакомцами!

Ариана презрительно вскинула великолепную голову, большие карие глаза смотрели холодно:

— Стефано, а ты уверен, что не ревнуешь? Может, просто хочешь избавиться от соперниками?

Скульптор моментально залился краской до корней волос.

— Может, он и вправду чужак, — беспощадно продолжала Ариана, — но он именно тот человек, какого мы ищем. Воин. Или ты думаешь, я не слышала, как Тэрас сотни раз об этом с тобой заговаривал? Нам необходимо иметь бойцов, если мы...

— Милосердный Митра! — простонал Стефано. — Ну никакой в тебе осторожности, Ариана! Это же северный варвар, он, скорее всего, и отца-то своего не знал, а уж за серебряную монету и честь и душу продаст. Попридержи язык, говорю!

Левой рукой Конан вытянул меч из ножен, не полностью, но так, чтобы часть клинка у рукоятки была видна над столом.

— Когда я был еще мальчиком, — проговорил он ровным голосом, — я видел, как с мечом в руке пал мой отец. Этим самым мечом я потом сразил убийцу отца. Ну что, продолжим разговор?

Стефано таращился на меч во все глаза. Хмурого, презрительного вида как не бывало. Прерывисто дыша, он облизнул пересохшие губы.

— Ты видишь, Ариана? Теперь ты видишь, что это за человек? — Он встал из-за стола, со скрежетом отодвинув табуретку. — Пойдем со мной, Ариана! Сейчас же оставь его!

Вместо ответа она протянула Конану свою кружку.

— Нельзя ли еще вина?

Она даже не посмотрела на Стефано, вообще отказываясь его замечать. Конан наполнил ее кружку, и Ариана выпила.

Стефано в нерешительности смотрел на нее, потом начал пятиться назад.

— Попридержи язык! — закончил он свистящим шепотом и ринулся прочь, едва не налетев в спешке на соседний столик.

— Ну что, придержишь язык? — спокойно спросил Конан.

Некоторое время Ариана молча разглядывала вино.

— Судя по твоим рассказам, твой меч, похоже, всегда чует, где больше золота. Ты всегда выбираешь того, кто может больше заплатить?

— Нет, — сказал он. — Мне случалось отказываться от золота, чтобы только не вляпаться в какое-нибудь дерьмо. — Он вздохнул и добавил честно: — Хотя и в самом деле люблю золотишко...

Ариана запахнула плащ поплотнее и встала.

— Может быть... Может быть, мы поговорим об этом позже. Меня ждут, чтобы закончить рисунок.

— Ариана, — начал он, но она перебила:

— Стефано думает, что у него есть какие-то права на меня... — и закончила коротко: — У него их нет.

И ушла так же стремительно, как и Стефано.

Конан допил вино, бормоча проклятия. Потом повернулся и увидел, как Ариана сбрасывает плащ и встает на стол, чтобы продолжать позирование. Через некоторое время глаза их встретились, но Ариана туг же отвела взгляд. Вскоре, однако, она не выдержала и снова посмотрела на него, но только на мгновение.

Грудь ее волновалась в такт неровному дыханию, а лицо ярче и ярче разгоралось румянцем. Наконец она тихонько вскрикнула, соскочила вниз и схватила отделанный мехом плащ, стараясь не смотреть на Конана. Пробираясь между столиками, она снова вернулась в его плащ — и только пятки засверкали вверх по лестнице.

Наливая себе еще вина из глиняного кувшина, киммериец самодовольно улыбнулся. Может, не все еще так плохо...

Напротив Конана на табуретку опустился Ордо. Его единственный глаз смотрел угрюмо.

— Слышал ты, о чем говорят здесь? — тихо спросил он. — Случись поблизости хоть один стражник, уже завтра кто-то надевал бы на пики отрубленные головы и под каждой вешал табличку: за вольнодумство...

Конан незаметно повел глазами, высматривая, не подслушивает ли их кто-нибудь, и спросил:

— А может быть, за мятежные помыслы?

— Эти-то? — Одноглазый насмешливо фыркнул. — Да уж топали бы прямо на плаху и просили палача, чтобы головы им поотрубал. И, заметь, не потому, что город не готов к волнениям, нет. Но мятежники из них, как из младенцев, сосущих сладкую соску...

— А вдруг у них деньги есть? Золото, чтобы нанять воинов?

Пока Конан говорил, Ордо успел отпить глоток вина, но при этих словах подавился:

— Да ты что! Откуда им взять золото? Если бы хоть у одного из них был благодетель, можешь ставить что угодно, такой не стал бы жить на окраине Адских Врат.

— Отец Арианы — знатный господин, — спокойно сказал Конан. — Она говорила, у некоторых других тоже есть богатые родственники.

Одноглазый проговорил, осторожно выбирая слова:

— Ты хочешь сказать, они действительно готовят восстание? Или думают, что готовят?

— Стефано и Ариана чуть ли не прямо мне выложили...

— Тогда давай лучше сматывать удочки. Может, у этих ребят и есть таланты, но только не по части восстаний. Подумай сам: вчера с тобой познакомились, а сегодня уже выкладывают все как есть! Да будет тебе известно, наши головы тоже запросто могут оказаться на пиках...

Конан медленно покачал головой. Хотя на первый взгляд все выглядело именно так, как говорил Ордо. Он сказал только:

— Мне нравится здесь.

— Тебе нравится круглозадая поэтесса, и все,— свирепо зарычал Ордо.— Знаю я тебя: сдохнешь из-за хорошенькой женщины. Вспомни, козел, слепого провидца!

— Ты же вроде считал, что он рехнулся от старости,— засмеялся киммериец.— Давай-ка выпьем, Ордо. Хватит волноваться! Поговорим лучше о нашем Свободном Отряде.

— О чем говорить, пока у нас нет золота,— угрюмо пробурчал Ордо.

— Золото я найду,— ответил Конан с большей уверенностью, чем чувствовал на самом деле. Никаких соображений о том, где бы его достать, у него не было. Все-таки не следует упускать из виду намеченную цель. Сейчас на такие отряды есть спрос, а если промедлить, вполне может статься, что все, кому по карману телохранители, уже наймут охрану...— Я найду золото,— повторил он.— Так ты говоришь, мы можем... э-э-э... одолжить оружие из хранилищ твоей шайки? А в дело оно годится? Видел я кольчуги, провезенные контрабандой,— так они были до того изъедены ржавчиной, что разваливались от хорошего дождя. Да и мечи попадались — до первого удара...

— Нет, киммериец. Эти — хорошего качества, и выбор богатый. Да в этих хранилищах лежат все мечи, что на свете есть! Вендийские тульвары, шемширы из Иранистана, коринфийские махайры... Ну все, что только душе угодно! Каких по полсотни, каких по сто штук. На пять тысяч человек хватит!

— Неужели так много?— пробормотал Конан.— Что же это они столько набрали и держат по складам Хранить мечи! Какой с этого навар?

— Я только перевожу то, что указывают, от границы до Бельверуса. Мне платят за это золотом. А дальше — хоть трава не расти, лишь бы мой кошелек толстел после каждого путешествия.— Ордо опрокинул кувшин над кружкой, оттуда вытекло тишь несколько капель.— Вина! — рявкнул он. Громовой призыв прозвучал так неожиданно, что в комнате наступила грозовая тишина.

Все повернулись и уставились на двоих великанов.

Стройная девушка, в таком же платье, как у Арианы,— от шеи до самых щиколоток,— нерешительно подошла к ним и поставила на стол еще один глиняный кувшин. Ордо порылся в поясном кошельке и бросил ей серебряную монету.

— Сдачу возьми себе, детка,— сказал Ордо...

Девушка изумленно уставилась на монету, потом с облегчением рассмеялась и, удаляясь, присела перед ними в насмешливом глубоком поклоне. Разговор за соседними столиками постепенно возобновился.

Музыканты ударили по струнам, а поэт вновь заговорил со стеной.

— М-м-м, симпатичные здесь служаночки,— пробормотал Ордо, наполняя мятую металлическую кружку,— только одеваются, точно храмовые девственницы. Конан спрятал улыбку. Одноглазый крепко выпил вчера вечером. Что же, скоро он выяснит, что за вино

платить вовсе не обязательно. А пока пусть внесет деньги за себя и за него.

— Посуди сам, Ордо,— сказал он.— Кто еще мог собрать такое разношерстное оружие, как не подобные нескладехи художники?

— Что, опять ты о своем? — проворчал Ордо.— Ну для начала, кто бы там ни управлял шайкой, ему совсем не нужно свержение Гариана. Дурацкие пошрины, может, и вынимают у бедных кусок изо рта, зато контрабандистам — раздолье. А во-вторых... Лицо его потемнело, на нем резче стал виден бледный шрам, уходивший под повязку.— Мы ведь уже были с тобой однажды в точно такой переделке. Неужели забыл, как мы удирали к вендийской границе, а палачи наступали нам на пятки? Еле ноги унесли...

— Я не забыл...— ответил Конан.— Я, кстати, об участии в восстании и не заговаривал.

— Ну да, не заговаривал. Зато всю обмозговывал,— проворчал Ордо.— Тобой управляют высокие чувства, дурак. Всегда был таким и таким, видно, помрешь. Камни Ханумана, приятель! Меня ты в такие дела больше не втянешь! Подумай лучше о золоте для нашего Свободного Отряда!

— О золоте-то как раз я все время и думаю,— ответил Конан.— Может, даже больше, чем надо, думаю...

Ордо простонал что-то невнятное, но Конану не пришлось больше оправдываться; к ним подошла стройная девушка, та самая, что подавала вино. Склонив голову, она наградила Конана взглядом наполовину застенчивым, наполовину приглашающим. Киммерийцу стало жарко.

— Как тебя зовут, детка? — спросил Ордо.— Э, да ты просто лакомый кусочек! Слушай, вылезай-ка из этого хлопкового мешка, укрась себя клочком шелка — и в любой таверне Бельверуса тебя с руками оторвут!

В ответ девушка весело рассмеялась, рассыпав по плечам шелковистые каштановые кудри.

— Спасибо, добрый господин, и за приветное слово, и за щедрый вклад...— Ордо нахмурился, ничего не понимая, а девушка продолжала: — Меня зовут Керина.— Взгляд прекрасных карих глаз скользил по Конану, как ласкающая рука.— А ты, судя по несравненным плечам, и есть тот самый Конан, о котором говорила Ариана. Я пока работаю в глине, но надеюсь, что когда-нибудь мои работы отольют в бронзе. Не согласишься ли ты позировать мне? Денег у меня нет, но, может быть...— Ее рот приоткрылся, пухлая нижняя губа слегка оттопырилась, а глаза не оставляли сомнений, какого свойства договор она хотела бы заключить с могучим варваром.

После слова «позировать» Конан больше уже ничего не слышал. Перед глазами встала яркая картина: Ариана, позирующая на столе. Он почувствовал, как прилила к лицу кровь. Нет, не может быть, чтобы она имела в виду... Неужели она хочет...

Он с трудом сглотнул, потом кашлянул, прочищая горло:

— Ты говорила об Ариане. Она что-то просила передать мне?

— И почему только она первой положила на тебя глаз? — вздохнула Керина.— Да, она велела кое-что тебе передать. Она ждет тебя в твоей комнате. Говорит, хочет сообщить что-то очень важное...— закончила Керина с легкой ухмылкой.

Конан со скрежетом отодвинул табурет.

— Эй, девушка! — позвал Ордо.— Как там насчет позирования? Не знаю, что это такое, но, может, и я пригожусь?

Керина немедленно присела на освободившийся табурет...

Шагая через общую комнату, Конан каждый миг ждал возмущенного вопля Ордо, но, оглянувшись у

подножия лестницы, он увидел, как одноглазый неторопливо кивает головой, а на роже его сияет довольная усмешка. Конан рассмеялся и побежал вверх по ступенькам. Похоже, его друг недаром потратил серебряную монету...

Наверху был длинный коридор с грубо сколоченными дверями направо и налево. Перегородки разделяли большие комнаты, которые здесь были когда-то, на множество маленьких. Когда Конан открыл дощатую дверь своей комнаты, Ариана стояла под маленьким окном, прорубленным высоко в стене. Ее тело все так же плотно облегал плащ варвара, сжатые кулачки виднелись у подбородка. Конан закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Виднелись у подбородка.

— Я позирую, — начала она без предисловий. Глаза Арианы так и сверкали, только вот какое чувство было в них? Конан не мог толком понять. — Я позирую для моих друзей, которые не могут нанять натурщиц. Я делаю это часто и раньше никогда не смущалась. До сегодняшнего дня...

— Я просто смотрел на тебя, — спокойно ответил Конан.

— Просто смотрел... — Она то ли засмеялась, то ли вскрикнула. — Ты смотрел на меня, а я чувствовала себя одной из тех девиц, что извивались в «Зарезанном Быке» под флейту на потеху мужикам, пускающим слюни. Ослепи тебя Митра! Как ты посмел?..

— Ты — женщина, — сказал он. — Я просто смотрел на тебя, как мужчина на женщину.

Ариана закрыла глаза и стала говорить, обращаясь к потрескавшемуся потолку:

— О, Матерь наша Хама, почему меня сводит с ума неотесанный варвар, у которого все мозги — в мече? — Довольная улыбка расплылась на лице Конана, но тут же исчезла, развеянная яростной вспышкой больших карих глаз. — Мужчина может иметь

столько женщин, сколько захочет, — продолжала она горячо. — Почему мне предоставлена меньшая свобода? Не признаю! Я сама выбираю себе мужчину и заявляю, что другого не будет, пока мы не расстанемся, и это мое дело! Можешь ты принять меня такой, какая я есть?

— Неужели мать никогда не объясняла тебе, что задавать этот вопрос — удел мужчины? — засмеялся он.

— Митра разрази твое сердце! — рассердилась она. — Чего ради я теряю время? — Гордо выпрямившись, она пошла к двери, и от резкого движения плащ распахнулся.

Конан протянул мускулистую руку и обнял Ариану за талию под плащом. Она успела протестующе пискнуть, но и только. Конан подхватил ее. Плащ свалился на пол, а нежная грудь прижалась к его широкой груди.

— Ну что, останешься со мной, Ариана? — спросил он, глядя в ее широко открытые, наполовину испуганные глаза.

И, не дожидаясь ответа, Конан запустил свободную руку в спутавшиеся на затылке волосы Арианы и прижал свои губы к ее губам. Она била его по плечам маленькими кулачками, но только расшибла себе руки. Она изо всех сил брыкалась, но бесполезно. Постепенно, однако, бешеное сопротивление утихло, а потом она попросту довольно замурлыкала. Конан отпустил ее волосы. Задыхаясь, она без сил поникла головой на его грудь.

— Почему ты передумал? — выговорила она через некоторое время.

— Я не передумывал, — ответил он. Она посмотрела на него снизу вверх с удивлением. Он улыбнулся: — Сначала спрашивала ты. Теперь моя очередь задавать вопросы.

Она рассмеялась чуть хрипло и откинула назад голову.

— Матерь наша Хама! — воскликнула она. — Неужели я никогда не пойму этих непостижимых созданий — мужчин?

Конан осторожно уложил Ариану на циновку. И долгое, долгое время лишь звуки, порожденные страстью, слетали с ее губ...

Глава шестая

В это утро улица Сожаления вполне подходила настроению Конана. Вся мостовая была усыпана пестрыми остатками вчерашнего разгульного веселья; изредка можно было увидеть человека, ковылявшего домой, — мутные глаза, опустошенное лицо... Конан шел, отшвыривая мусор с дороги. Бродячие собаки, рывшиеся в отходах, рычали и огрызались на него, и могучий варвар не менее свирепо рычал в ответ.

Уже десять ночей наслаждался Конан объятиями Арианы в гостинице «Феста». Нежная пылкость девушки и утоляла его страсть, и одновременно разжигала ее. Стефано заливал ревность вином, но, памятуя о том, каков этот варвар в гневе, держал язык за зубами. Ордо, полностью покоренный стройной Кериной, даже перенес в «Фесту» свои пожитки из гостиницы, что была за три улицы отсюда. Вечерами Конан и Ордо состязались во вранье, попивая вино, пока очарование Арианы и Керины не разлучало их. Так проходили ночи.

Днем же все было иначе.

Услышав торопливо приближавшиеся шаги, Конан остановился подождать, и дальше они с Ордо шли уже вместе.

— Опять не везет, да? — спросил одноглазый, взглянув в лицо киммерийцу.

Конан коротко кивнул:

— Когда я наcostылял по шее всем троем телохранителям, что служат сейчас господину Эранису, он предложил мне три золотые монеты и еще две за каждые десять дней с тем, чтобы я был их начальником.

— Ничего себе, не везет! — воскликнул Ордо. — Обычно телохранителям платят в два раза меньше. Меня так и подмывает бросить контрабанду. По крайней мере будем в безопасности от плахи и палача...

— Но я должен в присутствии правителей города дать клятву верности не оставлять службу два года.

— А-а, вот как...

Конан с силой ударил кулаком правой руки по левой ладони. Звук был, будто палкой треснули по натянутой коже. Пьяница, плетущийся домой, от неожиданности подскочил на целый фут и, не устояв, шлепнулся в лужу блевотины. Варвар даже не заметил. — И вот так везде, — проворчал он сквозь зубы. — Будь ты хоть в Свободном Отряде, хоть сам по себе. Без клятвы верности к ним и не суйся! К тому же многие требуют три года, если не все пять...

— Знаешь, раньше, когда клятв не брали, — задумчиво сказал Ордо, — некоторые меняли хозяев через день, получая каждый раз на серебряную монету больше. Послушай! А почему бы не послужить тому, кто предлагает больше всего золота? Хоть этому, как его, Эранису. Хорошая плата обеспечена, а если тебе понадобится уйти, но он не будет отпускать, возьми да просто исчезни. Клятва, которая делает человека рабом, — да какая она, к дьяволам, клятва?

— Ну и придется исчезать из Бельверуса, а может, и вообще из Немедии. — Сказав это, киммериец какое-то время молчал, только яростно пинал на ходу битые глиняные кувшины и грязные лохмотья брошенной одежды — прочь с дороги! Наконец он произнес: — Сначала это были только слова, Ордо, ну об

этом Свободном Отряде со мной во главе. Теперь — не только. Я решил не наниматься на службу, пока у меня не будет своего Свободного Отряда!

— Неужели тебе это так важно? — недоверчиво спросил Ордо. Он едва увернулся от помоев, вылитых из окна второго этажа, послал цветистое проклятие тому, кто выливал, но никого, конечно, в окне уже не было.

— Представь себе — да, — сказал Конан, не обращая внимания на причитания Ордо по поводу забрызганных помоями сапог. — В конце концов, — продолжал варвар, — главное, что есть у человека, — это он сам. Только крепость его руки, держащей меч. Но для того, чтобы возвыситься, чтобы оставить в мире свой след, надо стать вождем. Я был вором, однако возглавил же туранское войско, и у меня неплохо получалось! Я не знаю, какие взлеты мне еще суждены и как далеко ведет дорога, по которой я иду, но я хочу достигнуть всего, на что способен мой ум и добрый меч. У меня будет свой Свободный Отряд!

— Когда он у тебя будет, — сухо заметил одноглазый, — не забудь взять с молодых клятву верности.

И они повернули на улицу, что вела к гостинице «Феста».

Пока Конан смеялся, неизвестно откуда появились три человека с мечами в руках и перегородили узкую улочку. Топот сапог за спиной заставил Конана быстро оглянуться через плечо: еще двое вооруженных громил отрезали путь к отступлению. Меч киммерийца с тихим шорохом вышел из поношенных шагреновых ножен. Одновременно вспыхнул на солнце клинок Ордо: одноглазый повернулся лицом к тем, что подбирались сзади.

— Эй, шли бы вы, а? — обратился Конан к троице, загородившей дорогу. — Ищите себе добычу полегче, где-нибудь в другом месте...

— Ой, про второго нам ничего не говорили, — пробормотал человек с тощим подергивающимся лицом,

похожим на крысиную мордочку. Он стоял слева от Конана.

— Одного без другого нам не взять, — не слишком уверенно поднимая меч, ответил тот, что держался справа. Его бритая голова поблескивала на утреннем солнце.

— Здесь вы найдете только смерть! — сказал Конан. Левой рукой он расстегнул бронзовую булавку, скреплявшую отделанный мехом плащ, и подхватил его на руку, оставив свободно висеть.

Высокий человек с коротко подстриженной бородой, стоящий посередине — он, похоже, был тут за главного, — наконец подал голос:

— Убьем обоих! — и направил меч Конану в живот.

Могучий киммериец ушел от удара с ловкостью и грацией пантеры. Он опутал плащом меч бородатого и одновременно впечатал правую ногу ему в пах, в то время как его собственный клинок отводил выпад бритоголового. Корчившийся от боли вожак нападавших силился выпрямиться, но Конан стремительно повернулся и ударил его левой ногой, на сей раз по голове, отшвырнув точно под ноги ринувшемуся вперед крысолицему. Оба свалились.

Бритоголовый мгновение промедлил, выпучив глаза на барахтавшихся приятелей, и это стоило ему жизни. Разящий меч Конана почти перерубил ему шею. Яркая-красная кровь забила фонтаном. Бритоголовый упал на колени, потом рухнул лицом в уличную грязь. Крысолицый кое-как встал на ноги и отчаянно замахнулся сверху вниз. Меч варвара со звоном встретил его клинок и направил его по дуге вниз. Лезвия при этом скользили один по другому, еще миг — и меч Конана уже торчал в груди негодяя.

Быстрый толчок ногой высвободил клинок и отбросил тело биться в конвульсиях рядом с первым. Теперь — вожак... Бородатый был уже на ногах, его узкое лицо дышало яростью; пока Конан поворачи-

вался, он успел занести меч, но тут же вытаращил глаза: огромный варвар мгновенно присел на корточки, коснувшись задом мостовой. При этом меч киммерийца провел кровавую борозду по животу бородастого. Тот завизжал, как женщина, уронил меч и, растопырив пальцы, попытался удержать вываливающиеся внутренности.

Смерть остекленила его глаза еще до того, как он упал на измызанную мостовую.

Конан обернулся к Ордо как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот отрубал голову своему второму противнику. Голова еще катилась по мостовой, а Ордо уже повернулся посмотреть, как там Конан. Из глубокой раны на руке, что держала меч, сочилась кровь, рана поменьше красовалась на лбу.

— Я уже слишком стар для таких переделок, киммериец...

— Ты всегда так говоришь. — И Конан наклонился проверить кошельки убитых им людей. — Говорю тебе, это святая правда, — настаивал Ордо. — Если бы эти придурки не болтали и не дрожали, пока мы доставали мечи, они бы нас в куски искромсали. И так-то чуть яйца мне не отчекрыжили. Староват я стал, что ни говори!

Осмотрев тела, Конан выпрямился и подбросил на ладони шесть новеньких золотых монет.

— Дураки или нет, но кто-то же послал их за одним из нас. Кто-то заплатил десять золотых монет за убийство... — Конан метнул головой в сторону тех, кого сразил меч Ордо: — Скорее всего, у каждого из своих ты найдешь по паре таких же монет...

Ордо выругался вполголоса и обследовал оставшиеся тела. Действительно, скоро и он держал четыре монетки такого же достоинства. Одноглазый крепко зажал их в кулаке.

— Крысомордый, помнится, говорил, что они не ожидали встретить двоих. Митра! Да кому приспичило платить десять золотых за таких, как мы?

Из ближайшего переулочка показался худенький долговязый мальчишка. Шел он не торопясь, нога за ногу. При виде окровавленных тел у него отвисла челюсть. Он завопил от ужаса и ринулся прочь. Крик его постепенно стих вдали.

— Поговорим об этом в «Фесте», — сказал Конан. — Здесь мы, пожалуй, соберем слишком много слушателей.

— С нашим-то везеньем, — пробормотал Ордо, — чего доброго, еще и Городская стража надумает раз в полгода оторвать задницы от коек в казарме и высылать патруль...

Извилистыми улочками до гостиницы оказалось рукой подать, но, очевидно, шума короткой схватки здесь не услышал никто. Только Керина внимательно посмотрела на Конана и Ордо, когда они вошли. Было еще довольно рано, и зал, такой шумный к вечеру, почти пустовал.

— Ордо, — поинтересовалась девушка, — что это такое с твоей рукой?

— Упал, — неуклюже соврал Ордо. — Упал на разбитый винный кувшин...

Керина уколола его взглядом и вышла, правда, чтобы тут же вернуться с кипой чистых тряпок и кувшином вина. Откупорив вино, она стала промывать им рану Ордо.

— Нет! — закричал он, выхватывая у нее кувшин.

На губах девушки заиграла улыбка.

— Не настолько же тебе больно, Ордо!

— Совсем не больно, — проворчал он. — Я просто к тому, что вино надо употреблять не так...

И он опрокинул кувшин над ртом, свободной рукой не давая девушке его отобрать. Она все-таки выдернула кувшин у него из рук, воспользовавшись моментом, когда Ордо остановился перевести дух. Смочив тряпку остатками вина, девушка промокнула рану на лбу одноглазого.

— Стой смирно, Ордо, — велела она ему. — Я потом принесу тебе еще вина.

На другой стороне общей комнаты Конан заметил человека, не совсем обычного для этой гостиницы. За столиком в углу сидел пригожий молодой человек в богато расшитом бархатном камзоле. С ним разговаривал Гракус, смуглокожий скульптор, которого Конан постоянно видел в обществе Стефано.

Обнаружив, что кто-то может желать его смерти, Конан стал подозрительно относиться к незнакомцам.

Он тронул Керину за руку.

— Что там за тип? — спросил он. — Ну тот, что разговаривает с Гракусом. Кто он? Для художника больно уж хорошо одет...

— Деметр? Художник?.. — фыркнула она. — Ничтожество и расточитель! Говорят, у него тонкий ум, но лично я что-то не замечала. Он старается произвести на нас впечатление... на тех из нас, кто падок на подобных ему. Чаще, правда, он кутит по злачным местам...

— Думаешь, это он? — спросил Ордо.

— Он, не он... — Конан только плечами пожал.

— Клянусь Эребусом, киммериец, я слишком стар!

— О чем это вы говорите? — требовательно спросила Керина. — Хотя нет, не знаю и знать не хочу. — Она встала и потянула за собой Ордо — ребенок, ведущий медведя. — Рану на руке надо немедленно смазать. Уж эти мне битые кувшины...

— Когда я вернусь, — окликнул Конана Ордо уже через плечо, — мы можем начать собирать подходящих ребят. Удружили нас супостаты, а?

— Договорились! — поднимаясь, ответил Конан. — А я схожу за мечом. За него тоже пару монет выручить можно.

Наверху, в своей комнате, киммериец приподнял одну из половиц и вынул волнистый клинок. Из маленького окошка лился неяркий свет, отблеск его

тускло пробежал по лезвию и ярко вспыхнул на серебряной крестовине. Как вредные испарения поднимаются от гниющих болот, так и от меча исходило нечто отвратительное, отталкивающее...

Конан встал и завернул оружие в плащ, порванный тем, высоким. Держать волнистый меч голой рукой было невыносимо: варвара мутило от этого хуже, чем когда он в первый раз сразил человека.

Конан вернулся в общую комнату и увидел, что незнакомец в красном бархате ждал кого-то у подножия лестницы. Орлиный нос его втягивал ароматы из серебряного шарика, а глаза смотрели лениво и томно. Однако киммериец заметил, что рукоять меча вельможи была-таки довольно потертой, а руку, державшую шарик, покрывали мозоли фехтовальщика. Конан хотел пройти мимо.

— Одну минуту, пожалуйста, — вдруг сказал юноша. — Меня зовут Деметр. Я собираю древние мечи и не мог не услышать, что у тебя есть один такой. Говорят также, ты подумываешь его продать...

— Что-то не помню, чтобы я рассуждал о его древности, — заметил Конан. Было в этом человеке нечто змеиное, и киммерийцу это не нравилось. Такие способны улыбаться, пожимать тебе руку и одновременно метить ножом в спину. Тем не менее Конан решил продолжить разговор.

— Может, мне только показалось, будто ты называл его древним, — ничуть не смутившись, сказал Деметр. — Если это так, то он мне и правда не интересен. Если же он в самом деле древний, вполне может быть, что я его и куплю. — Он посмотрел на сверток под мышкой у киммерийца. — Это не он у тебя здесь?

Конан вынул меч из-под плаща.

— Вот, — начал он и осекся, ибо Деметр тут же отпрыгнул и схватился за ножны на поясе. Киммериец перевернул меч и протянул юноше рукоять: — Может, хочешь попробовать?

— Нет, — сдавленным шепотом ответил тот. — Я и так вижу, это как раз то, что надо...

Побледневшие губы Деметра были плотно сжаты, и варвару в голову пришла странная мысль: уж не боится ли парень меча?.. Он тут же отбросил ее, как явно глупую, и положил меч на ближайший столик. Рука, прикасавшаяся к волнистому клинку, казалась ему замаранной. Это было тоже глупо.

Деметр сглотнул и вздохнул с облегчением, когда увидел, что меч лежит на столе.

— Этот меч, — сказал он, глядя на варвара, — у него есть какие-нибудь... особые свойства? Волшебные, я имею в виду?

— Не замечал, — мотнул головой Конан. Отыщись таковые, цену можно было бы и набавить. Однако любое заявление на сей счет будет с легкостью опровергнуто. — Ну так сколько ты за него даешь?

— Три золотые монеты, — быстро ответил Деметр. Могучий киммериец только моргнул. Он-то думал о нескольких серебряных. Но коли меч так ценен для покупателя, отчего не извлечь выгоды?

— За такой древний клинок, — сказал он, — многие любители дадут и все двадцать...

Молодой человек испытующе посмотрел на варвара.

— Сразу столько у меня с собой нет... — пробормотал он.

Конан потрясенно спросил себя: а что, если это меч какого-нибудь давно умершего короля? Деметр и не пытался торговаться. Наметанным глазом вора варвар оценил золотой браслет с аметистами на запястье юноши в пятьдесят золотых монет, а маленькую рубиновую булаву на одежде — в два раза больше. Двадцать монет за меч с него станется, подумал он.

— Ну что ж, я подожду, — начал было Конан, но тут Деметр стащил браслет с руки и протянул его киммерийцу.

— Возьмешь это? — спросил покупатель. — Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь перехватил меч, пока я достану деньги. Браслет стоит больше двадцати монет, уверяю тебя. Только прошу, добавь к мечу и плащ, я не хотел бы нести обнаженный клинок по улице...

— Забирай, — сказал киммериец и быстро поменял отделанный мехом плащ и меч на браслет. Он ощутил прилив радости, когда зажал в кулаке золотой браслет с аметистами. Теперь можно не скаредничать, пытаюсь обойтись горсткой молодцов, которых можно нанять за десять золотых. Его Свободный Отряд в буквальном смысле слова был у него в руке!

— Я бы хотел только спросить, — добавил Конан, — почему так ценен этот меч? Может, это меч древнего короля или героя?

Деметр тем временем тщательно заворачивал меч в плащ. Тщательно, подумал Конан, и осторожно, как будто имеет дело с опасным животным.

— Как тебя зовут? — спросил его юноша.

— Меня зовут Конан.

— Ты прав, Конан. Это меч древнего короля. Можно даже сказать, что это меч самого Брагораса... — И он засмеялся, как будто сказал что-то невероятно смешное. Все еще смеясь, он подхватил меч в плаще и поспешил на улицу.

Глава седьмая

Албанус приостановился в дверях. Он держал под мышкой что-то завернутое в простой плащ, отделанный мехом. Сверток был явно не к месту в комнате, увешанной гобеленами и устланной коврами по мраморному полу. Перед большим зеркалом сидела Сулария. Золотистый шелк рубашки оставлял открытыми нежные плечи. Подле нее на коленях стояла рабыня и расчесывала чудесные шелковистые волосы госпожи. Увидев отражение Албануса, Сулария легким движением спустила рубашку с плеч, открыв его взгляду пышную грудь.

Албанус щелкнул пальцами. Рабыня оглянулась, он сделал ей знак рукой, она поклонилась и вышла, неслышно ступая босыми ногами.

— Ты принес мне подарок? — спросила Сулария. — Если это так, то он довольно странно завернут... — Она внимательно рассматривала свое лицо в зеркале и легкими движениями пуховки наносила на щеки румяна.

— Нет, это не для тебя, — засмеялся он. — Это меч Мелиуса.

Ключом, что висел на золотой цепочке у него на шее, Албанус открыл большой лакированный сундук, стоявший около стены. Он поворачивал ключ сначала в одну сторону, затем в другую в строго определенном порядке. Если этот порядок нарушить, гово-

рил он Суларии, хитро придуманное устройство из труб и пустот выстрелит отравленными колючками в лицо открывавшему.

Албанус откинул крышку и, швырнув на пол разорванный плащ, бережно положил меч на приготовленное для него место. Здесь лежали в шелковых гнездах книги древнего Ахерона, переплетенные в кожу девственников, и еще некоторые, самые необходимые, принадлежности тавматургии из тайника. Пальцы Албануса легко прикасались то к связке манускриптов, то к свернутым полотнам. Никакого волшебного значения в них не было, но рисунки и картины с изображением Гариана помещались здесь по праву. А на почетном месте, на шелковой подушке поверх золотой подставки, покоился хрустальный шарик темно-синего цвета.

Внутри шарика плясали серебряные блики.

Платье Суларии упало на пол Нагая, она подошла к Албанусу. Язычок ее легонько дотрагивался до губ, пока она разглядывала меч.

— Значит, вот этим мечом было убито столько народу? Он не опасен? Может, лучше тебе уничтожить его?

— Он еще пригодится, — ответил Албанус. — Если бы я раньше знал то, что знаю сейчас, я никогда бы не отдал его такому недоумку, как Мелиус. Вот эти письма на мече помогли мне наконец раскрыть секрет его кровожадности, зашифрованный в древних книгах по волшебству...

— Почему все-таки Мелиус превратился в свирепого убийцу?

— Когда выковывали это оружие, в нем заключили разум и мастерство шести лучших фехтовальщиков. — Албанус легко провел пальцами по мечу, чувствуя магическую мощь, которая потребовалась для изготовления клинка. Такая же скоро будет и у него. Сила превышает понимание смертных, власть большая, чем у любого из королей... — Это-то и вызвало сумас-

шествие. — Он собрался было поднять меч, но пальцы, готовые схватить рукоять, застыли на месте.

— Если одна и та же рука возьмется за рукоять, чтобы использовать меч, более трех раз, разум, что управляет рукой, будет поглощен сумасшествием древних фехтовальщиков, томящихся в мече. Защищайся... Рази!.. Защищайся... Рази!.. Рази!..

Он сорвался на крик. Потом замолчал и посмотрел на Суларию. Голубыми глазами, полными страха, приоткрыв рот, уставилась она на его руку, зависшую над мечом.

— Сколько раз ты уже брался за него? — прошептала она.

Он засмеялся и убрал руку. Вместо меча Албанус взял сферический кристалл и осторожно, можно сказать почтительно, подержал его в пальцах. Кристалл выглядел хрупким, но он-то знал, что никакая сила под небесами не сумеет даже поцарапать его.

— Ты боишься меча? — спросил он тихо. Его жесткий взгляд, казалось, проникал в самую середину кобальтовой сферы. — Не-ет, вот чего надо бояться! С его помощью можно вызвать и управлять существом... — демоном? Богом? — не знаю. Однако мощь его такова, что даже книги Ахерона говорят о нем как бы шепотом, со страхом и благоговением...

А он, Албанус, будет его повелителем. Повелителем, чья мощь превзойдет всех королей мира. От этой мысли сладко и жутко захватывало дух. Он еще никогда не осмеливался вызывать то существо, потому что это грозило опасностью самому вызывавшему. Повелитель мог в результате стать рабом, смертной игрушкой бессмертного чудовища, располагавшего вечностью для собственного развлечения. Однако не он ли потомок Брагораса, древнего героя, короля, сразившего дракона Ксутаркана и сбросившего демона Даргона в пучины Западного моря?

Слова заклинания начали почти что сами собой срывать с губ:

— *Аф-фар меа-роф, Омини деас каан, Ииф-фар би-лаан Опхиих кристи...*

И, по мере того как он говорил, небо над столицей потемнело, а солнечный свет померк: посреди дня наступили сумерки. Огромные молнии раскололи безоблачное небо, а земля с тихим гулом поколебалась под ногами...

Запнувшись, Албанус с неожиданным испугом осознал, что натворил, — стены колыхались вокруг, как белье на ветру. Нет, нет, не время! Еще не время. Он с ума сошел, начав все это. Но заклинание не окончено. Еще не поздно все остановить. Он быстро положил кристалл, который теперь ярко светился, на подушку в лакированный сундук. Теперь надо выбросить все из головы. Не должно быть даже намека на слава заклинания. Совсем никаких мыслей. Ничего...

Свечение в кристалле медленно угасло, земля перестала колебаться. Исчезли молнии. И солнце вновь ярко засветило над городом.

Албанус долго не смотрел на Суларию. Пусть только попробует вякнуть хоть слово, думал он злобно, хоть полсловечка о том, каким дураком он выставил себя перед ней. Если только она что-нибудь скажет, он распорет ей живот и задушит девку ее же собственными кишками. Албанус повернулся к ней. Лицо его было лицом палача, откинувшего капюшон...

...Сулария смотрела на него глазами, полными восхищения и желания.

— Такая власть, — прошептала она. — Она слепит меня... Я слепну от сияния твоей власти... — Сулария дышала прерывисто. — Значит, вот как ты собираешься сокрушить Гариана?

Злоба и страх улетучились: теперь Албануса распирало от гордости.

— Гариан не достоин подобного, — усмехнулся он презрительно. — Я сделаю человека и вложу в него жизнь вот этими руками. Им и будет сокрушен узурпатор, севший на мой трон!

— Неужели ты настолько могуществен? — задыхнулась она.

Албанус только рукой махнул.

— Это пустяки. Я уже делал такое. Только на этот раз я не допущу прошлых ошибок. — Внезапно он запустил руку в гущу ее волос и пригнул Суларию к полу. Пригнул силой, хотя она сделала бы это добровольно и, более того, с охотой. — Ничто не встанет у меня на пути, — сказал он, нарочито грубо лаская ее.

Сулария вскрикнула, а ему показалось, что он слышит рев толпы, приветствующей своего короля, своего Бога...

* * *

Сефана поднялась с подушек постели. Ее роскошное округлое тело блестело от пота после занятий любовью, полная грудь колыхалась при каждом движении.

На кровати лежал худощавый мужчина — капитан Золотых Леопардов. Он с трудом приподнялся и нетвердой рукой оперся на локоть. Его темные глаза с обожанием следили за Сефаной.

— Может, ты колдунья, Сефана? Каждый раз я думаю, что умру от наслаждения. Мне кажется, я испытал все блаженство, какое только есть в мире. Но снова и снова ты даешь мне больше, чем я осмеливался мечтать...

Сефана удовлетворенно улыбнулась:

— Сознайся, Баэтис, я, наверное, надоела тебе?

— Никогда! — воскликнул он пылко. — Верь мне! Ты — сама Деркетто, сошедшая на землю...

— Но ты отказываешь мне в такой малости...

— Сефана, — простонал он, — ты сама не знаешь, о чем просишь. Мой долг...

— Маленькое, такое маленькое одолжение, — повторила она снова, медленно подходя обратно к постели.

Он впился в нее голодными глазами. Перед ним была не какая-нибудь юная худышка, но зрелая, рас-

цветшая женщина. Любой мужчина, узревший ее восхитительную наготу, вспылал бы немедля. Баэтис потянулся к ней, но Сефана отшатнулась.

— Всего лишь незапертая дверь, Баэтис,— проговорила она вкрадчиво.— Всего один коридор без охраны. Неужели ты не хочешь доставить приятной неожиданности своему королю? Дать ему вкусить таких же наслаждений, которые познал сам?

Молодой капитан тяжело задышал. Потом опустил веки.

— По крайней мере я там должен быть...— сказал он наконец.

— Ну конечно,— быстро согласилась она и усеялась на него верхом.— Ну конечно, любовь моя, Баэзис! — Коварная улыбка играла у нее на губах, фиалковые глаза плотоядно горели.

Пусть Албанус строит далеко идущие планы. Она нанесет удар, пока он еще только собирается. Жаль, конечно, что Баэтису придется умереть вместе с Гарианом. Но это в будущем. Облегченно вздохнув, она отдалась наслаждению...

Глава восьмая

Соломенные мишени, все как одна, были размером в торс человека. Поставив последнюю из них на место, Конан вскочил в седло и поскакал. В ста пятидесяти шагах от мишеней его ждали люди, которых они с Ордо отобрали для Свободного Отряда за последние пять дней. Конан хотел бы, чтобы одноглазый был сейчас с ним. Но Ордо еще доделывал свои дела с контрабандистами и как раз сегодня присматривал за перевозкой товаров из хранилища: надо было успеть до предполагаемой «внезапной» проверки Королевской Таможни. Нельзя предугадать, утверждал Ордо, может, такая связь еще принесет им пользу...

Киммериец натянул поводья и остановил прекрасного аквилонского вороного перед отрядом в сорок всадников, каждый из которых держал перед собой короткий тугой лук.

— Это лук для верховой стрельбы,— сказал Конан.

Счастливая находка эти луки. Искусство верховой стрельбы из лука на западе было не слишком известно, а посему Конан рассчитывал, что оно привлечет внимание нанимателей к его Свободному Отряду. Луки лежали в хранилище контрабандистов со спущенными тетивами. Спросу на них не было, поскольку местным стрелкам они не подходили. Все сорок чело-

век носили и другое обмундирование, позаимствованное из хранилища: кольчуги поверх стеганых курток и остроконечные шлемы. При каждом седле висел круглый щит. Все это дополнялось прекрасной туранской кривой саблей с клеймом аграпурской королевской оружейной.

Конан крепко надеялся, что столь экзотическое вооружение подогреет интерес немедийцев. Люди склонны считать, что чужеземцы владеют необычными боевыми искусствами. Что ж, посмотрев на верховую стрельбу из лука, они убедятся в этом на деле. Денег у Конана и Ордо хватало, только чтобы нанять людей: коней купить они уже не могли. Поэтому они и выбрали тех, кто уже имел лошадь, а кроме того, умел стрелять из лука. Однако искусством стрельбы с коня никто из них не владел. Поэтому-то Конан и привел их на это поле за пределами Бельверуса.

— Все вы привыкли стрелять из лука, используя защитное кольцо на большом пальце, — продолжал варвар. — Но, когда сражаешься верхом, приходится быстро менять лук на меч или копье. И наоборот. Защитное кольцо мешают...

— Да как вообще натягивать эту хреновину? — спросил седой воин с синевато-багровым шрамом поперек широкого носа. Он держал короткий лук на вытянутой руке и пытался натянуть его. Тетива едва пошевелилась. Окружающие посмеивались.

Седого звали Махаон. Он не узнал Конана, зато киммериец сразу вспомнил старшину Городской стражи, что отдавал приказ стрелять в господина Мелиуса.

— Натягивайте тетиву тремя пальцами, — сказал Конан, когда смех стих, — вот так.

Могучий киммериец вставил стрелу и приложил тетиву к щеке. Потом резко вытянул руку, державшую кибить, и тетива натянулась. Одновременно он двинул коленями, заставляя боевого коня развернуть-

ся. Мишени чередой проплыли у него перед глазами, он спустил тетиву. С глухим звуком стрела поразила центр средней мишени. Послышался удивленный ропот наемников.

— Вот как это делается, — сказал Конан.

— Занятная штука эта верховая стрельба, — пробормотал высокий человек с провалившимися щеками. Темные запавшие глаза и весь его облик говорили о том, что он, должно быть, изможден опасной болезнью. Никакой болезни, однако, за ним не водилось. Те из отряда, кто знал его, говорили, что причиной всему не болезнь, а стержневой нрав. — Но коли она уж так хороша и полезна, почему ею не пользуются в армиях Немедии, Аквилонии и других государств?

Конану не пришлось отвечать. Заговорил Махаон.

— Разуй глаза, Нарус, — сказал седоволосый, — и попробуй хоть раз увидеть вещи как они есть, не поливая их уксусом. Пошевели мозгами! Вылетели, выстрелили — и унеслись, а там пускай пешие лучники сколько угодно бегут выставять заостренные колья, а копейщики и обычная пехота только еще готовятся сомкнуть ряды против верховой атаки, какой она обычно бывает. Кавалерия противника еще пики опустить не успеет для ответного удара, когда наши стрелы пронзят их сердца! Хватит кукситься, Нарус! Представь, какую неожиданность мы готовим врагу, и улыбнись! Нарус скроил нарочито зубастую улыбку, окончательно придавшую ему вид весьма несвежего трупа. Воины захохотали, посыпались сочные комментарии.

— Махаон попал в самую точку, — объявил Конан. — Я назначаю его старшиной в нашем Свободном Отряде.

Шрамолицый Махаон удивленно и задумчиво посмотрел на Конана. Послышался одобрительный шепот. Похоже, даже скорбный Нарус был согласен с выбором предводителя.

— А теперь, — продолжал Конан, — пусть каждый попробует стрелять в мишень. Сначала — пока лошади стоят.

Битых полтора часа продержал их варвар за этим занятием. Через некоторое время они стали пускать своих лошадей шагом и наконец — вскачь. Каждый боец по отдельности прекрасно держался в седле и стрелял из лука. Поэтому успеха добились все. Конечно, до туранской легкой кавалерии им еще было далеко, но в любой из западных стран они уже могли бы наделать переполоха. Лучшими после Конана были двое: Махаон — чего и следовало ожидать — и, чего ожидать было вовсе нельзя, — Нарус.

По окончании киммериец привел отряд обратно в Бельверус, к одной из конюшен, что тянулись вдоль городской стены. Он заранее договорился, что здесь присмотрят за конями. Воины передали верховых лошадей рабам-конюхам и разошлись до завтрашней встречи, назначенной Конаном на этом же месте, — такого обычая держались в Свободных Отрядах, когда не было службы. Конан и сам собрался уходить, но Махаон окликнул его.

— Одну минуту, командир, — начал старшин, остановив Конана у высоких деревянных ворот конюшни.

В молодости Махаон был недурен собой, но теперь, даже не считая шрама поперек широкого носа, все его лицо было зримой летописью прошлых военных походов. На левой щеке — небольшая татуировка шестиконечной Кофийской звезды; на мочке правого уха — три тонких золотых кольца из Аргоса; волосы были коротко обрезаны спереди, а сзади отпущены, как носили на офирской границе.

— Хорошо бы, командир, чтобы наш отряд поскорее поступил к кому-нибудь на службу. Хотя мы дали клятву верности всего несколько дней назад, я уже слышал, как некоторые вслух жалуются, что мы не зарабатываем золота. Кое-кто даже поговаривает,

как бы дать клятву другой раз, под другим именем и перед другой частью правителей города.

— Скажи им, что скоро мы поступим на службу, — ответил Конан. Он и сам удивился, почему он до сих пор не пошел ни к одному из купцов, могущих нанять Свободный Отряд. — Вижу, — сказал он, — я не ошибся в выборе старшины...

Махаон постоял в нерешительности, потом спокойно спросил:

— А ты знаешь, кто я?

— Я знаю, кто ты, но это меня не слишком волнует. — Конан выдержал долгий взгляд темных глаз, и наконец Махаон кивнул:

— Я присмотрю за людьми, командир.

Покинув конюшню, Конан пошел в гостиницу «Феста». На улицах, казалось, было в два раза больше нищих и в три раза больше громил, чем десять дней назад. Ни толстый купец, ни надменный вельможа не осмеливались пробираться даже по улицам Верхнего города без бдительной охраны. И если уж рабы несли носилки с занавесками, все равно, кто был внутри — ухоженная ли дочка знатного господина или его пылкая куртизанка, — они обязательно были окружены вооруженными телохранителями в доспехах. Только Городской стражи нигде не было видно.

Как всегда около полудня, «Феста» была набита народом. Молодые художники собирались на бесплатную еду из гостиничного котла. Их споры и звуки музыкальных инструментов смешались в невообразимую какофонию; Конан уже научился не замечать ее.

Войдя в гостиницу, он поймал за руку спешившую мимо Керину. В каждой руке она держала по глиняному кувшину с вином.

— Ордо уже вернулся? — спросил варвар.

Керина так резко опустила на стол один из кувшинов, что он только чудом не разбился. Вино плеснуло через край, люди, сидевшие за столиком, обиженно закричали, но девушка не слушала.

— Он послал мальчика, — холодно сказала она, — чтобы передать: ты должен встретиться с ним в «Полной Луне» на улице Сожаления через полчаса после полудня.

— Но почему там? Он не сказал, почему он не придет сюда?

Глаза Керины нехорошо сузились, говорила она сквозь зубы:

— Что-то было насчет танцовщицы с какой-то там грудью... Хватит! Если нужны подробности, иди и сам расспрашивай бессовестного одноглазого козла!

Киммериец не позволял себе улыбнуться, пока возмущенная девушка не умчалась прочь. Оставалось надеяться, что танцовщица того стоила. Ибо, как только одноглазый окажется в пределах досягаемости Керины, расплата будет страшна.

Конан пытался сообразить, успеет ли он съесть чашку тушеного мяса — здесь оно было гораздо вкуснее, чем на улице Сожаления, — до того, как идти к Ордо. В это время к нему подошла Ариана, к ее ладошка легла на его руку. Конан улыбнулся. Оставшееся время можно было потратить на кое-что получше еды.

— Пойдем ко мне, — сказал он, обнимая ее. Притянув поближе, он пустил в ход самую обольстительную ухмылку: — Посидим... Поговорим о поэзии...

Она попыталась подавить смехок, и это ей почти удалось.

— Если я правильно понимаю, что именно ты имеешь в виду под разговором о поэзии, то одной болтовней не отделаешься... — Улыбка вдруг погасла на ее лице, глаза испытующе смотрели на Конана. — Есть разговор поважнее, но я хочу, чтобы ты поклялся не разглашать ни слова из того, что тебе скажут. Клянись!

— Я клянусь, — медленно повторил Конан.

И тут до него окончательно дошло, почему он не торопился к кому-либо наниматься со своими людь-

ми. Случись восстание, отряд на службе у купца или знатного господина заставят поддерживать короля. А он вовсе не хотел участвовать в разгроме Арианы и ее друзей. В первую очередь, конечно, Арианы.

— Я и то уже гадаю, — продолжал варвар, — когда ты наконец расскажешь мне об этом вашем восстании...

Ариана так и ахнула.

— Ты знаешь!.. — прошептала она, быстро прикрыв ему рот ладошкой, призывая к молчанию. — Пойдем...

Конан пошел за девушкой между столиками в дальний конец гостиницы. Там, в маленькой комнате, хмурый Стефано, ссутулясь, подпирал обшарпанную стену.

Коренастый скульптор Гракус, наоборот, ухмылялся, сидя верхом на скамейке. Лукас, тощий носатый малый, называвший себя философом, скрестив ноги, сидел на полу и сосредоточенно жевал нижнюю губу.

— Он знает, — объявила Ариана, закрыв за собой дверь.

Все разом вскочили на ноги.

Конан ненавязчиво положил руку на меч...

— Знает!.. — взвизгнул Стефано. — Говорил я тебе, он опасен! Говорил ведь, нечего с ним связываться! Впутывать в наше дело подобных...

— Тише ты! — твердо велела Ариана. — Хочешь, чтобы вся гостиница слышала? — Стефано обиженно умолк, а она продолжала, обращаясь ко всем сразу: — Это правда, что наше с вами задание первоначально не подразумевало найма людей вроде Конана. Но разве не вы жаловались, что, мол, страсть охота заняться чем-нибудь настоящим?

— Ты-то хоть можешь высмеивать Гариана в стихах, — пробормотал Гракус. — А я — только переписывать твои стихи и разбрасывать их по улицам. Не могу же я сделать скульптуру, которая поднимет людей...

— «На Троне Дракона надменный сидит властелин,— неожиданно продекламировал Конан. Все уставились на него.— В роскошном чертоге своем он пирует один». Я видел такую грамотку. Не ты сочинила, Ариана?

— Это Галлия,— ответила она сухо.— Я пишу намного лучше.

— Это все к делу не относится,— резко вставил Стефано.— Нам всем хорошо известно, почему ты веришь ему, Ариана.— Он встретил ледяной взгляд синих глаз Конана и с трудом сглотнул.— Я полагаю, то, чем мы занимаемся, и так достаточно опасно. Пусть уж лучше Тэрас нанимает таких... таких людей. Он в них разбирается. А мы — нет.

— Мы знаем Конана,— настаивала Ариана.— И потом, мы решили — да и ты тоже, Стефано,— что будем подыскивать воинов, что бы там Тэрас ни говорил. К тому же Конан не один, с ним еще сорок бойцов!

— Если только они за ним пойдут,— заметил Гракус.

— Они пойдут за мной куда угодно, если будет золото,— ответил Конан.

Гракус смотрел нерешительно, а Стефано насмешливо хмыкнул:

— Золото!..

— Глупцы! — язвительно заговорила Ариана.— Сколько раз мы говорили о тех, кто заявлял, что революция должна быть чистой; только те, мол, должны принимать в ней участие, кто бескорыстно борется за правое дело. Ну и что, сколько таких уже посажено на кол за чистоту помыслов?

— Наше дело правое,— проскрежетал Стефано.— Золото все осквернит!

Ариана устало покачала головой:

— И об этом мы уже достаточно спорили. Хватит, Стефано! Как, ты думаешь, Тэрас набирает воинов? Золотом, Стефано! Золотом!

— И с самого начала я был против,— ответил долговязый скульптор.— Народ...

— Ну да, поднимется и пойдет за нами,— перебила она.— Пойти-то он пойдет, только вот мы, не имея ни малейшего понятия об оружии и сражениях, не привели бы его на закланье...

— Но наши идеалы! — пробормотал он.

— Их недостаточно.— Она посмотрела по очереди на каждого заговорщика, и каждый заерзал под ее горящим взглядом. А Конан понял: самой сильной волей здесь было наделено именно это прелестное, хрупкое существо.

— Все, что требуется лично мне,— вдруг заявил Гракус,— это возможность взять в руки меч. Конан, ты возьмешь меня с собой, когда наступит день?

— Я еще не говорил, что присоединюсь к вам,— медленно отвечал Конан.

Ариана застыла, сжав руки под грудью. Ужас и тревога были у нее на лице. Гракус так и остался сидеть с открытым ртом.

— Говорил я, что не надо ему доверять! — вполголоса выдавил Стефано.

— Мои люди пойдут за мной,— продолжал киммериец,— но только если поведу я их не напрямую на плаху или кол. Я не могу присоединиться, не прикинув сперва ваши шансы на успех, а для этого я должен иметь представление о ваших планах.

— Он продаст нас,— быстро проговорил Стефано.

— Уймись, Стефано,— оборвала его Ариана. Но и сама встревоженно вглядывалась в лицо киммерийца.

— Я не настолько цивилизован,— тихо сказал ей Конан,— чтобы продавать друзей.

Она неуверенно кивнула. Стефано хотел остановить ее, но она не обратила на него внимания:

— Тэрас нанимает воинов. Он говорит, что нам нужна по крайней мере тысяча, и скоро она у него будет. Сила наша, однако, в народе. Голод и недовольство ныне так велики, что люди стащили бы Гариана

с трона голыми руками, если бы могли. Некоторые из народа знают, что получают оружие. Остальные пойдут следом. У нас есть оружие для десяти тысяч человек. Оно контрабандой доставлено через границу, и часть его, без сомнения, перевозил твой друг Ордо...

— Десять тысяч? — переспросил Конан, вспоминая, что Ордо говорил о пяти.

— Десять, — подтвердил Гракус. — Я видел оружие. Тэрас показывал мне склад, набитый доверху.

Может, и посчитать еще разрешил, подумалось Конану.

— Чтобы вооружить десять тысяч людей, даже небогато, нужна уйма денег, — сказал он вслух. — А еще больше — чтобы нанять тысячу уже вооруженных. Есть у вас золото?

— Некоторая часть — да, — Ариана как будто оправдывалась. — Но, как ты знаешь, мы зарабатываем не так много, а большая часть того, что мы имеем от... из других источников, идет на гостиницу.

— Есть люди, — высокомерно начал Стефано, — кто, несмотря на свое богатство, считает, что мы правы и Гариан губит Немедию. Они-то и снабжают Тэраса всем необходимым для найма и вооружении людей.

— Кто они? — спросил Конан. — Они поддержат вас открыто? Они заявят о себе в тот день, когда вы выйдете на улицу?

— Ну конечно! — воскликнул Стефано, но его напыщенность тут же сменилась неуверенностью: — То есть я думаю, что они так сделают. Видишь ли, пока они предпочитают оставаться неизвестными... — Он горько засмеялся: — Что говорить, никто из нас никогда даже и не видел их! Денежки идут прямоком Тэрасу...

— Стефано имеет в виду, — сказала Ариана, когда скульптор умолк, — что они боятся поражения и не хотят в случае чего очутиться на плахе. Может, мы и наша революция нужны им больше для того, чтобы прославиться и погреть руки... Если это так, то они

забывают, что с нами народ. И тысяча вооруженных людей...

Тысяча воинов, которым платят неизвестные благодетели, с тоской подумал Конан.

— Ну хорошо, — сказал он. — А план у вас есть? Не просто же ринуться на улицу, раздавая мечи всем и каждому?

Гракус широко улыбнулся:

— Не такие уж мы дураки, как ты думаешь, Конан. Раздавая хлеб в Адских Вратах, мы нашли людей, которым можно доверять; выделили тех, кто пойдет с нами, когда подадут сигнал. Они-то и получают оружие. А мы поведем их к Королевскому Дворцу и окружим его со всех сторон. В это время Тэрас со своей тысячей захватит городские ворота и осадит казармы Городской стражи.

— А Свободные Отряды? Телохранители? — поинтересовался Конан. — В городе их наберется не меньше трех тысяч, причем те, кто им платит, скорее всего, встанут за короля...

— Да, — ответила Ариана, — но, скорее всего, каждый оставит телохранителей при себе, пока не разберется, в чем дело. Они нам не помеха. Будет необходимость, уничтожим их позже одного за другим. Никакой Свободный Отряд в сотню человек не устоит перед тысячей нищих, для которых смерть — только избавление от голода!

Вид у нее был такой, как будто она готова была сию же минуту сама возглавить штурм: маленькая головка гордо поднята, плечи расправлены, платье плотно облегалось округлость груди, карие глаза полны огня... Конан знал, что она была права. Люди, которым не страшна смерть, — опасные противники в быстрой атаке, но затяжной бой выдерживают с трудом. Нет, чем бы ни закончилось это собрание, должен держать свой Отряд наготове. Чтобы по первому сигналу выступить...

Сказал он, однако, совсем другое:

— А что армия?

Отвечал опять Гракус:

— Ближайшие войска — это тысяча в Эраниуме и две в Эракулуме. До Бельверуса они дошагают дней за пять, но вряд ли смогут что-нибудь сделать, пока мы удерживаем городские ворота. Что же касается войск на аквилонской границе, то королю придется решать, можно ли оголить порубежье. Мало ли что взбредет на ум аквилонцам...

— Большое войско доберется сюда с границы дней этак за десять, — задумчиво сказал Конан. — Да еще два дня непрерывной скачки, чтобы доставить им приказ. В общей сложности двенадцать дней. После чего придется иметь дело с осадными машинами и множеством солдат, атакующих городские стены. Может, они подойдут чуть попозже, но исходить следует из худшего...

— А ты соображаешь в таких делах, — одобрил Гракус. — Мы так и планировали, имея в виду двенадцать дней.

— Они нам не понадобятся, — отмахнулся Стефано. — Задолго до этого низы города поднимутся и будут вместе с нами. Сотни тысяч встанут плечом к плечу на городских стенах. Мы призовем Гариана отречься...

— Отречься! — воскликнул Конан. Все вздрогнули и уставились на стены, как будто у стен были уши. Конан продолжал тоном пониже: — Вы поднимете восстание, а потом призовете Гариана отречься? Ну это уже сумасшествие. Да Золотые Леопарды хоть полгода просидят в осаде в коридорах Дворца, а может, и больше. А у вас всего-то двенадцать дней!

— Это не моя идея, — негодуя сказала Ариана. — Я-то с самого начала считала нужным ворваться во Дворец, причем в первые же часы!

— И перебить там всех! — сказал Стефано. — Тогда мы сами не лучше Гариана, а наши надежды и идеалы — пустой звук!

— Что-то я не припомню, кто первый предложил требовать отречения Гариана, — медленно сказал Гракус. — На первый взгляд кажется, что разумнее сделать, как предлагает Ариана, — атаковать Дворец, пока Золотые Леопарды еще не поняли, что это не просто очередные уличные беспорядки. Но не можем же мы напрочь отвергнуть идеалы, за которые боремся!.. Кроме того, — закончил он с улыбкой, как будто нашел прекрасное решение всех проблем, — всем известно, что гора, на которой стоит Королевский Дворец, изрыта множеством подземных ходов, каждый из которых приведет нас в тыл к защитникам.

— Знать-то все о них знают, — едким тоном ответила Ариана, — да только как найти хотя бы один?

— Мы могли бы раскопать... — неуверенно предложил коренастый.

Ариана фыркнула, и скульптор затих.

Конан покачал головой:

— Гариан не отречется. Ни один король не сделал бы этого. Только время понапрасну потратите, а его у вас и так немного.

— Если он не отречется, — сказал Стефано, — вот тогда-то народ бросится на Королевский Дворец и голыми руками разнесет его по кусочкам за все зло, что из него ему причинялось.

— Народ, — сказал Конан и посмотрел на темнобрового парня, как будто видел его впервые. — Вот вы говорите о предотвращении резни, которая, мол, запятнает ваши идеалы. А как насчет тех, кто умрет тысячами, штурмуя Дворец? Как быть с ними?

— Наши идеалы и так опорочены наймом воинов за золото, — стоял на своем Стефано. — Нельзя осквернять их дальше. Все, кто умрет, станут мучениками за справедливое и славное дело!

— Ну и когда же наступит этот великий и славный день? — спросил Конан не без иронии.

— Как только Тэрас соберет тысячу человек, — ответил Гракус.

— Значит, в действительности это Тэрас даст знак о начале восстания? — Гракус медленно кивнул, и по лицу его неожиданно пробежала тень сомнения, а Конан продолжал: — Тогда я должен сначала поговорить с Тэрасом, а уж потом решать, быть ли мне вместе с вами.

У Арианы округлились глаза:

— Ты хочешь сказать, что после всего, что здесь говорилось, ты все-таки можешь отвернуться от нас? После того, как мы все тебе рассказали?

— Мы все ему рассказали! — закричал Стефано, и с каждым словом голос его становился все пронзительней и резче. — Он может предать! Наша судьба — в руках этого варвара!

Лицо Конана окаменело. Он взялся за меч двумя руками и поднял его так, что рукоятка была на уровне глаз, Стефано завизжал, как женщина, шарахаясь прочь.

Гракус вскочил на ноги. Ариана побледнела, но не сдвинулась с места.

— Клянусь вот этой сталью, — сказал Конан, — клянусь Кромом, Повелителем Курганов. Клянусь, что никогда не предам вас. — Льдисто-синие глаза встретились с глазами Арианы и удержали ее взгляд. — Я скорее умру.

Ариана шагнула вперед, пораженная до глубины души. Нерешительно она подняла руку и погладила Конана по щеке.

— Ты совсем не такой, как те мужчины, которых я знала раньше, — прошептала она. Голос ее окреп: — Я верю ему! Пусть он встретится с Тэрасом. Согласен, Стефано?.. Гракус? — Оба скульптора ошалело кивнули. — Лукас? Лукас!

— А? Что?.. — Худосочный философ вздрогнул, как будто его разбудили. — Все, что тебе угодно, Ариана. Я с тобой согласен во всем... — Тут он впервые заметил обнаженный клинок и так откинулся назад, что голова с глухим звуком ударилась о стенку. Он так

и замер в этой позе, уставившись на меч глазами, полными ужаса.

— Философы!.. — со смехом пробормотала Ариана.

— Мне надо идти, — сказал Конан, возвращая меч и ножны. — Надо встретиться с Ордо.

— Увидимся вечером, — сказала Ариана. Стефано выглядел так, будто у него неожиданно разболелся живот. — Конан, — добавила она, когда он повернулся к двери, — я доверяю тебе свою жизнь!..

Ее жизнь, думал Конан, выходя из гостиницы. Это при том, что она всей душой предана тайной подготовке восстания. А что, может, у них что-нибудь и получится. Если Тэрас, как утверждает, действительно собрал тысячу вооруженных и обученных людей. Если народ поднимется и пойдет за ними, не разбегаясь при виде сомкнутых щитов неотвратимо надвигающейся пехоты, бронированной атак тяжелой кавалерии и сотрясающих крыши ударов огромных осадных машин. Если повстанцы отложили бы в сторону свои идеалы и захватили бы Дворец, пока Золотые Леопарды ничего еще не разнюхали. Слишком много всяких «если»! Ариана связалась с делом, обреченным на провал. Так или иначе, в юности Конан дал другую клятву, сам себе, — никогда никого не предавать. Эта клятва обязывала его спасти Ариане жизнь, хотя она того или не хочет.

Глава девятая

Когда солнце переваливало за полдень, улица Сожаления начинала понемногу оживать. До вечера черного разудалого веселья было еще далеко, но карнавал уже пробуждался, готовя атмосферу будущей ночи. Покамест всего лишь сотня, не более, жонглеров подбрасывала мечи, дубинки, кольца, ножи и горящие факелы: вечером их здесь будет тысяча. Блудниц — яркие губы, запах духов, браслеты, легкие одежды из яркого шелка и привлекательные позы — тоже едва насчитывалась жалкая сотня. Когда стемнеет, две тысячи таких будут прохаживаться по улице. Богатые купцы и знатные господа в дорогой одежде прогуливались по улице в сопровождении одного-двух оруженосцев; к ночи за каждым будет следовать войско.

Часто встречались носилки. Несли их мускулистые рабы, вокруг шагала вооруженная охрана. В носилках восседали разодетые пылкие женщины, которые соперничали на улице Сожаления с теми, кого заставляла продаваться нужда. И среди всего этого кишело несчетное множество ободранных попрошаек...

Конан шел по улице, ни на что не обращая внимания. Однако он не удержался от смеха, когда, найдя наконец «Полную Луну», увидел ее вывеску. На деревянной доске, красовавшейся над входом, была нарисована голая женщина, стоящая на коленях спи-

ной к зрителю и склонившаяся вперед. Сияющие ягодицы ни дать ни взять отражали солнце. Ну, теперь понятно, что привело сюда Ордо...

И тут внимание варвара привлекли носилки с красными занавесками и черными, отделанными золотом столбиками. Он мог бы поклясться, что это были те самые, что он видел в свой первый день в Бельверусе. Носилки женщины, закутанной в покрывало; в тот раз она смотрела на него так странно... Вот алая занавеска сдвинулась в сторону, и снова его глаза встретились с глазами женщины под серым покрывалом. Издали он не мог разобрать цвета глаз, но вот разрез их, чуть-чуть косой, был ему определенно знаком. То есть до боли знаком; если бы только он мог вспомнить...

Конан покачал головой. То ли память подводила его, то ли воображение разыгралось не в меру. Не менее сотни знакомых ему и уж точно тысячи совсем не знакомых ему женщин запросто могли иметь такие глаза. И он повернулся, чтобы войти в «Полную Луну».

В это время сзади, каким-то образом не растворившись в уличном шуме, долетел женский смех, похожий больше на всхлип. Конан круто обернулся, по спине пробежал мороз. Смех этот был до того знаком, что Конан был уверен: открой он рот, и губы сами назовут имя. Но женщина уже скрылась, на улице остались одни потаскушки. Носилки поглотила толпа. Киммериец пошевелил в ножнах меч и поясной кинжал, как будто привычное движение могло вернуть ему душевное равновесие. Что-то я слишком разволновался из-за Арианы, сказал он сам себе. Надо будет как следует расслабиться вместе с Ордо за кружкой вина, любясь достоинствами этой, как ее, танцовщицы.

Он решительно двинулся внутрь «Полной Луны».

В общей комнате шибало в нос запахом прокисшего вина и несвежих духов. Народу было мало, две

трети столиков пустовало. Мужчины сидели, ссутулившись над кружками: горькое вино, горькие мысли... Две пронзительные флейты и цитры сопровождали выступление сразу семи танцовщиц. У каждой в руках было по куску красного полупрозрачного шелка. Девушки попеременно закрывали им то лицо, то обнаженную грудь. На округлых бедрах низко сидели узкие позолоченные пояса. С них свисали медные пластинки, стыдливо прикрывавшие низ живота. На пластинках была начертана цена, за которую можно было уединиться с девушкой наверху.

Все танцовщицы были прекрасно сложены, но Конан не нашел среди них ни одной, которая могла бы вправду поразить воображение Ордо, как об этом говорилось в послании. Ну, может, есть и другие, думал Конан. Глядишь, еще появятся... Как только он уселся за столик, ближайший к помосту, на котором извивались танцовщицы, у его локтя возникла пухленькая служаночка. На ней только и было, что полоска муслина вокруг бедер.

— Вина,— приказал Конан, и она поспешила прочь.

Только варвар собрался как следует поглазеть на танцовщиц, как почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. К его столику нерешительно подошел тощий философ, Лукас.

— Мне надо... можно мне поговорить с тобой, Конан?

Говоря так, Лукас все время нервно оглядывался, словно боялся, что кто-то станет подслушивать. Но во всем зале не были полностью поглощены вином лишь три темнокожих кофийца; в волосы у них были вплетены металлические кольца, а к предплечьям пристегнуты карпашские кинжалы. Похоже, они спорили, действительно ли танцовщицы достойны цены, обозначенной у каждой на медной пластинке. Тем не менее Лукас только что не упал на табуретку против Конана, почти лег грудью на стол

и, понизив голос до отчаянного шепота, быстро заговорил, словно боялся, что его могут в любой момент прервать, причем самым жестоким образом.

— Мне обязательно надо поговорить с тобой, Конан! Я шел следом... Твой меч! Я сразу все понял, как только увидел его. Только ты! Только ты можешь сделать это... Я... Я не гожусь. Я не человек действия.— По узкому лицу поползли капли пота, хотя в таверне царили тень и прохлада.— Ты ведь все понял, правда?

— Ни единого слова,— сказал Конан.

Лукас крепко зажмурился, бормоча что-то себе под нос. Когда он снова открыл глаза, то, казалось, сумел овладеть собой.

— Но ты согласен, что Гариана пора сместить, ведь так?

— Это ваши планы,— ответил Конан уклончиво.

— Но...— Голос Лукаса встревоженно зазвенел. С видимым усилием он вновь вернулся к шепоту: — Надо все изменить, и немедленно! Мы не можем больше ждать! Помнишь, что случилось на днях? Солнце потемнело! Земля задрожала! Боги отвернулись от Немедии... Это был знак! Это указание нам — убрать Гариана, пока они сами не уничтожили его, а с ним вместе и весь Бельверус!

Бог Конана, Кром, Темный Властелин Курганов, давал человеку жизнь и волю. И все. Конан что-то не замечал, чтобы другие Боги проявляли о своих чадах больше заботы. А что касается потемневшего неба и содроганий земли, это всего лишь означало, что в Бельверусе кто-то забавлялся магией, несмотря на запрет Гариана. Конану не слишком все это нравилось, но он, по счастью, был тут ни при чем. И ввязываться ни в коем случае не собирался.

Он только сказал:

— Думаешь, пора переходить от слов к делу? Но со мной-то что обсуждать?..

— Нет, ты не понимаешь. Не о том речь. Тут другое. И гораздо более срочное... — Теперь тощее лицо Лукаса просто блесело от пота, а голос дрожал, но говорил он тихо. — Понимаешь, нам помогут проникнуть во Дворец. С ножами. Гариан должен умереть! Немедленно! Но сам я не могу. Не такой я. Ты — человек решительных действий. Иди вместо меня!

— Я не наемный убийца, — недовольно проворчал Конан.

Лукас вскрикнул шепотом, глаза забежали по сторонам.

— Тише!.. — почти простонал он. — Ты не понимаешь! Ты должен...

— Да все я отлично понимаю, — холодно бросил Конан. — Повтори еще раз — и получишь в зубы... — Неожиданно совсем другая мысль пришла ему в голову: — Ариана знает об этом?

— Не говори ей! Никому не говори! Ох, не надо было мне с тобой разговаривать... — Лукас встал и начал пятиться прочь от стола, беспомощно разводя руками в воздухе: — Все-таки подумай об этом, Конан, а? Сделашь это? Ну что тебе стоит? Ты подумай...

Киммериец сделал вид, что встает. Философ, писнув, ринулся к выходу и вывалился на улицу.

Конан презрительно и зло скривил губы. Что за дела! Вообразить, будто он согласится стать наемным убийцей! Конечно, ему приходилось убивать, скорее всего, и еще придется, но убивал он только потому, что другого выхода не было. А вовсе не потому, что ему за это платили. Ну да ладно с этим. Только как же Ариана?... Конан понимал: если этот Лукас, обливающийся потом от страха, и попадет как-то во Дворец, то его непременно схватят. А когда ему дадут только понюхать раскаленные кандалы и щипцы, этот философ выболтает все известные ему имена вплоть до прозвания своей матушки. Я-то в случае чего удеру, рассуждал киммериец, но вот Ариана попадется, как лань в ловушку. Ладно,

сейчас явится Ордо, решил Конан, мигом разыщем Ариану и предупредим ее о Лукасе...

Думая об Ордо, он вспомнил и о заказанном вине.

Куда же запропастилась служанка? В зальчике ее нет, это уж точно... Во всей таверне никто не двинулся, за исключением танцовщиц да трех кофийцев: те подбирались поближе к помосту, видимо, решили получше рассмотреть все, за что собирались платить.

Конан хотел было уже встать и пойти поискать служанку, но в это время один из кофийцев заорал на него:

— Я уже говорил тебе, варвар, — она моя!

Отточенным движением все трое скрестили руки и вытащили кинжалы. Флейты захлебнулись, танцовщицы с визгом кинулись врассыпную, а трое с кинжалами набросились на могучего киммерийца. Шесть рук — шесть клинков.

Конан швырнул им под ноги стол.

— Глупцы, — закричал он, вскакивая на ноги, — не за того меня приняли!

Два кофийца успели отскочить в сторону, один же упал, подкатился к Конану и вскочил на колени, делая выпад. Конан втянул живот, и лезвия скользнули по кольчуге в разные стороны. Больше кофиец не успел ничего предпринять: колено Конана снизу вверх врезалось в его костлявый подбородок. Зубы и кровь разлетелись веером. Не успели кинжалы выпасть из обессилевших рук, а их хозяин — растянуться на грязном полу, как Конан уже сжимал в руках меч и кинжал, держа их низко, наготове.

— Вы, верно, приняли меня за другого, — повторил он.

Оставшиеся двое, явно мастера своего дела, разошлись в стороны и, приближаясь, по-кошачьи готовились к прыжку. За столиками оживились: посетители бились об заклад — кто кого.

— Никогда не видел ни вас, ни вашу женщину...

Но кофийцы продолжали двигаться, собираясь напасть с разных сторон. Кинжалы они держали опущенными, хотели ударить под кольчугу.

— Нет, нам нужен именно ты... — подал голос один из кофийцев. Конан невольно покосился на него, и в этот-то миг второй прыгнул вперед.

Однако киммериец тоже был настороже. Мало ли куда он смотрел — главное, куда устремился его меч. Нападавший кофиец страшно закричал: его правая кисть внезапно исчезла, вместо нее фонтаном забила кровь. Отчаянно сжимая обрубок, кофиец пошатнулся и стал оседать на пол. С каждым ударом сердца на одежду выплескивалась еще порция крови.

Конан крутанулся навстречу третьему, но у того явно отшибло охоту заканчивать дело. На смуглом лице был написан животный ужас. Остановившимися глазами смотрел он на своих приятелей: один лежал без сознания, второй истекал кровью...

Могучий киммериец наставил на него меч:

— Вот что, давай-ка рассказывай, какого...

Внезапно в дверях выросло не менее дюжины городских стражников. Они ворвались в таверну и с мечами наголо поспешили к месту боя. Шедший первым указал на Конана и закричал:

— Вот он!

Отряд слитной массой ринулся вперед, расталкивая зевак и опрокидывая в спешке столы.

— Кром! — пробормотал Конан. Кажется, они и спрашивать не собираются, кто и почему начал драку. Вскочив на узенький помост, варвар ринулся к двери, в которую убежали танцовщицы. Заперто!

— Взять его! — ревели сзади. — Руби!..

Завсегдатаи таверны рады были бы убраться у стражников из-под ног, но попросту не успевали. А тем было не до учтивости: они кинулись на помост, сметая все на своем пути.

Конан быстро сделал шаг назад и всем телом обрушился на хлипкую деревянную дверь. Полетели

щепки: дверь разлетелась вдребезги, и варвар вывалился в узкий коридор, где столпились верещавшие танцовщицы. В конце коридора киммериец разглядел дверь, выводившую на улицу. Растолкав полуодетых девиц, он живо оказался у выхода. Неожиданно остановившись, он вдруг обернулся назад, сделал зверское лицо и зарычал, потрясая мечом над головой; танцовщицы в панике ринулись обратно на помост. С той стороны послышался злобный мужской рык: стражники, гнавшиеся за Конаном, прочно застряли в толпе женщин, напуганных до истерики.

Это их задержит, подумал Конан. Хотя бы на время. Возвратив меч в ножны, он поспешил на улочку, что была за таверной. Улочка была чуть шире, чем его плечи, она извивалась, как змея, и притом пропахла рвотой и экскрементами. Варвар выбрал направление и двинулся сквозь жужжащие рои мух.

Но не успел он добраться до первого поворота, как сзади закричали:

— Вот он!

Ему хватило одного взгляда через плечо: стражники уже выбирались на улочку. Нет, Боги меня точно покинули, думал варвар. Ну это же надо, чтобы именно мне достались стражники, вздумавшие рьяно исполнять свой долг. Ведь таких в Бельверусе днем с огнем не найдешь! Может, им женщины не понравились?.. Как бы то ни было, команда в черных плащах мчалась за варваром, вопя и оскальзываясь в грязи.

Конан тоже побежал, кое-как удерживая равновесие. Повороты были крутые, и всякий раз он врезался плечом в углы, оббивая с обшарпанных, заплесневелых стен последнюю штукатурку. Другая, столь же извилистая улочка пересекла его путь, и он свернул не раздумывая. Вот и еще какой-то проход, вернее, узкий лаз между темными стенами... Конан юркнул в него. Сзади слышались проклятия преследователей.

На бегу варвар понял, что попал в сущий лабиринт — путаницу древних ходов и выходов, затеряв-

шуюся в стороне от обычных улиц. Дома, казалось, были готовы вот-вот обрушиться и завалить улочки мусором. Когда-то все эти дома были, несомненно, одноэтажными. Но годы шли, требовались новые помещения. Вширь строить было негде, поэтому начались бесконечные надстройки, одна поверх другой. Теперь все это напоминало непонятно как держащуюся грудую оштукатуренных коробок, крытых серой черепицей.

И вот в таком месте ему выпало удирать от преследователей, как лисице от гончих. Если повезет, он выберется отсюда, прежде чем его схватят. А удача-то сегодня как раз, похоже, и скисла. Был, правда, еще один выход — выход, как раз подходящий для уроженца льдистых хребтов и утесов Киммерии...

Могучим прыжком бросив свое тело вверх, Конан ухватился за край крыши, подтянулся и ничком лег на сланцевую черепицу. Проклятия и крики стражников послышались ближе, зазвучали прямо под ним, начали удаляться...

— Он там, наверху! — закричал вдруг кто-то. — Я вижу его ногу!

— Потроха и кишки Эрлика! — вырвалось у Конана.

Насчет скисшей удачи было еще мягко сказано. Похоже, она попросту сгнила... Стражники начали карабкаться на крышу. Не теряя времени, киммериец перебежал по черепице, взобрался на следующий этаж, перебежал через него и спрыгнул ниже. Но тут черепица затрещала под ногами, и он, как гирия, провалился внутрь дома.

Слегка оглушенный, Конан кое-как выпрямился среди груды черепичных осколков. Э, да он тут был не один! В тени дальней стены, лица было не разглядеть, стоял крупный мужчина в ничем не украшенном, но явно дорогом синем плаще. От изумления он выругался, как последний житель трупоб. Другой, с рябым от какой-то болезни лицом и короткой куд-

рявой бородой, просто в недоумении таращился на Конана.

Однако внимание варвара привлек третий, в сером плаще поверх алой одежды. Вся его внешность — хищное лицо, обсидианово-черные глаза, темные волосы, тронутые сединой на висках, — говорили о том, что он рожден повелевать. Этот человек тут же коротко приказал:

— Убить.

Кром, подумал Конан, доставая меч. Да что сегодня, весь Бельверус стоворился меня убивать?.. Рябой взялся было за меч...

— Вот он! Он провалился!.. — закричали наверху. Люди в комнате застыли, только у рябого подергивалась щека.

— Вон там дыра в крыше! Серебряную монету за первую кровь!

Мрачный, как сама смерть, человек в алом и сером поднял когтистую руку, точно собирался ударить Конана с другого конца отнюдь не маленькой комнаты. Было слышно, как стражники спрыгивали на крышу.

— Некогда, — проворчал хищнолицый.

Повернувшись, он царственной походкой вышел из комнаты. Его спутники тут же исчезли следом за ним.

Конану вовсе не улыбалось ни стражников встречать, ни идти за этими тремя. По счастью, на глаза ему попала старая тряпка, висевшая на стене надобие шпалеры. Не иначе, за ней что-то есть! Конан отдернул тряпку... и точно, дверь! А за дверью — комната, пыльная и совершенно пустая. Но вот еще одна дверь, а за ней прихожая. Когда Конан прикрыл эту последнюю дверь, стражники со стуком и грохотом спрыгивали через дыру в крыше.

Как ни странно, коридор вывел Конана не обратно в лабиринт, а на вполне нормальную улицу. Улица была совершенно пуста, если не считать неряшливой

стареющей толстухи, которая приоткрыла дверь и зазывно улыбулась варвару. Зубов во рту у нее не хватало. Конан внутренне содрогнулся и поспешил вперед.

Когда он вернулся в гостиницу, то сразу же увидел Ордо, мрачно созерцавшего кружку с вином. Конан опустился на табуретку напротив него.

— Ордо, передавал ты мне записку с просьбой встретиться в «Полной Луне»?

— Что? И не думал...— Ордо покачал головой, не поднимая взгляда от кружки.— Слушай, киммериец, может, хоть ты мне объяснишь что-нибудь? Разбираешься ты в женщинах? Вхожу я, понимаешь, в гостиницу, говорю Керине, что у нее самые прелестные в Бельверусе глазки, а в ответ получаю по морде, и еще она говорит, что она думает, что я думаю, что у нее грудь будто бы слишком маленькая...— Ордо скорбно вздохнул.— А теперь и вовсе разговаривать со мной не хочет.

— Кажется, я могу тебе кое-что объяснить,— сказал Конан и вполголоса рассказал о послании, исшедшем якобы от одноглазого, а потом все остальное, что случилось в «Полной Луне».

Ордо понял с полуслова:

— Так, значит, они охотятся за тобой. Кто бы ни были эти воины. Думали, если кинжальщики не прикончат, то Городская стража уж точно...

— Да уж,— сказал Конан.— Стражники так рьяно преследовали меня, что стало ясно — кто-то подкинул им золотишка. Знать бы еще кто...

Ордо провел широким пальцем по луже вина на столе.

— А не кажется тебе, Конан, что лучше будет совсем убраться из Бельверуса? Можно отправиться, допустим, на юг. В Офире нынче тоже намечается потеха, так что Свободный Отряд и там кому-нибудь да пригодится. Говорю тебе, не нравится мне это! Кто-то ищет твоей смерти, а мы и понятия не имеем кто!

Я знал с самого начала: надо было тебе послушаться того слепого предсказателя...

— Ты знал...— Конан покачал головой.— Положим, двинусь я на юг. И что? И прощай отряд. Кое-кто не захочет терять заработок, который имел здесь, а остальным я должен буду платить, пока мы не найдем работу в Офире, а золото мое уже тую-тую. И потом, я и сам не все дела доделал здесь, в Бельверусе.

— Дела? Конан, скажи мне скорее, что не собираешься впутывать нас в это... в это пустое ребячество — восстание...

— Не совсем так...

— Не совсем...— с безнадёжным видом повторил Ордо.— Скажи мне прямо: что ты затеваешь?

— Хочу заработать немного золота,— ответил Конан.— Выяснить, кто домогается моей смерти, и разобраться с ними. Да и, конечно, спасти Ариану от топора палача. Ты ведь тоже, наверное, не хочешь, чтобы отрубили прелестную головку Керины? А?

— Ну... положим...— ворчливо ответил одноглазый.

Посмотрев по сторонам и отыскав взглядом Керину, Конан помахал ей, приглашая подойти к ним. Поколебавшись, она подошла, сердитая и неприступная.

— Ариана здесь? — спросил ее варвар. Первое, что следовало сделать во имя спасения ее головы, это немедленно сообщить ей о Лукасе. Пусть остановит его, пока не поздно.

— Она вышла,— был ответ. Смотрела Керина только на киммерийца, как будто Ордо не существовало вовсе.— Она сказала, что ей надо организовать тебе какую-то встречу.

— Кстати, о якобы моем послании сегодня днем...— неожиданно произнес Ордо.

Керина грациозно наклонилась вперед и вылила кружку с вином Ордо на колени. Он вскочил на ноги, ругаясь на чем свет стоит, а Керина ушла.

— Отсечение головы — слишком легкая смерть для нее! — проворчал Ордо. — Ну вот что! Поскольку нас обоих, похоже, бросили, пойдем-ка мы на улицу Сожаления. Знаю я там одно местечко, стоит назвать его — даже шлюхи краснеют!

— Надеюсь, это не «Полная Луна», — засмеялся Конан.

— Да что ты, киммериец! — И Ордо запел. Его пение, правда, больше напоминало вопли больного осла. — «Знавал я красотку из Альцибина, сосочки ее — что рубины, волосы — мед, жаль, снизу — лед, а...» — В общей комнате вдруг настала гробовая тишина. — Конан, что ж ты не подтягиваешь?

Конан засмеялся и поднялся на ноги. Распевая во все горло совсем уж непристойный второй куплет, они торжественно вышли из гостиницы, провожаемые ошарашенными взглядами онемевшей публики.

Глава десятая

Ты уверен? — строго спросил Албанус. Закругленный потолок просторной комнаты поддерживали мраморные колонны. С потолка на цепях свисали золотые лампы. Игра света и тени на лице Албануса делала его похожим на волка, двоюродным и куда более жестоким братом которому он, в общем, и приходился.

Настроение у Деметра было вконец испорчено: Албанус заставил ждать в прихожей и уже тем порядочно обозлил. А тут еще такой недоверчивый тон!

— Ты сам хотел, чтобы следили за Сефаной, — пробормотал он. — Я и следил. И я уверен. Неужели я пришел бы среди ночи, если бы у меня остались сомнения?

— Иди за мной, — приказал Албанус таким тоном, каким обращаются к слуге.

Он словно и не заметил, что у юного женоненавистника побелели губы и сжались кулаки. Подумаешь, обида ничтожного слуги. Важно, что Деметр пошел следом, как ему велели. Албанус уже полностью вошел в роль короля. В конце концов, это дело всего лишь нескольких дней. Он заканчивал последние приготовления.

Мрачно глядя перед собой, Албанус направлялся прямо в комнату, где столько раз забавлялся с Суларией. Но сейчас женщины там не было. Албанус

особым образом подергал парчовую ленточку колокольчика и без промедления подошел к письменному столу.

— Когда? — потребовал он ответа, открывая серебряную чернильницу. Приготовив перо и пергамент, он быстро и размашисто начал писать. — Сколько у меня времени до того, как она начнет действовать?

— Я не посвящен в ее планы, — резко ответил Деметр. — Разве тебе не достаточно, что нынче ночью она собирает к себе всех сообщников?

— Дурак! — проскрежетал Албанус.

Быстрым движением он посыпал не успевшие просохнуть чернила песком из серебряного ларчика. Зажег огонь под маленьким горшочком с воском. Вошел раб. На нем была короткая белая туника, вышитая по краю узором, означавшим принадлежность к дому Албануса. Господин даже не взглянул на раба. Стряхнув песок и сложив пергамент, он капнул на него воском и приложил печать.

— Когда доносчик пришел к тебе, Деметр, там уже собрались все сообщники?

— Он поспешил ко мне сразу же, как появился третий. Она не стала бы собирать этих троих вместе, если бы не намеревалась нанести удар сегодня же ночью.

Проклиная все на свете, Албанус вручил пергамент рабу.

— Передай лично в руки командиру Ведженту. Срочно. Ответишь жизнью. Иди.

Слуга поклонился и почти выбежал из комнаты.

— Если собрались еще не все, — сказал Албанус, когда раб вышел, — может, удастся остановить ее прежде, чем она попадет во Дворец. — Он быстро подошел к лакированному сундуку и открыл его ключом, висевшим на шее. — И я сумею это сделать...

Деметр с потаенным страхом осматривал сундук и его содержимое.

— Как? Убьешь ее?

— Нет в тебе королевской закваски, — засмеялся Албанус. — Найти наказание, соответствующее и преступнику, и преступлению, — это тонкое искусство. Стань в сторону и молчи...

Второго предупреждения не понадобилось. Знатный юнец спрятал нос в ароматический шарик: ведь всем известно, что колдовству обычно сопутствует зловоние. Но больше всего сейчас он хотел оказаться где-нибудь в другом месте, желательно подальше...

Небрежно смахнув со стола бесценную чашу из джиргизского хрусталя, которая вдребезги разбилась на полу, Албанус положил на ее место круглый серебряный поднос. Гравировка на нем была такая замысловатая, что глазу делалось больно, если кто-либо пытался проследить узор. Албанус торопился. Быстро подтянул ниспадавшие рукава темно-синего одеяния, открыл небольшой пузырек и обвел алой жидкостью часть узора на подносе, нараспев бормоча себе под нос какие-то заклинания. Алая жидкость распространилась по всему подносу, повторяя тончайшие линии гравировки на серебре. Получился все тот же замкнутый замысловатый узор, только красный. Нигде ничего не размазалось.

Давным-давно уже Албанус заполучил волосы Сефаны — подкупленные девушки-служанки отдали ему то, что оставалось на расческе после причесывания госпожи. Измельченные в порошок, они теперь наготове лежали в пакетике. Албанус высыпал содержимое в ступку, изготовленную из черепа девственницы. К этому было добавлено еще несколько составляющих, точно отмеренных в полированной чашечке золотых весов. Все это Албанус смешал пестиком из бедренной Кости ребенка.

Получившейся адской смесью он покрыл те линии узора на подносе, в которые не проникла алая жидкость. Порошок и жидкость образовали каждый свою фигуру, но не пересекались, хотя части одной фигуры, казалось, местами были внутри другой, и

наоборот. Какие именно части, взгляд не мог проследить. Долго смотрящий на колдовской узор чувствовал: глаза застилает пелена, голова кружится, а к горлу подступает тошнота...

Мгновение Албанус помедлил, наслаждаясь сделанным и предвкушая дальнейшее. Одно дело — засуха; совсем другое — поразить таким образом человека. От подноса исходило нечто, исходило и разливалось по всему телу Албануса. Наслаждение заполняло, словно в миг обладания женщиной. Все его существо требовало продлить, продлить это блаженство. Но он знал, что времени мало.

Протянув руки, он нараспев заговорил на давно умершем языке. Голос взывал и приказывал. Порошок и жидкость начали светиться. Слова Албануса зазвучали еще более настойчиво.

Когда тайные заклинания достигли ушей Деметра, он стал пятиться назад, пока не уперся в стену. Он не понимал ни единого слова, но звуки пронзали его голову, а душа, казалось, постигала сказанное. Все злое, что таилось в глубине сознания знатного юноши, откликнулось на призывные слова заклинания и зажглось тоненькой лучинкой рядом с мрачно светящейся глыбой свершающегося колдовства. Деметр наверняка закричал бы, если бы от ужаса не перехватило горло; беззвучные вопли эхом отдавались в темноте содрогнувшегося разума...

Голос Албануса не стал громче, однако от его слов стены будто ходили ходуном. Гобелены волновались, как от ветра, хотя воздух оставался неподвижным. Свечение серебряного подноса становилось все ярче и ярче, пока не стало болезненно резать глаза даже сквозь закрытые веки. На подносе уже не было ни порошка, ни жидкости, только горящий туман, который все еще сохранял форму узора и казался более плотным, чем породившие его вещества.

Раздался хлопок, неожиданный и резкий, как удар грома, и туман исчез. Гравированный поднос остался

абсолютно чистым. Глаза некоторое время еще ощущали свечение, затем и это пропало.

Албанус тяжело вздохнул и опустил руки.

— Готово, — пробормотал он. — Все кончено...

Он поднял глаза и встретился взглядом с Деметром; молодой человек невольно содрогнулся.

— Государь мой, Албанус, — сказал Деметр. Смирение и покорность переполняли его. — Дерзну повторить снова и снова, — продолжал он, подгоняемый страхом, — что служу тебе всем, чем могу. И самая заветная мечта моя — увидеть, как ты по праву займешь Трон Дракона.

— Ты хороший слуга? — спросил Албанус, искривив губы в ухмылке.

Лицо молодого человека на мгновение вспыхнуло гневом, но он сдержался:

— Да... Голос Албануса был спокойным, но резал без ножа:

— Тогда молчи до тех пор, пока снова мне не понадобится.

На сей раз Деметр побледнел как полотно; Албанус заметил это, но не проронил ни слова. Что ж, юнец, похоже, начинает понимать, что к чему и где его настоящее место. С его помощью Албанус многое разузнал. Если он и впредь будет знать свое место, можно будет, пожалуй, даже оставить его в живых...

Очень тщательно Албанус запер лакированный сундук. В глазах его не было и тени милосердия.

— Пошли, — сказал он, отходя от сундука. — У нас мало времени. Надо встретиться с остальными...

Албанус заметил, что с губ Деметра готов сорваться вопрос: кто эти остальные? Но вопроса не последовало, и Албанус позволил себе улыбнуться. Так и следует вести себя с королем, принимать то, что дают. О, какое это будет наслаждение, когда вся Немедия станет вот так же ползать у его ног. А может, и не только Немедия. Что ему границы, неизвестно кем установленные?..

Они быстро надели теплые плащи, так как стояла уже ночь, и вышли из дворца. Четыре раба несли факелы, два впереди, два сзади. Десять стражников, вооруженных и в броне, окружали Албануса, когда он шел по темным улицам. Бряцало железо, поскрипывала кожа. То, что стражники охраняли заодно и Деметра, было чистой случайностью.

На улицах никого не было видно. Хотя довольно часто слышались торопливые шаги: разбойники и прочие люди, скрывавшиеся в потемках, спешили убратся с дороги. Иногда ветер доносил обрывки шума с улицы Сожаления. В основном же люди сидели по домам. Вот только не всем спалось спокойно: тому, кто не мог нанять охрану, оставалось лишь молиться, чтобы в эту ночь его дом не ограбили.

Вокруг дворца Сефаны раскинулся сад, обнесенный стеной из алебаstra. За стеной высились канелированные мраморные колонны фасада. Когда Албанус и сопровождающие его достигли дворца, с другой стороны улицы появились люди с факелами. Албанус остановился недалеко от ворот, молча ожидая, чтобы его должным образом приветствовали.

— Ты, что ли, Албанус? — донесся ворчливый голос Веджента. — Мерзкая ночь и мерзкое дело — перерезать глотку одному из моих капитанов...

Рот Албануса скривился. А вот этому придется умереть, будь он хоть тысячу раз полезен. Он подождал отвечать, пока Веджент и все, кто был с ним, не подошли вплотную. Командира сопровождали двадцать Золотых Леопардов. Плащи у всех были откиннуты, чтобы не помешали сразу вытащить меч. Десять человек несли факелы.

— По крайней мере, тебе удалось избавиться от Базиса. Нашел ли ты варвара?

— От Тэраса нет никаких вестей! — сказал рослый воитель. — Судя по тому, как гналась за ним стража, этот варвар, похоже, обыкновенный вор или убийца. Он нам ни к чему.

Албанус смерил Веджента презрительным взглядом.

— Наша встреча была прервана, и это не может не заботить меня. Почему стража так преследовала его?! Давно уже не было слышно о подобном рвении с их стороны...

— Это тебе не случай с Мелиусом. У меня нет основания допрашивать стражников!

— Ну так выдумай его, — приказал Албанус. — А сейчас — взломать ворота!

Веджент тихо отдал распоряжение. Шестеро солдат быстро подошли к стене, разделившись на две группы. В каждой тройке двое схватились за руки и подняли третьего. Те двое, что оказались на стене, положили плащи на острые черепки, беспорядочно усеявшие верхушку стены, живо перебрались на другую сторону и спрыгнули вниз. Послышались придушенные крики, которые, впрочем, очень быстро оборвались. Проскрежетали мощные засовы, и ворота распахнулись. Албанус вступил внутрь, не бросив даже взгляда на охранника, что лежал в луже крови, хотя сюда как раз падал свет из сторожки около ворот.

Веджент приказал еще двум солдатам остаться около ворот. Остальные последовали за зловещим колдуном через живописный парк к самому дворцу, украшенному белыми колоннами и узорчатыми карнизами. Широкая мраморная лестница вела на просторную галерею. Несколько солдат побежали вперед: взламывать высокую дверь на бронзовых петлях. Вскоре дверь затрещала и отворилась.

В просторной прихожей, среди множества колонн, стояло около полудюжины напуганных людей. Они с ужасом взирали на ворвавшихся солдат, которые быстро окружили их, держа мечи наготове.

— Всех убрать, — на ходу бросил Албанус. И, не останавливаясь, прошел прямо к алебастровой лестнице. Деметр тащился следом.

За их спинами слышались крики и мольбы о пощаде: схваченных повели прочь.

— Нет! — кричал один человек, тощий, с длинным носом. — Не я должен был сделать это! Я только... — Сапог Веджента отбросил его за пределы слышимости.

Албанус переходил из зала в зал, направляясь в спальню Сефаны. Не в первый раз он проходил здесь. Хотя причины были более приземленные, думал Албанус, открывая дверь, сейчас он насладится, пожалуй, больше прежнего.

Деметр неуверенно вошел следом за Албанусом, со страхом ища следы разрушения, причиненного колдовством. Казалось, все на месте, ничего и не произошло. Только вот Сефана что-то уж слишком неподвижно лежала на роскошной кровати. Она даже не пошевелилась, когда они вошли. Она лежала обнаженная, сжимая в руках рубашку синего шелка, как будто собиралась надеть ее, да передумала и прилегла. Албанус довольно захихикал. Его сухой смехок более всего напоминал звук трещотки гремучей змеи.

Юноша опасливо подобрался поближе. Глаза Сефаны были открыты, в них была жизнь, они видели! Деметр дотронулся до ее руки, и у него перехватило дыхание. Рука оказалась твердой как камень...

— Да, она жива, — неожиданно сказал Албанус. — Живая статуя. Теперь ей не надо беспокоиться, что красота с возрастом увядает.

Деметр содрогнулся:

— Не проще ли было убить ее?

Хищное лицо знатного господина обратилось к юноше, взгляд должен был изображать благожелательность, но как же страшен он был!

— Король должен заботиться о наглядных уроках для подданных. Тот, кто захочет предать меня, сразу вспомнит об участии Сефаны и задумается о своей собственной. Встретить смерть гораздо легче. Ну что, предашь ты меня, Деметр?

Во рту у любителя благовоний вдруг стало так сухо, что язык не поворачивался. Он смог только покачать головой.

Смеясь, в комнату вошел Веджент:

— Слышали вы, как они кричали и молили о пощаде? Как будто слезы и мольбы могли остановить нас!

— Все уничтожены? — спросил Албанус. — Все, кто был под этой крышей? Слуги, рабы?

На грубом лице рослого солдата появилась жесткая ухмылка, он провел большим пальцем поперек горла.

— Все до одного — в сточной яме. Один из них — он все повторял, что его зовут Лукас, как будто это имело значение, — рыдал, точно баба, и знай твердил, будто не он, а какой-то Конан должен был все сделать. Все по их... Э, да что с тобой, Албанус?

На сей раз хищное лицо побледнело. Глаза Албануса впились в глаза Деметра.

— Конан... Так звали того, у кого ты купил меч! — Деметр кивнул, но Албанус смотрел как будто сквозь него. Он заговорил шепотом, не замечая, что размышляет вслух: — Совпадение? Не иначе, Боги вмешались в это дело! Когда они вот так сплетают судьбы людей в один клубок, тому всегда есть причина. Опасно, очень опасно... Я не могу рисковать...

— Быть не может, чтобы это был тот же человек! — запротестовал Веджент.

— Двое с одним и тем же варварским именем? — резонно возразил Албанус. — Не думаю. Найти его! — Обсидиановые глаза будто пробуравили насквозь по очереди каждого из них. Зло, которым дышали эти глаза, заставляло живых людей каменеть. — Голову Конана мне!

Глава одиннадцатая

Конан вылил на голову еще один ковш воды и обвел мутным взглядом задний дворик гостиницы «Феста». И первой, кого он увидел, была Ариана. Она стояла, скрестив руки, и очень неодобрительно поглядывала на него.

— Чего еще ждать, если шататься по неведомым тавернам, пить и кутить до рассвета... — сказала она жестко. — Еще не так голова разболится...

— У меня не болит голова, — ответил Конан. Взяв грубое полотенце, он насухо вытер лицо и волосы. Спрятав лицо в полотенце, он скривился от боли. Только бы не начала кричать... Если закричит, череп точно лопнет.

— Я искала тебя вчера вечером, — продолжала Ариадна. — Мы договорились о встрече с Тэрасом, хотя вначале он наотрез отказывался. У тебя мало времени. Я объясню тебе, куда идти.

— А ты не идешь?

Она покачала головой:

— Он и так зол, что мы связались с тобой. Говорит, мол, мы ничего не понимаем в воинах, не знаем, как отличить плохого от хорошего. Правда, когда я рассказала ему о тебе, он изменил свое мнение. Ну да встретится с тобой сам и решит окончательно. Но из нас больше никто не должен приходить. Этим он дает нам понять, что сердит.

— Ну и шут с ним. — Конан отбросил полотенце и задумался, подбирая слова. — Слушай, надо кое о чем поговорить, а именно о Лукасе. Не подвел бы тебя этот парень под...

— Лукас? — протянула Ариана скептически. — Лукас? Да каким образом?..

— Не далее как вчера он подвалил ко мне в таверне с бредом сивой кобылы — убить Гариана. Он имел в виду нанять меня для убийства. Если он будет продолжать в том же духе, а может, еще и сам попробует...

— Глупости! — перебила Ариана. — Если кто из нас и говорил о решительных действиях, то только не Лукас. Какое убийство? Его не волнует ничего, кроме философии и женщин!

— Женщин! — засмеялся рослый киммериец. — Этот тощий червячок?

— Вот именно, мой мускулистый друг, — ответила она лукаво. — Между прочим, те женщины, что знали его, считают Лукаса бесподобным любовником...

— Может, и ты? — проворчал Конан, невольно сжимая тяжелые кулаки.

Мгновение она молча смотрела на него, потом глаза вспыхнули гневом:

— Я не принадлежу тебе, киммериец! У тебя нет никакого права допрашивать меня, что у меня было или не было с Лукасом или с кем там еще!

— Что это вы тут говорите про Лукаса? — сказал Гракус, быстро входя во дворик. — Вы его видели? Не знаете, где он?

— Нет, — огрызнулась Ариана, непроизвольно краснея. Что за манера подкрадываться незаметно, точно какой-нибудь соглядатай?

Но Гракус ничего не слышал, кроме того, что Лукаса здесь нет.

— Его не видели с прошлого вечера. И Стефано тоже... Так что когда я услышал его имя... — И Гракус невесело засмеялся. — Может, мы еще переживем

потерю одного-двух философов, но если они уже и до скульпторов добрались...— Он снова засмеялся, но лицо у него было болезненно-зеленое.

Ариана тут же стала успокаивать его.

— Они вернутся.— Она ласково положила руку на плечо скульптора.— Разве не доводилось им прокутить всю ночь напролет? Вот и Конан только что вернулся...

— А что с ними могло случиться? — спросил Конан.— Чего вы боитесь?

Ариана уничтожающе посмотрела на него, но Гракус уже отвечал, и голос его подрагивал:

— Несколько месяцев назад исчезли наши друзья — художники. Они писали картины, делали наброски... Двоих из них никогда больше не видели; два знакомых тела нашли в грудке мусора за городскими стенами. Видели, как Золотые Леопарды хоронили их там... Мы думаем, Гариан хочет запугать нас, чтобы мы молчали...

— Не больно по-королевски, — нахмурившись, сказал Конан.— Короли чаще пугают публичной казнью или еще чем-нибудь подобным!

Похоже было, что Гракуса сейчас стошнит.

Ариана хмуро посмотрела на Конана.

— Не лучше ли тебе приготовиться к встрече с Тэрасом? — И, не дожидаясь ответа, повернулась к Гракусу и стала тихо говорить ему что-то утешительное, поглаживая по голове.

Конан мрачно натянул стеганую куртку, потом кольчугу, вполголоса обсуждая сам с собой странности Арианы. Когда он в конце концов пристегнул меч, она снова заговорила с ним.

— И что ты по каждому поводу вооружаешься, как на войну? — Ее тон был язвительным, она все еще сердилась на него.— Не драться же ты с ним будешь!

— На то есть причины...— пробурчал Конан. Даже за бочку золота он не скажет ей, что кто-то

в этом городе хочет его убить. Решит ведь, что он увидел ее с Гракусом и приревновал. Эрлик бы побрал баб!

Конан надел остроконечный шлеи и холодно произнес:

— Ну и куда идти к вашему засиженному мухам Тэрасу?

Ариана так же холодно объяснила.

Она направила его на улицу Кузнецов. На этой улице располагались не только лавки, где можно было купить меч или другие изделия из стали, но также лавочки мастеров по золоту, серебру, меди, латуні, бронзе и олову. Звон молотков мешался с криками продавцов, расхваливающих товар. От этого на улице стоял сплошной гул, отдававшийся из конца в конец. Цех кузнецов установил правило, чтобы мастер по одному металлу не работал с другим. Но этот же цех сообщал нанимал охрану, круглые сутки следившую за порядком на улье. А посему здесь не осмеливался появиться ни один грабитель. Покупатели разгуливали свободнее, чем где-либо в городе.

Варвар был уже недалеко от места встречи — оставалось только войти в узкую прихожую рядом с лавкой медника и в дальнем конце ее подняться по лестнице. В комнате на втором этаже его будут ждать... Не очень-то ему хотелось соваться в такое место, не разведав сперва, что да как тут вокруг. Вроде бы и причин нет для беспокойства, но что-то уж слишком часто за последнее время его пытались проткнуть мечом..

Недалеко от указанной лавочки Конан сделал вид, будто слоняется здесь без особого дела. Остановился примериться к блестящему мечу, в другом месте потрогал серебряную чашу, на которой был выкован чудесный узор из листьев. При этом он ни на мгновение не упускал из виду дом с кузницей медника, обозревая его оценивающим взглядом опытного вора.

Два цеховых стражника стали наблюдать за варваром: он стоял как раз перед открытой на улицу лавкой кузнеца по серебру. Конан поднял серебряную чашу с листьями к уху и щелкнул по ней большим пальцем.

— Олова многовато... — сказал он и, покачав головой, вернул чашу на стол купца. И не торопясь пошел дальше, провожаемый цветистыми пожеланиями взбешенного мастера. Он добился своего: стража перестала обращать на него внимание.

Неподалеку от медной кузницы обнаружил переулочек, пропахший плесенью и застарелой мочой, как, впрочем, и любой другой в этом городе. Варвар незаметно скользнул в узкую щель между домами и поспешил отойти от улицы Кузнецов. Как он и надеялся, камни, из которых здесь когда-то сложили дома, успели оголиться от времени. Известковый раствор и штукатурку разрушили сырость и плесень.

Быстрый взгляд в сторону улицы сказал ему, что за ним никто не смотрел. Пальцы сами нашли трещины между грубо обитыми и небрежно скрепленными раствором камнями. Многие решили бы, что такой подъем попросту невозможен, особенно в тяжелой кольчуге и сапогах. Но для того, кто рожден в горах Киммерии, любые трещины в камнях — столбовая дорога. Если бы кто-то видел, как варвар стоит на земле, а затем отвернулся бы на минутку, то этот человек решил бы, что Конан попросту исчез, — так быстро варвар влез по стене.

Когда киммериец подтянулся и вполз на крышу, крытую красной глиняной черепицей, его лицо озарила улыбка: в крыше было устроено потолочное окно — рама, затянутая квадратами рыбьей кожи. Не оставалось сомнений, что внизу была как раз та комната, которую он искал.

Очень осторожно, чтобы какая-нибудь черепица не выскользнула у него из-под ног, да и самому не за-

греть вниз на улицу, варвар подобрался к окну. Может быть, сквозь кожу и проходил свет в комнату, но разглядеть что-нибудь через это окно было невозможно. Конан быстро вытащил поясной кинжал, проделал щель и припал к ней глазом.

Внизу была плохо освещенная узкая комната. Окно на крыше давало немного света, а две латунные лампы на столе едва ли добавляли что-нибудь. В комнате находилось четыре человека. Двое держали наготове взведенные арбалеты, нацелив их на дверь, через которую должен был войти Конан.

Могучий киммериец зло и недоуменно покачал головой. Одно дело — подозревать беду там, где ее вроде и быть не может, а другое дело — обнаружить: вот она, ждет тебя...

— Да явится он, в конце концов, или нет? — раздраженно спросил один из тех, кто был без арбалета. Поперек его головы тянулся глубокий шрам. Кто-то нанес ему удар, чудом не ставший смертельным.

— Он придет, — ответил другой, тоже без арбалета. — Девчонка сказала, что пошлет его прямо сюда.

Кровь застыла в жилах у Конана. Ариана! Неужели она нарочно послала его на смерть?..

— Ну и что ты собираешься ей наплести? — спросил человек со страшным шрамом. — Она достаточно влиятельна, Тэрас, чтобы всех нас погубить!

— Скажу, что я нанял его, — засмеялся Тэрас. — И отправил за город, к другим, которых, как она думает, я тоже нанял. Это ее успокоит.

Киммериец, лежа на крыше, вздохнул с облегчением. Значит, Ариана просто не ведала, что творила. Тут до него дошло и остальное, о чем говорил Тэрас. «Другие, которых, как она думает, я нанял...» Сбывались его худшие предположения. Юных бунтарей просто дурачили. Конан отнюдь не отказался бы задать этому Тэрасу вопросик-другой. Меч тихонько выскользнул из ножен, прощурив о кожу...

— Будьте наготове,— говорил между тем Тэрас арбалетчикам,— стрелять сразу, как только он шагнет в комнату. Этих варваров так просто не убьешь...

— Считай, что он уже мертв,— ответил один из стрелков. Другой засмеялся и ласково похлопал ладонью по арбалету.

Ухмылка Конана все больше походила на волчий оскал. Еще посмотрим, кто умрет в этой комнате. Он беззвучно поднялся, страшный как смерть, и прыгнул навстречу неизвестности...

— Кром! — взревел варвар, проламывая окно в крыше.

Те, кто был в комнате, только и успели, что вздрогнуть.

Конан спрыгнул прямо на голову одному из арбалетчиков. Удар был так силен, что послышался хруст сломанного позвоночника. Негодяй рухнул на пол. Другой арбалетчик отчаянно взмахнул своим оружием, пытаясь пустить его в дело. Конан приземлился как кошка, не потеряв равновесия: еще миг — и его кинжал пронзил горло стрелка. Тот, кто называл киммерийца мертвецом, захлебнулся собственной кровью и умер сам, успев перед смертью нажать на спуск. Человек со шрамом уже наполовину вытащил меч, но вдруг захрипел и опрокинулся: из его левого глаза торчала арбалетная стрела.

Используя кинжал как рычаг, Конан бросил оседающее тело арбалетчика на Тэраса. И тут он вспомнил это рябое лицо! Тэрас был в той комнате, куда варвар провалился через крышу, прервав встречу трех человек!

Рябой пошатнулся под тяжестью отлетевшего трупа и схватился за меч.

— Ты! — выдохнул он, только тут как следует разглядев киммерийца.

Конан зарычал и ударил. Клинок звякнул о рукоять наполовину извлеченного из ножен меча рябого. Тэрас закричал: отрубленные пальцы упали на пол.

Но так просто он не сдастся. Кровь потоком лилась из изуродованной правой руки, а левая уже вытаскивала из ножен кинжал. С диким криком Тэрас набросился на Конана.

Варвар запросто мог бы убить его, но ему очень хотелось прежде кое-что узнать. Пропустив ринувшего вперед Тэраса мимо себя, Конан ударил рябого сзади по шее сжатой в кулаке рукоятью меча. Запнувшись, Тэрас вскрикнул, перевалился через тело человека со шрамом и рухнул на пол. Дернулся разок, испустил долгий вздох и больше не шевелился.

Проклиная все на свете, варвар перевернул рябого на спину. Безвольные пальцы Тэраса выпустили рукоять кинжала, глубоко вошедшего в грудь. В глазах не было жизни.

— Эрлик тебя побери,— пробормотал Конан.— Ты был нужен мне живой...

Вытерев клинок об одежду Тэраса, он вложил меч в ножны и принялся быстро соображать. Этот человек сам произнес свой приговор, сознавшись, что вел за нос молодых повстанцев. Однако он же встречался с теми двумя, а они по одежде и всему прочему были людьми с достатком и положением. Приходилось признать, что та встреча была как-то связана со всем этим и кто-то в самом деле хотел выступить против Гариана, используя Ариану и других как пешек. А пешек, сделавших свой ход, обычно выбрасывают за ненадобностью...

Когда Конан вытаскивал кинжал из горла арбалетчика, дверь неожиданно распахнулась настежь. Он мгновенно пригнулся и встал в боевую стойку, держа кинжал наготове. Но увидел только Ариану и Гракуса, стоявших по другую сторону кучи трупов.

Приземистый скульптор так и окаменел с выпученными глазами, увидев результаты кровавой резни. Конан встретился взглядом с Арианой: в ее глазах была бесконечная тоска и уныние.

— Я с самого начала считала, что Тэрас не вправе отстранять нас от этой встречи, — сказала она медленно. — Я думала, что мы должны быть здесь и замолвить за тебя словечко... — Она не договорила, лишь тяжело вздохнула.

— Они собирались меня убить, Ариана, — сказал Конан.

Она перевела взгляд с разбитой рамы, валявшейся на полу, на дыру в крыше.

— Кто из них прыгнул сверху, Конан? Ясно, что кто-то вошел именно оттуда. Чтобы убить. Я так удивлялась, что ты вооружаешься, но не говоришь мне для чего. Недоумевала и молилась о том, чтобы ошпигиться...

И почему эта дуреха все понимает шиворот-навыворот, сердито думал варвар.

— Я подслушивал у окна, Ариана, это я «вошел» оттуда. После того, как услышал, что они хотят убить меня. Ты что, думаешь, они готовили арбалеты, чтобы стрелять в крыс?

Она смотрела на него спокойно, но во взгляде не было ни жизни, ни надежды. Конан глубоко вздохнул:

— Послушай меня, Ариана. Этот Тэрас вовсе не нанимал никаких ратников для вашего восстания. Я сам слышал, как он говорил это. Ты должна...

— Так это ты убил их! — внезапно закричал Гракус. Лицо его пылало, он дышал прерывисто, словно после тяжелой работы. — Вот этого-то и боялся Стефано! Может, ты и его убил? И Лукаса? Может, ты всех нас собираешься поубивать? Не выйдет! Не сможешь! Нас — сотни! Сначала мы убьем тебя! — Неожиданно он обернулся в сторону лестницы и с пронзительным криком ринулся в противоположную сторону. Ариана осталась неподвижна.

В дверях появился Ордо и коротко посмотрел на убежавшего в панике скульптора. Его единственный глаз быстро обшарил тела на полу.

— Я возвратился в «Фесту» и как раз услышал, как девушка и вон тот говорили, что надо бы пойти

следом за тобой. Я, в свою очередь, решил последовать за ними, и, кажется, не зря...

Ариана наконец пошевелилась:

— Теперь ты и меня убьешь, Конан?

Киммериец сердито повернулся к ней:

— Неужели ты до сих пор так и не поняла, что я не смогу даже пальцем тебя тронуть?

— Я думала, что знаю тебя, — сказала она безжизненно. Взгляд ее перебегал с одного трупа на другой. Она истерически захохотала: — Я не знаю о тебе ничего! Ничего! — Конан потянулся к ней, но она отскочила от его протянутой руки. — Мне с тобой не справиться, — прошипела она, — но только тронь, и я убью себя вот этим кинжалом!

Конан отдернул руку, словно обжегшись. Помолчав, он холодно произнес:

— Не торчи здесь. Трупы привлекают стервятников, в том числе и двуногих. Как бы и тебя за добычу не посчитали... — Она не смотрела на него и не отвечала. — Пошли, Ордо, — проворчал варвар и вместе с одноглазым вышел из комнаты.

На улице прохожие расступались перед стремительно шагавшим Конаном — его потемневшее лицо и лед синих глаз говорили сами за себя. Ордо еле поспевал за киммерийцем. Когда за спиной стих лязг улицы Кузнецов, одноглазый спросил:

— Что там хоть произошло-то? Какого беса девка так окрысилась?

Конан посмотрел на Ордо убийственным взглядом, но все-таки рассказал быстро и сжато, как пошел туда, что услышал и что в конце концов вышло.

— Ох, стар я для всего этого, — простонал Ордо. — Мы должны опасаться не только Гракуса, который того и гляди всадит нож в спину, но еще и не знаем, кто из знати и купцов замешан... К кому мы можем поступить на службу? Куда нам теперь идти, киммериец?

— Нам осталось только одно, — мрачно ответил Конан. — Король!

Глава двенадцатая

Конанов Свободный Отряд двигался по узеньким извилистым улочкам Храмового квартала. Вооруженные люди на боевых конях здесь были редкостью. Какой-то человек, стоявший на широких мраморных ступенях Храма Митры, долго провожал взглядом необычное зрелище, открыв рот от удивления и даже испуга. Он так и не заметил, что выронил из рук клетку с голубями, предназначенными для жертвоприношения. Клетка сломалась, и голуби, почуяв свободу, весело били белоснежными крыльями, набирая высоту.

Ордо наклонился немного вперед, и седло под ним скрипнуло. Яростный шепот одноглазого долетел до Конана:

— Это безумие! Будет большой удачей, если на холме нас не выйдут встречать все Золотые Леопарды разом!

В ответ Конан только молча покачал головой. Он прекрасно понимал, что приближаться к Королевскому Дворцу с сорока вооруженными всадниками без предупреждения — далеко не лучший способ обращаться с просьбой о приеме на королевскую службу. Но он понимал также, что на обычные способы — вроде подкупов — времени у него не было. Значит, оставалось либо записываться в Немедийскую армию... либо поступить так, как он и поступил.

По правде говоря, волновали его не столько Золотые Леопарды, сколько юные повстанцы. Они могли решить, что он предал их или собирается сделать это, и в отчаянии решиться бог знает на что. А эти узкие улочки, что ведут вверх, к Королевскому Дворцу, ну прямо созданы для засады...

Улочки так и дышали стариной. Когда-то, в туманном прошлом, на вершине холма стояла крепость.

Вокруг крепости постепенно выросла деревня. Прошли века: крепость превратилась в Королевский Дворец, а деревня — в Бельверус. Давно это было... На смену жалким деревенским лачугам пришли украшенные множеством колонн храмы из алебастра, мрамора и полированного гранита. Узенькие же извилистые улочки остались.

Да и в самом Дворце многое напоминало о том, что он начинался как крепость. Зубчатые стены высились по-прежнему, только теперь они были сложены из белоснежного мрамора. Внутри виднелись башни из порфира и нефрита. Опускные решетки были из железа, но позолоченные. Разводные мосты перекрывали сухой ров, дно которого было утыкано острыми штырями. По всему склону вокруг Дворца, вплоть до самого Храмового квартала, который охватывал подножие холма, росла трава, коротко подстриженная, как в ухоженном парке. Однако и этот безобидный на первый взгляд газон имел свое военное значение: ко Дворцу невозможно было подойти незамеченным.

Конан остановил отряд как раз там, где начиналась зеленая полоса травы перед Дворцом.

— Ждите здесь, — приказал он.

— С нашим удовольствием, — пробурчал Ордо.

В одиночестве Конан поскакал вперед ко Дворцу. Большой вороной жеребец слегка пританцовывал под ним. Около подъемного моста стояли два стражника в золотых плащах. Когда, приблизившись, Конан натянул поводья, из навесной башни вышел еще один —

по шлему, украшенному гребнем, можно было узнать в нем офицера.

— Что тебе здесь надо? — строго спросил офицер.

Он внимательно посмотрел вниз, на Свободный Отряд, однако наемников было не так и много, да и стояли они далеко.

— Я хочу привести свой отряд на службу королю Гариану, — ответил Конан. — Я научил этих людей боевому искусству, не ведомому никому здесь, в Немедии... да и в остальных западных землях.

Офицер насмешливо улыбнулся:

— Ну конечно! Как же — Свободный Отряд, и без якобы тайных приемов! Видали мы таких! И что же у тебя за боевое искусство?

— Я покажу, — сказал Конан. — Лучше один раз увидеть. — Про себя он вздохнул с облегчением. В глубине души он боялся, что если и удастся добраться до Дворца, то с ним и разговаривать-то не станут.

— Ну хорошо, — медленно проговорил офицер, еще раз смерив взглядом стоявший в отдалении отряд Конана. — Можешь войти и показать. Один. Но предупреждаю: если у тебя секрет, которому обучают любого новобранца в Немедийской армии, а именно таковы тайные искусства большинства Свободных Отрядов, — тебя разденут догола и будут гнать кнутом от ворот до подножия холма, в назидание твоим молодцам.

Конан слегка тронул сапогами бока жеребца. Конь скакнул чуть вперед; стража нацелила на него пики, а офицер насторожился. Киммериец позволил себе улыбнуться, но одними губами, глаза остались холодными.

— То, что я хочу показать, не известно ни одному из немедийцев, хотя, твоя правда, любого новобранца можно этому научить.

Офицер ответил сквозь зубы:

— Думаю, и другим было бы интересно посмотреть на это, варвар. — Он просунул голову в дверной проем сторожки и неразборчиво отдал приказ.

Появился солдат в золотом плаще, оценивающе посмотрел на Конана и поспешил во Дворец. Киммериец проехал ворота, следуя за офицером. В это время из башенки вышли еще солдаты, некоторые двинулись следом. Интересно, думал про себя варвар, посмотреть они собрались или проследить, чтобы я в одиночку не взял штурмом Дворец?..

Внешний двор был вымощен плитняком. Он насчитывал четыреста шагов в длину и столько же в ширину. Двор окружала сводчатая четырехэтажная галерея. За галереей, как раз против ворот, виднелись башни внутреннего двора и собственно Дворец, где жил король Гариан со своей свитой.

Солдаты, что следовали за Конаном, почтительно отступили назад: откуда ни возмись, навстречу показалось не менее двадцати офицеров, впереди которых шел некто такого же героического сложения, как сам Конан. Командир, впустивший Конана, поклонился рослому воину.

— Почтение полководцу Ведженту, — сказал он. — Осмелюсь предположить, этот варвар покажет нам что-нибудь забавное...

— Да, Тэга, — рассеянно отвечал Веджент, не сводя глаз с Конана. На удивление подозрительный взгляд, подумал киммериец. Внезапно здоровяк офицер обратился к нему: — Эй, варвар! Я знаю тебя? Или ты меня?.. — При этих словах рука его крепко сжала меч.

Конан покачал головой:

— Я не знаю тебя, полководец.

Хотя, если подумать хорошенько, что-то было знакомое в этом Ведженте, но смутно, так, словно киммериец вправду видел его где-нибудь, мельком. Ну да ладно, подумал Конан. Если это важно, память рано или поздно подскажет.

Веджента, похоже, несколько успокоил его ответ. Приняв решительный вид, он улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, посмотрим. Тэга, пусть варвару дадут все, что ему может потребоваться.

— Мне нужна соломенная мишень, — сказал Конан офицеру. — Или что-нибудь в этом роде.

Когда Тэга приказал двум солдатам достать мишень, среди офицеров поднялся хохот.

— А-а, стрельба из лука, — громко засмеялся кто-то из них. — Я видел лук у его седла, но думал, что такой годится только для ребенка!

— Может, он стреляет одной рукой? — предположил кто-то другой.

Замечания окружающих становились все более дерзкими, но Конан хранил молчание, только плотно сжал зубы. Достав короткий лук из лакированного саадака, он тщательно проверил натяжение тетивы.

— Э, да это арфа! — закричал кто-то. — Смотрите, он играет на нем, как на арфе!

Конан ощупью проверил все сорок стрел в колчане у седла, убедившись еще раз, что с оперением все в порядке.

— Сколько у него стрел! Наверное, мажет то и дело...

— Да нет, перышками он щекочет женщин! Берешь ее, понимаешь, за пяточку, поворачиваешь...

Хохот и едкие замечания бездельников продолжались. Примолкли они, только когда возвратились солдаты и притащили соломенную мишень.

— Поставьте ее вон там, — приказал Конан, указывая на место шагах в пятидесяти от себя. Солдаты с охотой подчинились и быстро все сделали. Им, как и их начальникам, не терпелось посмотреть на потеху и посмеяться над посрамленным варваром.

— Не слишком ли далеко мишень, варвар?

— Да у него детский лук!

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Конан отъехал от кучки офицеров, остановившись в двухстах шагах от мишени. Приложив стрелу к тетиве, он помедлил. Он должен показать лучшее, на что способен. Поэтому думать надо только о мишени. Надо

забыть о гневе и этих пустомелях, которые считают себя офицерами.

— Что ж ты медлишь, варвар? — крикнул Веджент. — Слезай с коня и...

С диким криком Конан вскинул лук и выстрелил.

В тот момент, когда стрела с глухим звуком вошла в мишень, Конан сжал сапогами бока жеребца и галопом помчался вперед. Копыта боевого коня дробно застучали о плитку двора, высекая снопы искр. Варвар же на полном скаку выпускал стрелу за стрелой, только успевая доставать их и натягивать лук. Боевой клич варвара, не раз наводивший ужас на солдат Гандерланда, Гипербореи и Боссонских Пределов, огласил королевский двор.

Стрелы вонзались точно в цель. В ста шагах от мишени киммериец двинул коленом, и могучий жеребец безошибочно повернул вправо. Конан стрелял снова и снова, сосредоточив все внимание на луке, стрелах и мишени. Снова нажал коленями, и ученый конь заплесал на месте, становясь на дыбы и разворачиваясь обратно. Послав коня на то место, откуда начал, Конан продолжал стрелять и на обратном пути. Когда наконец он снова взялся за поводья, в колчане за седлом оставалось только четыре стрелы. Киммериец был уверен: если бы кто-нибудь удосужился пересчитать стрелы, усеявшие мишень, он насчитал бы ровно тридцать шесть.

Легким галопом он направил коня к умолкнувшим офицерам.

— Что за колдовство? — потребовал ответа Веджент. — Кто заколдовал твои стрелы, повелев им лететь прямо в цель, пока ты носишься как сумасшедший?

— Никакого колдовства, — посмеиваясь, ответил Конан. Ничего не скажешь, пришла его очередь смеяться над опарашенными офицерами. — Поразить бегущего оленя стрелой из лука — это умение, хотя и

не бог весть какое. То, что я тут показал, — следующий шаг. Когда учили меня самого, я не умел даже лука натянуть.

— Учили?! — воскликнул Тэга, не замечая выразительного взгляда Веджента. — Кто учил? Где?

— Далеко на востоке, — сказал Конан. — Там, где лук — главное оружие легкой кавалерии. В Туране...

— Что бы они там ни делали в тех чужих краях, — грубо оборвал его Веджент, — здесь нам это ни к чему. Нам не нужны твои заморские штучки. Фаланги доброй старой Немедийской пехоты очистят любое поле, не нуждаясь в пустой суете верховых лучников...

Конан как раз собирался рассказать, что сделают несколько тысяч верховых туранских лучников с этой самой пехотой, но не успел и рта открыть, как увидел, что приближаются еще какие-то люди, а офицеры склоняются в низком поклоне.

Впереди всех шел высокий человек с квадратным лицом. Корона на его голове — золотой дракон с рубиновыми глазами и большой жемчужиной в лапах — говорила о том, что он-то и есть король Гариан.

Конану, правда, сразу стало не до короля. Он почти не видел ни советников, толпившихся вокруг Гариана, ни придворных, следовавших за ним; внимание варвара приковала женщина из свиты короля — длинноногая и пышногрудая блондинка. По одежде ее нельзя было признать за даму знатного происхождения. Знатные дамы одевались иначе. Красное платье из полупрозрачного шелка держалось на плечах красавицы при помощи жемчужных застежек и уютно охватывало осиную талию, перетянутую поясом из жемчужин, оправленных в золото. Чья-то наложница. Но, видимо, покровитель не уделял ей должного внимания, ибо она ответила Конану взглядом пусть и не столь же откровенным, но все-таки полным тайного жара, отчего кровь варвара быстрее побежала по жилам.

Конан с некоторым запозданием понял, что Гариан направлялся именно к нему, и торопливо снял шлем, надеясь, что король не заметил, куда он уставился.

— Я все видел с галереи, — дружески и совсем запросто сказал король. — А ты молодец! Ничего подобного в жизни не видел! — Карие глаза смотрели приветливо. Значит, не заметил, как Конан пялился на блондинку. Впрочем, взгляд был не столь открытым, как бывает у простых смертных. — Как тебя зовут?

— Я — Конан, — ответил варвар. — Конан из Киммерии.

Он не видел, как с лица Веджента разом сошла вся краска.

— Ты пришел просто развлечь нас, Конан?

— Я пришел поступать на службу, — сказал Конан. — Со мной офицер и сорок человек, и все владеют луком так же, как я.

— Прекрасно, — сказал Гариан, похлопав жеребца по холке. — Меня всегда интересовали военные новшества. Я, можно сказать, вырос в войске, в походной палатке... А теперь, — с оттенком горечи добавил он, — у меня и с мечом поразмяться времени нет...

— Мой государь, — почтительно начал Веджент, — ведь это просто надувательство, детская забава, совершенно бесполезная на войне. — Говоря так, командир Золотых Леопардов перевел взгляд на Конана. Киммериец не сразу поверил собственным глазам: почему полководец смотрел на него с такой ненавистью и... страхом?

— Нет, мой добрый Веджент, — сказал Гариан, покачав головой. — Я очень ценю твое мнение по военным вопросам. Но сейчас ты ошибаешься.

У Веджента открылся рот: Гариан не внял его совету!

— Слушай меня, Конан из Киммерии, — продолжал король. — Если ты поступишь ко мне на службу,

каждый из твоего отряда получит три золотые монеты и еще три каждые десять дней. Тебе — десять золотых монет для начала и еще по одной за каждый день службы.

— Согласен, — спокойно ответил Конан. — Ни один купец не положил бы и полстолько!

Гариан кивнул:

— Значит, решено. Только ты должен каждый день по полчаса заниматься со мной фехтованием. По вытертой рукоятке твоего меча видно, что ты и этим оружием неплохо владеешь. Веджент, проследи, чтобы Конану выделили помещение во Дворце. Да попросторнее.

И, как полагается королю, отдавшему приказание, Гариан зашагал прочь, не проронив больше ни слова. Солдаты дружно склонились велед. Придворные и советники потянулись за королем. Ушла и блондинка, не забыв, впрочем, одарить Конана жгучим взглядом.

Уголкем глаза Конан заметил, что и Веджент собирается уходить.

— Полководец Веджент, — позвал варвар, — моему, король приказал дать помещение для моего отряда...

Ответ Веджента походил на рычание злого цепного пса:

— Король приказал выделить комнату тебе, варвар. Он ничего не сказал о той шущере, что ты называешь отрядом! Пусть ночуют хоть в канаве!

И Веджент тоже решительно зашагал прочь.

Радости у Конана немного поубавилось. Не бежать же за королем жаловаться на Веджента и требовать достойно разместить отряд. Внизу, у подножия холма, полно гостиниц. Другое дело, что даже в самой дешевой варвару придется платить за всех из собственного кармана. Что будет довольно чувствительно для его кошелька даже при новых доходах. Но не это беспокоило Конана. Почему Веджент с ходу

его невзлюбил?.. Надо разобраться в этом, и поскорее, не то как бы не пришлось прикончить его. И блондинке нельзя давать вскружить ему голову. Вскружить, а потом погубить. А вот попользоваться ее расположением — это пожалуйста. Ну что же, тому, кто родился на поле боя, к опасностям не привыкать. Когда это он искал спокойной жизни?

Довольный, Конан поскакал к воротам — рассказывать остальным об удаче.

Глава тринадцатая

Сводчатый потолок из простого серого камня был залит светом множества факелов, вставленных в латунные скобы. Кроме них, на стенах комнаты не было ничего. Не было даже окон. Единственная дверь надежно охранялась снаружи. Албанус тщательно следил, чтобы комната надежно скрывала то, что было в ней заключено. Ему же самому стоило только взглянуть на *это*, чтобы ощутить будущую власть. Она придет к нему из этой комнаты. В середине располагалось круглое каменное возвышение, не выше обычной ступеньки. На нем покоился большой прямоугольный кусок глины необычного цвета — цвета человеческой кожи, чуть тронутый загаром. Именно эта глина откроет Албанусу путь к Трону Дракона...

— Господин Албанус! Я все-таки требую ответа: почему меня притащили сюда и держат взаперти?

Албанус с некоторым трудом приклеил на лицо улыбку и повернулся к своему собеседнику. Мужчина с вызовом смотрел на Албануса, сжав кулаки и сердито нахмурив черные брови.

— Досадная оплошность стражников, дорогой мой Стефано. Я просто приказал им доставить ко мне знаменитого скульптора Стефано, а они явно превысили полномочия. Я велю их выпороть, уверяю тебя.

Стефано отмахнулся, сделав вид, что последнее ему совсем неважно. Албанус заметил, однако, что скульп-

птор не попросил извинить стражников от обещанной порки.

— Ты слышал обо мне? — вместо этого спросил скульптор, выпячивая грудь.

— Ну конечно, — ответил Албанус, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться вслух. Он видит этого Стефано насквозь: читать в его душе легко, словно в книге, переписанной крупными буквами. — Поэтому-то я и хочу, чтобы эту статую сделал для меня именно ты. Как видишь, инструменты все на месте. — Албанус жестом указал на низенький столик — на нем лежали всевозможные инструменты, которыми обычно пользуются скульпторы.

— Ничего не выйдет, — тоном превосходства отвечал Стефано. — Из глины делают маленькие фигуры. Статуи же — из бронзы или камня.

Губы Албануса все еще улыбались, но взгляд стал холоден и тверд.

— Эту глину привезли сюда из самого Кхитая. — Албанус не мог припомнить более отдаленной страны и поэтому объявил глину кхитайской. — После обжига она становится твердой, как бронза, и в то же время легкой, легче сырой глины. Вот здесь на столике — наброски того, чью статую надо сделать. Посмотри их. С сомнением покосившись на глину, Стефано развернул пергамент и задохнулся от удивления:

— Но это же Гариан!..

— Наш милостивый король, — елеинным голосом подтвердил Албанус и чуть не подавился собственными словами. — Это будет подарком ему. Приятной неожиданностью...

— Но как же будет одета статуя? — спросил скульптор, бегло просматривая рисунки. — Здесь везде обнаженное тело...

— Статуя и должна быть нагой. — Видя удивление Стефано, Албанус предупредил возражения, поясняя: — Таков обычай Кхитая. Статуи, сделанные из

подобной глины, одевают в настоящую одежду и время от времени меняют ее, чтобы не отстать от моды. — Албанусу самому понравилась выдумка, мелькнула даже мысль, а не сделать ли свою такую статую, когда он взойдет на трон? Право же, это было бы забавно...

Внезапно Стефано нервно засмеялся, звук был сухой и неприятный.

— А что сделают с голой статуей, если Гариан больше не будет королем?

— Маловероятное событие, — мягко ответил Албанус.

Тут до Стефано дошло, что он сморозил нечто неподобающее, притом вслух. Он испугался.

— Да, да, конечно! — Нахмурив широкие брови, он принял серьезный вид. — И все-таки почему я должен принять это предложение, да еще после того, как просидел ночь запертым у тебя в подвале?

— Прискорбная ошибка, за которую я уже принес свои извинения. Скажем, тысяча золотых монет?

— Меня не интересует золото! — презрительно усмехнулся Стефано.

— Для раздачи бедным, — спокойно добавил Албанус. — Я слышан о твоей благотворительности в Адских Вратах. — С виду Стефано не смягчился, но Албанус знал, как надо действовать. Он продолжал шепотом, завораживая и убеждая: — Подумай, сколько добрых дел ты сможешь сделать с помощью тысячи золотых! Подумай, как потянутся к тебе приятели, когда увидят, насколько ты щедр! Могу поспорить, ни один из них не тратит на милостыню и сотой доли такой суммы...

Стефано медленно наклонил голову и уставился на стену, как будто уже видел на ней себя, раздающим милостыню. И благодарную толпу вокруг.

— Как они будут прославлять тебя, вознося молитвы и следуя за тобой по пятам. Как велик ты будешь в их глазах! — И Албанус замолчал, ожидая ответа.

Стефано выпрямился и смотрел уже веселее. Внезапно он встряхнулся и смущенно засмеялся.

— Ты прав: с таким количеством золота можно сделать немало добра. Я просто задумался о тех, кому я мог бы помочь...

— Конечно. — Хищное лицо Албануса озарилось улыбкой. — Но, — продолжал он говорить уже отрывистым, приказным тоном, — для Гариана все это должно явиться полной неожиданностью, поэтому до самого конца никто не должен знать, что ты находишься здесь. Еда и питье будут тебе предоставлены. И женщины, если пожелаешь. Каждый день можешь гулять по саду, но только если будешь держать язык за зубами. А теперь — за работу, время не ждет!

Албанус вышел и остановился перевести дух. Он весь дрожал. Справа и слева от него стояли стражники с мечами наголо, охранявшие дверь. Тошнота, отвращение, досада и злоба переворачивали его внутренности. Разговаривать с этим Стефано почти как с равным!.. Нелегко это дается! Но Албанус уже знал, что таких людей, к сожалению, нельзя заставлять работать угрозами или пыткой. Иначе работа неизбежно будет испорчена. Ему уже случалось в том убедиться.

Кто-то почтительно тронул Албануса за рукав. Он весь напрягся и грозно оскалил зубы.

Раб, посмеявшийся дотронуться до него, съезжилсь, боясь поднять голову.

— Не гневайся, господин, но тебя ждет полковед Веждент! Он чем-то очень взволнован и приказал мне просить тебя скорее прийти...

Албанус отшвырнул раба и большими шагами направился в приемную. Он так тщательно разработал свой план! Если солдафон умудрился напакостить хоть в чем-то, Албанус его кастрирует. Собственно ручно.

Веждент нетерпеливо ходил взад и вперед по прихожей среди множества колонн. Капли пота покрыв-

вали его лицо. Стоило показаться Албанусу, как он тут же начал говорить:

— Конан! Тот варвар, что бился с Мелиусом и забрал его меч! Тот самый, про которого Лукас кричал, будто именно он должен был убить короля по замыслу Сефаны! Сегодня человек с таким именем привлёк внимание короля и поступил к нему на службу. Я видел его, я его узнал! Тот самый, что ворвался на нашу встречу с Тэрасом! Уже четыре раза он вмешивался в наши дела, Албанус! Не нравится мне это! Дурной знак!

— Неужто Боги присматриваются ко мне? — прошептал Албанус, не осознавая, что говорит вслух. — Хотят поспорить со мной? — И продолжал уже в полный голос: — Только не говори мне о дурных знамениях! Как раз этим утром предсказатель пообещал мне, что я умру в Короне Дракона. Естественно, пришлось прикончить его, чтобы не распускал язык. С таким предсказанием успеха что мне один какой-то варвар!

Солдат до половины обнажил меч:

— Я мог бы с лёгкостью убить его! Во Дворце он один, никто не прикрывает ему спину...

— Недоумок! — проскрежетал Албанус. — Убийство во Дворце, и Гариан как следует займётся своей безопасностью! Нужно нам это?

Веджент усмехнулся:

— Безопасность короля — в моих руках. Каждый третий Золотой Леопард предан мне, а не Трону Дракона.

— А два из трёх — нет. К тому же мой план никак не включает резню в Королевском Дворце. Во мне должны увидеть спасителя Немедии от вооружённого восстания уличной черни!

— Так варвар останется жить? — недоверчиво выпалил Веджент.

— Нет, он умрет. — Может ли быть, лихорадочно думал чародей, чтобы этот Конан был орудием Богов,

направленным против него, Албануса? Нет! Ему суждено носить Корону Дракона! Он рождён быть королём, а будучи облачён властью синего шара — живым Богом. — Тэрасу уже приказано убить варвара, — продолжал Албанус вслух. — Передай ему ещё: Конан должен умереть достаточно далеко от Дворца. В таком месте, чтобы все посчитали его смерть результатом пьяной драки.

— Тэрас куда-то запропастился, Албанус...

— Ну так найди его! — раздражённо огрызнулся вельможа. — И помни: во Дворце чтобы пальцем к варвару не притронулись! Лишь наблюдать! Но как только выйдет за ворота — убить его!

Глава четырнадцатая

В одном из небольших внутренних двориков Королевского Дворца звенела сталь. Конан отразил удар опускавшегося меча и спокойно отступил назад, заняв оборонительную позицию. Его широкая грудь блестела от пота, но дышал он ровно, взгляд был тверд, и рука с мечом не дрожала.

Гариан попробовал обойти его слева. Он тоже был обнажен до пояса. Хотя его мускулы покрывал жирок — жизнь короля не столь богата движением, — он лишь немногим уступал Конану. Пот градом катил с покатых плеч государя, а меч едва заметно, но все-таки подрагивал.

— А ты знаешь свое дело, варвар, — тяжело дыша, сказал король.

Конан промолчал. Он слегка переступал на месте, только чтобы оставаться лицом к лицу с королем. Поединок — не время для праздной болтовни, пусть это даже просто разминка.

— Только говоришь мало, — продолжал король, и меч его метнулся прямо в грудь киммерийца. Конану не стоило большого труда отразить удар. Двигались только жилистые запястья; меч описал дугу вниз, звонко грянул о меч короля и отвел его в сторону. Вместо того, чтобы отбросить клинок противника еще дальше — излюбленный прием многих фехтовальщиков, — Конан стремительно присел на правую ногу,

отставив левую в сторону. Меч варвара соскользнул с меча противника, устремился вперед и остановился, чуть коснувшись живота Гариана. Король еще и в себя не успел прийти, а Конан гибко вскочил и снова был готов к бою.

Разочарованный неудачей, король отступил.

— Хватит на сегодня, — мрачно сказал он и зашагал прочь.

Конан подобрал свою рубаху и стал вытирать пот. Когда Гариан скрылся за аркой ворот дворика, из тени под балконом выглянул Орда.

— Хорошо, что он не знал про меня, киммериец! — качая косматой головой, сказал одноглазый. — А то уж точно не миновать бы нам темницы под этими самыми камнями. Ну до чего не по нраву королям, когда над ними берут верх, даже если никто этого и не видит!

— Если я поддамся даже в таком бою, меня и в настоящей схватке скоро начнут бить все кому не лень.

— Да ну, приятель, неужели тебе так трудно хоть чуточку уступить? Король все-таки. Опять же, грех подставляться, пока еще не все золото...

— Я не знаю других способов драться, Ордо, кроме как до победы. Как там люди?

— Ну, — отвечал Ордо, усаживаясь на карнизный камень, — живут припеваючи, проматывая золото и таскаясь по бабам.

Конан натянул через голову одежду и спрятал меч в ножны.

— Есть какие-нибудь признаки, что Ариана и все остальные собираются звать народ на улицы?

— Ни звука, — вздохнул одноглазый. — Конан, я не собираюсь предавать их — хотя бы потому, что тень Керины преследовала бы меня до могилы, — но, может, хоть сказать Гариану, мол, город полон слухов о восстании? Он отстегнет нам за предупреждение кругленькую сумму, да и восстание не начнется: он

ведь будет настороже. Не нравится мне думать, что Керина и Ариана могут помереть в сточных канавах, но так оно и случится, если каша заварится. Я... Я не смогу пойти против них, киммериец...

— Я тоже, Ордо. Только они все равно поднимутся, будет Гариан настороже или нет. Если я что-нибудь смыслю в людях, наша Ариана — суший факел. А чтобы каша не заварилась, надо найти, кто использует юнцов. Тот малый, что встречался с Тэрасом, мог бы многое порассказать...

— Я отдал распоряжение, как ты велел: искать человека с хищным лицом и седыми висками. Но если мы его найдем по таким приметам, это будет просто подарок Богов.

Конан возмущенно потрянул головой:

— Я знаю! Выше головы не прыгнешь, что делать. Слушай, идем ко мне. У меня есть доброе вино...

Он повидал в Туране и Вендии гораздо более пышные дворцы, но и этот был не из бедных. Здесь было множество внутренних двориков и садов, некоторые — совсем маленькие. Иногда посередине стоял всего-то мраморный фонтан в виде диковинного зверя. Другие дворики были побольше. Там высились белые алебастровые башни с позолоченными подпорками арок и золотыми куполами. Огромныеobelisks поднимались к небу, грани их покрывали древние иероглифы, рассказывавшие легенды тысячелетней и более давности, и все о королях Немедии.

Конан и Ордо шли по прохладной галерее рядом с садом, где кричали павлины и важно расхаживали золотистые фазаны. Неожиданно Конан остановился. Он увидел, как впереди них из какой-то двери вышла женщина, закутанная в серые покрывала. Похоже, она не заметила их и направлялась в другую сторону. Киммериец был уверен: это та самая, которую он уже дважды видел в носилках. Самое подходящее время, решил он, пойти и выяснить, почему это она смотрела на него с такой ненавистью. Но только он

двинулся вперед, как Ордо схватил его за руку и потащил в сторону, за колонну.

— Я хочу перемолвиться с этой женщиной, — сказал Конан. Он говорил тихо: слышимость в галереях была отличная. — Я ей чем-то крепко не нравлюсь. И еще: где-то я видел ее раньше, причем безо всех этих тряпок. Только вот где?

— Я тоже ее видел, — хриплым шепотом отвечал Ордо, — правда, в покрывалах. Ее зовут госпожа Тиана. Говорят, у нее лицо изуродовано какой-то болезнью. Вот она его ни перед кем и не открывает...

— Больно нужна мне ее физиономия, — нетерпеливо перебил Конан.

— Послушай меня, — взмолился одноглазый. — Однажды я проследил за Эранисом, когда он отправился получать распоряжения. Я знал, что он всегда идет на улицу Сожаления, но каждый раз в другую таверну. В тот раз он и вовсе вышел из города и в лесочке около стены встретился с этой самой госпожой Тианой.

— Значит, она тоже замешана в контрабанде, — сказал Конан. — Это поможет надавить на нее, если она окажется неразговорчивой.

— Ничего ты не понимаешь, киммериец. Я был далековато и не слышал, о чем они говорили. Однако я видел, что Эранис только на брюхе перед ней не ползал. Он не стал бы так унижаться, не будь она шишкой, очень важной шишкой в шайке. Только тронь ее, и по твою голову сбегутся все контрабандисты Бельверуса, прожженные головорезы, каких мало.

— Может, кто-то из них уже и охотится... Кто-то ведь пытался его убить; почему, собственно, и не женщина, которая ненавидит его по непонятной причине? Варвар сбросил руку Ордо.

— Она уйдет, если я не догоню ее...

Но Конан так никуда и не двинулся. Госпожа Тиана как раз подходила к концу галереи, когда перед

ней возникла та блондинка из свиты Гариана. Конан уже знал, что девку звали Сулария и что она действительно наложница короля. Сейчас весь ее наряд составляли золотые пластинки, едва прикрывавшие грудь, и золотистая шелковая юбочка из двух половинок не шире мужской ладони, что спереди, что сзади. Женщина в покрывале хотела пройти мимо. Сулария заступила ей дорогу.

— Почтение госпоже Тиане,— сказала она. На чувственных губах красавицы играла ядовитая улыбка.— Зачем столько покрывал в такой ясный денек? Я уверена, ты выглядела бы замечательно, сумей мы только уговорить тебя нарядиться в шелка и надеть браслеты...

Рука женщины в покрывале стремительно метнулась вперед. Звонкая затрепина уложила блондинку на землю. Конан невольно поразился силе удара. Ничего себе госпожа!..

Сулария кое-как поднялась на ноги. Лицо ее исказила ярость.

— Да как ты смеешь бить меня? — Она не говорила, а шипела, как дикая кошка.— Я...

— Убирайся в конуру, негодная сука! — отрезала еще одна женщина, появившаяся рядом с первыми двумя. Высокая и гибкая, она блистала не меньшей красотой, чем Сулария. Но ее шелковистые волосы были черными, а темные властные глаза придавали лицу надменное выражение. На ней было синее бархатное платье, шитое мелким жемчугом. Рядом с ней блондинка выглядела уличной потаскушкой.

— Не говорила бы ты так со мной, госпожа Джеланна,— прошипела Сулария.— Я ведь не служанка. И потом, скоро...— Она неожиданно замолчала, не договорив до конца.

Губы Джеланны искривились в усмешке:

— Ты просто шлюха, и очень скоро Гариан сам поймет это. А сейчас убирайся, пока я не приказала рабу выгнать тебя отсюда кнутом!

Сулария задрожала с головы до ног, лицо дышало злобой. Яростно закричав, она поспешила прочь, мимо колонны, за которой стояли Конан и Ордо.

Варвар посмотрел ей вслед. Когда он повернулся, ни Джеланны, ни Тианы уже не было видно. Нахмурившись, он прислонился к колонне.

— Здесь ее неделю ищи, все равно не найдешь,— проворчал он.— Надо было сразу заговорить с ней. И что ты влез? Утащил меня прочь, как напуганного мальчишку...

— Митра!.. Конан, давай лучше уедем из этого города! — Единственный глаз Ордо умоляюще смотрел на киммерийца.— Забудь ты о госпоже Тиане. И Гариана забудь с его гребаным золотом! Золота полно и в Офире. Наймемся там на службу, так хоть будем знать, кто наши враги...

Конан покачал головой:

— Я еще никогда не бегал от врагов, Ордо. Это плохая привычка. Иди куда-нибудь, выпей один. А я пойду к себе и подумаю, как разыскать Тиану. Выпью с тобой попозже и, клянусь, перепью — две кружки против одной!

Когда киммериец повернулся и пошел, Ордо крикнул ему вслед:

— Раньше ты всегда знал своих врагов!

Конан продолжал идти не оглядываясь. Умный человек не оставит у себя за спиной неизвестных врагов. Скорее уж он вызовет их на открытый бой. Чем бежать от врагов, лучше умереть. Стоит только начать бегать, как потом остановиться? Рано или поздно враг объявится, и вопрос жизни и смерти будет решаться тогда и там, где этот враг пожелает. Нет уж. Пока жизнь продолжается и воля не угасла, никаких отступлений!

Дойдя до своей комнаты, Конан тронул рукой дверь. Она легко подалась. Значит, кто-то открыл замок. Очень осторожно Конан вынул меч и отступил в сторону. Кончиком меча распахнул дверь настежь.

Повернувшись на петлях, дверь стукнулась о стену. Никаких других звуков не было, даже намек на движение внутри комнаты.

Зарычав, огромный киммериец прыгнул как можно дальше в открытую дверь, приземлился на пол, подставил плечо, перекувырнулся и встал на ноги, меч наготове.

На его кровати, томно скрестив поджатые ноги, сидела Сулария. Она насмешливо захлопала в ладоши:

— Наездник, стрелок из лука, фехтовальщик, а теперь и акробат. Какие еще трюки у тебя в запасе, варвар?

Усилием воли сдержав гнев, Конан закрыл дверь. Не такой он был человек, чтобы с удовольствием выставиться дураком перед женщиной, а уж перед красавицей — и подавно. Когда он повернулся к ней снова, его глаза дышали синим холодом ледников.

— Почему ты здесь, женщина?

— Как ты великолепен, — выдохнула Сулария, — я вижу, ты еще не остыл после сражения... Ты ведь победил его, да? Гариану никогда не устоять против такого, как ты!

Конан спешно обыскал всю комнату: отдернул в сторону каждую шпалеру на стене, высунул голову в окно, чтобы убедиться — никакой убийца не цепляется за выступы на стене. Он даже заглянул под кровать, пока насмешливая улыбка Суларии не заставила его с проклятием бросить покрывало на место.

— Что ты ищешь, Конан? У меня нет мужа, никто не выпрыгнет неожиданно и не набросится на тебя...

— У тебя есть король, — проворчал он. Одного взгляда на нее — золотые пластинки едва прикрывают пышную грудь, узенькие полоски золота внизу — было достаточно, чтобы понять: ей негде спрятать оружие, разве только булавку.

— Король! Король, который только и говорит, что о налогах, ценах на зерно или вещах еще более скучных! — Она зазывно улыбнулась и откинулась на

спину, глубоко дыша. — Ты не такой, варвар. С тобой не скучно. Я чувствую в тебе власть, пускай еще отдаленную. Интересно, станешь ты королем?

Конан нахмурился. Эти слова пробудили в нем какие-то давние воспоминания. Власть. И то, что он якобы будет королем. Он выбросил все это из головы. Детская забава, больше ничего!

Киммериец положил меч поперек кровати за головой Суларии. Пусть будет под рукой на случай, если кто пожалует. Блондинка изогнулась, чтобы взглянуть на обнаженное лезвие. Похоже, близость меча возбуждала ее. Влажным языком она провела по губам. Конан сжал в руке золотые тесемочки, соединявшие пластинки на груди, и сорвал с нее все лишнее. Взгляд Суларии метнулся обратно к нему, и глаза их встретились. Ледяной сапфир его глаз повелевал тлеющим голубым огнем...

— Ты сыграла со мной шутку, женщина, — сказал он тихо. — Теперь моя очередь...

Ни один из них не увидел, как тихо приоткрылась дверь. Не видели они и женщины в сером покрывале. Она же немного постояла в дверях, наблюдая за ними. В глазах ее полыхнуло изумрудное пламя.

Глава пятнадцатая

На следующий день Конан шел по Дворцу. Его догнал Ордо, и они пошли вместе. — Как же здорово снова видеть тебя живым и здоровым, киммериец! Вчера-то вечером я не нашел тебя ни в одной из таверн, ну и одолели меня глупые страхи...

— У меня нашлось другое дело, — улыбнулся Конан.

По коридорам, держась около стен, то и дело то-ропливо пробегали рабы. Середина прохода представлялась важно шествующим дамам и господам. Среди господ попадались разодетые в пух и прах: бархатные и атласные платья, богато украшенные разным шитьем, множество золотых цепочек, изумрудов и рубинов на шеях, запястьях и талиях. Знать с любопытством поглядывала на двоих воинов: мужчины — высокомерно и презрительно, женщины — задумчиво...

У Ордо ни один из этих богачей не вызывал доверия, он на всех смотрел подозрительно. Наклонившись поближе к Конану, он понизил голос и на ходу стал говорить:

— Может, у тебя было время ночью хорошенько подумать о том, что случилось вчера? Палачи Гариана сейчас уже, может, нагревают железо. Давай-ка по седлам да прочь отсюда, пока еще можно...

— Перестань нести чепуху, — засмеялся Конан. — Не прошло еще и часа, как я кончил фехтовать с Гарианом, и он худого слова мне не сказал. По правде говоря, он то и дело смеялся, пока по кумполу не получил...

Одноглазый споткнулся на ровном месте.

— Киммериец, неужели ты... Митра! Ты что, треснул короля по макушке?

— Не трогал я никаких макушек, Ордо. Ветер нанес листья, ну Гариан и поскользнулся. А падая, ударился о рукоять собственного меча. Синяк, не больше.

— Таким людям, как ты да я, синяк — пустяки, — сказал Ордо, вздевая указательный палец жестом, позаимствованным у одного из философов «Фесты», — для королей же это — смертельное оскорбление сана и достоинства...

— Боюсь, ты прав, — вздохнул Конан. — В самом деле стар становишься...

— Даже слишком, — начал Ордо, но тут же захлопнул рот, одарив варвара убийственным взглядом: до него дошло, что сказал киммериец.

Конан подавил смех, готовый сорваться с губ при виде лица бородатого приятеля. Ордо может сколько угодно болтать о том, что он стар, но готов тут же врезать любому другому, кто осмелится утверждать это. Впрочем, веселье киммерийца длилось недолго.

Они вышли во двор. Двадцать Золотых Леопардов широким кругом стояли вокруг Веджента. Все, включая и командира, голые по пояс. В дальнем конце галереи молчаливо стояла небольшая кучка знати, наблюдавшая за происходящим. Отдельно от них, но тоже среди колонн красовалась Сулария. Стояла и делала вид, что происходившее ее мало интересовало.

Веджент поворачивался, поднимая руки над головой и демонстрируя мышцы.

— Кто следующий? — обратился он к тем, кто стоял вокруг него. — Я еще и вспотеть не успел... —

Грудь колесом и широченные плечи, покрытые мощными мускулами, производили впечатление. — Неужели мне так и не удастся поразмяться? Ну-ка, Оксис!

Вперед вышел воин и приготовился к бою. Ростом он был с Веджента, но не столь массивен, хотя, конечно, не какой-нибудь тощий юнец. Веджент, посмеиваясь, пошел по кругу, готовый начать борьбу. Оксис двинулся тоже, оставаясь лицом к лицу с противником, но он не смеялся.

Внезапно они ринулись друг на друга и сцепились. Ноги шаркали по земле, ища удобное положение для упора. Конан видел, что более легкий из борцов знает толк и достаточно проворен. Только киммериец успел это отметить, как Оксис высвободил одну руку, и кулак его устремился к мускулисту животу Веджента. Однако в последний момент он придержал удар — наверное, вспомнил, с кем дерется. Веджент продолжал ухмыляться — ударом вполсилы его было не прошибить.

Сам он действовал без стеснения. Свободной рукой он двинул сбоку по шее противнику. Звук был точно камнем по деревяшке. Оксис запнулся и начал оседать, но Веджент придержал его. Дважды поднимался могучий кулак полководца и опускался на шею солдата. От первого удара Оксис дернулся, после второго — повис безвольно. Веджент отпустил его, и воин рухнул на плитки мощеного двора.

— Кто следующий? — прорычал командир Золотых Леопардов. — Есть здесь хоть кто-нибудь, кто бы потягался со мной?

Два голых по пояс солдата выбежали оттащить своего товарища в сторону. Но никто, похоже, не горел желанием ощутить на себе хватку Веджента. А тот продолжал поворачиваться ко всем по очереди, вызывая улыбку. До тех пор, пока не встретился лицом к лицу с Конаном. Тут он остановился. Улыбка стала злой.

— Ты, варвар! Может, повалить тебя по камешкам, а? Или холод севера тебе все кишки заморозил?

Конан разом напрягся. Он явственно ощущал на себе взгляд Суларии. Чтобы он да отступился под взглядом красивой женщины? Любимой не лишенный гордости мужчина в присутствии красавицы становится храбрым до самонадеянности. Варвар отстегнул меч и вручил его Ордо. В толпе знатных господ послышался неразборчивый говор: там уже делались ставки.

— Мужества тебе не занимать, а вот здравого смысла... — ворчал одноглазый. — Что даст тебе победа, если, конечно, ты победишь? Могущественного врага?..

— Он и так уже мой враг, — ответил Конан и со смехом добавил: — В числе прочих...

Киммериец стащил через голову рубаху, бросил ее наземь и подошел к кругу солдат. Вельможи по достоинству оценили ширину плеч варвара, и кое-кто изменил первоначальное мнение о том, на чьей стороне преимущество. Веджент зло щерился: он был убежден, что киммериец только что смеялся над ним. Солдаты отодвинулись назад, расширяя круг и освобождая место для подошедшего Конана.

Внезапно Веджент вытянул руки и ринулся вперед, готовый крушить и ломать. Однако не вышло. Могучий кулак варвара боковым ударом в голову заставил полководца остановиться. Слегка пригнувшись, киммериец впечатал второй кулак под ребра противнику — у того перехватило дыхание. Не успел Веджент опомниться, а Конан уже схватил его одной рукой за горло, другой — за пояс, поднял в воздух и переброшил увесистую тушу через голову. Веджент грохнулся плашмя на спину.

С нарастающим страхом и благоговением смотрели на это солдаты. Никогда еще им не приходилось видеть своего командира сбитым с ног. Знать снова оживилась, обсуждая, кто победит.

Конан ждал. Дышал он ровно, на ногах стоял твердо.

Наконец, пошатываясь, Веджент поднялся. Потрясение явственно читалось у него на лице, но ярость все-таки взяла верх.

— Ублюдок варвар! — взвыл полководец. — Твоя мать подошла неизвестно где, плевал я на ее могилу!

И он отвесил удар, который сразил бы наповал любого обыкновенного человека.

Но тут уже и Конан пришел в бешенство. В глазах его метался ледяной ураган смерти. У него и мысли не возникло о том, чтобы защищаться. Варвар принял удар, едва не сбивший его с ног, но и его ответ мгновенно достиг цели, раскрошив Ведженту несколько зубов. Долго эти две глыбы стояли друг против друга, нога к ноге, нанося и принимая удары. Такое не выдержал бы ни один обычный человек.

Затем Конан сделал шаг вперед, а Веджент подался на шаг назад. Он был близок к отчаянию, зато глаза Конана тлели холодным беспощадным огнем. Киммериец заставлял противника отступать назад. Еще и еще. Тяжелые удары следовали без остановки. Веджент отступал в сторону галереи. Там собралась уже изрядная толпа знати, забывшей всю свою важность: вельможи возбужденно кричали. Поистине сокрушительный удар — и варвар заставил противника окончательно дрогнуть.

Пытаясь сохранить равновесие, Веджент шатнулся назад. Знать расступилась перед ним. Полководец остановился, только наткнувшись на стену в тени галереи. Собрав последние силы, командир Золотых Леопардов заставил себя выпрямиться, сделал несколько неверных шагов и упал у края галереи. Нога его пошевелилась, как будто остатками сознания он еще приказывал себе встать. Потом он затих.

Солдаты окружили Конана, восторженно приветствуя его и совсем забыв про поверженного начальника. Похоже, особой любви к нему они не питали. Улыбающиеся господа и дамы ринулись вперед. Всем хотелось дотронуться до него: так зеваки опасно тянутся погладить тигра...

Но Конан остался глух к их восторгам. В то краткое мгновение, пока Веджент стоял в тени галереи, варвар вспомнил, где он раньше видел этого человека. Раздвинув шумную толпу, он протолкался на свободу, подобрал одежду и возвратился к Ордо.

— Помнишь, — тихо спросил он одноглазого, — я рассказывал тебе, как впервые увидел Тэраса, ну, когда я еще проломил крышу и ввалился прямоком на секретную встречу? Я говорил о каком-то здоровяке, стоявшем в тени...

Ордо метнул быстрый взгляд на Веджента. Того как раз поднимали солдаты. Знать расходилась.

— Неужто он? — недоверчиво спросил Ордо.

Конан кивнул, а бородатый угрюмо присвистнул:

— Киммериец, нам точно пора в Офир! Живенько собираем отряд и...

— Нет, Ордо. — Конан еще не отошел после поединка и смотрел холодно и мрачно, как волк на охоте. — Мы наконец учуяли след врага. Время нападать, а не бежать.

— Митра! — выдохнул Ордо. — Если я помру из-за этой глупой затеи, моя тень будет ходить за тобой по пятам, так и знай! Нападать, говоришь?!

Ответить Конан не успел. Появилась девушка-рабыня и преклонила перед Конаном колени.

— Мне велено передать тебе приказ со всей поспешностью явиться к королю Гариану...

Одноглазый так и застыл на месте.

— Все в порядке, Ордо, — сказал ему Конан. — Если бы королю была нужна моя голова, он не послал бы за ней пару таких стройных ножек.

Девушка-рабыня вдруг с интересом посмотрела на него.

— Никому не желаю верить, — проворчал Ордо, — пока мы ж узнаем, кто же это хочет убить тебя. Или пока Немедия не останется далеко позади.

— Когда придет пора скакать к границе, я тебе сразу скажу, — засмеялся Конан. — Веди, девочка.

Та резво пустилась во Дворец, киммериец — за ней.

Король Гариан ждал его в комнате, увешанной охотничьими трофеями и оружием. Но не охота занимала сейчас короля. Листы и свитки пергамента беспорядочной грудой устилали множество столов, наставленных там и сям, валялись даже и на полу. Как раз когда Конан входил, Гариан с отвращением запустил свитком через всю комнату и что-то сердито выкрикнул. Лицо короля покраснело от гнева, а синяк на щеке проглянул еще отчетливей.

— Ох, не лезь в короли, Конан... — было первое, что сказал Гариан варвару.

Ошарашенный, Конан едва выдавил:

— А что такое?..

Грубовато-добродушное лицо Гариана стало маской омерзения, когда он обвел рукой груды пергамента, заполнившие комнату.

— Думаешь, это планы какой-нибудь блистательной войны? Или великолепной церемонии в честь памяти моего отца? А?..

Конан только головой покачал. Много раз менялась его жизнь из-за планов того или иного короля. Но участия в составлении этих планов ему принимать еще не приходилось. Варвар присмотрелся к пергаменту, лежавшему прямо у его ног. Листок испещряли вроде как колонки каких-то цифр.

Гариан зашагал по комнате. Он поднимал то один пергамент, то другой, потом швырял их на пол.

— Городская канализация нуждается в очистке. В противном случае Гильдия Лекарей предрекает нам чуму. Еще нам советуют разведать все подземные коридоры и закопать их, чтобы Дворец был в безопасности. Необходимо также перестроить часть городской стены. Солдатам не платят жалованья. Нужно купить зерно! Каждый раз требуют больше зерна! — Он замолчал, уставившись на развесистые рога круп-

ного оленя, приделанные к стене. — Этого я убил в диких лесах на бритунской границе. Как бы я хотел снова оказаться там, прямо сейчас!

— А твои советники не могут со всем этим справиться? — спросил Конан.

Король только горько засмеялся:

— Они могли бы, если бы дело не упиралось в золото. Золото, Конан! Я должен вытягивать его отовсюду, словно жадный купец!

— Но казна...

— Она почти пуста. Чем больше я вынужден покупать в Офире и Аквилонии, тем выше растут цены, а надо возместить почти весь урожай, он ведь потерян. К тому же какие-то охреневшие головорезы жгут чуть не все повозки, следующие без охраны армии, а таких много. Я уже приказал переплавить некоторые дворцовые украшения. Но даже обдери я весь Дворец, этого едва ли хватит...

— Ну и что ты думаешь делать? — спросил Конан. Он-то всегда считал богатства королей несчетными. Чтобы король не меньше его самого беспокоился, где бы достать золотишка, только что в больших количествах? Это что-то новенькое...

— Думаю занять, — ответил Гариан. — Кое-кто из знати и купцов ничуть не беднее меня. Пусть-ка раскошелятся, чтобы народ вконец от голода не передох. — Он порылся среди пергаментов, нашел один, сложенный и запечатанный Печатью Дракона Немедии. — Ты отнесешь это господину Кантаро Албанусу. Он один из самых богатых в Немедии. Поэтому будет среди первых, кого я попрошу помочь. — Лицо короля посуровело, он вручил пергамент Конану и добавил: — А не помогут по-хорошему — прижму их налогами!

И король жестом приказал Конану удалиться, но киммериец не тронулся с места. Он чувствовал себя в затруднительном положении. Надо было очень тонко рассказать королю нечто, а Конан разным

там тонкостям обучен не был и чувствовал себя не в своей тарелке. Гариан уже смотрел на него с неподдельным удивлением: почему это варвар не уходит?

— Ты полностью доверяешь Ведженту? — наконец брякнул Конан.

— Достаточно, чтобы держать его командиром королевской охраны, — отвечал Гариан. — А почему ты спрашиваешь об этом?

Варвар глубоко вздохнул и начал рассказывать так, как пришло ему в голову по дороге сюда.

— С тех пор как я здесь, я все время ломал голову, где же и раньше видел Веджента. Сегодня я вспомнил. Я видел его в одной из таверн города. Он разговаривал с человеком по имени Тэрас, разговаривал как со старым знакомым... Про Тэраса же известно, что, по его мнению, другой человек на твоём месте справился бы лучше...

— Серьезное обвинение, — медленно проговорил Гариан. — Веджент безупречно служил мне, а до этого — моему батюшке, причем многие годы. Вряд ли он замышляет что-то против меня.

— Ты король, ты и решай, но все же я знаю одну вещь, необходимую каждому королю. Человеку с короной на голове, как никому другому, следует опасаться честолюбия приближенных...

Гариан откинул голову и расхохотался:

— Ты хороший фехтовальщик, Конан, но быть королем предоставь мне. У меня все-таки больше опыта ношения короны, чем у тебя... Ступай же. Албанус должен получить это послание как можно скорей.

Конан поклонился и вышел. Он все-таки надеялся, что заронил сомнение в душу Гариана. Но вот в чем он окончательно убедился, так это в том, что словесные выкрутасы не для него. Встретить врага лицом к лицу с мечом в руке — это да! Варвар надеялся, что скоро так оно и будет...

Глава шестнадцатая

Ордо ждал его у ворот. Он привел коня для варвара и двадцать воинов из Свободного Отряда, в том числе Махаона и Наруса. Увидев такую свиту, киммериец вопросительно посмотрел на Ордо, но тот только плечами пожал.

— Я услышал, что тебе приказали передать послание какому-то важному господину, — сказал он Конану. — Митра! Откуда нам знать, может, он как раз тот, с кем шушукался Тэрас. Или тот, кто ищет твоей смерти. Или вовсе один в двух лицах...

— Ты становишься подозрительным, как старуха, Ордо, — сказал Конан, вскакивая в седло.

И тут в воротах показался Веджент, изрядно потрепанный, но при полном вооружении, с алым гребнем на шлеме. По пятам за ним следовал десяток Золотых Леопардов. Когда полководец увидел всадников Конана, он остановился и вытаращил на них глаза. Потом круто повернул, грубо и сердито растолкал солдат и стремительно пошел обратно во Дворец.

— Ладно, пусть я подозрительный, — спокойно сказал Ордо, — но, по крайней мере, у меня хватает ума помнить, что некоторых врагов мы таки знаем в лицо. Да и город изменился в последние несколько дней. Увидишь сам.

Конан повел отряд по пустынным улицам. Да, перемены были налицо! Изредка попадались тощие, с

торчащими ребрами собаки, они боязливо вынюхивали что-то по углам. Порой встречались и люди, но они так спешили поскорее исчезнуть в какой-нибудь боковой улице, словно за ними гнались. Больше вокруг не было ни души. Окна — закрыты наглухо, двери — на засовах. Лавочки — заперты все до одной. Не слышно криков лоточников. На улицах — мертвая тишина...

— Это началось вскоре после того, как мы двинулись во Дворец, — пробормотал Ордо. Он с неприязнью посмотрел вокруг и невольно поежился, нахлебавшись, как будто ехал не днем по улице, а ночью через кладбище. — Сначала перестали выходить из дому простые люди. Только и видно было, что сорвиголов, попрошаек и проституток. Ну, эти-то быстренько убрались: никто не подавал милостыни, и шлюхи никому не были нужны. В городе царил жулье, набрасывались на каждого, кто осмеливался высунуть нос из дома! Но вчера пропали и они. — Ордо многозначительно посмотрел на Конана. — Причем в течение какого-то часа!

— Ни дать ни взять, по команде?

Одноглазый кивнул.

— Может быть, Тэрас все-таки нанимал вооруженных людей. В некотором роде...

— И совсем не для того, на что надеялась Ариана. — Киммериец с минуту помолчал, уставясь на безлюдные с виду дома. — Что слышно про нее? — спросил он наконец.

Ордо не надо было объяснять, кого он имеет в виду.

— Жива-здорова, — сказал он. — Я был в «Фесте» дважды; пялились там на меня, как на прокаженного, явившегося на обед. Керина, между прочим, увлеклась Гракусом...

Конан только кивнул. В молчании они доехали до ворот дворца Албануса. Варвар спрыгнул с коня и кулаком постучал в запертые ворота.

Открылось окошечко размером в мужскую ладонь. Оттуда на прибывших подозрительно посмотрел человеческий глаз.

— Что вам здесь надо? Кто вы?

— Меня зовут Конан. Открывай ворота, мужик! У меня послание для твоего господина от самого короля Гариана!

За воротами шепотом посовещались. Затем проскрежетал отодвигаемый засов, ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы смог пройти один человек.

— Можешь войти, — позвали изнутри, — но только один.

— Конан... — начал Ордо.

Киммериец жестом успокоил его:

— Не дергайся, Ордо. Здесь безопаснее, чем в постели возлюбленной.

Ворота захлопнулись за ним с глухим звуком, и Конан оказался лицом к лицу с четырьмя охранниками. Мечи у всех были обнажены; еще один появился сбоку и приставил конец меча к ребрам киммерийца, даже проколол рубаху.

— А ну говори, кто ты? — проскрежетал этот последний.

Конан пожалел, что перед уходом из Королевского Дворца у него не хватило ума надеть кольчугу. Варвар немного повернул голову и разглядел говорившего: это был человек с узким лицом, широко расставленными глазами и отрубленным когда-то кончиком носа.

— Я уже говорил, кто я. — Киммериец полез за пазуху, но застыл, почувствовав, что конец меча сильнее надавил под ребра. — Я только хочу показать вам послание. Что, по-твоему, я могу сделать с мечом возле брюха?

Про себя же варвар подумал, что безносый стоял слишком близко. Если собираешься на самом деле нанести удар, никогда не следует упираться клинком в человека. Одно быстрое движение рукой — и меч

отлетит а сторону. Потом можно повалить безногого на соседа, потом... Киммериец улыбнулся, охрана же, увидев это, почувствовала себя крайне неудобно: и чему это варвар радуется, нечему вроде...

— Дай мне посмотреть послание, — потребовал Обрезанный Нос.

Конан вытащил из-под рубахи сложенный пергамент. Обрезанный Нос потянулся было, но варвар держал пергамент так, что рукой было не достать.

— Видишь печать? — сказал киммериец. — Послание предназначено господину Албанусу, а не тебе.

— И вправду Печать Дракона, — пробормотал безносый. И с явным сожалением убрал меч из-под ребер варвара. — Иди за мной, да не вздумай шалить!

Они зашагали по каменной дорожке в сторону дворца. Это было величественное здание с множеством колонн и увенчанное позолоченным куполом, зеркально блестящим на солнце. Конан задумчиво покачал головой. Подозрительность стражи можно оправдать, учитывая обстановку в городе. Но отношение к нему должно было немедленно измениться, как только они узнали, что он королевский посланник. Да, что-то выйдет у Гариана! Ведь челядь такова, каков у нее хозяин. Так уж оно само собой происходит.

В прихожей, куда они вошли, тоже было множество колонн. Там, отойдя в сторонку, безносый посоветовался с седобородым человеком. Конану не было слышно, о чем они говорили, он видел только, что одежда седобородого была украшена знаком принадлежности к дому Албануса. Еще у него был при себе большой ключ, значит, слуга был не простой. Потом Обрезанный Нос ушел обратно на свой пост к воротам, а седобородый приблизился к Конану.

— Я — управляющий господина Албануса, — не слишком учтиво сказал он, даже не потрудившись представиться. — Давай сюда послание!

— Я отдам его только в руки господину Албанусу, — невозмутимо ответил Конан.

Вообще говоря, причин не отдавать послание управляющему у него не было. Это ведь помощник и поверенный господина во всех делах. Однако варвар был раздосадован. Посланника короля, по его мнению, должны были встречать совсем не так. Где охлажденное вино, где влажные полотенца, чтобы обтереть уличную пыль?

Лицо управляющего посуровело. В первый момент Конан решил, что тот начнет спорить, но вместо этого слуга отрывисто бросил:

— Следуй за мной! — И повел киммерийца по мраморной лестнице в маленькую комнату. — Жди здесь, — приказал он варвару и вышел, осмотрев перед уходом всю комнату, как будто запоминая, что где стоит. Дескать, кто его знает, вдруг посетитель нечист на руку...

Хоть и маленькая, а комната была симпатичная. Стены в гобеленах, пол мраморный, вся мебель инкрустирована перламутром и лазуритом. Арка вела на балкон, выходивший в сад с фонтаном. И все-таки не было ни вина, ни полотенца! Такое неуважение к посланцу явно не предвещало ничего хорошего и самому Гариану...

Недовольно бормоча себе под нос, Конан вышел на балкон и посмотрел вниз. И тут же чуть не вскрикнул от удивления, напрочь забыв про неуважительный прием. Через сад, пошатываясь, брел вдребезги пьяный Стефано. С двух сторон его поддерживали девицы, едва прикрытые узенькими полосками шелка.

Вот скульптор наклонился к фонтану поплескаться рукой да чуть и не рухнул туда совсем.

— Никакой воды! — смеялся он, когда девицы оттащивали его назад. — Не надо воды, хочу еще вина!

Громко хихикая, вся троица, пошатываясь и выделывая кренделя, двинулась прочь от фонтана и скрылась в каком-то невиданном кустарнике.

За спиной у Конана кто-то кашлянул, прочищая горло. Киммериец резко повернулся. В комнате сто-

ял весьма упитанный мужчина среднего роста. Бархатная одежда явно плохо сидела на нем, и одной рукой он теревил ее у горла.

— У тебя есть послание для меня? — спросил он.

— Господин Албанус? — спросил в ответ Конан.

Упитанный мужчина коротко кивнул и выбросил вперед руку. Варвар медленно протянул ему запечатанный пергамент. Пухлая рука крепко зажала пергамент, как будто захлопнулась ловушка.

— Можешь идти, — сказал толстяк. — Я получил послание. Уходи!

Конан вышел.

За дверью его уже ждал седобородый управляющий. Он провел киммерийца к выходу из дворца. Там стояли Обрезанный Нос и еще один охранник, готовые сопроводить его до ворот.

Как только варвар вышел на улицу, к нему подъехал на коне Ордо. Изуродованное шрамом лицо так и расплылось в улыбке. Он испытывал явное облегчение, видя друга живым и здоровым.

— Я чуть не пригнул за тобой через стену, — сказал одноглазый.

— Все в порядке, — ответил Конан, вспрыгивая в седло. — У меня же было королевское послание. Да, когда в следующий раз увидишь Ариану, скажи ей, что Стефано, против ее опасений, живехонек. Он обитает в этом дворце и в ус не дует, развлекаясь с девицами из прислуги.

— Я как раз собирался встретиться с ней сегодня, — ответил Ордо, задумчиво разглядывая ворота. — Странно... Почему он до сих пор не послал весточку своим друзьям, не успокоил? Они же волнуются...

— Это еще цветочки! А ягодки — это знатный вельможа с поломанными ногтями и мозолями на руках! Как тебе? — спросил киммериец.

— Может, он меча из рук не...

— Нет, Ордо. Я знаю, какие мозоли бывают от меча, а какие — от тяжелой работы. Ладно, хрен с

ними, не наше дело. Главное сейчас — это Веджент. Сегодня ночью я собирают немного побеседовать с этим доблестным полководцем один на один... — Киммериец поскакал от ворот, мрачно глядя вперед. Остальные двумя колоннами последовали за ним.

* * *

Албанус с силой отшвырнул толстяка, так, что тот упал на колени, уткнувшись лицом в мраморный пол. На нем были теперь только грязные ободренные штаны.

— Ну что, Варус? — требовал отчета Албанус у своего управляющего. Он был зол и раздражен до предела, что ясно читалось на его лице. Албанус нетерпеливо вырвал пергамент из рук слуги и смял его в кулаке. — Он что-нибудь заподозрил? Принял он эту собаку за меня? — Албанус пнул ногой стоявшего на коленях мужчину. — Признал он тебя за господина, собака? Что он сказал?

— Да, господин, он признал... — Голос толстяка был полон страха, он не смел поднять головы от пола. — Он спросил только, я ли господин Албанус, отдал мне пергамент и ушел...

Албанус прорычал что-то нечленораздельное. Боги насмехались над ним! Прислать к нему в дом человека, которого он собирается умертвить! Если бы с варваром под этой крышей что-то случилось, подозрение пало бы прямо на Албануса. Подумать только, Албанусу пришлось еще и прятаться. И где? В собственном доме! А что делать, ведь иначе варвар мог узнать его. И это в первый день настоящего успеха! Взгляд господина упал на дрожащего коленопреклоненного слугу.

— Ты что, не мог найти кого-нибудь получше, чтобы представить вместо меня, а, Варус? Этого слизняка приняли за хозяина дома! Пусть даже варвар! Я оскорблен...

— Прости меня, господин мой, — сказал управляющий, кланяясь как можно ниже, пытаясь загладить

свою вину. — Я торопился, а надо было найти человека, которому подошла бы твоя одежда.

Губы Албануса скривились:

— Сжечь эту одежду! Я больше не надену ее! А это создание отошли обратно на кухню. Самое лицемерие его меня унижает...

Варус сделал едва заметный жест, толстяк мигом удрал из комнаты на полусогнутых.

— Еще что-нибудь, господин мой?

— Да. Найди этого пьяного идиота Стефано и срочно доставь в мастерскую. Только сначала приведи его в чувство.

Албанус жестом отпустил из комнаты Варуса. Тут он вспомнил про послание и сломал печать. Интересно, что понадобилось Гариану?

«Милостивый государь Наш Кантаро Албанус!

Выражаем тебе Наше почтение. Мы призываем тебя предстать перед Троном Дракона, ибо полагаем, что ты можешь дать Нам совет в некоторых вещах, которые трогают Наше сердце. Мы уверены, что, любя Нас и Немедию, ты поспешишь.

Гариан, Владыка Немедии».

Если бы король заглянул сейчас в глаза Албанусу, он прочел бы в них свой смертный приговор. Албанус комкал пергамент, и пальцы его походили на крючковые когти.

— О да, я поспешу к тебе, — шептал он. — Я докажу свою любовь, надев на тебя цепи. Каленое железо поставит тебя на колени и заставит признать королем меня! Меня, Албануса, Властелина Немедийского! Ты будешь молить, как о милости, о смерти от моей руки!

Отшвырнув в сторону скомканный листок, Албанус направился в мастерскую. Четыре стражника у двери почтительно застыли перед ним. Албанус миновал их, не удостоив взглядом.

В центре комнаты, на круглом каменном возвышении, стояла глиняная статуя Гариана. Наконец-то она была закончена. Или почти закончена, улыбаясь, подумал Албанус. Все части статуи в точности соответствовали оригиналу. Она была лишь чуть больше. Стефано что-то запутанно объяснял на этот счет: дескать, статуя должна либо в точности повторять размеры живого человека либо обладать внушительности ради героическими пропорциями. Статуя изображала Гариана, идущего вперед, рот открыт, как будто король что-то произносит. В этой статуе, однако, было больше от Гариана, чем просто внешнее сходство. В глину, из которой она состояла, с соблюдением сложных тавматургических ритуалов были тщательно вмешаны волосы Гариана и обрезки ногтей, а также его пот, кровь и семя. Все это, следуя своим темным замыслам, Албанус достал с помощью Суларии, действовавшей по его приказу.

Чуть сзади от возвышения громоздилась печь для обжига, а перед ней — сложное устройство из деревянных полозьев и рычагов для перемещения статуи. Ни печь, ни полозья никогда не будут использованы. Албанус разрешил Стефано построить все это лишь затем, чтобы скульптор ничего не заподозрил.

Забравшись на возвышение, Албанус принялся сбрасывать деревянные части механизма на пол. Обычно Албанус даже пальцем не пошевелил бы, чтобы делать такую работу самому. Как, впрочем, и любую другую. Но сейчас у него не было выбора. Следовало бы, конечно, заставить поработать самого Стефано, но он начнет задавать вопросы. Обычно Албанус уходил от ответа с помощью тщательно разработанной лжи. Однако ему уже давно опротивело носиться с тщеславием скульптора и делать вид, будто вопросы Стефано стоили того, чтобы на них отвечать. Одним словом, сейчас лучше все сделать самому.

Сбросив с возвышения последний рычаг, Албанус спрыгнул на пол. При этом он одной рукой для верности оперся на печь, ощутив шершавую поверхность... И резко отдернул руку. Проклятие! Она была горячей!

Открылась дверь, и, едва держась на ногах, вошел Стефано. Лицо у него было совершенно зеленое, но винные пары немного улетучились.

— Я хочу, чтобы их всех выпороли,— пробормотал скульптор, потирая рот рукой.— Знаешь ты, что сделали твои рабы со мной, а Варус ими командовал? Они...

— Глупец! — прогремел Албанус.— Ты нагрел печь? Приказывал я тебе или нет ничего не делать без моего соизволения?

— Но статуя готова,— запротестовал Стефано.— Ее сегодня же надо поставить в печь, иначе она покроется трещинами, вместо того чтобы затвердеть. Вчера вечером я...

— Ты что, не слышал моего приказа ни в коем случае не зажигать огня в этой комнате? Ты думаешь, я ради развлечения сам зажигаю здесь светильники, утруждая себя рабской работой?

— Если масла в этой глине такие горючие,— заплетающимся языком настаивал на своем скульптор,— как же она тогда выдержит, если ее поместить...

— Заткнись! — На сей раз это был не крик, а тихое шипение. Под обсидиановым взглядом Албануса язык Стефано прилип к гортани, а самого его точно пригвоздило к месту.

Албанус с презрением отвернулся от скульптора. Он ловко извлек откуда-то три маленьких пузырька, полоску пергамента и гусиное перо. Албанус открыл первый пузырек. В нем было немного крови Гариана, одобренной особыми снадобьями, чтобы не сворачивалась. Албанус обмакнул перо в кровь и старательно вывел имя короля вдоль всего куска пергамента. Потом присыпал порошком из другого пузырька —

кровь тут же почернела и высохла. В последнем пузырьке была собственная кровь Албануса, добытая только сегодня утром. Ею он написал свое имя более крупным шрифтом, поверх королевского. И снова порошок высушил кровь.

Бормоча заклинания, Албанус тщательно сложил пергамент особым образом. Поднявшись на возвышение, он вложил пергамент в рот глиняной статуе.

Стефано стоял теперь, прислонившись к стене. Увидев, что сделал Албанус, он глупо захихикал:

— А я-то удивлялся, зачем тебе нужен был такой Дот...

Под тяжелым взглядом Албануса Стефано с трудом сглотнул и прикусил язык.

Достав мел, тайно привезенный из Стигии, страны колдунов далеко на юге, Албанус начертил вокруг ног статуи замкнутую пентаграмму: звезду внутри пятиугольника, помещенного внутри круга. В те места, где встречались три фигуры, он поставил отвратительные черные свечи. В мгновение ока свечи были зажжены, а пентаграмма закончена. Широко разведя вытянутые руки, Албанус сошел с возвышения и возвратился на прежнее место. При этом он не переставал говорить заклинания.

— *Элонаи ме-роф санкти, Урд-васс теохимм...*

Магические слова срывались с языка Албануса, и воздух в комнате наполнился серебряным мерцанием и как будто сгустился. Пламя страшных свечей стало ярким и неровным. Маленькое зернышко страха проросло в душе колдуна. Огонь! Не может быть, чтобы все повторилось, как в прошлый раз. Не может быть! Не может быть! Не может быть!

Усилием воли он отогнал от себя тревожные мысли, нельзя поддаваться страху: сейчас — только власть!

— *...араллайн Самди ком-иель морт-расс...*

Пламя свечей росло, но в комнате становилось все темней. Свечи как будто не давали света, а, наоборот, вбирали его в себя. Языки огня тянулись вверх.

Заклинания, произносимые нараспев, заставили огонь подняться выше головы статуи. Медленно, словно под напором сверхъестественного ветра, бесшумные языки пламени стали наклоняться внутрь, пока не встретились над головой глиняной фигуры. Как только это произошло, из места их соприкосновения вырвался яркий, подобный молнии луч света и упал как раз на голову статуи, обволакивая изваяние Гариана с головы до ног равномерным свечением. В конце концов фигуру окружило ослепительно белое сияние, вобравшее в себя все тепло из воздуха в комнате.

Стало так холодно, что дыхание Албануса превращалось в пар, когда он громким, почти нечеловеческим голосом заканчивал заклинание.

— Черной властью Трех я заклинаю тебя! Кровью, потом и семенем, оскверненными и попранными, я заклинаю тебя! Пробудись, ходи и повинуйся, ибо я, Албанус, заклинаю тебя!

Вместе с последним звуком леденящих душу слов пламя исчезло, а с ним заодно и свечи. Статуи стояла, как и прежде, только высохла и вся растрескалась.

Албанус потер замерзшие руки и засунул их под мышки, чтобы согрелись. Только бы на этот раз все прошло правильно!.. Он бросил взгляд на Стефано. Тот, замерзший и перепуганный, дрожал как осиновый лист и не смел отлепиться от стены, усеянной блестками инея. От всего увиденного у бедняги глаза лезли на лоб. Не было причин медлить. Черный маг глубоко вздохнул.

— Я приказываю тебе, Гариан, пробудись!

Кусочек глины отвалился от одной руки и вдребезги разбился о каменный постамент. Албанус нахмурился:

— Гариан, я приказываю тебе пробудиться!

Тут по всей статуе прошла дрожь; крошась и насыщая воздух пылью, глина осыпалась на каменное возвышение. Содержимое глиняной оболочки осталось стоять на месте, но это было нечто живое,

оно дышало — точная, без малейшего изъяна, копия Гариана. Двойник стряхнул пыль со своего плеча и вопросительно уставился на Албануса.

— Ты кто? — осведомился он.

— Я — Албанус, — ответил чародей. — А сам ты знаешь, кто ты такой?

— Конечно. Я — Гариан, король Немедии.

Албанус улыбнулся, но улыбка была полна чудовищной злобой.

— На колени, Гариан, — тихо сказал он.

Двойник короля невозмутимо опустился на колени.

Не удержавшись, Албанус засмеялся. Дальнейшие его команды были подсказаны жадной поскорее увидеть беспрекословное повиновение «короля».

— Лицом на пол! Унижайся!.. Встать! Беги на месте! Быстрее! Еще быстрее!

Королевский двойник бежал и бежал...

По щекам Албануса катились слезы, но смех его сразу оборвался, стоило ему взглянуть на Стефано.

Скульптор медленно заставил себя выпрямиться. Неуверенность и страх чередовались на его лице.

— Остановись, Гариан, — приказал Албанус, глядя прямо в глаза Стефано. Двойник перестал бежать и встал спокойно, он нисколько не запыхался.

Стефано с трудом сглотнул.

— Моя... моя работа закончена. Я пойду... — С этими словами скульптор повернулся в сторону двери. Голос Албануса заставил его вздрогнуть, как от удара хлыстом, и остановиться.

— А золото, Стефано? Неужели ты забыл про него? — Албанус достал откуда-то из складок одежды коротенький толстый цилиндр, плотно обернутый кожей. Он взвесил его на ладони: — Пятьдесят золотых!

Жадность и страх боролись в Стефано. Он нерешительно облилиз губы:

— Мы договаривались о тысяче...

— Я не одет,— вдруг заявил двойник короля.

— Конечно,— сказал Албанус, отвечая сразу обоим.

Он поднял с пола кусок грязной тряпки, которой, лепя статую, пользовался Стефано, и тщательно стер ею часть пентаграммы. Он знал: если кто-нибудь попытается вступить в замкнутую пентаграмму, дышащую волшебством, на него обрушится масса бед, одна страшнее другой. Албанус ступил на возвышение, подал тряпку двойнику, и тот обернул ею бедра.

— Это лишь первая выплата, Стефано,— вновь обратился Албанус к скульптору.— Остальное чуть позже.— Он сунул кожаный цилиндр в руку двойника.— Отдай это Стефано.— И, наклонившись ближе, добавил что-то шепотом...

Стефано заерзал на месте от страха, глядя, как спускается с возвышения двойник короля.

— Сколько раз я был вынужден терпеть твою бессмысленную болтовню...— тихо проговорил Албанус.

Соснуив глаза, скульптор беспомощно переводил взгляд с Албануса на приближающуюся статую. Потом изо всех сил бросился к двери.

Невероятно быстро двойник ринулся вслед. Стефано еще и шага не успел сделать, а «король» уже догнал его. Каменная рука сжала горло скульптора. Пальцы, наделенные нечеловеческой силой, настойчиво вдавились в мускулы по обеим сторонам челюсти, заставляя рот открыться. Стефано закричал и в отчаянии вцепился в руку двойника. С таким же успехом он мог бы царапать кожаный щит. Одной рукой двойник заставил его опуститься на колени. Он проделал это с такой легкостью, как если бы скульптор был ребенком.

Слишком поздно Стефано заметил цилиндр, опускающийся прямо ему в рот, и понял последние слова Албануса. Изо всех сил он ухватился за приближающуюся руку, но это было все равно что пробовать

остановить рычаг катапульты. Безжалостно и невозможно статуя запихивала золото все глубже и глубже в глотку скульптора...

Когда наконец двойник Гариана отпустил свою жертву, изо рта Стефано вырывались хрипы удушья, глаза вылезали из орбит, лицо посинело, он беспомощно хватался руками за горло. Тело выгнулось так, что пола касались только голова и пятки, выбивавшие непрерывную дробь...

Албанус спокойно наблюдал агонию. Когда ноги задушенного перестали дергаться, он тихо сказал:

— Остальные девятьсот пятьдесят золотых уйдут с тобой в безымянную могилу. Я выполняю свои обещания.

Его плечи затряслись от беззвучного смеха. Когда приступ прошел, он деловито повернулся к подобию короля, безучастно стоявшему над телом убитого.

— Что касается тебя, тебе надо многое узнать, а времени у нас мало. Слушай же. Сегодня вечером...

Глава семнадцатая

Ариана сидела в общей комнате гостиницы «Феста», уныло уставившись в пустоту. Вся комната вокруг нее была наполнена заговорщицким бормотанием. Ни один музыкант не брал в руки инструмента. Мужчины и женщины непрестанно шушукались, поближе придвинувшись друг к другу над столиками. Приняв наконец какое-то решение, Ариана встала и пробралась между сидевшими к Гракусу.

— Мне надо поговорить с тобой, Гракус, — сказала она негромко. Отсутствие привычного гама, казавшееся гробовой тишиной, усугубляло ее подавленность.

— Потом, — даже не посмотрев на нее, недовольным тоном ответил приземистый скульптор. И продолжал прерванный разговор, тихо, но настойчиво обращаясь к сидевшим рядом с ним: — Говорю вам, не важно, что Тэрас мертв. Я знаю, где хранится оружие. Мне хватит полдня, чтобы...

Остаток былого огня вдруг вспыхнул в Ариане с новой силой.

— Гракус!

В комнате, где шептались, это прозвучало как крик. Все так и уставились на нее.

— А не приходила тебе в голову мысль, — продолжала девушка, — что нас, должно быть, предали?

— Конан, — начал было Гракус, но Ариана резко перебила его:

— Не Конан!

— Но ведь это он убил Тэраса, — встала бледнокожая пухленькая брюнетка. — Ты же сама видела. А сейчас он открыто служит Гариану.

— Верно, Галлия, это так, — терпеливо начала объяснять Ариана. — Но если бы предал Конан, нас давно бы уже схватили Золотые Леопарды! — Никто не смог возразить девушке, все только молча смотрели на нее. — Он не предавал нас! — продолжала она. — А что, если он был прав насчет Тэраса? Если нет никаких вооруженных людей, ждущих только приказа, чтобы пойти впереди восставшего народа. Может, мы просто подставные пешки в чьей-то игре?..

— Клянусь тронем Эрлика, — заворчал Гракус, — ну что за чушь ты несешь, Ариана!

— Пускай это чушь, — она устало вздохнула, — но хоть обсудите ее со мной! Рассейте мои сомнения, если сможете. Или у вас их и вправду нет?

— Знаешь что, иди-ка ты со своими сомнениями обратно в тихий уголок, — ответил ей Гракус. — Пока ты сидишь тут и изнываешь в сомнениях, мы свергнем Гариана.

Галлия громко фыркнула:

— Чего еще ожидать от тех, кто все время проводит в обществе одноглазого головореза...

— Спасибо, Галлия, — сказала Ариана. И улыбнулась впервые с тех пор, как она увидела Конана над трупом Тэраса. Отвернувшись от стола и собеседников, девушка пошла за своим плащом. Гракус и остальные посмотрели ей вслед — сумасшедшая, да и только!

Ордо — вот ответ на мои вопросы, думала Ариана. С ним, правда, не больно-то поговоришь. Стоит ей упомянуть при нем о своих беспокойствах, он тут же разворчит и буркнет, что Конан, мол, никого еще не предавал, не тот человек. Потом непременно ущипнет пониже спины и попытается забраться к ней в постель.

Всякий раз одно и то же. Зато сегодня днем Ордо заглянул к ней и рассказал, что Стефано жив и находится во дворце господина Албануса. Вот с кем неплохо бы перемолвиться! Голова у Стефано всегда хорошо работала, и за словом он в карман не лез, пока ревность к Конану не пришибла его. Он или рассеет ее сомнения и убедит в виновности киммерийца, или она сумеет доказать ему обратное. Тогда они вместе вернутся в «Фесту» и Стефано поможет убедить остальных... Ариана поплотнее закуталась в плащ и поспешила прочь из гостиницы.

Едва вступив на улицу Сожаления, она начала раскаиваться, что вообще ваша из «Фесты». Всегда оживленная фальшивым весельем, ярко расцвеченная дешевыми украшениями, эта улица была теперь предоставлена только ветру. И ветер развлекался, играя жалкими остатками праздника. Вот по мостовой, подгоняемая вихрем, покатилась разноцветная шапочка жонглера. За ней — шелковый шарф, рваный и грязный... В довершение всего где-то завyla собака. Эхо разнесло ее вой по пустынным улицам. Стуча зубами, но совсем не от холода и ветра, Ариана ускорила шаги...

Ко дворцу Албануса она уже подбежала, хотя никто за ней не гнался. Кроме нее, на улице вообще не было ни души. Задыхаясь, она припала к воротам и маленьким кулачком забарабанила по доскам, окованным железом:

— Впустите меня!

Из небольшого окошечка ее подозрительно осмотрел человеческий глаз. Кто-то заглядывал и так и эдак: одна ли она пришла?

— Во имя милосердного Митры, впустите меня!..

Проскрежетали отодвигаемые засовы, и стражник приоткрыл ворота. Ариана едва протиснулась в образовавшуюся щель.

Но не успела она сделать и шага внутрь, как чья-то рука схватила ее за талию и подняла в воздух. Это

сопровождалось грубым смехом. Ариана задохнулась от возмущения, когда другая рука бесперемонно стиснула ее ягодицы. Перед ней возникла чья-то узкая физиономия. Кончик носа отсутствовал.

— Лакомая штучка, — смеялся стражник, державший Ариану. — Право слово, она согреет всех нас даже на таком ветру!

С десятков стражников, стоявших рядом, бурно разделили его веселье.

Однако радость Обрезанного Носа как рукой сняло, когда он почувствовал у себя под ухом острие короткого кинжала Арианы.

— Я — госпожа Ариана Пандариан, — холодно прошипела девушка. Митра, когда же это она последний раз произносила свое полное имя? — Если господин Албанус и оставит от вас что-нибудь, мой отец, без сомнения, позаботится об остатках!

Руки стражника разжались, как будто он обжегся; девушка почувствовала под ногами твердую землю.

— Простите, простите, госпожа моя, — запинаясь, выдал горевояка. — Мое почтение... Я не хотел...

— Я сама найду дорогу, — высокомерно заявила она и ускользнула прочь, оставив Обрезанный Нос подбирать слова для извинения. Его дружки остались стоять с вытаращенными глазами и открытыми ртами...

Надменность и наглость, решила Ариана, поднимаясь по дорожке, выложенной каменными плитками, надменность и наглость, только это мне и осталось. Иначе никто не поверит, что я знатная дама. Ничего себе дама, явилась во дворец вельможи без слуг и охраны! В арочном проеме открылась дверь, из нее появился седобородый мужчина со знаком, управляющего на одежде. Большие карие глаза девушки смотрели на него твердо и непреклонно.

— Я — госпожа Ариана Пандариан, заявила она. — Проведите меня к скульптору Стефано Меллиарусу.

У седобородого отвисла челюсть. Он пытался заглянуть ей за спину, стараясь разглядеть, есть за ней свита или нет?

— Простите меня... моя госпожа... но я... я не знаю человека по имени Стефано.

Ариана бесцеремонно протиснулась мимо управляющего в колонный зал, который служил прихожей в этом дворце.

— Тогда проведите меня к господину Албанусу, — приказала девушка. Внутри у нее все дрожало. Что, если Конан ошибся? Вдруг Стефано здесь действительно нет?.. Одна мысль о том, чтобы вернуться на пустынные улицы, пугала ее еще больше и подталкивала вперед. Управляющий силился что-то ответить, губы его шевелились, а борода дергалась. Окончательно растерявшись, он все-таки произнес:

— Следуйте за мной, пожалуйста, — потом спохватился и решил добавить, — моя госпожа...

Комната, куда управляющий привел Ариану, была довольно просторной. Сам он вышел, чтобы, по его словам, доложить о ней господину Албанусу. Стены комнаты украшали яркие шпалеры. Трепещущее пламя золотых ламп заливало комнату теплым сиянием, особенно славным после унылых, сумрачных улиц. Но уютная обстановка не рассеяла растущих опасений Арианы. Что, если она ищет того, кого здесь нет, выставляя себя полной дурой перед незнакомым вельможей? Мало-помалу с нее начала сходиться маска неприступной уверенности. Остатки ее исчезли под жестким взглядом входившего господина Албануса.

— Ты ищешь человека по имени Стефано, — без лишних вступлений начал хозяин дома. — Почему ты решила, что он здесь?

Ариане хотелось отчаянно заломить руки. Вместо этого она плотно сцепила их под плащом, но не смогла остановить рвавшегося наружу потока слов и лихорадочно принялась объяснять:

— Я должна поговорить с ним! Мне больше не к кому обратиться... Тэрас мертв... А Конан говорит, Что нас предали! И к тому же... — Ариана судорожно вздохнула. — Простите меня, господин Албанус. Если Стефано здесь нет, я уйду.

По мере того как Ариана сбивчиво объясняла, темные глаза Албануса округлялись все больше и больше. Теперь он что-то нащупывал в мешочке у пояса, говоря:

— Подожди... Видела ты что-нибудь подобное?

Албанус вытащил какой-то самоцвет, до того прозрачный и чистый, что, казалось, от него исходило сияние. Хозяин дома что-то пробормотал — Ариана не слышала, что именно, — и протянул руку с камнем к ней.

Взгляд девушки против ее воли притянуло к самоцвету, как железо к магниту. Внезапно из камня вырвался бледный луч и осветил лицо Арианы, и она охнула, как будто ее кто-то ударил. Паника охватила ее. Бежать, скорее бежать!.. Но девушка не могла и с места сдвинуться. Она только дрожала всем телом, приплясывая на месте. Белый свет застилал ей глаза.

Бежать! — кричало все ее существо. Но почему, вдруг спросил еще один голос, и паника прошла. Воля пропала. Белый луч исчез. Она стояла, по-прежнему уставившись на камень, который сиял белизной ярче прежнего. Дышала Ариана совсем ровно.

— Готово, — услышала она бормотание Албануса. — Но на всякий случай проверим... — Уже громче он добавил: — Разденься, девочка!

Легкое смущение выползло из дальних уголков сознания, и щеки ее порозовели. А в остальном приказание не показалось ей странным. Она тут же сбросила плащ и расстегнула брошки, на которых крепилось платье, и одежда упала к ногам. Ариана стояла, положив руки на бедра, чуть согнув одно колено, и ждала.

Албанус обежал взглядом прелестную обнаженную фигуру и улыбнулся. Если это можно было назвать улыбкой.

— Если ты с такой готовностью разделась, значит, сейчас выложишь всю правду, хотя бы она явилась твоим смертным приговором. Тэрас, девочка. Он на самом деле мертв? Как он умер?

— Конан убил его,— ответила она совершенно спокойно.

— Эрлик поberi проклятого варвара! — выругался черный маг. — Теперь ясно, почему Веджент нигде не мог найти Тэраса! Как же мне теперь передать приказ... — Злость понемногу прошла. Он смотрел на Ариану, начиная понимать, что она может помочь ему. — Так ты из гостиницы «Феста», одна из этих блаженных, которые только и могут, что болтать о восстании? Так, что ли?

Девушка немного поколебалась, но все же ответила:

— Да.

Что-то было не так в словах Албануса; смутный протест возник в мозгу Арианы, но голос тревоги прозвучал слишком далеко и сознания не достиг.

Албанус вцепился пальцами в подбородок девушки и заставил приподнять голову; пальцы вельможи болезненно впились в щеки, но у нее не возникло мысли о сопротивлении. Большие карие глаза открыто встретили обсидиановый взгляд колдуна.

— Когда я пожелаю, чтобы улицы заполнила воплящая чернь,— тихо сказал Албанус,— ты пойдешь в «Фесту» и передашь мои слова: скажешь именно то, что я прикажу, и ни слова больше.

— Я передам,— ответила она. Возник позыв к борьбе, похожий на слабый укус комара. Комар улетел, и она не стала бороться.

Албанус кивнул:

— Хорошо. Теперь о Конане. Что он говорил тебе о предательстве?

— Он говорил, что Тэрас не нанимал вооруженных людей в помощь народу. Что кто-то использует нас для своих целей.

— Он назвал человека, который использует вас? — резко спросил Албанус.

Ариана покачала головой. Она устала от разговоров, ей хотелось спать.

— Ну да все равно,— невнятно произнес Албанус. — Оказывается, я недооценивал варвара. С каждой минутой он становится все опаснее... Варус! Посланника к полководцу Ведженту! Да пошевеливайся, коли шкура дорога! Стой прямо, девочка!

Ариана послушно выпрямилась, наблюдая, как Албанус размашистым почерком небрежно царапал что-то на пергаменте. Она мечтала только добраться до подушки, но твердо знала: нельзя, пока хозяин не разрешит. Девушка полностью подчинилась его воле, последние искры сопротивления угасли...

Глава восемнадцатая

Басовитый раскат бронзового гонга возвестил, что наступил час первой ночной стражи. Не зажигая светильника, Конан тихо выскользнул из-под одеяла. Он загодя приготовился к ночному путешествию. На нем была лишь легкая рубаха и пояс с кинжалом. Меч и латы только стесняли бы движение.

Неслышно ступая босыми ногами, киммериец подошел к окну, выбрался на карниз и изогнулся, как кошка, ища, где бы зацепиться пальцами, чтобы забраться повыше. Люди едко смотрят вверх, даже если ищут кого-то. Хочешь остаться незамеченным — путешествуй по крышам. Лиловые облака, гонимые ветром, то закрывали, то открывали почти полную луну. Свет и темнота постоянно сменяли друг друга. По Дворцу ползли и приплясывали причудливые тени. Конан слился с тенями...

Камень, из которого сложили когда-то Дворец, был гладко обтесан, но привыкшие к такому делу руки и ноги варвара сами находили щелк и трещины, а уж каменные карнизы и ободки украшений — это была для него настоящая тропинка на крышу. Быстро, но осторожно киммериец пересек черепичное покрытие и спрыгнул на крепостную стену. Здесь, в самом сердце дворцовых построек, часового не ставили. Протиснувшись между двумя зубцами стены высотой в челове-

ческий рост, Конан спустился на крышу колоннады. Под ногами, тремя этажами ниже, были каменные плиты дворца.

Во дворе за его спиной внезапно поднялась тревога. Забили в сигнальный колокол. Варвар застыл на месте, скрывшись в перемежающихся тенях. До его слуха донеслись крики, но слов он не мог разобрать. Конан нахмурился. По такой тревоге Веджента призовут несомненно. Однако крики «держи, лови!» оглашали не весь Дворец. Во внешней части Дворца не было видно мельтешащих огней, не слышалось топота ног. Возможно, все скоро стихнет, и тогда Веджент наверняка вернется к себе. Волчья улыбка обнажила зубы киммерийца. Пусть, пусть явится. Кое-кто будет терпеливо ждать его, а потом потребует ответа на кое-какие вопросы!

Конан поспешил дальше. Он пробежал вдоль крыши, в конце ее с легкостью обогнул еще одну стену и побегал дальше. Внизу его подстерегали темнота и каменные плиты; казалось, они с нетерпением ждали, чтобы он поскользнулся или ослабил хватку. Но варвар не обращал на опасность никакого внимания. Остановившись, он улегся ничком, перебросил ноги через край крыши и сполз немного вниз, к окну спальни Веджента.

В полной тишине, как беззвучная смерть, киммериец забрался в комнату, на ходу вытаскивая кинжал из ножен. Несколько зажженных бронзовых ламп тускло освещали спальню и внешнюю комнату. Как варвар и опасался, обе были пусты. Непреклонный в своем решении Конан встал за дверью спальни и стал ждать.

Стоять пришлось долго. Конан ждал и ждал, молча и неподвижно, терпеливый, как зверь в засаде. Даже когда он слышал, что дверь первой комнаты открылась, шевельнулась только рука на кинжале, сильнее сжав рукоять. Однако вошел всего один человек. Когда шаги приблизились, Конан в

полной готовности распластался по стене рядом с дверью.

В комнату вошел кто-то высокий, в золотом плаще и с красным гребнем на шлеме, как у командира Золотых Леопардов. Не обнажая оружия, киммериец ударил вошедшего сзади по шее, и тот со стоном упал, перевалившись на спину. Конан уставился на него в полном недоумении: это был не Веджент!

И тут же завывающая орава золотых плащей ввалилась в комнату и набросилась на варвара. Взревав, Конан ринулся в бой. Его кинжал пронзил чью-то глотку и ушел вместе с падающим телом. Зубы и челюсти трещали и крошились под тяжелыми ударами кулака варвара. Одного из воинов Конан выбросил в окно, через которое влез сам, и тот с воплем канул в темноту. Однако нападавших было слишком много. Только этим его и взяли. Спустя некоторое время киммериец лежал на спине, и каждую его руку и ногу держали по три человека. Все они были побиты и отплевывались кровью. Конан корчился, изо всех сил напрягая каждый мускул. Но ему удавалось разве что пошевелить державших. Вырваться на свободу было невозможно.

Веджент, без шлема, очень довольный, появился в дверном проеме.

— Теперь ты видишь, что я был прав,— сказал он кому-то в другой комнате.— Он хотел в первую очередь убить меня. Если бы негодяй не успел выбраться из Дворца, когда стало бы известно о твоей смерти, отсутствие командира Золотых Леопардов было бы ему весьма на руку.

В комнату вошел Гариан. Он кутался в плащ. На побледневшем лице темным пятном выделялся синяк. Он уставился на Конана с ужасом и удивлением.

— Даже когда те, другие, сказали мне, я едва мог поверить своим ушам,— прошептал король. И содрогнулся: — Сколько раз я был у него на кончике меча!..

— Но тогда его точно приняли бы за убийцу,— спокойно сказал Веджент.

— Лжешь! — крикнул Конан в лицо здоровяку полководцу.— Это я пришел сюда, чтобы заставить тебя признаться в гнусном предательстве!

Лицо Веджента потемнело, он схватился за меч, но Гариан жестом остановил его. Король подошел ближе к Конану и обратился к нему:

— Вот что, киммериец. Сегодня, еще до сумерек, Веджент схватил тех, кто был с тобой в сговоре. Мужчину по имени Гракус. И женщину — Галлию. И еще трех-четырех. Будешь отрицать, что они знакомы тебе? Будешь отрицать, что знал об их замыслах против трона?

В голове у Конана помутилось. Значит, они и Ариану?.. Однако спросить об этом значило назвать имя и тем самым отдать ее в руки палачей, если она была еще на свободе.

— Это всего лишь глупые юнцы! — сказал варвар.— Они болтают, и только! И будут болтать, не принося никому вреда, пока от старости не помрут. Совсем другое дело — те, кто их использует...

Он хрипло охнул и смолк: Веджент ударил его сапогом под ребра. Гариан рукой приказал полководцу отойти и продолжал:

— Веджент допросил этих безвредных, как ты полагаешь, юнцов. Ему не потребовалось особых усилий, чтобы сломать их. Их привели ко мне, тех, кто еще мог говорить. Я лично слышал от них признание в покушении на мое убийство. И поработать мечом должен был именно ты!

— Я не убийца! — дернулся Конан, но Гариан продолжал, как будто не слыша:

— Забили тревогу; тебя искали. И нашли здесь, в засаде, с кинжалом в руке. Так что твои действия говорят сами за себя.

— Его голова украсит пику еще до рассвета,— сказал Веджент.

— Нет,— тихо ответил Гариан.— Я доверял этому человеку.— Он вытер руки о край плаща, как будто совершал обряд. Глаза его холодно смотрели на Конана.— Давно уже не использовалась древняя казнь для тех, кто замыслил убийство особы, носящей Корону Дракона. Пусть теперь возобновится этот обычай.

Запахнув плащ, король отвернулся от Конана и зашагал прочь.

Веджент уставился ему вслед, затем посмотрел на Конана. Неожиданно он захохотал, откинув голову:

— Древняя казнь, варвар! О, это как раз то, что надо! В темницу его!

Один из тех, что держал киммерийца, сделал какое-то движение. Конан увидел опускающуюся на него рукоять меча — и сразу наступила темнота.

Глава девятнадцатая

Албанус улыбался сам себе, сидя в крытых носилках. Была ночь. Рабы несли его вверх по извилистым уликам Храмового района в сторону Королевского Дворца. Теперь уже совсем скоро! Победа близка и неизбежна! Он смаковал каждый шаг носильщиков, ведь это приближало его к заветной цели.

Впереди носилок шагали два факельщика. Хотя улицы были пусты, как давно заброшенное кладбище, Албануса окружали двадцать вооруженных охранников. А по обе стороны от него шли те, кто был особенно важен для его замысла. Две фигуры, плотно укутанные в плащи с низко надвинутыми капюшонами, мужская и женская. Скоро свершится!

Когда процессия достигла дворцовых ворот, Албанус отдал команду. Его носилки опустили на землю. Не успел еще волшебник ступить на мостовую, а к нему по подъемному мосту уже подходил Веджент. Албанус посмотрел на стражу у ворот и вопросительно поднял бровь.

— Все как договорились,— спокойно сказал полководец.— Этой ночью вся охрана — мои люди, причем самые лучшие.

— Прекрасно,— сказал Албанус.— Что Конан?

— В темнице. Гариан так ратовал за то, чтобы возобновить древнюю казнь, что я не смог прикон-

чить варвара прямо на месте. К тому времени тревога уже многих подняла на ноги.— Веджент возмущенно сплюнул, и красный султан качнулся на его шлеме.— Отправим его в безымянную могилу вместе с Гарианом!

Хищнолицый вельможа тихо засмеялся:

— Нет, Веджент. Древняя казнь — это именно то, чего заслуживает наш варвар.

— По мне, лучше просто прикончить его к шутам собачьим,— проворчал Веджент, но распространяться на эту тему дальше не стал. Наклонившись, он попытался заглянуть под капюшон мужской фигуры, стоявшей за Албанусом.— Так он что, правда похож на...

— Идем,— перебил Албанус и уверенно зашагал вперед. Ариана и двойник следовали за ним по пятам. Ведженту ничего не оставалось, кроме как присоединиться.

Черный маг поспешно прошел через подъемный мост и дальше во Дворец, и внутри у него все ликовало. Много раз он проходил этими залами, но только теперь он вступал сюда как завоеватель, победитель, властелин! В это время от стены отделилась тень, и перед ним возникла Сулария. Албанус наградил ее бешеным взглядом.

— Почему ты здесь, женщина?! Я приказал тебе оставаться у себя, пока я не пошлю за тобой.

Сулария встретила его взгляд не дрогнув. Даже в полумраке видно было, как нетерпеливо сверкали ее глаза.

— Я хочу видеть, как он падет пред тобой!

Албанус медленно кивнул головой. Да, то будет приятный момент.

— Только ни звука! — предупредил он. И пошел дальше, высоко подняв голову и расправив плечи, как пристало королю в собственном Дворце.

Перед личными покоями Гариана стояли четверо стражников. Когда Албанус со свитой приблизился к ним, они почтительно вытянулись.

Веджент вышел вперед:

— Спит?

Один из четырех кивнул.

— Кто еще с ним?

— Только служанка — принести вина, если проснется,— ответил тот, кто кивал.

— Убить ее,— приказал Албанус.

Веджент содрогнулся.

— Ты же говорил, что можешь лишить ее памяти. Если девушка исчезнет, начнутся вопросы.

— Это можно сделать только с одним человеком зараз,— ответил Албанус, рассеянно поглаживая кошель, в котором лежал белый самоцвет.— Убить ее.

Веджент кивнул стражнику, с которым разговаривал.

Тот проскользнул в дверь. Вскоре он вернулся с окровавленным клинком и снова занял свой пост.

Албанус повел всех внутрь. Он даже не взглянул ни на смятую фигурку женщины, ни на перевернутый табурет. В следующей комнате, непосредственно спальне Гариана, свет был притушен, фитили ламп низко прикручены. Гариан раскинулся на кровати среди смятых одеял...

— Прибавь света, Сулария,— негромко приказал Албанус. Не спуская глаз с человека на кровати, светловолосая красавица поспешила выполнить приказание.— Снимите плащи,— велел колдун тем двоим в капюшонах.

Двойник повиновался, и у Веджента перехватило дыхание.

— Ух ты! Копия Гариана!

Сулария как раз повернулась к ним от золотой лампы, которую разжигала, и чуть не вскрикнула от удивления при виде королевского двойника, но, заметив Ариану, тотчас сузила глаза и сурово спросила:

— А это еще что?..

Ариана стояла неподвижно и смотрела прямо перед собой, ожидая новой команды. Двойник же с любопытством оглядывался кругом.

Неожиданно Гариан рывком сел на кровати. Взгляд его перескакивал с Албануса на Суларию, с Сулании на Веджента. Изумление короля росло с каждым мгновением.

— Что? — начал было Гариан, но так и не договорил. Челюсть у короля отвисла: он увидел своего двойника. Тот, в свою очередь, невозмутимо и любознательно рассматривал короля.

Албануса так и подмывало рассмеяться.

— Гариан, — насмешливо сказал он, — перед тобой тот, кто будет сидеть на Троне Дракона последние денечки, отпущенные вашей династии. Твой род незаконно захватил власть. Сейчас этому приходит конец!

— Стража! — крикнул Гариан. Он выхватил из-под подушки кинжал и вскочил с кровати. — Стража!

— Взять его, — приказал Албанус двойнику, — как я тебя учил.

Двойник двинулся вперед. Гариан нанес кинжалом быстрый и точный удар; все-таки он был прекрасным воином. Но двойник с легкостью перехватил его руку и с нечеловеческой силой сжал запястье короля. Двойник еще усилил хватку, и удивление на лице Гариана сменилось страданием. Кинжал выпал из онемевшей руки...

Не успел клинок звякнуть об пол, как двойник свободной рукой схватил настоящего короля за горло и приподнял так, что ноги жертвы беспомощно задержались в воздухе. Все это двойник проделал без малейшего напряжения. Он спокойно наблюдал, как лицо человека, так похожее на его собственное, медленно начинает синеть. Гариан бился все слабее и наконец затих совсем. Двойник небрежно разжал пальцы, и безвольное тело рухнуло на пол.

Албанус торопливо склонился над королем, на шее которого отчетливо виднелись яркие фиолетовые синяки. На щеке Гариана темнел еще один кровоподтек, хотя Албанус вроде и не припоминал, чтобы двойник бил его по лицу. Широкая грудь поднималась и опускалась, хотя и слабо: Гариан был еще жив.

С того момента, как двойник сделал первое движение, Веджент наблюдал за происходившим широко раскрытыми глазами, наполовину вытаскивая из ножен клинок. Теперь он загнал меч обратно в ножны и прокашлялся. Он не сводил взгляда с двойника.

— Теперь, — спросил Веджент, — ты велишь, чтобы он... оно... его добило?

— Я — король Гариан, — сказала Албанусово создание Ведженту. Тот вполголоса выругался в ответ.

— Тихо, — приказал Албанус выпрямляясь. — Этот, — он ткнул бесчувственного Гариана ногой, — в полной мере признает мои права на трон, и только тогда я позволю ему умереть.

— Это опасно, — запротестовал Веджент. — Мы же собирались убить его прямо сейчас...

— Довольно! — огрызнулся Албанус. — Заковать его в цепи и препроводить в темницу под моим Дворцом. И не желаю больше ничего слышать об этом!

Полководец неохотно кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— И вот еще что, Веджент, — добавил жестокий вельможа, — проследи, чтобы потом уничтожили всех, кто будет с ним возиться. Меньше языков — меньше болтовни...

Рослый воитель на мгновение застыл в дверях, потом вышел, не сказав ни слова. Однако Албанус знал, что Веджент все сделает как сказано, не пожалеет даже своих любимых Золотых Леопардов.

— Кто эта женщина?! — вновь спросила Сулания.

Албанус искоса взглянул на блондинку. Забавно, столько всего произошло у нее на глазах, а ее интересуется только Ариана. Наверное, двум мыслям в этой прелестной головке уже тесно.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал он ей. — Не далее как утром тебя провозгласят госпожой

Суларией. А это,— он коснулся застывшего лица Арианы,— всего лишь послушное орудие, которым я прокладываю себе путь к Трону Дракона. Когда орудие использовано, его выбрасывают.

Албанус перевел взгляд на Суларию и ободряюще улыбнулся ей. Да, повторил он про себя, отслужившие инструменты выбрасывают...

Глава двадцатая

Очнувшись, Конан обнаружил, что висит на цепях посреди мрачного подземелья, растянутый за руки и за ноги. Два высоких треножника заливали желтым светом пол вокруг ног, но стен Конан разглядеть не мог. Цепи от запястий уходили куда-то во мрак наверху, а те, что тянулись от щиколоток, крепились к толстым железным скобам, вделанным в грубые камни пола. Рубаха Конана бесследно исчезла, а с ней и штаны. Наготу прикрывала только набедренная повязка.

Варвар напряг мускулы, впрочем, без особой надежды на успех. Пот выступил у него на лбу, усеял каплями плечи и градом покатился по широкой груди... Все тщетно. Цепи не поддавались. В них не было ни малейшей слабости. Да и сам он был растянут так, что только-только не рвались суставы.

Где-то в темноте прошуршали одежды, и варвар услышал мужской голос.

— Он очнулся, моя госпожа.— И после некоторого молчания голос добавил: — Прекрасно, моя госпожа.

Двое мужчин могучего сложения вступили в круг света. Оба бритоголовые и голые по пояс. У одного из двоих поперек безволосой груди тянулся след от ожога. Ни дать ни взять, какая-то жертва сумела воспользоваться раскаленным железом, ей предна-

значенным. Другой мужчина был сплошь волосат, как обезьяна. Его круглое, не к мосту добродушное лицо сияло улыбкой. Каждый держал в руках свернутый кнут.

Не проронив ни слова, они заняли места по обе стороны от киммерийца. Конан же изо всех сил напругал зрение, вглядываясь в темноту. Кто эта «госпожа»? Кто она?

Первый кнут просвистел и хлестнул варвара по груди. Пока им замахивались снова, второй оставил след на бедре. И снова первый — обвился вокруг щиколоток. Удары сыпались как попало. Невозможно было предугадать, куда придется следующий. Хлысты раз за разом въедались в плоть, оставляя на коже горящие полосы...

Конан изо всех сил сжимал челюсти, чтобы не закричать. Он не решался даже открыть рот, чтобы вздохнуть полной грудью, как того требовало судорожное напряжение тела. Откроешь рот — произвольно вырвется стон. Пусть тихий, но от него до истошного крика — один шаг. Так недолго и завопить во все горло. Нет уж. Не дождетесь.

Двое палачей продолжали свое дело, пока Конан совсем не обмяк на цепях. Голова безвольно поникла на грудь. Пот огнем разъедал следы ударов, покрывавшие его от плеч до щиколоток. Во многих местах сочилась кровь.

Варвар услышал, как где-то в темноте звякнули монеты и тот же самый, что и раньше, человек сказал:

— Ты очень щедра, моя госпожа. Мы будем там, снаружи... Мало ли, вдруг понадобится.

Потом тишина. Ее нарушил скрип тяжелой двери, которая нехотя повернулась на ржавых петлях, чтобы с лязгом захлопнуться.

Конан приподнял голову.

В круг света медленно вошла женщина. Она стояла и смотрела на него. Женщина в сером покрывале...

— Ты! — прохрипел Конан. — Значит, это ты пыталась убить меня? Или ты та, кто использует молоко-сосов из «Фесты»? Это ты засадила меня сюда, оболгав?

— Я и вправду пыталась сделать так, чтобы тебя убили, — тихо сказала она. Конан сощурил глаза. До чего знакомый голос! Но чей? — Надо было бы мне знать, что в Немедии не найдется человека, способного убить тебя, — продолжала она. — Но то, что ты висишь тут, не моя заслуга, хотя я и рада этому. О, как я рада, Конан-киммериец!

— Кто ты?! — требовательно спросил варвар.

Она подняла руку и откинула покрывало. Ничего похожего на изуродованное болезнью лицо! Прекрасные черты и нежная кожа цвета слоновой кости в обрамлении гривы темно-рыжих волос, мягкими волнами падающих на плечи. Изумрудно-зеленые глаза в упор смотрели на Конана.

— Карела! — только и мог выдохнуть Конан.

Уж не привиделось ли ему это от боли? Карела, больше известная как Рыжий Ястреб, неистовая разбойница равнин Заморы и степей Турана! Здесь, в Бельверусе, в обличье знатной дамы! Нет, этого быть не могло.

Она смотрела на него, и прекрасное лицо ее было невозмутимо. Потом она заговорила, сдерживая волнение:

— Я думала, мы никогда больше не встретимся, киммериец. Когда я увидела тебя в тот день в Торговом районе, думала — умру на месте!

— А Ордо ты видела? — спросил он. — Ордо тоже здесь и все еще надеется найти тебя, да ты, наверное, знаешь... — Конану удалось криво улыбнуться. — Он с контрабандистами, которыми ты управляешь.

— Так ты и об этом дознался, — удивилась Карела. — Нет, чтобы держать тебя за глупца, надо самому быть идиотом. Ордо, впрочем, удивил меня не меньше, чем ты, внезапно появившись в Хоршемише, когда я была там. Однако я ему не открылась. Да, он был са-

мым преданным моим псом. Но другие, при всей их верности, никак не могли позабыть, что за мою голову в Заморе и Туране назначена награда. Думаешь, я из удовольствия эти занавески на себя намотала?

— Все это было уже давно, Карела,— сказал Конан.— Сейчас небось все уже позабыли.

Напускного спокойствия как не бывало.

— Никто и никогда не забудет Рыжего Ястреба! — Изумрудные глаза яростно вспыхнули. Она стояла перед ним в воинственной позе, подбоченившись и сжав кулаки. Не хватало только кривой сабли, украшенной драгоценными камнями.

— Ну, раз уж ты больше не госпожа Тиана,— мрачно проговорил варвар,— может, скажешь, но имя девяти преисподних Зандры, на кой тебе моя смерть?

— Почему?! — От ярости голос Карелы охрип и сорвался на визг.— Быстро же ты забыл, как бросил меня на произвол судьбы, раздетую и в цепях, по пути на невольничий рынок, где меня собирались продать первому, кто больше даст?

— Ты же заставила меня поклясться, Карела. Помнишь? Никогда не поднимать руки для твоего спасения...

— Разрази Деркетю тебя и твои клятвы, киммериец!

— А кроме того, у меня всего-то было при себе пять медяков. Неужто тебя продали бы за такую ничтожную цену?

— Лжешь! — сплюнула Карела.— Я не подчинилась тебе, и ты позволил продать меня!

— Говорю тебе...

— Лжешь! Лжешь!

Конан только зарычал и сжал зубы. Бесплезно объяснять, если тебя не слушают. Он не станет спорить с ней. Тем более оправдываться. Вот уж чего он никогда не умел делать...

Сердито расхаживая, Карела метала в варвара слова, как кинжалы, но ни разу не взглянула ему прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы ты узнал о моих унижениях, киммериец. Узнал и запомнил! Память о них будет вечно жечь тебя, когда ты окажешься на рудниках. И запомни вот еще что: у короля в обычае миловать тех, кто пробыл там некоторое время, так вот, я окажусь в нужном месте и подкуплю кого надо, чтобы про одного узника забыли. Догадываешься про кого?

— Я знал, что ты удерешь,— пробормотал Конан.— И похоже, это тебе удалось.

На секунду Карела плотно сжала веки, потом вновь открыла глаза и решительно заговорила:

— Меня продали купцу по имени Хафиз и поместили в женской половине дома с сорока другими женщинами. Я убежала в тот же день. И в тот же день меня поймали, и я узнала, что такое бастинадо, как бьют палками по подошве. Я не кричала, но десять дней с трудом передвигалась хромая. После второго побега я пробыла на свободе три дня. По возвращении меня заставили чистить кастрюли и выполнять всякую грязную работу на кухне...

Конан не удержался, несмотря на свое положение, и хмыкнул:

— Боги, да у него, видать, совсем мозгов не было. Он что, думал тебя таким образом приручить?

Она наконец посмотрела ему прямо в лицо. И заговорила тихо, но взгляд был убийственным:

— В третий раз меня схватили, когда я пыталась перелезть стену. Я плюнула Хафизу в лицо, я сказала, что он может убить меня, но сломить — никогда. Хафиз засмеялся... Ты сама себя считаешь мужчиной, сказал купец. Надо, сказал он, объяснить тебе, что к чему. С тех пор меня постоянно одевали так, будто собирались вот-вот послать в постель к хозяину. Легчайший шелк, лучшие духи и прочая дрянь. Заставляли красить веки, щеки и губы. Я должна была учиться танцевать, играть на музыкальных инструментах и читать стихи!.. А если у меня что-нибудь не получалось, наказывали немедленно. Но, поскольку я была

на положении ребенка, которого только учат быть женщиной, то и наказание было такое, какое полагалось бы ребенку. Как хохотал Хафиз, глядя на меня!

Конан откинул голову и тоже расхохотался:

— Ну ничего себе ребеночек!..

Карела замахнулась на варвара кулаком, ни дать ни взять, желая вышибить из него дух. Она бушевала, гнев переполнил Рыжего Ястреба.

— Да что ты, козел, знаешь об этом? Десять раз на день подставлять задницу под розги! Открывать рот и глотать по ложечке это мерзкое масло! И тысяча других вещей, о которых даже подумать стыдно. Смейся, засранец!.. А я целый год это терпела!.. Вот бы каждый день того года зачелся тебе годом на рудниках!..

Усилием воли Конан подавил веселье:

— Я думал, ты удерешь самое позднее через полгода. Но, я смотрю, Рыжий Ястреб попал в серебряную клетку и превратился в дрозда...

— За мной следили день и ночь,— возмутилась она.— И все-таки я убежала! С мечом в руке!..

— Надоело терпеть, когда отсылают спать без ужина? — Конана трясло от еле сдерживаемого смеха.

— Деркето тебя ослепи! — взывала Карела. Она бросилась к нему и маленькими кулачками забарабанила по широкой груди.— Эрлик заberi тебя, киммерийский ублюдок! Ты... ты...— Внезапно она сникла и ухватила за него, чтобы не упасть. Щека Карелы прижалась к его груди, Конан онемел от изумления: в глазах Рыжего Ястреба стояли слезы.

— Я любила тебя,— прошептала она.— Я любила тебя.

Киммериец только покачал головой. Значит, и это все она вытворяла из любви к нему? Какова же в таком случае ее ненависть?

Оттолкнувшись от него, Карела отступила на шаг.

Она упорно отказывалась замечать слезы, повисшие на ее длинных ресницах.

— В тебе нет страха,— прошептала она.— Ты не дрожишь. А не приходит тебе в голову мысль: «Если она так страдала, что же она за это сделает со мной?»

Варвар негромко ответил:

— В том, что случилось с тобой, моей вины нет, Карела.

Но она, похоже, даже не слышала его.

— Пусть ты и не боишься, но ты все-таки мужчина.— На губах Карелы играла странная улыбка.

Внезапно она подняла руки к застежкам на платье; в одно мгновение серый шелк упал к стройным ногам разбойницы. Изящным движением она перешагнула через него. Карела и сейчас была точно такой, какой Конан ее помнил: полная грудь и округлые бедра, длинные ноги и осиная талия. Настоящее пиршество для мужских глаз.

Карела подняла руки и, стоя на цыпочках, медленно повернулась. Длинные пряди то спадали на сливочно-белые плечи, то ласкали атласную грудь. Слегка покачивая бедрами, она подошла к варвару и остановилась, когда ее грудь коснулась его чуть ниже ребер. Проведя языком по полной нижней губе и глядя на него снизу вверх сквозь ресницы, она заговорила мрачно и страстно:

— Когда ты окажешься в рудниках, помни, выйдешь оттуда только мертвым. Оставшуюся жизнь будешь дышать промозглой вонью, и тусклый свет коптящих факелов заменит тебе солнце. Там, конечно, будут женщины, если только их можно так назвать. Руки их в мозолях почище, чем у любого мужчины...— Пальцы Карелы прошли по железной груди киммерийца.— Их волосы и кожа заросли грязью и коростой, от них мерзко воняет, а их поцелуй...

Стройные руки Карелы вытянулись вверх и обвили его шею. Карела подтянулась, оказавшись с ним лицом к лицу.

— Так сладко, как я, они никогда не поцелуют,— прошептала она и прижалась губами к его губам. Он

яростно ответил на ее поцелуй, так что в конце концов она со стоном отпрянула. Взгляд ее зеленых глаз трепетно затуманился. Синие глаза Конана были подобны северным небесам, продутым всеми ветрами.

— Тебя никто никогда так больше не поцелует, — задыхаясь, повторила Карела.

Внезапно она разжала руки, соскользнула на пол и попятилась прочь, покусывая губу. Некая неуверенность появилась в ее взгляде.

— Вот теперь ты до конца своих дней будешь вспоминать только меня, — сказала она. — Только меня... до конца дней... — Схватив с пола одежду, она убежала в темноту. Спустя некоторое время Конан услышал скрип и затем лязг. Это раскрылась и вновь захлопнулась дверь.

А она все такая же, подумалось Конану. Все тот же Рыжий Ястреб. Пылкая и неистовая, как хищная птица. Только вот если Карела думает, что он смиренно отправится на рудники или вытерпит какую-то древнюю казнь, о которой говорил Гариан, то она сильно ошибается. Очень даже сильно.

Конан еще раз осмотрел цепи, на которых висел, но разорвать их больше не пытался. Среди уроков, выученных им меж покрытых снегом и порою весьма коварных хребтов Киммерийских гор, был и такой: когда бороться невозможно, бесполезное трепыхание только приблизит смерть; ждать, сохраняя силы, — вот шанс выжить. И киммериец висел на цепях с терпением хищника на охоте, ждущего, чтобы дичь подошла поближе.

Глава двадцать первая

Цепи, державшие руки Конана, со скрипом и грохотом начали опускаться. Перемена положения тела оказалась сущей пыткой, и варвар не смог подавить стонов. Он не имел понятия, сколько часов он провисел. Круг света на полу и темнота вокруг не менялись и не давали представления о ходе времени.

Ноги Конана коснулись пола, и колени, не выдержав, подогнулись. Конан растянулся на каменном полу во весь рост. Сделав усилие, он попытался хотя бы опереться на руки, но кровь отхлынула от них так давно, что они совершенно онемели и только беспомощно подергивались.

Те самые люди, что недавно поработали над ним с кнутами, торопливо вошли в круг света и стали снимать цепи. Ослабевший киммериец попытался сопротивляться, но ничего поделать не смог. Тюремщики тем временем сковали ему руки за спиной, а щиколотки соединили тяжелой железной цепью. Человек со шрамом от ожога помалкивал и держался по-прежнему бесстрастно, зато второй, с неуместно добродушной рожей, болтал чуть ли не дружески.

— Я уж думал, ты еще денек провисишь, за всеми хлопотами! Затяни-ка вот тут потуже, — добавил он, обращаясь к напарнику. — Этот малый очень опасен... — Молчаливый только буркнул что-то и про-

должал забивать молотком заклепку в кандалы на левой руке Конана.

— Мои люди?... — прохрипел киммериец. В горле у него было сухо, как в гончаровой печи.

— О-о, твои люди наделали шуму. — И круглолицый неодобрительно рассмеялся. — Отбились от Золотых Леопардов, которых послали арестовать их. Отбились и исчезли. Недооценили Леопарды твоих молодцов! В другое время небось тарарам был бы еще тот, да только сегодня с восходом солнца успело случиться больше, чем со дня восшествия Гариана на трон. Можешь себе вообразить: для начала король изгнал из города под страхом смерти всех своих старых советников. Потом учредил титул Верховного Советника Немедии. Полномочий у этого Советника — почти как у короля. И кого же он назначил на эту должность? Господина Албануса, того самого, у которого глаза — бр-р! — больше я ни у кого таких не видал. И до кучи объявил наш король свою наложницу знатной дамой! Вообрази только, эта белобрысая шлюха — хлоп! — и знатная госпожа! И что? А ничего! Хотя бы кто из знати слово сказал. А все потому, что она, чего доброго, еще королевой станет. Н-да. Ну, про беспорядки на улицах я уж и вовсе молчу... Давай остальное, Струто!

Молчаливый опять неразборчиво бормотнул и неуклюже двинулся прочь.

Конан еще раз облизнул пересохшие губы: во рту не было ни капли слюны.

— Беспорядки?... — наконец выдавил он.

Круглолицый кивнул:

— По всей столице. — Осмотревшись, как будто кто-нибудь мог их подслушать, он шепотом добавил: — Требовали, чтобы Гариан отрекся от престола! Во дела, а? Может, поэтому Гариан и избавился от старых советников. Так сказать, кинул им кость. Пускай скажут спасибо, что Золотых Леопардов на них не спустил...

Люди Арианы все-таки перешли к действиям, подумал Конан. Может, даже перемен каких-то добьются — если верить тюремщику, кое-чего вроде уже и добились, — вот только к лучшему или к худшему будут те перемены? Каждое слово стоило Конану невероятных усилий, но все-таки он спросил:

— У них... были... вооруженные... люди?

— Все думаешь о своем отряде, парень? Нет, обычная уличная чернь, хотя, как я слышал, на удивление многие были с мечами или другим оружием. Эй! Струто! Пошевеливайся!

Тюремщик со шрамом возвратился и принес длинный шест, который они вдвоем всунули Конану между спиной и руками. Широкими ремнями шест привязали к его рукам выше локтей. Из мешочка на поясе круглолицый достал кожаный кляп и засунул его варвару в рот. Тесемки от кляпа завязали на затылке.

— Пора вести тебя к королю, — сказал волосатый Конану. — Что уж там они собираются над тобой сотворить, не мое дело, но, честное слово, лучше бы тебе остаться под крылышком у госпожи Тианы. Верно, Струто? — Он затрясся от смеха. Струто равнодушно взирал на напарника. — Так что, варвар, советую тебе поскорее примириться со своими Богами. Двинулись, Струто!

Ухватившись за концы шеста, тюремщики подняли Конана на ноги. Они наполовину несли его, наполовину подталкивали. Одолев грубо вытесанные каменные лестницы подземелий, они вступили на мраморные полы Дворца. К тому времени, когда они добрались до парадных залов, киммериец почувствовал, что ноги вновь стали как следует слушаться его. Тогда он гордо отверг поддержку тюремщиков и пошел сам, мелкими шажками, насколько позволяла цепь на ногах.

Круглолицый посмотрел на него и засмеялся:

— Торопись поскорее разделаться со всем этим, а?

Тюремщики позволили Конану самому волочить ноги, но шест не отпустили... Губы варвара тронула мрачная улыбка. Они думают, что удержат его своим шестом? Пусть думают. Да захоти он, он этим же дрыном снесет с ног обоих. Вот только зачем? Он в цепях и в самом сердце Дворца. Терпение... Конан принялся потихоньку шевелить связанными руками, оживляя мышцы. Мало ли, вдруг пригодятся.

Тюремщики и Конан шли необычно пустынными коридорами. Только рабы, как всегда, торопливо пробегали, прижимаясь к стенам. Знать, разодетая в шелк и бархат, вся куда-то подевалась. Трое мужчин шли прямо по середине коридора...

Вот они свернули в просторный зал, высокий сводчатый потолок которого поддерживали пилястры, и здесь навстречу им попала другая группа людей. Под бдительным надзором двух стражников ковылял Гракус, Галлия и еще трое из «Фесты». Все пятеро были с кляпами во рту и с руками, связанными за спиной.

При виде Конана глаза Гракуса полезли на лоб, а Галлия так и шарахнулась от могучего киммерийца.

Один из стражников крикнул тем, что держали Конана:

— Этих отправляют на рудники!

— Все лучше, чем то, что ждет нашего парня, — засмеялся круглолицый.

Стражники дружно заржали и подтолкнули узников дальше. Молодые повстанцы, оборванные и грязные, поспешили пройти мимо Конана; похоже, они боялись его не меньше, чем стражи.

Киммериец не обратил на них особого внимания.

Он не собирался сводить с ними счеты за то, что они его обогнали. Мало кто из мужчин, а уж о женщинах и говорить нечего, устоит, оказавшись в руках умелого палача. К тому же Веджент и без них засадил бы его в тюрьму. Уж придумал бы какой-нибудь способ...

Впереди, в конце зала, распахнулись резные створки огромных дверей. Отодвинулись в стороны шестеро стражей в золотых плащах, и Конан вступил в тронный зал Немедии.

Куполообразный алебастровый потолок поддерживали двойные ряды изящных канелированных колонн. С потолка на серебряных цепях свисали золотые лампы. Полированные мраморные стены сияли, отражая яркий свет. Весь пол был одной большой мозаикой, представлявшей картины из немедийской истории. Тут Конан наконец понял, почему Дворец был так пуст. Все вельможи при полном параде собрались здесь. Темноглазые господа в бархатных одеяниях и с золотыми цепями на шее. Ухоженные дамы, чьи шелковые платья переливались драгоценными самоцветами. От высоких дверей к Трону Дракона был оставлен широкий проход. Золоторогая голова Дракона возвышалась над сидящим на троне человеком. Крылья Дракона, все в драгоценных камнях, были приспущены и как бы обнимали сидящего. А на голове у того была Корона Дракона.

Конан медленно пошел по проходу. Тюремщики хотели поторопить его, но не вышло. Киммериец не собирался спотыкаться и путаться в цепях, потешая придворных. Достигнув трона, варвар дерзко выпрямился и посмотрел прямо в лицо Гариану. Тюремщики попытались поставить Конана на колени, но он остался стоять. По залу пробежал шепот. Бросившись вперед, стражники стали бить киммерийца черенками копий по спине и ногам. Как Конан ни сопротивлялся, встать на колени ему все же пришлось.

Гариан безучастно взирал на все происходившее. Когда возня завершилась, он встал с трона, поправил затканый золотом плащ.

— Этого варвара, — провозгласил он громко, — мы взяли во Дворец и удостоили нашего внимания. Увы, мы пригрили змею на груди. Наше доверие

было самым отвратительным и подлым образом предано...

Король продолжал бубнить дальше, но тут внимание Конана привлек вельможа, стоявший чуть позади Трона Дракона. Одна рука его вполне по-хозяйски покоилась на спинке трона. Король говорил, а вельможа кивал головой, как учитель, одобряющий ответ ученика. На шее этого господина на золотой цепи висела Печать Немедии... Значит, это и есть Высший Советник Немедии, господин Албанус. Конан без труда узнал его лицо, отмеченное печатью жестокости и властолюбия. Это был тот, третий, чью тайную встречу с Тэрасом и Веджендом он когда-то нарушил. Да что они, с ума все посходили в этой Немедии?..

— Итак, за его преступление мы назначаем древнюю казнь, — похоронным голосом и почти нараспев заключил король.

Тут Конан как будто очнулся. И обратил внимание, что лицо Гариана совершенно ничего не выражало. Полное спокойствие, и все! А ведь как он печалился и переживал, когда варвара брали!

— Когда в следующий раз солнце взойдет и поднимется к зениту, пускай неудачливого цареубийцу бросят волкам. Да разорвут звери зверя!

Как только замер последний звук, Конана подняли на ноги и поспешно увели из тронного зала. Даже круглолицый болтун тюремщик не промолвил ни слова. Киммерийца снова водворили в темницу, на сей раз — в маленькую камеру, каменный пол которой был устлан грязной соломой. Палку из-под рук и кляп вынули, но все цепи оставили. Даже добавили еще одну, от лодыжек к кольцу в стене...

Тюремщики ушли, и Конан принялся осматривать новое помещение. Вытянувшись во весь рост на животе, он мог бы достать до тяжелой деревянной двери, да вот беда — руки были скованы за спиной. И даже окажись они свободны, ухватиться было решительно не за что. К тому же варвар сильно сомневал-

ся, что сумел бы выломать мощные железные петли. Стены камеры были сложены из грубого камня. От времени узенькие полоски извести между камнями уже начали крошиться и осыпаться. Будь под рукой инструменты, можно было бы вытащить несколько камней и убежать... годика этак через два. В гнилой соломе не нашлось ничего, кроме наполовину обглоданной дохлой крысы. Киммериец невольно задумался: кто не доел крысу — другие такие же крысы или его предшественники? Отбросив ногой крысиные останки в дальний угол, варвар в душе понадеялся, что ему не придется долго сносить вонь.

Едва он успел прислониться спиной к стене и кое-как устроиться, как в большом железном замке загремел ключ и дверь скрипнула, открываясь. Киммериец искренне удивился, увидев, что к нему в камеру, подбирая полы бархатных черных одежд, чтобы не запачкаться о грязную солому, входит Албанус. За ним в дверях маячила фигура короля в золотой парче. Гариан вертел головой, с интересом разглядывая солому и каменные стены. Один раз он взглянул и на Конана, но мельком, как будто варвар был неотъемлемой частью камеры, вроде соломы и камня стен.

Первым заговорил Албанус:

— Ты знаешь меня, не так ли?

— Ты — господин Албанус, — уклончиво ответил Конан.

— Ты знаешь меня, — продолжал чародей. На этот раз он не спрашивал, а утверждался в своих подозрениях. — Этого-то я и боялся. Хорошо, что я не стал медлить...

Конан напрягся всем телом.

— Ты? — Варвар перевел взгляд на Гариана.

Зачем это понадобилось Албанусу делать такие признания в присутствии короля?

— Не жди от него помощи, — засмеялся Албанус. — Некоторое время, варвар, ты мне сильно мешал. Не больно-то, однако, похоже, чтобы ты в самом

деле был орудием Богов. Волки покончат с тобой! Ты сумел доставить мне только одну настоящую неприятность; да и ту вполне исправила девушка, которую ты подослал ко мне искать скульптора. Нет, ты не орудие Богов. Ты — ничтожная козявка...

— Ариана! — резко перебил Конан. — Что ты с ней сделал?

Вельможа с обсидиановыми глазами жестоко засмеялся.

— Пойдем отсюда, король Гариан!

— Что ты сделал с Арианой? — закричал варвар вслед уходящему Албанусу. Король чуть задержался, оглядываясь на киммерийца. Конан почти готов был умолять короля об ответе, насколько он вообще был способен молить.

— Скажи мне, что он сделал...

Конан не успел толком договорить: король бесстрастно повернулся и вышел. Скрипнула и закрылась дверь. Ошеломленный варвар откинулся обратно к каменной стене...

С первого же мгновения, когда, войдя в коронный зал, он увидел короля, он почувствовал, что с тем что-то не так, Гариан какой-то странный. Тогда киммериец подумал, что ему показалось. Когда тебе зачитывают смертный приговор, еще и не то может почудиться. Но теперь Конан отчетливо заметил кое-что определенное. *На щеке Гариана не было синяка!* Не такой человек король, чтобы по-женски скрывать синяк на щеке при помощи пудры и притираний. Нет у него и придворного колдуна, способного быстро стереть синяк при помощи заклинания и горящей свечи. И сам по себе синяк еще не успел бы пройти... Мелочь, казалось бы.

Однако из нее следует, что тот, кто сидел на Троне Дракона и вынес варвару смертный приговор, — вовсе не Гариан.

Голова киммерийца пошла кругом от таких мыслей. Надо разобраться, и поскорее. Албанус замыш-

лял восстание. Так. И он же стал Советником короля, который вовсе не Гариан. Но только прошлой ночью в комнатах Веджента варвар видел настоящего Гариана. В этом Конан был уверен. Дело нечисто, не обошлось без колдовства, киммериец чуял это так же ясно, как вонь гниющей соломы под ногами...

Терпение, одернул Конан сам себя. Все равно ничего нельзя сделать, пока я закован в цепи и заперт в камере. Все будет зависеть от того, снимут ли эти оковы, перед тем как бросить волкам. Если воля человека не порабощена, а руки свободны, то даже среди волков можно натворить дел. О чем, вполне возможно, Албанусу и придется в итоге пожалеть...

* * *

Сулария лежала лицом вниз на устланной полотенцами скамье. Умелые руки рабыни втирали в ее спину душистые масла. Госпожа Сулария, думала про себя светловолосая красавица, с наслаждением потягиваясь. Как же это восхитительно — стоять в тронном зале среди знатных вельмож и дам. Это вам не в толкучке у задней стены среди прочих наложниц. Сулария понимала, что если ее и признали, то только из страха. Все теперь приветствовали ее с рабской почтительностью и стыдливо, заискивающе улыбались. Ну что ж, так, пожалуй, еще и приятнее. Те самые люди, которые раньше часто обращались к ней как к рабыне, теперь волей-неволей поменяли тон и почтительно разговаривали с госпожой Суларией. А то ли еще будет!.. В самом деле, если уж она сумела подняться от любовницы до знатной дамы, почему бы не встать рядом с Албанусом? Королева Сулария...

Улыбнувшись этой мысли, она повернула голову на сложенных руках и посмотрела на служанку, пухлую седовласую женщину. Та была единственной во Дворце, кому Сулария доверяла... Вернее сказать, меньше всего не доверяла.

— Что, Латона? Она все еще ждет? — спросила Сулария.

Седая женщина деловито кивнула:

— Уже час как ждет, госпожа. Никто не посмеет ослушаться, если ты приказала прийти.

Сулария самодовольно кивнула:

— Позови ее сюда, Латона. Потом займись моими волосами.

— Да, хозяйка.— Служанка хихикнула и поспешила за дверь. Возвратилась она вместе с госпожой Джеланной.

Вошедшая дама подозрительно покосилась на служанку, уже трудившуюся над волосами своей хозяйки. Сулария же сияла довольством, как кошка перед мисочкой, до краев наполненной свежих сливок. Слуги оставались в комнате, только если прием оказывался кому-нибудь ниже по чину. Джеланне опять пришлось стоя ждать, и было видно, что высокомерия у нее значительно поубавилось.

Но не до конца. Она требовательно спросила:

— Зачем ты позвала меня сюда, Сулария?

Блондинка только вопросительно подняла бровь. Джеланна мгновенно поправилась:

— Госпожа Сулария! — При этом губы женщины скривились, как будто в рот попала какая-то гадость.

— Ты с детства росла во Дворце, не так ли? — начала Сулария самым любезным тоном.

— Так, — коротко ответила Джеланна.

— Играла в прятки в его коридорах, резвилась в садах, плескалась и брызгалась в его фонтанах. Все твои желания исполнялись по первому слову...

— Ты пригласила меня, чтобы вспомнить детство? — спросила Джеланна.

— Нет, — резко возразила Сулария. — Не пригласила. Я приказала прийти. Знаешь ли ты Энаро Осториана?

Если властная красавица и была удивлена вопросом, то не подала виду.

— Эту омерзительную маленькую жабу? — презрительно фыркнула Джеланна. — Я наслышана о купцах, но сама с ними не знакома.

— Он подыскивает себе жену. — К Суларии вернулась довольная кошачья улыбка.

— В самом деле?

— Молодую жену знатного происхождения. — Сулария увидела, что стрела попала точно в цель, и продолжала загонять ее все глубже: — Он не в состоянии купить титул, поэтому хочет хотя бы жениться на знатной. И конечно, ему нужны сыновья. Много сыновей. Гариан, — солгала она, — просил меня подыскать подходящую невесту...

Джеланна в нерешительности облизала полные губки.

— Я бы хотела, госпожа Сулария, — сказала она с дрожью в голосе, — извиниться, если я тебя чем-нибудь обидела...

— Знаешь ты человека по имени Дарио? — властно спросила Сулария. — Королевского псаря?

— Нет, моя госпожа, — кое-как выговорила Джеланна.

— Мне говорили, он гадок и вонюч и в прямом смысле, и в переносном. Рабыни, живущие во Дворце, прячутся от него. Он не просто груб с женщинами, он любит причинять боль. — Сулария помолчала, наблюдая, как проявляется на лице Джеланны охвативший ее ужас. — А теперь подумай, что лучше: одна ночь с Дарио или вся жизнь с Осторианом?

— Ты сошла с ума, — с трудом разлепила губы стройная дама. — Не желаю больше слушать тебя. Я уезжаю в свое поместье за городом. И даже будь ты королевой, ты могла бы катиться в любую из преисподних Зан...

— За дверями тебя ждут четыре солдата, — перебила ее Сулария. — Они проводят тебя к Дарио или к брачной постели. Больше никуда.

Остатки высокомерия исчезли с лица Джеланны.

— Пожалуйста, — прошептала она в отчаянии. — Я буду унижаться, если ты пожелаешь. Перед всем двором я на коленях буду просить прощения за...

— Выбирай скорей, — промурлыкала Сулария, — иначе за тебя решу я. Солдаты сегодня же могут доставить тебя к Осториану. С записочкой, что ты, мол, считаешь его омерзительной гадиной. — В голосе ее зазвенела сталь. — Выбирай!

Джеланна покачнулась и чуть не упала.

— Я... Я выбираю Дарио, — прорыдала она.

Несколько мгновений Сулария смаковала слова, которые ей так давно хотелось произнести. И наконец она произнесла их вслух:

— Убирайся, сука, в свою конуру!

Джеланна выбежала из комнаты. Смех Суларии звонко отдавался в стенах комнаты. Нет, что за изумительная штука власть!

Глава двадцать вторая

Когда вновь открылась дверь его камеры, Конан сперва подумал, что Албанус решил прикончить его на месте, пока еще не сняты кандалы. Двое мужчин с натянутыми арбалетами проскользнули в открытую дверь и встали по обе стороны, нацелив на варвара свое оружие.

Киммериец только начал размышлять, как бы постоять за себя в этой ситуации, но тут в дверях появился круглолицый тюремщик и, по обыкновению, сразу начал болтать:

— Солнце уже высоко, варвар. Пора тебе собираться к волкам в яму. Мы со Струто сейчас снимем с тебя цепи, но учти: если вздумаешь проказничать, эти двое прострелят тебе ноги. Так что либо пойдешь сам, либо тебя потащат. Дощло?

Конан угрюмо покосился на него и сделал вид, что его все это мало интересует.

— Валяйте, снимайте цепи, — проворчал он, क्रовожадно сверкая глазами на арбалетчиков.

Расковыывая варвара при помощи молотка и зубила, тюремщики располагались так, чтобы арбалетчики могли в любой момент выстрелить. А киммериец недоумевал про себя: неужели они в самом деле держали его за непроходимого дурака? Он вполне мог бы свалить обоих тюремщиков, а с ними и арбалетчиков, несмотря на их выгодную позицию. Но до его

слуха уже доносились размеренные шаги: насколько можно было судить, к камере приближался не очень большой, но и не маленький отряд людей. Помереть проще пареной репы, но только дурак выбирает бесславный конец.

Потирая запястья, Конан гибким движением поднялся на ноги и позволил вывести себя из камеры. За стенами камеры стояли в ожидании целых два десятка Золотых Леопардов.

— Куда так много, — внезапно сказал Струто.

Конан только моргнул. Он-то уже думал, что у этого тюремщика просто нет языка.

Круглолицый был удивлен ничуть не меньше Конана: надо же, его напарник заговорил. Он ответил:

— В ту ночь, что его брали, он чуть не расшвырял почти такой же отряд. Ты знаешь, я не люблю, когда узники сбегают. Поэтому я и попросил удвоить стражу. Ладно, пошевеливайтесь! Король ждет!

Половина солдат зашагала впереди варвара, половина — сзади, тюремщики — по обе стороны от него. Арбалетчики замыкали шествие. Оттуда им удобно было стрелять, куда бы киммериец ни побежал. В таком порядке они и прошли наверх во Дворец и дальше по коридорам, в которых опять не было видно никого из придворных.

Конан шагал среди солдат, как посреди почетного караула. Со стороны могло показаться, что шел он вовсе не на казнь, а на собственную коронацию. Между тем у киммерийца не было и тени надежды на спасение. К волчьей яме наверняка придут Албанус и лже-Гариан. Умереть, убив при этом и их двоих, — чем не достойная смерть?

Конвой миновал знакомые Конану покои Дворца и двинулся дальше. Полированный мрамор и алебастр сменились простым тесаным гранитом, а потом и вовсе диким камнем, вроде того, в котором были вырублены темницы. Лампы из золота и серебра уступили место факелам в железных скобах.

Бросить преступника в волчью яму на растерзание зверям — эта казнь была действительно древней. Ее не использовали со времен Брагораса, правившего девять столетий назад. Судя по тому, как здесь все выглядело, несколько веков в эту часть Дворца вообще никто не заходил. Чертоги носили следы поспешной приборки: здесь и там с потолка свисали остатки паутины, возле стен сохранились хлопья пыли. Конан успел задуматься, зачем Албанусу понадобились такие хлопоты с казнью, ведь Гариан был заменен двойником... И в это время процессия с варваром вошла в круглый зал, где помещалась волчья яма.

Зал этот был сложен из того же дикого камня, но настолько искусно, что едва ли не превосходил любую из алебастровых комнат Дворца. Круглый купол потолка поднимался высоко вверх без каких-либо опор или колонн. Внизу, посреди зала, была устроена яма, а вдоль стен тянулся широкий круговой проход, отгороженный от ямы каменными перилами высотой человеку по пояс. Здесь стояли огромные, высотой в два человеческих роста, трехногие лампы. В проходе толпилась немедийская знать. Вельможи весело смеялись, и мужчины и женщины. Они как будто пришли в цирк посмотреть веселое представление...

При появлении Конана все расступились, освобождая дорогу к перилам. Солдаты следовали за варваром по пятам. Не ожидая приказа, киммериец вскочил на перила и оттуда неторопливо обзрел тех, кто пришел полюбоваться его смертью. Под его ледяным синим взглядом весело галдевшая знать постепенно замолкла. Они чувствовали, что Конану было глубоко наплевать на их титулы и родословные. Они были стаей павлинов; он был орлом.

Прямо напротив киммерийца, по другую сторону каменной ямы, стоял двойник короля. По правую руку лже-Гариана красовался Албанус в одежде цвета полуденного неба, по левую — Веджент. На его

лице под шлемом с красными перьями все еще видны были синяки. И Сулария, разодетая в алые шелка и рубины, тоже была здесь. Конан удивился про себя: и с чего это он взял, будто она не придет?..

Как раз под ногами королевского двойника виднелись ворота в рост человека. Оттуда в яму выпускают волков. Однако покамест не было видно ни одного приплюснутая носом, просунутого между железными прутьями ворот, не было слышно голодного визга и ворчания. Варвар пригляделся: решетку отодвигала в сторону сложная система цепей. А что, сказал себе Конан, может, и не придется ныне умирать?

Албанус тронул за руку человека с Коронай Дракона на голове, и тот послушно заговорил:

— Мы собрали вас здесь, дабы...

Боевой клич Конана раскатился под каменным сводом. Из толпы донеслись крики и визг: киммериец вскинул над головой могучие руки и прыжком бросился вниз. Солдаты протиснулись к самым перилам, растолкав господ; арбалетчики снова прицелились. Конан прошелся по устланному соломой дну ямы со всей самоуверенностью молодости, которая не знавала поражений в равных схватках и даже в неравных — далеко не всегда. Албанус дал знак, и стража отодвинулась назад.

— Глупцы! — насмеялся Конан над высоким собранием. — Пришли посмотреть, как умирает настоящий мужчина? Среди вас я, признаться, ни одного стоящего мужика что-то не вижу. Только я тут не затем, чтобы этот шут в короне меня до смерти заговорил. Валяйте казните, мать вашу! Что, печенки сохлись? Кишка тонка?

Варвару ответили из толпы возмущенными криками.

Албанус шепнул что-то подставному королю. Тот, в свою очередь, произнес вслух:

— Раз ему так не терпится умереть, выпускайте волков.

— Выпустить волков! — закричал кто-то еще, передавая королевскую команду. — Быстро! — И ворота плавно заскользили вбок.

Конан не стал ждать появления первого волка. К несказанному изумлению публики, он ринулся прямо в туннель, во все горло выкрикивая военный клич своего народа. Позади него с криками ярости прыгивали в яму вельможи, готовые схватить и своими руками убить варвара, осмелившегося подвергнуть сомнению их мужество.

Ворвавшись в темноту туннеля, Конан оказался посреди рычащей, отгрызающейся стаи. Звери клацали на него острыми как бритвы зубами. Другого человека разорвали бы мгновенно, но только не Конана! Он отвечал на рычание рычанием не менее яростным. Пудовые кулаки киммерийца крушили налево и направо, только хрустели кости огромных, с теленка, зверей. Стиснув мертвой хваткой очередную рычащую глотку, Конан изо всех сил бил волка головой о низкий каменный потолок, вышибая мозги...

Ну и досталось же волкам в адской трубе темного туннеля! Молодой великан, противостоящий зверям, был столь же дик, свиреп и жесток, как и они сами. Конан неудержимо прокладывал себе путь через стаю в глубь туннеля, а волки понемногу стали проскальзывать мимо него в сторону ямы, ища добычу полегче. Гневные крики вельмож превратились в неразборчивые вопли ужаса: обрызганные кровью волки стали гоняться за ними по яме, настигая и сшибая с ног.

Конан увидел впереди свет.

— Засранцы лохматые, — донесся оттуда ворчливый голос. — Вас спустили убить какого-то безмозглого варвара, вот и рвали бы его, а не один другого... — Тут говорящий запнулся, увидев приближавшегося киммерийца. Человек этот стоял возле приоткрытых вот на другом конце туннеля. В руке он держал копьё; вместо того чтобы отступить назад и захлоп-

нуть ворота, человек сделал глупость: ткнул в Конана копьем.

Киммериец перехватил копье обеими руками и с легкостью вырвал его у нападавшего. Тот только рот открыл от удивления, а Конан уже выпихнул его за ворота, как следует наподдав черенком копья в грудь, и сам выскочил следом. Волчий хранитель живо вскочил, в руке он сжимал кривой клинок в локоть длиной. Он попытался ударить...

Копье плавно повернулось в сильных руках киммерийца. Ему и делать ничего не пришлось. Нападающий сам набежал на острие, да так, что весь накопчик выпел у него из спины. Предсмертный крик ужаса, удивления и боли вырвался из глотки волчьего хранителя.

— Этого варвара твои волки не задерут, — проворчал Конан, потом осознал, что его уже никто не слышит. Киммериец опустил копье, и проколотый человек рухнул на пол. Потом Конан тщательно закрыл ворота: поставил на место толстую железную задвижку и закрепил ее болтами. Пусть-ка попробуют отпереть с той стороны, на это уйдет время. А он пока убежит. Впрочем, судя по крикам, воплям и рычанию, которые все еще эхом отдавались в туннеле, пройдет не так уж мало времени, пока солдаты справятся с волками и охваченными паникой вельможами, минуют туннель и достигнут ворот.

В помещении, где оказался Конан, не нашлось почти ничего подходящего для беглеца. На стенках, в ржавых железных скобах, коптели кое-как связанные тростниковые факелы. Они освещали шесть больших железных клеток на колесах. Никакого оружия, кроме кривого кинжала. Киммериец взял его себе. Было еще копье, но он оставил его торчать из тела волчьего хранителя. В узких древних каменных коридорах громоздкое оружие будет только обузой. Не нашлось даже тряпки, чтобы перевязать рваные раны, оставленные волчьими зубами. Только если оторвать от

собственной набедренной повязки или от грязной, набухшей кровью рубахи мертвеца.

Спасибо и на том, что волчарник притащил сюда глиняный кувшин с вином и большую наперченную колбасу, чтобы было чем перекусить, пока его подопечные делают свое кровавое дело. Конан с жадностью набросился на еду. Он рвал колбасу зубами и запивал ее большими глотками кислого вина. Во рту у него не было ни крошки, ни капли с тех пор, как его арестовали. Тюремщики, без сомнения, полагали, что кормить смертника — пустая трата. Оттолкнув опорожненный кувшин в сторону и сунув в рот последний кусок колбасы, киммериец прихватил с собой один из факелов и пошел искать выход из Дворца.

Очень скоро он понял, что идет по древнему и весьма запутанному лабиринту. Туннели поворачивали то влево, то вправо, петляли, множество раз пересекая сами себя и друг друга. Не удивительно, что тайные ходы под Дворцом оказались заброшенными; поди разберись в этой путанице, а толку...

Спустя некоторое время, проходя по какому-то темному залу, Конан увидел, что его следы пересекались с другими, тоже свежими отпечатками. Он наклонился, чтобы поближе рассмотреть их, и тут же с проклятием выпрямился. Это были его собственные следы... Он идет здесь уже второй раз! М-да, так можно ходить кругами сколько угодно, пока с голоду не помрешь.

С мрачной решимостью варвар двинулся дальше по своим следам, пока не дошел до развилки. След в пыли вел налево. Он пошел вправо. И что же? Немного погодя Конан снова увидел собственные следы. На этот раз он не стал тратить время на ругань. Поспешив к очередному повороту, варвар снова выбрал противоположное направление. И снова. И еще раз, и еще...

Ему показалось, что коридоры вели куда-то вниз, тем не менее Конан настойчиво продолжал идти. Ему

приходилось прожигать себе дорогу через залы, сплошь забитые паутиной. От огня паутина с легким шорохом вспыхивала, освобождая дорогу. Если он повернет назад, шансов на спасение ведь не прибавится, а вот Золотых Леопардов он встретит почти наверняка.

Дойдя до очередной развилки, варвар машинально повернул вправо — влево уже вели его следы — и вдруг остановился. Впереди он увидел тусклое сияние, но это не был дневной свет. Легонько подскакивая, свечение приближалось.

Конан быстро повернул назад и нырнул в другой коридор. Неслышно ступая, он отбежал шагов двадцать и швырнул факел как можно дальше вперед. Пламя ярко вспыхнуло в полете, затем погасло. Киммериец остался в крошечной тьме.

Конан хищно пригнулся, повернувшись лицом к развилке и держа наготове кинжал. Если они пройдут мимо, он будет без света, но живой. Если же нет...

Рассеянный свет достиг развилки, потом стал ярче. Наконец появились двое, несшие факелы. В свободных руках у них было по мечу. Киммерийца чуть смех не разобрал. Ордо и Карела! Перед ним была та самая Карела, какой он знал ее давным-давно. Исчезли покрывало и серая одежда знатной немедийки. Их заменили золотые пластинки на груди и узкий пояс из золота и изумрудов, низко сидящий на округлых бедрах красавицы. С пояса свисали полоски бледно-зеленого шелка. Плечи Карелы окутывала изумрудно-зеленая туранская накидка.

— Ордо! — позвал Конан. — Если бы я знал, что ты придешь, я бы оставил тебе вина. — И как ни в чем не бывало варвар вышел им навстречу.

Те двое мгновенно повернулись, подняв мечи и факелы. Из другой развилки к ним уже спешили воины в кольчугах. Махаон, Нарус и еще множество знакомых лиц из Свободного Отряда. Они спешили в круг света, услышав голос своего вожака.

Ордо заметил рваные раны Конана, но не сказал о них ни слова.

— Не похоже на тебя, — голос одноглазого оказался чуть хриплым, — неужели-таки все и выпил один? Если поискать, может, найдется еще?..

Карела послала Ордо убийственный взгляд и сунула свой факел в руки Махаону. Нежными пальцами она прикасалась к ранам варвара, морщась при виде синяков и запекшейся крови.

— Я был уверен, что ты передумаешь, — сказал Конан и потянулся к ней... чтобы получить весомую пощечину. Карела мягко отступила назад, чуть приподняв клинок.

— Я так бросила бы тебя обратно к волкам, — прошипела она.

Откуда-то из темноты за спинами воинов послышался неразборчивый крик. Похоже, кого-то звали.

Потом прозвучал ответ. Наконец звуки замерли: перекликавшиеся люди прошли мимо.

— Они выслеживают меня, — спокойно сказал Конан. — Если вы знаете, как отсюда выбраться, давайте-ка сматывать удочки. Иначе будем иметь дело с сотней Золотых Леопардов, если не больше.

Бормоча что-то себе под нос, Карела вновь схватила свой факел, растолкала воинов Свободного Отряда и исчезла в коридоре, откуда все они только что вышли.

— Она одна знает дорогу, — быстро сказал Ордо. И поспешил за Карелой, за ним — Конан. Махаон и остальные потянулись следом, шаркая сапогами в многовековой пыли.

— Как ты пробрался во Дворец? — накинулся киммериец с расспросами на одноглазого. Они почти бегом поспевали за рыжеволосой красавицей. — И с чего бы это Карела решила открыться тебе?

— Лучше мне начать с самого начала, — пропыхтел Орда. — После того как тебя арестовали, за нами сразу явились Золотые Леопарды и...

— Это я знаю,— перебил Конан.— Вы скрылись. Что дальше?

— Так ты слышал об этом?.. Ох, стар я стал для такой беготни, киммериец...— Впрочем, бородач хоть и отдувался, но с легкостью держался с Конаном наравне.— Я привел отряд в «Фесту»,— продолжал он.— В эти дни Адские Врата стали едва ли не самым безопасным местом в Бельверусе. Все его жители ушли размахивать мечами и кричать на Верхних улицах о революции. Ну и, конечно, пограбить, когда удастся...

— А что ты хотел? — Конан мрачно усмехнулся.— Они бедняки, а тут такая возможность добратся до богачей. Давай лучше про Карелу...

Ордо потряс косматой головой.

— Она явилась в «Фесту» сегодня утром. Да нет, какое явилась! Вступила! Вплыла! .. Ну и видок у нее был! Как будто Рыжий Ястреб сейчас возглавит своих верных псов и отправится потрошить караван с золотом. Как я понимаю, ты уже знал, что она давно в Бельверусе?

— Я узнал об этом только в темнице,— ответил Конан.— Потом объясню.

Внезапно Карела остановилась и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до ржавой скобы для факела. Потом вроде как попыталась повернуть ее.

— Похоже на место, где входили,— вполголоса пробормотал Ордо.— Как и на двадцать других мест, где мы проходили.

Изумрудные глаза презрительно блеснули, и одноглазый сник...

Конан уже собирался было подойти и помочь Кареле, но тут скоба наконец с резким щелчком повернулась.

Немного поодаль на этой же стене виднелась еще одна скоба. Карела повернула и ее. За легким щелчком последовал более мощный звук из глубины стены: скрежет какого-то механизма, которым никто

давным-давно не пользовался. Под эти звуки кусок каменной стены высотой в человеческий рост отошел, подрагивая, в сторону, и образовался проход, куда могли шагнуть разом не более двух человек. Дальше виден был уходящий вниз пролет лестницы, сложенный из грубых кирпичей.

— Если вы двое способны хоть ненадолго перестать болтать, как старухи,— язвительно заметила Карела,— идите за мной. Только осторожно. Некоторые кирпичи крошатся. Мне будет жаль, если ты сломаешь себе шею, киммериец. Я оставляю это удовольствие для себя...— И с этими словами она устремилась вниз по ступенькам.

Ордо неуверенно пожал плечами:

— Я же говорил, только она и знает дорогу.

Конан кивнул.

— Идите за мной,— сказал он Махаону,— и передай остальным, что ступеньки крошатся.

Седой сержант начал вполголоса передавать через плечо слова Конана тем, кто стоял сзади.

Вдохнув поглубже, киммериец пошел следом за Карелой вниз по темной лестнице. Единственный факел был в руках у Рыжего Ястреба, а она спустилась уже далеко вниз, и оттуда едва доходил тусклый свет. Вообще говоря, Конану не очень-то верилось, чтобы она явилась заманить его в западню и убить своей рукой, никому не уступив этой чести. А впрочем... сколько он ее знал, она и не такие номера откалывала.

Карела нетерпеливо ожидала в конце длинной лестницы.

— Все прошли? — властно спросила она, когда варвар появился в свете ее факела. Не ожидая ответа, она крикнула вверх: — Все прошли через вход?

Послышалось шарканье ног по камню, потом хриплый голос ответил:

— Мы прошли, но я слышу за нами топот сапог!

Карела преспокойно встала обеими ногами на какой-то камень. Под тяжестью ее тела камень опу-

стился примерно на палец. Снова послышался скрежет механизма.

— Закрывается! — с радостным изумлением прокричал сверху тот же голос.

Карела подняла глаза на Конана.

— Дурачье, — сказала она. Похоже, она имела в виду всех мужчин вообще, но в первую очередь, конечно, киммерийца. — Оставайтесь или догоняйте, мне все равно, — проговорила Карела и быстро ушла в длинный туннель. Свет ее факела играл на влажных стенах.

Даже воздух здесь пропитан плесенью, подумал Конан, двинувшись за ней.

— Как я уже говорил, — продолжал Ордо, шагая рядом с киммерийцем, — она вошла в «Фесту», готовая возглавить отряд. Ни слова не сказала, где пропадала и как узнала, что я здесь. Только пригрозила украсить мне щрамом другую щеку, если не отвяжусь со своими вопросами.

Единственный глаз бородатого выжидательно покосился на Конана, но молодой великан не отрывал взгляда от Рыжего Ястреба. Киммерийцу очень хотелось узнать, что на уме у рыжей красавицы. Почему все-таки она примчалась спасать его!

— А дальше? — рассеянно спросил варвар, когда до него дошло, что Ордо молчит.

Одноглазый обиженно буркнул:

— Ну никто ничего мне не рассказывает! С ней была другая женщина. Помнишь госпожу Джеланну? Так это была она. Только не такая надменная, как раньше. Ха, ее точно злые собаки кусали! Вся грязная, с синяками на шее и на руках, запуганная до слез. «Она не остановится! — стонала эта Джеланна. — Не остановится, пока совсем не сломит меня!» Карела все утешала дамочку, а на нас так сверкала глазами, будто это мы во всем виноваты.

— Кром! — вырвалось негромко у Конана. — Нельзя ли покороче? Какое отношение имеет Джеланна ко всей этой истории?

— Самое прямое. Это ведь она рассказала Кареле, как сюда пробраться. Госпожа Джеланна, похоже, выросла во Дворце. Играла в прятки и все такое прочее, как все дети. Так вот, иногда они играли в старой части Дворца, тогда-то она и обнаружила несколько тайных ходов. По одному из них она сама сбежала сейчас из Дворца. Уж так она рвалась поскорее уехать из столицы, ну я и послал двоих из отряда проводить женщину до ее поместья за городом. А что я еще мог для нее сделать? Вот ведь показала нам, как найти тебя... Признаться, я уж думал, что в следующий раз мы с тобой встретимся за кружкой только в преисподней...

— И все-таки не возьму в толк, с чего это она мне помогает, — сказал Конан, кивком головы указав на Карелу, чтобы было понятно, кого он имеет в виду.

Не успел варвар закрыть рот, как рыжеволосая круто обернулась к нему:

— Волки слишком хороши для тебя, уродина, дылда из Киммерии! Если надо разорвать тебя на куски, я хочу сделать это собственными руками. Я хочу услышать, как ты будешь просить прощения, ты, варвар, ублюдок! Я первая наточила зуб на тебя, еще прежде этого козла Гариана!

Конан ответил ей спокойным взглядом, едва заметно улыбаясь:

— Карела, что ты остановилась? Дорогу потеряла? Если хочешь, я могу пойти впереди...

Она фыркнула и замахнулась факелом, будто собираясь огреть им варвара.

— Вон оно! — крикнул Ордо, показывая на несколько ступенек вверх, только что освещенных факелом Карелы. Ступеньки вели к потолку и кончались там. В голосе Ордо звучало величайшее облегчение. — Пойдем, киммериец, — продолжал одноглазый, быстро ведя Конана мимо разъяренной разбойницы. — Мы с трудом положили эту штуку на место. А то вдруг сверху посмотрят и заметят что-нибудь. Думаю,

мы с тобой вместе сможем поднять плиту...— И добавил свирепым шепотом: — Придержи язык, приятель. Она и так взбесилась, как ошпаренная кошка, еще с тех пор, как Махаон и остальные балбесы заявили ей, что знать не знают Рыжего Ястреба и никогда про него не слыхали...

Конан едва не захохотал в голос, но заметил свирепый оскал Карелы, наблюдавшей за ними, и спрятал смех за приступом притворного кашля.

— Что там, с другой стороны? — спросил варвар. — Где это? Есть ли там люди? Драться придется?

— Боже упаси, — засмеялся Ордо. — Ну-ка, подставляй плечо.

Ступеньки, казалось, просто уходили в каменную плиту потолка. Сюда-то Ордо и позвал Конана. Нажав плечом на плиту, варвар приподнял ее. Потом с помощью Ордо отодвинул камень в сторону и осторожно выбрался наверх. Густой аромат благовоний наполнял воздух. За киммерийцем вылезли воины с факелами, и стало видно, что помещение без окон и сплошь заполнено бочками и тюками. Несколько тюков было развязано, и наружу торчали ароматические палочки.

— Никак храм? — недоверчиво спросил Конан. — Коридор выходит в погреб храма!

Ордо засмеялся и кивнул. Жестом призвав всех к тишине, одноглазый взобрался на деревянную лестницу, приделанную к стене, и осторожно поднял крышку люка. Он высунул только голову и быстро осмотрелся. Потом показал всем, что можно вылезать, и вскарабкался наверх.

Конан поспешил за ним. Серебряные лампы распространяли неяркий свет. Варвар оказался между большой прямоугольной глыбой мрамора и уходящей ввысь затененной статуей, и тут до него дошло, что он стоит между камнем алтаря и изображением Эребу-са. Киммериец вздрогнул. Открытие было не из приятных. Сюда допускались только посвященные жре-

цы. А, да что там! Одним смертным приговором больше, одним меньше, какая разница?

Остальные тоже не замедлили выбраться из погреба. Дальше путь их лежал через узкие залы, отделанные бледным мрамором, во дворик за храмом. Там их ждали еще двое из Свободного Отряда, охранявшие лошадей. Конан несказанно обрадовался, что и для него припасли кольчугу, шлем и кривую саблю. Он быстро облачился в доспехи.

— К тому времени, — сказал Ордо, вскакивая в седло, — когда они додумаются искать тебя вне пределов Дворца, мы будем уже за стенами города.

— Рано уезжать, — спокойно возразил Конан. Он поправил на голове шлем и тоже вскочил на коня. — Ариана в руках Албануса.

— Еще одна женщина? — с угрозой сказала Карела.

— Она немало помогла Ордо и мне, — объяснил ей Конан, — и у Албануса в лапах оказалась, в общем, из-за нас. Я поклялся, что в любом случае вытащу ее оттуда живую и невредимую. И я сделаю это.

— Да чтоб ты подох со своими клятвами, — пробормотала Карела. Тем не менее, когда варвар поскакал прочь из Дворца, она первая последовала за ним...

Глава двадцать третья

Солнце заливало ярким светом послеполуденный Бельверус. То тут, то там в безоблачное небо поднимались темные клубы дыма. Это горели дома богачей, до которых добралась охваченная революционным порывом чернь. Иногда ветер доносил далекий шум разъяренной толпы. Шум был невнятен, но больше всего напоминал рык голодного зверя.

Конан с отрядом скакал через столицу ко дворцу Албануса, и по дороге им пришлось увидеть одну из таких толп достаточно близко. Чуть поменьше сотни оборванцев, мужчин и женщин, ломилось в запертые двери и зарешеченные окна какого-то дома. Орудовали они топорами, мечами, камнями и просто голыми руками. Грабители и Свободный Отряд заметили друг друга почти одновременно. Сердитое ворчание пробежало по толпе: казалось, подобные звуки не могли исходить из человеческих глоток. Как крысы из сточной канавы, ринулись они на всадников. Глаза их горели ненавистью к любому, кто имел хоть немного больше, чем они сами. Даже если это небольшое было просто оружием. На бегу оборванцы размахивали мечами, и многие клинки были уже окровавлены.

— Луки приведут их в чувство! — крикнул Ордо. Конан не был так в этом уверен. На лицах людей было отчаяние идущих на смерть.

— Вперед! — отдал команду варвар.

Проскакав дальше, отряд быстро оставил разъяренную чернь позади. Оборванцы, однако, оказались упорными преследователями. Позади всадников никого уже не было видно, а возбужденные крики доносились еще немалое время.

Достигнув дворца Албануса, Конан не стал терять времени даром.

— Каждый третий остается с конями, — четко отдавал команды киммериец. — Остальные — через стену. Возьмите луки. Ты останься, — добавил он, увидев, что Карела направила коня к самой стене.

— А ты мне не указ, киммериец, — как плевок, полетело в ответ. — Иду куда хочу!

— Эрлик поberi упрямых баб, — тихо сказал Конан, но спорить не стал.

Встав ногами на седло, он осторожно ощупал верх стены, ища место среди острых глиняных осколков, где можно было бы ухватиться, и взобрался наверх. Ордо, Карела и двадцать четыре воина последовали за ним с такой легкостью, как будто всю жизнь только этим и занимались. Со стены они увидели, как из сторожки выбежало с десятков воинов. Но несчастные успели сделать только несколько шагов. Прожужжав, как шершни, стрелы уложили их наземь.

Глаза Конана сверкали, как синий лед. Он спрыгнул внутрь двора и побежал мимо убитых. Краем уха он слышал, что остальные тоже спрыгнули, но не это заботило его. Ариана! Ведь это его слова погна-ли ее к Албанусу. Долг чести требовал освободить ее. Хотя бы и ценой собственной жизни.

Подбежав ко Дворцу, варвар одним ударом могучей руки распахнул запертую дверь. Она с треском ударилась о мраморную стену, и эхо многократно повторило грохот удара среди колонн прихожей. Звук еще не затих, когда перед Конаном вырос один из Золотых Леопардов, в шлеме и плаще. С мечом в руке он бросился на киммерийца...

— Ариана! — во все горло звал Конан, отражая атаки солдата. — Где ты, Ариана? — Меч варвара снес противнику полчерепа. Оттолкнув падающее тело ногой прочь с дороги, Конан поспешил дальше во дворец. — Ариана!..

Тут на киммерийца ринулась целая свора Золотых Леопардов. Конан неистово атаковал их. Его дикий военный клич звенел под сводчатыми потолками. Меч киммерийца резал и колол, как будто принадлежал демону или направлялся им. Солдаты в замешательстве отступили, причем трое из них остались лежать на полу мертвыми или умирающими. Как противостоять этому дикарю, великану из северных стран?.. Тем временем подросли Ордо и остальные. Со свежими силами они накинулись на Леопардов. Свирепый оскал одноглазого вполне соответствовал ярости его атаки. Карела дралась с рожденным изяществом, словно танцуя, клинок ее жалил, как оса. И каждый раз возвращался к хозяинке окровавленным.

Последний Леопард упал на пол. Конан закричал:

— Вперед! Обыскать каждую комнату, каждый закоулок! Найти девушку по имени Ариана!

Сам он шагал по залам, как грозовая туча, как Бог мщения. Завидя его, слуги и рабы разбежались кто куда: одним своим видом Конан мог перепугать хоть кого. Пусть бегут, варвара интересовала только девушка. Но тут он заметил человека, который привлек его внимание. Седобородый управляющий пытался бежать, но Конан живо догнал его, сгреб за одежду и приподнял. Управляющий едва доставал ногами пол.

Весь вид варвара говорил, что неповиновение грозит смертью.

— Говори, управляющий! Где девушка по имени Ариана?

— Я... я не знаю никакой девушки...

Рука киммерийца вздулась мускулами, и ноги старика затрепыхались в воздухе.

— Девушка, — тихо проговорил Конан.

Бисерины пота усеяли лицо управляющего.

— Господин Албанус, — задыхаясь, выговорил он. — Он увел ее в Королевский Дворец...

С тяжким стоном киммериец отпустил старика, и того только и видели. Пусть бежит. Дворец!.. Как же пробраться к ней туда? Сможет ли он снова пройти по тайным ходам из храма Эребуса? Ох, скорее всего, он проведет остаток жизни в этих древних лабиринтах и никогда не найдет выхода в новую часть Дворца...

За спиной варвар услышал шаги. Обернулся и увидел устремившегося к нему Ордо. Махаон и Карела шли следом.

— Махаон нашел кое-кого в темнице, — торопливо сказал Ордо. — Нет, не девушку! Мужчину, ну точно — король Гариан! И, что самое занятное, он божится, что он, мол, и есть...

— Ведите! — сказал Конан. Надежда вновь ожила в его сердце.

Темница под дворцом Албануса мало чем отличалась от любой другой. Грубый камень, мощные деревянные двери на ржавых петлях и тяжелый запах застарелой мочи и предсмертного пота. Но стоило киммерийцу заглянуть в камеру, к которой его привел Махаон, лицо варвара разгладилось, как будто перед ним был не застенок, а цветочный сад с фонтанами.

Оборванный, грязный мужчина, прикованный к стене, нерешительно пошевелился.

— Что, Конан, — сказал узник, — никак и ты заодно с Албанусом и Веджентом?

— Деркетол! — вырвалось у Карелы. — Ну вылитый Гариан!

— Это и есть Гариан, — сказал Конан. — Синяк на его лице говорит сам за себя.

Гариан дотронулся до синяка, зазвенев цепями, и растерянно засмеялся:

— Ну и судьба быть узанным по такому пустяку...

— Раз это Гариан,— спросила Карела,— то кто же тогда на Троне Дракона?

— Двойник,— ответил Конан.— У него нет синяка... Дайте-ка мне сюда молоток и долото. Быстро! — Махаон исчез и тут же вернулся со всем требуемым. Конан встал на колени, чтобы долотом расклепать ножные кандалы. Король сказал:

— За это тебя ждет награда, варвар. Когда я возвращу себе трон, все, чем владеет Албанус, будет твоим.

Конан промолчал. Один мощный удар молотка — и заклепанный браслет распался. Конан занялся следующим.

— Вы должны помочь мне выбраться из города,— продолжал Гариан.— Если я доберусь к армии, все будет хорошо. Я вырос среди солдат. Они признают меня. Я вернусь во главе десяти тысяч клинков и вышвырну Албануса из Дворца...

— И начнешь гражданскую войну,— проговорил Конан. И освободил вторую ногу короля, как и первую, одним ударом.— Двойник — твоя копия. Многие поверят, что он и есть ты. И в особенности потому, что на Троне Дракона именно он. Может быть, даже армия не окажется столь великодушна, как ты думаешь.

Ордо застонал:

— Нет, киммериец! Это совсем не наше дело. Давай лучше сматываться, и чем дальше отсюда, тем лучше...

Но Конан и король не обратили на него внимания.

Король молчал, пока варвар снимал с него ручные кандалы. Потом Гариан негромко спросил:

— Что ты предлагаешь, Конан?

— Войти снова во Дворец.— Киммериец сказал это так, будто речь шла о самой простой вещи.— И открыто изобличить двойника. Не все же Золотые

Леопарды переметнулись. Ты можешь вернуть себе трон, не пустив в ход ни одного меча вне стен Дворца...

Варвару показалось неблагоприятным упоминать о черни, бесчинствующей на улицах.

— Дерзкий план,— задумался Гариан.— Полагаю, большинство Золотых Леопардов в самом деле осталось мне верно. Я подслушал разговор тех, кто караулил меня здесь... Что ж, так мы и сделаем. Я отвоюю трон, киммериец, но ты уже завоевал мою бесконечную благодарность! — Царственная манера держаться постепенно возвращалась к Гариану. Он оглядел грязные отрепья, что были на нем, и было похоже, что его позабавил собственный вид. Улыбнувшись, он сказал: — Но если мне придется идти во Дворец, надо по крайней мере умыться и одеться, как подобает королю.

И Гариан пошел вон из темницы, громко требуя горячей воды и чистой одежды. Конан нахмурился. Он и сам не понимал, почему последние слова короля вызвали в нем такое беспокойство. Но времени размышлять об этом у него не было. Главное сейчас — Ариана!

— Киммериец,— мрачно сказала Карела,— если ты воображаешь, будто я так прямо и поскачу бок о бок с тобой обратно во Дворец, то ты даже глупее, чем я думала. Это же смертельная ловушка!

— А я тебя не просил со мной скакать,— ответил он.— Я только и слышу от тебя, что ты идешь куда хочешь...

Сердитый вид рыжей красавицы говорил: не такого ответа она ждала, совсем не то она хотела услышать.

— Ордо,— продолжал варвар,— приведи сюда с улицы всех людей. Пусть узнают, куда мы идем. Отпусти тех, кто не хочет последовать за нами. Сегодня за мной должны пойти одни добровольцы!

Ордо кивнул и вышел. За спиной у Конана неразборчиво выругалась Карела. Варвар не обращал на

нее внимания. Он думал, каким способом лучше войти во Дворец. И, что было для него важнее возвращения трона Гариану, — как освободить Ариану...

Конан вышел из Дворца вместе с Гарианом. Теперь король был великолепен в алом бархатном одеянии, лучшем из всех, что подошли ему. Все тридцать восемь воинов Свободного Отряда уже ждали их, сидя в седлах. Не захотели уходить даже те, кто был только что ранен. Конан не особенно этому удивился. Варвар знал, что парни в отряде подобались отличные. Удивился он, лишь увидев Карелу и рядом с ней — Ордо. Свирепый взгляд зеленых глаз заставил Конана воздержаться от расспросов. Он молча вспрыгнул в седло. Что зря спорить с ней? Забот нынче и так полон рот.

— Я готов, — объявил Гариан, сядясь в седло. Большой меч висел на ремне поверх его одеяния.

— Вперед! — скомандовал Конан и первым покакал за ворота.

Глава двадцать четвертая

Приблизившись к Королевскому Дворцу, отряд Конана поехал шагом. Так они одолели последние кривые улочки Храмового квартала, карабкавшиеся на холм, и пересекли зеленое поле. Вот и подъемный мост... Гариан ехал чуть впереди варвара. Король должен быть впереди своей армии, сказал он, даже если она такая маленькая. Киммериец согласился. Он надеялся, что вид Гариана произведет должное впечатление на стражу и отряд пропустят внутрь.

У моста все спешили. Открыв рот от удивления, стражники во все глаза смотрели на подходившего к ним Гариана.

— Узнаете меня? — строго спросил Гариан. Оба стражника кивнули, а один добавил:

— Ты — король. Но как ты вышел из Дворца? Мы не слышали распоряжения о почетном карауле...

Конан с облегчением вздохнул. Эти — не люди Веджента. Стража косилась на тех, кто стоял за спиной короля, особенно их взгляды притягивала Карела. Но основное внимание они уделяли все-таки королю.

— Вы думаете, король не знает потайных ходов под холмом? — Гариан улыбнулся, как будто мысль эта была забавной. Только стражники расплылись в ответ, как король принял самый серьезный вид:

— Вы верные люди? Верны своему королю?

Оба разом вытянулись и хором прочитали клятву Золотых Леопардов, как будто хотели напомнить ее Гариану:

— Мой меч послушен тому, кто носит Корону Дракона. Моя плоть есть щит Трона Дракона. Король приказывает — я повинуюсь, до самой смерти!

Гариан кивнул:

— Тогда знайте: вельможа Албанус и полководец Веджент встали на путь предательства и устроили заговор против Трона Дракона.

Солдаты вздрогнули, и Конан тут же схватился за меч. Но охранники только уставились на короля во все глаза, больше ничего.

— Что мы должны делать? — спросил наконец один из солдат.

— Оставьте двух человек опустить решетку и охранять ворота, — приказывал Гариан. — Выведите остальных из башни. Идите с ними в казармы. Там всех поднимите на ноги. Кричите: «Смерть Албанусу и Ведженту!» Те, кому не понравятся эти слова, — враги Трона Дракона. Даже если на них золотые плащи!

— Смерть Албанусу и Ведженту! — крикнул один стражник, другой тут же подхватил.

Когда солдаты исчезли в башне, Гариан позволил себе немного расслабиться.

— Я не думал, что будет так просто, — сказал он Конану.

— Это и не будет просто, — обнадежил короля Конан.

— По-моему, надо было все-таки сказать им про двойника, киммериец.

Конан отрицательно покачал головой:

— Это только вызовет неразбериху среди солдат. Если нам повезет, они обо всем узнают после его смерти.

На самом деле варвару было все равно, когда и каким образом солдаты обнаружат двойника. Глав-

ное, чтобы его план не сорвался. Киммериец нетерпеливо поглядывал на дверь башни. И что они там так копаются?..

Внезапно из каменной башни раздался крик и сразу же оборвался. Один из уже знакомых стражников появился в дверях, сжимая окровавленный клинок.

— Нашелся один, кто не стал повторять наш клич, — сказал он.

Один за другим солдаты выскакивали через дверь с мечами наголо. Каждый на мгновение задерживался и говорил королю:

— Смерть Албанусу и Ведженту!

Потом поворачивался и бежал во Дворец.

— Вот видишь, — сказал Конану Гариан, когда они со Свободным Отрядом проходили через ворота. — Все будет просто.

Когда за спинами с шумом опустилась решетка, со стороны казарм Золотых Леопардов донеслись крики и звон мечей. Кто-то начал бить в гонг, оповещая весь Дворец о тревоге. Потом звон внезапно оборвался, что, вероятно, свидетельствовало о смерти звонившего. Шум общей драки нарастал.

— Я хочу найти Албануса, — сказал Гариан. — И Веджента.

Конан лишь молча кивнул. Ему тоже нужен был Албанус. А Веджент — только если попадется по дороге. Варвар спешил вперед, Свободный Отряд разворачивался за ним. Первым делом — в тронный зал...

Тут впереди показалось десятка четыре солдат в золотых плащах,

— За Гариана! — крикнул Конан, не сбавляя хода. — Смерть Албанусу и Ведженту!

— Убить их! — послышалось в ответ. — За Веджента!

И два отряда сцепились, ревя и размахивая мечами.

Конан вспорол глотку первому противнику, даже ни разу не скрестив с ним мечи. А потом он только

успевал, как машина, поднимать и опускать, поднимать и опускать меч, все пуще заливая его кровью. Вперед, только вперед! Конан прорубал себе путь, идя сквозь врагов, как крестьянин с серпом через поле пшеницы. Там, где он проходил, оставалось кровавое жнивье.

Наконец Конан вырвался из свалки. Он не стал медлить и смотреть, как идут дела у его людей с теми, кто избежал его клинка. На стороне Свободного Отряда в любом случае был численный перевес, а ему нужно было отыскать Ариану. Гариан его вовсе не заботил.

Киммериец побежал напрямик в тронный зал. Около огромных дверей не было обычной стражи. Увлеченные общей дракой, шум которой доносился теперь со всех сторон, они покинули пост. Обычно дверь открывали три человека. Варвару помощи не потребовалось.

Огромный тронный зал был пуст. Только Дракон охранял трон, злобно глядя в пустоту.

Личные покои короля! — осенило Конана. Скорее туда! И тот, кто пытался его остановить, умирал на месте. Киммерийцу было не до ритуальных кличей и вызовов на бой. Все, кто носил золотой плащ и не разбегался от него, был врагом. Бежали, впрочем, немногие. Конан сожалел, что приходится убивать, но лишь потому, что короткие схватки задерживали его, Ариана!.. Они были помехой на пути к Ариане.

Карела кралась по дворцовым залам, как пантера. Сейчас она была одна. После первой стычки рыжая красавица поискала Конана среди груды тел, сама не понимая, хочется ей найти его или нет. Особенно долго разглядывать трупы не пришлось. Снова подоспели солдаты, верные Ведженту. Последовала новая схватка, которая и отнесла всех, кто еще стоял на ногах, куда-то в другое место. Карела видела, как крушил налево и направо Гариан, как

отчаянно пробивался к ней Ордо. Одноглазый был воплощением смерти, но Карела только порадовалась, что он не смог за нею последовать. Сейчас она собиралась сделать то, что ее верный пес наверняка бы не одобрил.

Неожиданно перед Карелой возник мужчина. Он был ранен в голову, и кровь тонкой струйкой текла на лицо, слишком красивое, чтобы быть мужественным. Меч в его руке также окрашивала кровь. И, судя по тому, как двигался этот юноша, он умело обращался с оружием.

— Во дела! Девка с мечом! — засмеялся женоподобный красавец. — Бросай-ка скорее клинок на пол да беги себе, а то я подумаю, что ты сейчас еще и махать им начнешь...

Карела узнала юношу:

— Беги сам, Деметр! У меня нет желания пачкать меч твоей кровью!

С ним ей делить было нечего, вот только стоял красавец не на месте — у нее на пути.

Его смех перешел в рычание:

— Сука!

Деметр сделал выпад, ожидая легкой победы. Но Рыжий Ястреб с легкостью отбила его самонадеянную атаку и ответным ударом полоснула мечом по груди юноши. Ошеломленный Деметр отскочил назад. Карела наседала, не давая ни возможности, ни места для атаки. Их клинки, непрестанно звеня, стремительно ткали в воздухе замысловатую серебряную паутину. Да, он неплохо дерется, призналась себе Карела. Но я дерусь лучше. Деметр умер, все еще не осознав, что его может убить женщина. На лице застыли ужас и недоверие.

Перешагнув через тело, Карела поспешила вперед. И вот наконец комнаты, которые она искала. Острием меча она осторожно открыла дверь...

Сулария, одетая, как знатная дама, в синий бархат, нахмурилась, увидев разбойницу.

— Кто ты? — сурово спросила блондинка. — Наверное, чья-нибудь наложница? Неужели ты не знаешь, что ко мне нельзя входить без разрешения? Ну ладно, раз уж ты здесь, скажи, что там за резня? — Тут Сулария увидела в руках Карелы окровавленный клинок, и у нее перехватило дыхание.

— Ты послала мою подругу в самую гадкую преисподнюю Зандры, — зловеще, тихо начала Карела. Размеренными шагами она вошла в комнату. Блондинка попятилась прочь...

— Кто ты? Я не знаюсь с подругами таких, как ты... Убирайся! Вон отсюда немедленно, или я прикажу тебя выпороть!

Карела недобро засмеялась:

— Джеланна тоже не знает с такими, как ты. Надеюсь, ее-то ты помнишь? Что до меня, то вряд ли ты способна признать госпожу Тиану без покрывала...

— Ты с ума сошла! — с дрожью в голосе проговорила Сулария. Она почти уперлась спиной в стену.

Рыжая красавица приближалась к блондинке. По пути она бросила меч на пол и тихо произнесла:

— Я с тобой и без меча разделаюсь. Меч — он для равных...

Сулария выхватила откуда-то из складок одежды кинжальчик. Клинок был всего в мизинец длиной.

— Дура! — засмеялась новоиспеченная знатная дама. — Если ты и вправду Тиана, то скоро тебе и в самом деле потребуются покрывало! — И с этими словами блондинка взмахнула кинжалом, метя Кареле по глазам.

Рыжеволосая женщина не двинулась с места. Лишь рука стремительно взвилась и перехватила запястье Суларии. Голубые глаза изумленно округлились: хватка у Карелы, привыкшей к сражениям и мечу, была железная. Другой рукой Карела вцепилась в длинные светлые пряди волос и, заставив блондинку повернуть голову, вперила в ее зрачки изумрудный взгляд. Медленно, но неуклонно рыжеволосая краса-

вица выворачивала руку Суларии, заставляя кинжал поворачиваться в обратную сторону...

— И все-таки, — прошептала она Суларии, — ты еще могла бы сохранить себе жизнь. Если бы ты не ласкала его своими грязными лапами! — И Карела с силой направила кинжал в сердце Суларии.

Мертвая женщина упала на пол. Карела подобрала меч и с презрением вытерла клинок о стенную шпалеру. Оставался еще киммериец.

Рыжий Ястреб осторожно вышла из комнаты. В голове роились тысячи способов расправы над киммерийцем. Дай только найти его. Она уже почти решила оставить варвара в живых, но от встречи с Суларией чувства нахлынули вновь. Карела с новой силой переживала бездны унижений, в которые втравил ее Конан.

И худшим унижением было то, что он развлекался с такой, как Сулария!... Хотя ум Карелы всячески избегал прямого ответа на вопрос, почему это так...

Проходя по колоннаде, она увидела внизу, во дворе, Конана. Он стоял задумавшись. Ну конечно! Голова его по-прежнему забита мыслями о том, как отыскать эту драгоценную Ариану. Лицо рыжей красавицы исказил свирепый оскал. Краем глаза она заметила внизу какое-то движение... И у нее невольно перехватило дыхание. Во дворик вошел Веджент, а Конан даже не пошевелился. Медленно и осторожно, как ночной убийца, солдат, такой же могучий и рослый, как сам Конан, подкрадывался к варвару сзади. Окровавленный меч был уже занесен для удара... Шлем Веджента с красным гребнем и кольчуга казались нетронутыми, и только залитый кровью клинок свидетельствовал, что он в самом деле сражался. Вот сейчас он ударит, и она увидит, как умрет Конан. По лицу Карелы покатались слезы. Она сказала себе, что это слезы радости. Ей доставит несказанное удовольствие посмотреть, как

умирает негодяй киммериец. Да... большое удовольствие...

— Конан! — завопила Карела. — Сзади!

Конан отлично слышал приближавшиеся шаги. С каждой секундой шаги эти становились все менее осторожными. Рука киммерийца уже лежала на рукояти меча. Он не знал, кто там, сзади. Но так подкрадывается только враг. Ну да кто бы там ни был, еще несколько шагов, и желавший напасть неожиданно сам будет неприятно удивлен. Пожалуй, еще один шаг...

— Конан! — зазвенел чей-то крик. — Сзади!

Теперь Конан уже не мог поразить противника неожиданно. Проклиная все на свете, киммериец прыгнул вперед; падая на плитки двора, подвел под себя плечо; перекатившись по земле, вытащил кривую саблю и вскочил на ноги. Перед варваром стоял ошеломленный Веджент.

Конан успел бросить короткий взгляд наверх. Кто же кричал оттуда? На втором этаже галереи через каменные перила опасно перегнулась Карела. Не может быть, сказал он себе. Ну и привидится же иногда! Однако варвар мог бы поклясться в реальности увиденного — даже мимолетного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: Карела плачет! Только ему было пока не до этого. Перед ним стоял заклятый враг.

Веджент ухмылялся, как будто всю жизнь только и мечтал о встрече с киммерийцем.

— Давно я хотел помериться с тобой силой на мечах, варвар, — сказал полководец. Между прочим, на лице его все еще желтели следы их предыдущей стычки.

— Так вот почему ты подкрадывался сзади? — язвительно заметил Конан.

— Уми, варвар! — прогремел солдат, нанося страшный удар мечом сверху вниз.

Клинок Конана звякнул о меч противника и отбил удар. И тут же киммериец перешел от защиты

к наступлению. Противники наносили друг другу удары, почти не двигаясь с места. Мечи звенели, как молот о наковальню. Но молотом всегда был меч Конана, атаковал только он, а Ведженту приходилось лишь отражать удары, и притом все более беспорядочно. Пора кончать, подумал Конан. Широко размахнувшись, он нанес решительный удар. Кровь фонтаном забила из обезглавленного тела бывшего командира Золотых Леопардов. Труп еще не упал на землю, а Конан уже повернулся туда, где только что стояла Карела. Но галерея была уже пуста...

Все-таки он не сдержал самодовольной улыбки, подумав о том, что она, видно, вовсе не так ненавидит его, как хочет показать. Иначе зачем бы ей плакать?

Киммериец обернулся и увидел Ордо, входившего в садик.

— Веджент? — спросил одноглазый, мотнув головой в сторону обезглавленного тела. — А я видел Албануса, — продолжал он, когда Конан кивнул. — И Ариану, и двойника. Но, когда я подбежал, они уже скрылись. Я думаю, они направлялись в старую часть Дворца. — Поколебавшись, Ордо спросил: — Не видел Карелу, киммериец? Никак не могу найти ее! А мне бы так не хотелось снова потерять ее...

Конан указал на галерею, где стояла Карела.

— Найди ее, если сможешь, Ордо. Мне надо отыскать другую женщину.

Ордо кивнул, и двое мужчин разошлись в разные стороны.

Конан пожелал удачи бородачу, однако подозревал, что Карела вновь исчезла надолго. Но сейчас его забота — Ариана. Киммерийцу оставалось только гадать, чего ради Албанусу потребовалось тащиться в древнюю часть Дворца. Может, он собирался убежать через тайные ходы? Если Джеланна знает их, почему бы и этому хищнолицему не знать. Впрочем, варвар понимал, что вряд ли сможет найти даже тот ход, по которому его вывели. Там такая путаница коридо-

ров, да и темно, хоть глаз выколи. Оставалось надеяться только на волчью яму. Слабая надежда, но другой не было. И Конан в который раз помчался бегом...

На бегу Конан благодарил всех Богов, каких только мог припомнить, за то, что ему больше не встречались Золотые Леопарды. Если он хочет застать Албануса у волчьей ямы, нельзя терять ни секунды. Если только Албанус пошел именно туда. И если Ариана была до сих пор жива. Он отмахнулся от всех этих «если». Они там. Должны быть там. Вот и коридор из грубого камня... Это местечко Конан помнил прекрасно.

Почти добравшись до зала с ямой, варвар услышал, как отдается под сводчатым потолком голос Албануса. Киммериец позволил себе только один краткий вздох облегчения. И вошел в зал. Глаза его были как синяя сталь.

— Сим я их истреблю, — говорил между тем Албанус, лаская в руках синий шарик из прозрачного хрусталя. Рядом с Албанусом стояли подставной король и Ариана. Девушка неестественно застывшим взглядом смотрела в никуда. Но злобный вельможа явно разговаривал сам с собой:

— Сейчас я высвобожу отсюда такую мощь...

Колдовство, понял Конан. Но его было уже ничем не остановить. Черные глаза Албануса вперились в варвара. Киммериец вызвал у вельможи лишь досаду и раздражение. Он по-прежнему отказывался считать его опасной помехой.

— Убей его, Гариан, — сказал Албанус и вновь сосредоточился на синей сфере. Ариана не пошевелилась и не изменила выражения лица.

Неужели Албанус считает поддельного Гариана настоящим? Ой, навряд ли, — думал Конан, глядя на приближающегося двойника. Самозванец держал меч. Э, да при нем тот самый волнистый клинок, что он продал Деметру! Когда это было? Сто лет назад. Те-

перь варвар не сомневался, что меч заколдован. И тут же получил подтверждение. Двойник поднял меч, и прозвучал тонкий металлический вой, в котором слышался голод. Конан слышал уже этот звук. При встрече с Мелиусом. Тогда он решил, что ему померещилось... Деваться некуда! И Конан приготовился к бою. От смерти не убежишь. И ни один человек не избежит назначенного ему часа.

Меч лже-Гариана блеснул в движении, и Конан замахнулся, чтобы ответить. Удар мечей друг о друга был так силен, что почти вырвал оружие из рук варвара. В ударах Мелиуса не было такой мощи. И силу эту давал не колдовской меч — она принадлежала тому, кто им орудовал. Однако Конан отказывался верить, что на свете найдется человек, обладающий такой силой. Волосы на затылке варвара встали дыбом... Перед ним был не человек. Но кто же тогда? Конан осторожно стал пятиться... Албанус держал синий кристалл в ладонях, как в чашечке. Он совершенно не обращал внимания на сражение, происходившее в двух шагах от него. Он начал нараспев:

— *Аф-фар, мироф, омиш деас каам...*

Конану послышался глухой рокот, исходивший из недр земли. Задуматься о его природе не было времени. Непонятное создание с лицом Гариана наступало на него. Волнистый клинок мелькал со сверхчеловеческой быстротой. Варвар уже не пытался блокировать удары, только отводил их. Но даже быстрые скользящие соприкосновения клинков потрясали его закаленное тело до самых пят. Вот кончик заколдованного меча коснулся его щеки... Кровь тоненькой струйкой побежала по лицу. И снова раздался металлический вой, да такой громкий, что почти перекрыл голос Албануса, продолжавшего свои заклинания.

Двойник замахнулся снова. Удар, попади он в цель, мог снести голову, но Конан вовремя отпрыгнул, и

клинок угодил в железную подставку одного из огромных треножников. Подставку рассекло пополам, горящий светильник медленно опрокинулся, и тут варвар впервые увидел на лице странного создания отражение каких-то чувств. При виде огня на лице двойника изобразился неподдельный ужас.

Лже-Гариан отлетел назад так, как если бы огонь грозил ему смертью. Албанус запнулся на полуслове, но тотчас возобновил заклинания. Подрубленная лампа громыгнула о перила, окружавшие волчью яму, и горящее масло вылилось вниз. Сухая солома на дне с треском вспыхнула.

Конан отважился бросить взгляд на черного мага. Над головой Албануса мало-помалу возникало что-то необычное. Какая-то овеществленная темнота, сгущение воздуха или?.. Камни под ногами киммерийца заходили ходуном, и ему послышались отдаленные раскаты грома.

Однако присматриваться к Албанусу не было времени: двойник схватил тяжеленный обрубок лампы и швырнул ее в яму, полную огня. И сделал это с такой легкостью, точно в руках у него было не железо, а тоненькая лучинка. Теперь земля дрожала непрерывно и с каждым мгновением все сильнее. Уголком глаза Конан заметил, что бесформенная тень над головой Албануса знай себе разрасталась, делаясь плотнее и поднимаясь под самый купол. Заклинания вельможи стали настойчивее и громче. А лже-Гариан продолжал наступать...

— Беги, Ариана! — закричал Конан, пытаясь не потерять равновесия на качающемся полу. Ни один человек не убежит от собственной смерти. — Беги!

Она не пошевелилась. Двойник же подходил все ближе, поднимая меч для последнего удара, который наверняка переломит клинок и надвое разрубит самого киммерийца...

Конан сделал отчаянный прыжок в сторону. Страшный удар высек искры из пола, как раз там,

где он только что стоял. Двойник слегка качнулся вперед, увлекаемый силой собственного удара, да и земля под ногами так и ходила. Конан улучил мгновение и обрушил свой меч на ребра создания. Он вложил в удар всю силу. Ему показалось, что он пытался рубить гранит. Однако, поскольку в тот момент двойник и так неуверенно стоял на ногах, отчаянное усилие Конана оказало свое действие. Лже-Гариан упал.

Конан знал уже, с какой быстротой способен двигаться это непонятное создание, и не собирался давать ему возможности встать на ноги. Варвар бросил меч на пол и схватил двойника за перевязь меча и за одежду. Напряжением всех мускулов могучий киммериец поднял двойника в воздух...

— Ступай в огонь, которого ты так боишься! — прокричал варвар и швырнул свою ношу через перила. Из глотки падающего вырвался чудовищный вопль. Падая вниз, он отшвырнул волнистый клинок прочь и извернулся как мог, пытаясь найти спасение от огня. Когда он упал в горящую солому, пламя с ревом взвилось, как будто в него плеснули масла. Клубящийся огонь поглотил двойника, но страшные крики еще долго не прекращались...

Когда Конан оторвал взгляд от ужасного зрелища, он сразу встретился глазами с Албанусом. Из груди черного мага торчал тот самый волнистый клинок: вот куда он, оказывается, угодил, когда двойник в падении отшвырнул его. Сраженный Албанус все еще шевелил губами, пытаясь продолжить заклинание. Ариана, стоявшая рядом, наконец зашевелилась — чары всякого колдуна умирают вместе с ним, Албанус же умирал.

Конан поспешил к девушке. Он взял ее за руку, и она изумленно уставилась на него. Албанус из последних сил пытался говорить, но горлом уже хлестала кровь.

Киммериец повернулся, чтобы скорее увести отсюда Ариану, но взгляд его привлекло то, что почти возникло под куполом. Он увидел нечто, не поддававшееся описанию. Какие-то бесчисленные глаза и щупальца. Человеческое зрение отказывалось воспринимать, а ум — осмысливать. Что-то слишком ужасное парило там, в вышине. Вдруг оттуда ударил яркий луч света, он упал на синий кристалл и разбил его в пыль. Синие осколки посыпались на пол из рук Албануса, и одновременно с этим глаза черного мага подернула смертная пелена.

В зале загремел гром, и на сей раз Конан понял, что это было такое: это смеялся демон. А может, Бог. Тень под куполом сгустилась, стала еще плотнее, и сгусток тьмы, вдребезги разнеся крышу, рванулся наружу. Конан вовремя успел подхватить Ариану на руки и во всю прыть кинулся вон. Вокруг все рушилось: растрескивались потолки, падали стены. Из разбитого купола шел каменный дождь, постепенно заполнявший обломками волчью яму. В воздухе носились тучи пыли... По счастью, варвара с Арианой там уже не было. Они не видели, как падавшие стены увлекали за собой тех, кто все еще сражался. По древней части Дворца прошла волна разрушения, кругами расходившаяся от волчьей ямы. Она оставила после себя только развалины.

Конан уже некоторое время мчался по отшлифованному мраморному полу, когда до него наконец дошло, что этот пол больше не качался, как корабль в бурю, а падающие камни уже не барабанили его по спине. Он остановился и посмотрел назад сквозь медленно оседавшую пыль. Коридор за ним от пола до потолка был забит каменными обломками. Через дыру в потолке третьего этажа был виден полыхающий закат. Однако в новой части Дворца разрушений оказалось удивительно мало. Только несколько треснувших стен... Ариана пошевелилась у варвара на руках. Он неохотно опустил ее на пол. Приятная

ноша, что говорить! Даже покрытая пылью и осыпанная мусором, она была привлекательна. Ариана кашляла, изумленно оглядываясь.

— Конан?.. Откуда ты взялся? Это что, Королевский Дворец? Что случилось?..

— Потом объясню, — ответил киммериец. Бросив еще один взгляд назад, на опустошение, случившееся так неожиданно, он подумал, что подробности можно будет опустить. — Надо отыскать короля, Ариана. Мне причитается награда.

Глава двадцать пятая

Конан неторопливо шел по залам бывшего Дворца Албануса. Этот Дворец вот уже два дня как принадлежал киммерийцу. Король Гариан подписал об этом специальный указ.

Внимание Конана привлекла статуэтка из слоновой кости. Варвар взвесил ее на руке: она была легкой и к тому же мастерски вырезана. В любом большом городе за нее дадут хорошую цену. Конан положил статуэтку в мешок, который держал в руках, и пошел дальше.

Так киммериец добрался до колонного зала, служившего прихожей. Почти одновременно с ним туда вошли Ордо и Ариана, благо двери во дворец теперь не запирались.

— Вовремя же вы вернулись, — сказал киммериец. — Как там в городе?

Ордо пожал плечами:

— Городская стража и то, что осталось от Золотых Леопардов, ловят на улицах грабителей. Правду сказать, жулья делается все меньше. Похоже, они думают, что землетрясение было послано Богами в наказание за их грязные дела. Да, вот еще! Кое-кто утверждает, будто видели демона, зависшего над Королевским Дворцом в самый разгар землетрясения... — Ордо скептически хмыкнул. — И чего только людям не примерещится, а?

— Да, весьма странно, — ответил Конан, надеясь про себя, что говорит достаточно уверенным тоном. Даже если он сумеет убедительно рассказать Ордо, что на самом деле произошло около волчьей ямы, одноглазый опять начнет причитать, что-де уже слишком стар для всякого такого. — Что «Феста»? — спросил Конан Ариану.

Девушка тяжело вздохнула, стараясь не смотреть на него:

— С «Фестой» покончено. Слишком многие из нас поняли, до чего может довести прекраснодушная болтовня вроде нашей. Гариан как раз вызволяет Гракуса и остальных из рудников, но, я думаю, пройдет еще немало времени, пока мы сможем спокойно смотреть в глаза друг другу. А я... Я собираюсь уехать из Немедии.

— Поехали со мной в Офир, — сразу предложил Конан.

— Я еду с Ордо в Аквилонию, — был ответ. Конан устался на Ариану, не в силах вымолвить ни слова. Не то чтобы ему было жаль уступать ее Ордо — хотя вообще-то отчасти и жаль, неохотно признался он сам себе, пусть одноглазый и верный друг. Так или иначе, он все же спас ей жизни! Где благодарность?

Под пристальным взглядом варвара Ариана приняла независимый вид и приобняла бородача.

— У Ордо — верное сердце. Чего отнюдь не скажешь о некоторых других. Может быть, его верность принадлежит и не мне, но все-таки это верность. А кроме того, уже давным-давно я говорила тебе, что сама решаю, с кем мне быть.

В голосе Арианы слышались оправдательные нотки. Плотные сжатые губы свидетельствовали: она сама чувствовала это, однако не собиралась признавать, что ей было в чем оправдываться.

Конан с отвращением покачал головой и вспомнил старую поговорку: у женщин и кошек хозяев нет, они приходят лишь на время. Сейчас киммериец

спрашивал себя: а не лучше ли обзавестись кошкой?.. Потом до варвара дошло, куда они уезжают.

— Почему Аквилония? — спросил их Конан. Одноглазый передал ему сложенный пергамент и сказал:

— Я слышал, она подалась на восток. Там и для тебя кое-что есть, в этом послании.

Конан развернул пергамент и прочитал:

«Ордо, мой самый преданный пес! Когда ты получишь это, меня в Немедии уже не будет. Я уезжаю со всеми вещами и слугами. Не следуй за мной. Мне не доставит удовольствия снова встретить тебя на своем пути. Однако я желаю тебе всего наилучшего. Киммерийцу скажи, что я с ним еще не разобралась. Карела».

Под подписью, сделанной красными чернилами, был нарисован силуэт ястреба.

— Тем не менее ты идешь следом, — сказал Конан, возвращая пергамент.

— Конечно, — ответил Орсо. Он тщательно спрятал письмо в мешок. — Но что это за разговоры насчет того, чтобы уехать в Офир? Гариан со дня на день сделает тебя знатным господином...

— Я припомнил слепого предсказателя из «Зарезанного Быка», — ответил киммериец.

— Того старого дурака? Говорил я тебе, встретиться лучше с моим знакомым астрологом! — Все, что он говорил, оказалось правдой, — спокойно возразил Конан. — Женщина сапфиров и золота — Сулария. Женщина изумрудов и рубинов — Карела. Они обе были готовы посмотреть, как я умру. И причины-то у каждой как раз такие, что он называл. Да и все остальное старик не наврал... А помнишь, как он закончил?

— Ну и как? — спросил Ордо.

— Спаси трон, спаси короля, убей короля — или погибнешь. Что бы ни случилось сейчас, что бы ни случилось потом, сумей угадать, когда настанет время

исчезнуть. Он также предупреждал, чтобы я опасался благодарности королей. Немного поздновато, но теперь я принимаю все это близко к сердцу.

Оглядываясь по сторонам на мраморные колонны и алебастровые стены, одноглазый фыркнул: — А что плохого в такой благодарности? Чего тут опасаться?

— Короли — единоличники правители, — объяснил ему Конан. — Чувство благодарности лишает их полномочия. Ставлю сколько угодно, это воистину так! Какой лучший способ избавиться от благодарности? Избавиться от человека, которому обязан. Теперь понимаешь?

— Ты рассуждаешь, как философ, — проворчал Ордо.

Конан откинул голову и расхохотался:

— Боже упаси!

— Командир, — подходя сзади, сказал Махаон, — все люди на конях. У каждого при седле — мешок награбленного. Только до сих пор мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь приказывал разграбить свой собственный Дворец... Конан встретился взглядом с Ордо без лишних эмоций.

— Возьми здесь все, что тебе понравится, старина, только не мешкай. Варвар протянул руку, и одноглазый пожал ее. Этот обычай они переняли на востоке.

— Прощай, Конан из Киммерии, — хриловато сказал Ордо. — Выпей в преисподней за меня, если попадешь туда первым.

— Прощай, Ордо из Заморы. И ты тоже выпей, если окажешься первым.

Большими шагами киммериец вышел из Дворца, даже не взглянув на Ариану. Что ж! Она сделала выбор. За Дворцом варвара ждал Свободный Отряд. Оставшиеся в живых двадцать человек, все вооружены и на конях. Конан вскочил в седло.

Странный финал, думал киммериец. Убегать таким образом от предложенного богатства. А две женщины? Он был бы рад, если бы хоть одна, хоть

другая скакала бы сейчас рядом с ним. Но ни одна из них не пожелала. Само по себе это было для Конана очень странно. Однако, напомнил он себе, в Офире достаточно женщин. И, по слухам, там тоже неспокойно. Значит, его отряд не останется без работы.

— Мы отправляемся в Офир,— скомандовал Конан и быстро поскакал через ворота впереди Свободного Отряда. Он не оглянулся...

Глава первая СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Дрогнуло пламя длинных тонких свечей. По стенам заметались черные тени. Всколыхнулись бархатные занавеси, потревоженные неосязаемым дуновением. Четверо мужчин стояли у стола из черного дерева, на котором покоился зеленый саркофаг, отблескивавший подобно нефриту. В четырех воздетых руках горели зловеющим зеленоватым огнем черные свечи. Снаружи была ночь, слышался стон ветра, заблудившегося меж голых деревьев...

Напряженная тишина царила в чертоге, лишь тени беззвучно перемещались по стенам. Четыре пары горящих глаз приникли к саркофагу, на поверхности которого корчились таинственные иероглифы, казалось, оживавшие в неверном блеске свечей.

Человек, стоявший в изножье саркофага, склонился над ним и повел свечой, словно пером, чертя в воздухе мистический символ. Затем он вставил свечу в подсвечник черного золота, стоявший подле саркофага, и, пробормотав некую формулу, недоступную слуху сообщников, опустил широкую белую руку в складки своей мантии, отороченной мехом. Когда он извлек руку, всем показалось, будто он держал на ладони сгусток живого огня. Трое других приглушенно ахнули.

— Сердце Аримана!.. — прошептал темноволосый, мощного сложения мужчина, стоявший в головах

саркофага. Державший камень тотчас вскинул руку, призывая всех к тишине.

Где-то далеко тоскливо завывала собака, по ту сторону надежно запертых дверей послышались крадущиеся шаги. Но ни один из четверых не отвел взгляда от крышки саркофага, над которой человек в отделанной горностаеями мантии водил в воздухе огромным пламенеющим камнем, вполголоса произнося заклинание. Это заклинание было древним еще в те времена, когда море сомкнулось над Атлантидой. Сияние камня слепило глаза; никто не понял, что именно произошло, но резная крышка саркофага с внезапным грохотом разлетелась на части, ни дать ни взять раздробленная чудовищной силой, рвавшейся изнутри. Четверо мужчин тотчас склонились над саркофагом, с жадностью разглядывая то, что лежало внутри, — сморщенную, иссохшую мумию. Сквозь истлевшие повязки виднелась бурая кожа, туго обтянувшая кости. Руки и ноги мумии походили на ветви мертвого дерева.

— И ты хочешь оживить это?.. — Коротышка, стоявший по правую руку, сопроводил свои слова коротким язвительным смешком. — Да оно же рассыплется от прикосновения! Мы глуп...

— Тихо!.. — повелительно прошипел тот, что держал сияющую драгоценность. Его глаза были расширены, на высоком бледном лбу выступил пот. Он наклонился и, не прикасаясь руками, опустил на грудь мумии пламенеющий камень. Потом отступил назад, не сводя с нее напряженного, почти яростного взгляда. Его губы шевелились, беззвучно произнося слова волшебства...

Огненный шар, мерцая, сверкал на безжизненной, иссохшей груди... Но вот смотревшие изумленно втянули воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ибо прямо на глазах у них началось жуткое преобразование. Мумия начала расти, наливаясь, обретая плоть. Повязки рвались на ней, рассыпаясь коричневой пылью.

Распрямлялись съезжившиеся члены. Постепенно светлела бурая кожа...

— Во имя Митры! — прошептал стоявший слева высокий желтоволосый мужчина. — По крайней мере, он не был стигийцем! Хотя бы в этом мы не ошиблись... И вновь воздетый палец, дрожа, призвал к тишине. Собака снаружи больше не выла. Она скулила, словно ей приснился дурной сон; потом стих и этот звук, зато желтоволосый явственно расслышал скрип двери — так, словно с той стороны на нее навалилась неодолимая сила. Он уже начал было поворачиваться, протягивая руку к мечу...

— Остановись! — прошипел человек в горностаевой мантии. — Не разрывай цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Пожав плечами, желтоволосый повернулся обратно — и замер, потрясенный увиденным. В нефритовом саркофаге лежал живой человек — высокий, хорошо сложенный, нагой мужчина. У него была белая кожа и темные волосы и борода. Он лежал неподвижно, открытые глаза были бессмысленны, точно у новорожденного. Камень искрился и пылал у него на груди.

Человек в горностаеях слегка пошатнулся, точно сбрасывая с плеч непосильную тяжесть.

— О Иштар! — выдохнул он. — Это в самом деле Ксальтон! И он действительно ожил! Валерий, Амальрик, Тараск!... Вы видите? Видите?.. Вы сомневались во мне, но я сумел справиться! Да, нынче мы вплотную приблизились к раскрывшимся вратам Преисподней, силы тьмы дышали нам в спину — о, они до последнего следовали за ним... И все-таки мы сделали это! Мы вернули к жизни величайшего из волшебников...

— И, несомненно, обрекли свои души на вечную муку, — пробормотал смуглый коротышка Тараск.

Желтоволосый Валерий рассмеялся резким, неприятным смехом:

— Какие муки могут быть горше этой жизни?... Считай все мы прокляты с колыбели... Да и кто откажется продать свою жалкую душонку за трон?..

— В его взгляде нет разума, Ораст,— сказал здоровяк.

— Он долго пролежал мертвым, ответил Ораст. — Он похож на только что разбуженного. Его разум еще пуст после долгого сна... какое там сна — ведь он был мертв! Мы вызвали его дух из бездны тьмы и забвения... Надо поговорить с ним.

Он наклонился над саркофагом и, вперив взгляд в широко раскрытые темные глаза лежавшего внутри, медленно произнес:

— Пробудись, Ксальтотун!

Губы воскрешенного дрогнули и шевельнулись.

— Ксальтотун? — повторил он неуверенным шепотом, словно ощупывая перед собою дорогу.

— Ты — Ксальтотун! — проговорил Ораст, подобно гипнотизеру, вводящему свою жертву в транс.— Ты — Ксальтотун из Пифона, что в Ахероне.

Далекое пламя встрепенулось в темных глазах...

— Я тот, кто был Ксальтотуном,— слышался шепот.— Я мертв.

— Ты — Ксальтотун! — вскричал Ораст.— Ты не мертв более. Ты — жив!

— Я — Ксальтотун,— жутко прошелестело в ответ.— Но я умер. Там, в Стигии, в городе Кеми, в своем доме.

— И отравившие тебя жрецы забальзамировали твоё тело, не тронув ни единого органа! — воскликнул Ораст.— Велико было их черное искусство, но теперь ты снова живешь! Сердце Аримана вернуло тебе жизнь, возвратив твой дух из пустых пространств вечности...

— Сердце Аримана! — Огонек воспоминания разгорелся ярче, — Варвары похитили его у меня...

— Память возвращается к нему,— пробормотал Ораст.— Поднимите его из саркофага!

Остальные повиновались после некоторого колебания. Нехотя прикоснулись они к ими же воссоздан-

ному человеку. Их пальцы ощутили твердую, мускулистую плоть, пышущую полнокровной жизнью, но легче от этого никому почему-то не стало. И все-таки они усадили ожившего. Ораст же обрядил его в темно-фиолетовую мантию, усыпанную золотыми звездами и полумесяцами, а потом повязал ему на голову златотканую ленту, перехватив волнистые черные пряди, падавшие на плечи. Оживший не воспротивился им ни словом, ни жестом; молча дал он усадить себя в высокое кресло, напоминавшее трон с высокой спинкой черного дерева, серебряными подлокотниками и ножками в виде когтистых позолоченных лап. Он сидел неподвижно, лишь в темных глазах медленно разгорался пробудившийся разум. Казалось, два затонувших светоча всплывали со дна бездонных колодцев, наполняя странным свечением полонившую их тьму.

Ораст исподтишка покосился на своих сообщников, с болезненным интересом вглядывавшихся в своего удивительного гостя. У этих людей были железные нервы: они выдержали испытание, способное свести с ума человека менее закаленного. Что ж, Ораст знал с самого начала: он сговаривался не с какими-то слабаками, но с воинами, чье проверенное мужество не уступало способности ко злу, которая таилась в их душах, и необузданному властолюбию, способному смести любые законы... Ораст вновь обратил взгляд на человека, занявшего черный трон. Как раз в это время тот наконец заговорил.

— Я помню...— произнес он сильным, звучным голосом по-немедийски, со странным архаичным акцентом.— Я — Ксальтотун. Я был верховным жрецом Сета в городе Пифон, что в Ахероне. Сердце Аримана... мне приснилось, будто оно снова обретено. Где оно?

Ораст вложил кристалл ему в руку, и великий маг глубоко вздохнул, вглядываясь в глубины камня, пылавшего у него на ладони страшным огнем.

— Давным-давно Сердце было похищено у меня, — проговорил он. — Алое Сердце ночи, властное спасти или проклясть. Издалека прибыло оно, из дальних времен... Никто не мог противостоять мне, пока оно было у меня. Но его похитили, и пал Ахерон, я же изгнанником бежал в мрачную Стигию. Я многое помню, но многое и позабыл... Я пребывал в далеком краю, за непроницаемыми туманами, за безбрежными океанами мрака. Какой теперь год?

— Завершается год Льва, — ответил Ораст, — со времени падения Ахерона минуло три тысячи лет,

— Три тысячи лет! — пробормотал маг. — Так долго!.. Но кто вы такие?

— Я — Ораст, бывший когда-то жрецом Митры. Это — Амальрик, барон Тора, что в Немедии, это — Тараск, младший брат немедийского короля, а этот высокий молодой человек — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун. — Что вам от меня нужно?

Теперь не могло быть никакого сомнения в том, что он воистину жив: пристальный взгляд говорил о деятельной работе ясного, бодрствующего ума. Да и в поведении его не осталось и намека на неуверенность и сомнение. Его вопрос был прям; должно быть, он хорошо знал — люди не склонны давать что-либо даром. Ораст ответил ему с той же прямой:

— Сегодня мы отворили врата Преисподней и, освободив твою душу, вернули ее в тело, ибо нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы Тараск взошел на трон Немедии, а Валерий завладел короной Аквилонии. Твое искусство некроманта должно нам помочь.

Но цепкий ум Ксальтотуна не пропускал ни единой мелочи.

— Ты, Ораст, и сам наверняка не новичок в нашем искусстве, раз уж сумел меня воскресить. Как

вышло, что жрец Митры умело пользуется Сердцем Аримана и знаниями Скелосо?

— Я более не жрец Митры, — ответил Ораст. — Занятия черной магией послужили причиной изгнания меня из Ордена. Если бы не присутствующий здесь Амальрик, меня, всего вероятнее, сожгли бы как колдуна. Лишение жреческого сана, однако, развязало мне руки, и я приступил к дальнейшим занятиям. Я объехал Замору, Вендию и Стигию, я прошел населенные призраками джунгли Кхитая. Я читал книги Скелосо, переплетенные в железо, спускался в глубочайшие колодцы, чтобы побеседовать с незримыми существами. Безликие видения говорили со мной в смрадной черноте джунглей. Наконец во внутренней Стигии, в посещаемых демонами подземельях гигантского храма Сета, мне попался на глаза твой саркофаг. Я изучил искусство, способное вдохнуть жизнь в твое иссохшее тело. Изъеденные плесенью манускрипты поведали мне о Сердце Аримана... Целый год потратил я на его поиски — и вот оно здесь!

— Тем непонятнее, зачем тебе понадобилось возиться со мной. — Ксальтотун не сводил с Ораста пронизывающего взгляда. — Почему ты сам не использовал силу, заключенную в Сердце?

— Потому, — отвечал жрец, — что сегодня его секретов не знает никто. Даже легенды прошлого ни единым намеком не говорят о том, как пробудить его мощь. Я знал лишь, что оно способно возратить жизнь, но большие откровения мне недоступны. Я смог использовать его лишь для того, чтобы воскресить тебя. Нам нужны твои познания, Ксальтотун. Лишь ты знаешь Сердце и его жуткие тайны!

Ксальтотун покачал головой, задумчиво вглядываясь в рдеющие глубины камня.

— Мои некромантические познания в самом деле превосходят познания всех прочих людей, вместе взятых, — сказал он наконец. — Но и я в полной мере не овладел силой кристалла. В прежней моей жизни

я и не пытался взывать к Сердцу — лишь хранил его, чтобы оно не было использовано против меня. Когда же по прошествии лет его все-таки похитили, то в руках убранного перьями шамана дикого племени оно развеяло всю мою магическую мощь... Потом Сердце исчезло неведомо куда, я же был отравлен стигийскими жрецами, так и не успев его отыскать.

— Оно хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии, — сказал Ораст. — Найдя твои останки в подземном храме Сета, я одолел еще немало извилистых путей, прежде чем мне удалось его обнаружить. Заморийские воры, отчасти защищенные моими заклятиями, — лучше не упоминать, где я их вычитал, — выкрали твой саркофаг из самых когтей тех, что приставлены были охранять его во мраке. Долго путешествовал он с караваном верблюдов, на галере, на повозке, запряженной быками, и прибыл наконец сюда, в этот город. Те же воры — вернее, те из них, что уцелели в исполненном ужасов путешествии, — похитили и Сердце Аримана из охраняемой демонами пещеры под храмом Митры. Вся их ловкость, все могущество моих заклинаний едва не оказались бессильны... Лишь один сумел выбраться живым из проклятого подземелья. Из рук в руки передав мне камень, он умер в мучениях, пытаясь в предсмертном бреду рассказать о том, что предстало его глазам... Во всем свете нет людей, столь же верных данному слову, как заморийские воры! И даже с помощью моих заклинаний никто, кроме них, не был способен выкрасть Сердце из тайника, в котором демоны тьмы стерегли его три тысячи лет со дня падения Ахерона!

Откинув львиную голову, Ксальтотун уставился немигающим взглядом в пространство, словно пытаясь прозреть минувшие века.

— Три тысячи лет! — повторил он. — Во имя Сета! Поведайте же мне, что переменялось в мире?

— Варвары, уничтожившие Ахерон, основали новые королевства, — начал рассказывать Ораст. — На

развалинах империи возникли три державы — Аквилония, Немедия и Аргос, называемые так по основавшим их племенам. Древние королевства Офира, Коринфии и западного Кофа, подчинявшиеся когда-то ахеронским владыкам, с распадом империи вновь обрели независимость...

— Что же случилось с ахеронским народом? — спросил Ксальтотун. — Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах и сандалии варваров попирали залитые кровью города Ахерона — великие города!

— В горах еще живут разрозненные племена, которые похваляются, будто ведут свой род от ахеронцев, — ответил Ораст. — Все остальные были сметены с лица земли моими предками-варварами. Видишь ли, они — мои предки — достаточно натерпелись в свое время от королей Ахерона...

Жестокая и жуткая улыбка искривила губы пифонца.

— О да! Множество варваров — мужчин и женщин, — крича от ужаса, умерло на алтарях под этой самой рукой! Я видел, как на главной площади Пифона складывались пирамиды из их голов, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и ведя толпы нагих пленников...

— о да, — кивнул головой Ораст. — И когда настал день возмездия, мечи не ведали отдыха. Итак, Ахерон пал, а Пифон с его пурпурными башнями стал всего лишь полузабытой легендой. Но на руинах родились и возвысились иные королевства. И вот мы вызвали тебя из прошлого, чтобы ты помог нам управлять этими королевствами. Быть может, ты не найдешь в них чудес древнего Ахерона, и все-таки они могучи, богаты и вполне заслуживают того, чтобы сражаться за них. Смотри! — И Ораст развернул перед магом карту, с немалым искусством нарисованную на тонком пергаменте.

Ксальтотуну хватило одного взгляда, чтобы в изумлении встряхнуть головой:

— Я смотрю, изменились самые очертания земли! Так нечто знакомое иной раз видишь во сне неузнаваемо искаженным...

— И тем не менее,— указывая пальцем, продолжал Ораст,— вот Бельверус, столица Немедии, где мы ныне находимся. А вот здесь пролегли границы Немедии. На юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, к востоку — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, который мне совсем незнаком,— еле слышно прошептал Ксальтотун. Но от Ораста не укрылся зловеющий огонек ненависти, промелькнувший в темных глазах.

— Это карта мира, который ты поможешь нам изменить,— сказал он магу.— Для начала нам требуется посадить Тараска на трон Немедии. Мы хотели бы достичь этого без борьбы и таким образом, чтобы даже тени подозрения не пало на нашего ставленника. Нам не нужна гражданская война, которая опустошила бы страну. Наоборот — силы следует сберечь для завоевания Аквилонии. Если король Немедии и его сыновья умрут естественной смертью — скажем, от чумы,— Тараск, будучи ближайшим наследником, взойдет на трон без какого-либо сопротивления...

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжал:

— Следующая наша задача много трудней. Невозможно возвести Валерия на аквилонский трон без войны. Между тем эта страна очень грозный противник. Она населена воинственным и стойким народом, закаленным в постоянной борьбе с пиктами, зингарцами и киммерийцами. Пятьсот лет Аквилония и Немедия то и дело воюют между собой, и последнее слово неизменно оставалось за аквилонцами. Теперешний же их король — самый знаменитый воин западных стран. Это чужестранец, обычный искатель приключений, силой захвативший корону во время народной смуты. Он собственными руками задушил

короля Нумедида прямо на троне. Его имя Конан. Говорят, в бою перед ним не может выстоять ни один человек. Истинным наследником аквилонского трона остается Валерий: он состоит в родстве с прежней династией, но был сослан Нумедидом и много лет прожил в изгнании. Тем не менее многие аквилонские бароны втайне приветствовали бы свержение Конана, ибо в нем нет ни капли благородной крови, не говоря уже о королевской. Увы, простые люди и дворянство внешних провинций верны Конану беззаветно. И все-таки, если войска Конана будут разгромлены в неизбежном сражении, а сам он убит, полагая, сделать Валерия королем будет нетрудно. Ведь Конан не принадлежит к какой-либо династии — это всего лишь авантюрист-одиночка!

— Хотел бы я взглянуть на этого короля,— задумался Ксальтотун, поглядывая на серебристое зеркало, вставленное в стенную панель. В зеркале этом ничего не отражалось, но, судя по выражению лица Ксальтотуна, он прекрасно понимал его назначение. Ораст кивнул головой с гордостью ремесленника, удостоившегося похвалы великого мастера.

— Постараюсь показать его тебе,— сказал он. И, усевшись перед зеркалом, принялся вглядываться в его недра,

Со стороны это могло показаться чудом, но Ксальтотун знал, что зеркало всего лишь отражало мысль Ораста — точно так же, как магический кристалл воплощает идею волшебника.

Расплывчатая тень неожиданно обрела удивительно ясные очертания. Взглядам смотревших предстал широкоплечий гигант, разодетый в шелка и бархат, как и положено королю: царственные львы Аквилонии горели золотом у него на груди, а густую гриву черных волос венчала корона. Но под шелками перекатывались железные мышцы, и грозный меч у бедра подходил ему гораздо больше, нежели королевские аксессуары. Под широким лбом горели неукротимы

мым пламенем ярко-синие глаза. Его лицо было лицом воина: смуглое, иссеченное шрамами, оно выглядело достаточно зловеще, а бархатные одежды не могли скрыть грозной, стремительной мощи.

— Этот человек не принадлежит к хайборийской расе! — воскликнул Ксальтотун.

— Нет. Он киммериец, один из тех дикарей, что живут на севере, на окутанных мглой горах.

— Когда-то мне приходилось сражаться с его предками, — пробормотал Ксальтотун. — Даже короли Ахерона не сумели их покорить...

— Они и по сей день остаются сущим проклятием для южных соседей, — ответил Ораст. — Конан же — истинный сын своего народа. До сих пор его никто не мог победить.

Ксальтотун промолчал. Он смотрел вниз, в алое пламя, трепетавшее и бившееся у него на ладони. Снаружи опять завывала собака — протяжно, с безысходной тоской...

Глава вторая ДУНОВЕНИЕ ТЬМЫ

Начало года Дракона ознаменовалось войной, мором и смутой. Тень смерти бродила по улицам Бельверуса, не щадя ни купца за прилавком, ни раба в его хижине, ни рыцаря за пиршественным столом.

Лекари беспомощно разводили руками, в народе же говорили, что адское наказание ниспослано свыше — за грехи прелюбодеяния и гордыни. Болезнь разила по-змеиному смертоносно и быстро. Тело жертвы покрывалось лиловыми пятнами, затем быстро чернело. Несколько минут — и человек валился наземь в агонии и, прежде чем смерть уносила прочь душу, успевал ощутить смрад гниения собственного тела. Жаркий южный ветер завывал над страной, в полях иссыхал урожай, скот падал и не мог больше подняться.

Люди в слезах призывали Митру, бога солнечной справедливости, и шепотом винили во всем короля. Ибо по Немедии прошел слух, будто в ночной тиши дворца Нимед совершал запретные обряды и предавался отвратительным оргиям. А потом смерть, ухмыляясь, вступила и во дворец, и жуткие испарения клубились у ее ног. В одну ночь умерли король Нимед и трое его сыновей, и грохот траурных барабанов заглушил мрачное позвякивание колокольчиков на

тележках, что тащились по улицам, подбирая разлагающиеся трупы...

В ту же ночь, перед самым рассветом, губительный ветер, дувший несколько недель кряду, наконец перестал зловеще шуршать шелковыми занавесками. С севера примчался ураган и с ревом обрушился на городские башни. Молнии слепили глаза, чудовищный гром сотрясал землю и небо, стеной надвигался ливень. Утро, однако, занялось чистое, умытое и зеленое; обожженная зноем земля на глазах укутывалась травой, жаждущие хлеба напились и воспряли, и — самое главное — прекратился мор: могучий ураган бесследно развеял заразу.

По мнению народа, Боги удовлетворились гибелью нечестивого Нимеда и его потомства. И когда Тараск, младший брат покойного, венчался на царство в громадном коронационном зале, башни Бельверуса содрогались от восторженных криков толпы. Немедийцы были счастливы — теперь у них был король, на котором пребывала милость Богов.

Вихрь праздничного веселья и воодушевления прокатился из конца в конец по стране; не следует удивляться, когда следом за подобными вспышками разражается завоевательная война. Никто и не удивился, когда король Тараск отменил перемирие, которое его предшественник заключил с западным соседом, и начал собирать войска для нападения на Аквилонию. Глашатаи на всех перекрестках кричали о благородных целях этой войны. Король Тараск намеревался заступиться за Валерия, объявляя его единственным законным престолонаследником. Не врагом, но другом шел он на Аквилонию, желая спасти народ от тирании узурпатора, к тому же чужестранца.

Кое-кто, конечно, криво усмехался, выслушивая подобное; кое-где передавался из уст в уста некий слухок, касавшийся закадычного королевского друга Амальрика, чье немеренное личное богатство, похоже,

щедрой рукой лилось в изрядно-таки подиздержанную казну дворца... Но таков был почти религиозный восторг черни, боготворившей Тараска, что мало кто обращал внимание на подобные разговоры. А если иные умные головы и посещала грешная мысль — уж не Амальрик ли истинный правитель Немедии?.. — у таких умников хватало осторожности не высказываться вслух. Так что подготовка к войне шла своим чередом при полном одобрении народа.

Собрав союзников, король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска. Сверкали рыцарские доспехи, развевались над гордыми шлемами цветные султаны, мерно шагали арбалетчики в кожаных куртках и копейщики в нагрудниках и стальных касках... Вступив в аквилонские пределы, они взяли пограничный замок и сожгли три деревеньки в горах. Но всего в десяти милях от границы, в долине реки Валкии, перед ними стеной встали войска Конана, короля Аквилонии, — сорок пять тысяч рыцарей, лучников и простых солдат, цвет и слава аквилонского оружия.

Лишь рыцари Пуантена, ведомые графом Троцери, еще не подоспели из отдаленного юго-западного угла королевства, где лежали их земли. Тараск ударил без предупреждения: нашествие последовало сразу за его воззваниями к народу, без объявления войны.

Два войска расположились друг против друга в обширной неглубокой долине, окаймленной отвесными скалами. Берега обмелевшей реки, извивавшейся по дну долины, заросли ивами и тростником. Слуги и повара с обеих сторон, идя за водой, выкрикивали оскорбления и кидались камнями через реку.

Последние лучи солнца играли на золотом знамени Немедии с вышитым на нем алым драконом, что развевалось на вечернем ветру у палатки короля Тараска на холмике возле утесов, ограничивавших долину с востока. Но тень западных скал широким пурпурным покровом окутала шатры аквилонцев и

черный с золотым львом стяг, реявший над палаткой их короля.

Ночью по всей долине горели костры, а ветер нес зов боевых труб, лязгание оружия и резкие оклики часовых, которые шагом разъезжали туда и сюда вдоль заросших плакучими ивами берегов.

* * *

Содрогнувшись всем телом, проснулся король Конан и с коротким криком вскинулся на постели, хватаясь в предрассветном мраке за меч. Полководец Паллантид, вбежавший в шатер, обнаружил своего короля сидящим на ложе — а ложе это, правду сказать, представляло собою всего лишь шелк и меха, брошенные на деревянный топчан. Ладонь Конана сжимала рукоять меча, на необычно побледневшем лице блестели капли пота.

— Государь!.. — воскликнул Паллантид. — Что-нибудь случилось?..

— Что там в лагере? — спросил Конан. — Часовых выставили?

— Пятьсот всадников не спускают глаз с реки, государь, — отвечивал полководец. — Немедийцы не пробовали воспользоваться темнотой. Как и мы, они ждут рассвета.

— Во имя Крома, — пробормотал Конан. — Я проснулся с таким чувством, точно злой рок готов был свершиться надо мною в ночи...

— И он поднял глаза к огромному золотому светильнику, что заливал мягким сиянием ковры и бархатные занавеси, составлявшие убранство большого шатра. Они с Паллантидом были одни — никакой паж или слуга не спал на коврах возле королевского ложа. Но глаза Конана горели тем особым огнем, что вспыхивал в них в минуты величайшей опасности, а меч подрагивал в могучей руке.

— Прислушайся! — прошепел король. — Слышишь? Крадущиеся шаги...

— Семь рыцарей охраняют твой шатер, государь, — сказал Паллантид. — Никто не сможет приблизиться к нему незаметно.

— Снаружи — да, — проворчал Конан. — Но, помоему, шаги раздавались внутри!

Изумленный Паллантид быстро обежал глазами шатер. По углам его бархатные занавеси тонули в густой тени, и тем не менее, если бы там прятался кто-нибудь лишний, полководец его неминуемо разглядел бы.

Он покачал головой:

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы?

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы? Ты спишь посреди верного тебе войска...

— Я видел, как смерть поразила короля посреди тысячной толпы, — пробормотал Конан. — Нечто, крадущееся незримо...

— Должно быть, государь, тебе что-то приснилось, — в немалом смущении сказал Паллантид.

— Вот именно, — буркнул Конан. — И дьявольски страшен был этот сон. Нынче ночью я заново прошагал весь тот долгий и трудный путь, что привел меня к аквилонской короне...

Он умолк. Паллантид смотрел на него, не решаясь заговорить. Король был живой загадкой для полководца, как, впрочем, и для большинства своих цивилизованных подданных. Паллантид знал: много странных и страшных дорог было в его бурной, богатой приключениями жизни. Кем только он ни был, прежде чем каприз судьбы усадил его на аквилонский престол!

— Я вновь видел поле битвы, на котором родился, — задумчиво подперев огромным кулаком подбородок, заговорил Конан. — Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущим копье в горного зверя. Я снова был наемником, гетманом казаков с реки Запорожки, корсаром, опустошавшим берега Куша, пиратом с Бархских островов и вождем

горцев Химелии... Все эти люди, которыми я когда-то был, прошли передо мною в ночи, и шаги их отбивали мне похоронный марш по гулкой земле. И клубились, летя сквозь мой сон, ужасные призраки, и далекий голос издевался надо мной... Под конец же я увидел себя лежащим на этой самой постели, а надо мной склонилась бесформенная фигура, закутанная в покрывало. Я не мог шевельнуться... и вот откинулся капюшон, и ухмыляющийся череп уставился мне в лицо. Тогда-то я и проснулся!

— Недобрый сон, государь, — поневоле содрогнувшись, сказал Паллантид. — Но это всего лишь сон, и не более!

Конан покачал головой, не отрицая, но и не соглашаясь. Он происходил из варварского народа и, соприкоснувшись с цивилизацией, отнюдь не утратил инстинктов и суеверий, унаследованных от предков.

— Я видывал немало дурных снов, — сказал он, — и большинство их было бессмысленно. Но, клянусь Кромом, нынешний был не таков! Хотелось бы мне, чтобы скорей началась и кончилась эта битва, и кончилась победоносно. Дурное предчувствие снедает меня с тех самых пор, как от черного моря скончался король Нимед. Почему с его смертью прекратился мор?

— Люди говорят, его непотребства...

— Люди, как обычно, глупы, — перебил Конан. — Если бы мор поразил всех, кто грешил, — именем Крома, некому было бы пересчитывать уцелевших! Жрецы внушают нам, что Боги справедливы, — так если мор был послан в наказание королю, с какой бы стати Богам поражать пять сотен крестьян, купцов и дворян, прежде чем добраться до Нимеда? Или они разили вслепую, подобно воинам, угодившим в туман? Клянусь Митрой! Если бы я действовал так же, у аквилонцев давно уже был бы новый король! Нет, Паллантид, черный мор не был обыкновенной заразой. Я знаю: он таится во тьме стигийских гробниц, и лишь маги способны его вызывать. Я был воином

в армии принца Эльмарика и участвовал в его стигийском походе. Из тридцати тысяч солдат пятнадцать тысяч пали под стигийскими стрелами, а остальных унес точно такой же мор, налетевший с юга на крыльях черного ветра. Я был единственным, кто остался в живых.

Но в Немедии умерло всего лишь пять сотен, — возразил Паллантид.

— Тот, кто вызвал мор, сумел и остановить его по своей воле, — ответил Конан. — Я уверен, за всем этим таится какой-то план, какая-то дьявольщина. Кто-то распространил мор, а затем прекратил его... когда дело было сделано, когда Тараск благополучно взошел на трон, приветствуемый как избавитель страны от гнева Богов! Кром! Нет, здесь не обошлось без могучего и насквозь черного разума. Скажи-ка мне, что говорят о том чужестранце, с которым, по слухам, все время советуется Тараск?

— Его лицо покрыто вуалью, — отвечал Паллантид. — Говорят, он в самом деле чужестранец, прибывший из Стигии...

— Из Стигии! — хмурясь, повторил Конан. — Я бы сказал скорее, из Преисподней... Э, а это еще что такое?

— Трубы немедийцев! — вскричал Паллантид. — А теперь и наши трубят! Наступает рассвет, государь, полководцы выстраивают войска для битвы! Да пребудет над нами благословение Митры, ибо многие уже не увидят, как солнце опустится за хребты...

— Оруженосцев ко мне! — Конан быстро вскочил на ноги, сбрасывая бархатный халат; близость боя, казалось, рассеяла мрачные предчувствия короля. — Иди к войску и проследи, все ли готово. Я подойду, как только надену доспехи.

Цивилизованные люди, которыми он повелевал, никак не могли объяснить себе иные привычки своего короля — в частности, его настойчивое стремление ночевать одному в покое или шатре. Паллантид

вышел, лязгая доспехами, которые, проспав лишь несколько часов, он надел еще в полночь. Быстрым взглядом окинул он пробудившийся лагерь: повсюду звякали кольчуги, меж длинных рядов палаток шевелились неясные тени людей. Звезды еще украшали западную половину неба, но на востоке уже трепетали розовые знамена рассвета, и на их фоне вздымались и опадали шелковые складки немедийского флага с вышитым на нем драконом.

* * *

Покинув Конана, Паллантид направился к небольшой палатке поблизости, в которой ночевали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они один за другим выскакивали наружу. Паллантид как раз собирался поторопить их... но не успел. Из шатра короля послышался яростный крик и тотчас же — звук тяжелого удара, а потом — шум падения сраженного тела... и негромкий медленный смех, от которого кровь заледенела в жилах отважного полководца.

Эхом отозвавшись на крик, Паллантид крутанулся на месте и кинулся обратно в шатер. Новый крик вырвался у него, когда он увидел могучее тело своего государя беспомощно распростертым на коврах. Громадный двуручный меч короля лежал у самой ладони: шатровый столб, перерубленный пополам, красноречиво говорил о том, куда был направлен удар. Паллантид на всякий случай выхватил из ножен свой собственный меч и тщательно осмотрел все углы. Однако шатер был пуст — так же пуст, как и тогда, когда он из него выходил.

— Государь! — Паллантид бросился на колени подле сраженного великана.

Глаза Конана были широко раскрыты. Он узнал верного полководца, губы его шевельнулись... но не смогли издать ни звука. И, похоже, он был не в состоянии пошевелиться.

Снаружи донеслись голоса. Паллантид быстро поднялся и шагнул к дверной занавеске. Перед ней в ожидании стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы слышали какой-то крик, — извиняющимся тоном обратился к Паллантиду рыцарь. — Надеюсь, с королем ничего не случилось?

Паллантид смерил его пристальным взглядом:

— Ты уверен, что ночью никто не входил в шатер и не выходил из него?

— Никто, кроме тебя, господин мой, — отвечал рыцарь. У Паллантида не было причин сомневаться в его честности.

— Король споткнулся и выронил меч, — коротко сообщил он. — Отправляйся ни место.

Когда рыцарь удалился, полководец незаметно поманил к себе шестерых оруженосцев и, впустив их вовнутрь, плотно задернул вход. Юноши, как один, побледили при виде распростертого на полу короля. Быстро вскинув руку, Паллантид заставил их сдерживать готовые вырваться восклицания.

Сам он вновь склонился над Конаном. Тот страшным усилием сумел оторвать голову от земли. Жилы вздулись на висках и на шее, но все-таки он проговорил, вернее, невнятно пробормотал:

— Тварь... тварь, там, в углу!

Паллантид в ужасе огляделся. Но пламя светильника озарило лишь бледные лица оруженосцев, разбрасывая по углам шатра бархатные тени... Пусто!

— Там ничего нет, государь, — сказал Паллантид.

— Оно было... там, в углу, — с трудом выговорил король, мотая головой в тщетной попытке подняться. — Человек.. или что-то похожее на человека... весь в повязках, как мумия... в истлевшем плаще с капюшоном... Я видел только его глаза... он прятался там, в темном углу. Я и его сначала принял за тень, но успел разглядеть глаза. Они были как два черных алмаза!.. — Речь короля постепенно становилась яс-

нее. — Я бросился на него, занося меч, но промахнулся вчистую — одному Крому известно, как могло произойти! — и снес этот столб. На миг я потерял равновесие, и он перехватил мое запястье... его пальцы жгли, как раскаленное железо... Вся сила тотчас покинула меня, а пол взметнулся навстречу и ударил меня, точно дубиной. Он исчез... я остался лежать... будь он проклят, и не могу пошевелиться! Я парализован!..

Паллантид поднял бессильную руку исполина, и мурашки побежали у него по спине. На запястье короля синели отметины длинных, тонких пальцев. Что за рука могла оставить подобный след на этом ширококостном, мускулистом запястье? Паллантид припомнил жуткий, медленный смех, который послышался ему, когда он вбегал в шатер... и капли холодного пота выступили на лбу полководца. Смеялся не Конан!

— Дьявольщина... — дрожа, прошептал один из оруженосцев. — Люди говорят, дети тьмы сражаются на стороне Тараска...

— Тихо! — сурово прервал его Паллантид.

Снаружи меркли звезды, уступая рассвету. С гор потянул легкий ветерок и донес согласный клич тысячи труб. При этом звуке жестокая судорога прошла по телу поверженного гиганта. Вновь мучительно вздулись жилы на висках — Конан силился разорвать невидимые оковы, но не было сил.

— Наденьте на меня латы... привяжите меня к седлу! — прошептал он. — Я еще поведу вас в атаку! Паллантид покачал головой.

— Господин. — Кто-то из оруженосцев коснулся его одежды. — Если все узнают о том, что стряслось с государем, мы пропали. Только он мог повести нас сегодня к победе...

— Помогите мне перенести его на постель, — сказал полководец.

Юноши повиновались. Заботливо опустили они беспомощного исполина на меховое ложе и укрыли

его шелковым плащом. Тогда Паллантид повернулся к шестерым оруженосцам и долго вглядывался в их бледные лица, прежде чем заговорить.

— Запечатает наши уста печатью молчания: никто не должен узнать о том, что произошло здесь, в шатре — сказал он наконец. — Ибо от этого зависит судьба Аквилонского королевства! А теперь пусть один из вас приведет сюда Валанна, предводителя пеллийских копейщиков.. Оруженосец, к которому он обращался, поклонился и поспешил вон. Паллантид остался у постели короля. Между тем снаружи ревели трубы, хохотали барабаны, взлетал к рассветному небу гомон многих тысяч людей... Спустя некоторое время вернулся оруженосец и привел с собой человека, о котором говорил Паллантид, — высокого, широкоплечего воина, могучим сложением напоминавшего самого короля. У него даже были такие же густые черные волосы, но тем сходство и ограничивалось: в отличие от Конана, Валанн был сероглаз и совершенно не походил на него чертами лица.

— Внезапная болезнь сразила короля, — кратко пояснил ему Паллантид. — Тебе оказана великая честь: ты наденешь его доспехи и поскачешь в них во главе войск. Никто из воинов не должен знать, что не сам король везде их вперед!

— За подобную честь и жизнь не жалко отдать, — потрясенно заикаясь, пробормотал Валанн. — Коли будет на то воля пресветлого Митры... А я уж не подведу!

И вот на глазах поверженного короля, в горящем взгляде которого мешались бессильная ярость и унижение, раздиравшие ему сердце, оруженосцы сняли с Валанна шлем, поножи и кольчугу, чтобы взамен того обрядить его в Конановы вороненные латы и рыцарский шлем с забралом и черным плюмажем, венчавшим наверх, сделанное в виде крылатого дракона. Поверх лат накинули шелковую мантию с золотыми королевскими львами, вышитыми на груди, и в завер-

шение опоясали Валанна широким мечом с дорогими камнями на рукояти, что висел в парчовых ножнах на ремне с золотой пряжкой.

Слаженно трудились оруженосцы, а за стенами шатра перекликались трубы, звенело оружие и разносился низкий гортанный рев: полк за полком выстраивался для боя...

И вот уже полностью снаряженный Валанн преклонил колена и склонил увенчанную плюмажем голову перед королем, недвижно лежавшим в постели.

— Государь мой,— сказал он,— да не попустит Митра, чтобы я обесчестил доспехи, доверенные мне нынче!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — прозвучало в ответ.

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизованности, обнажив истинные черты. Он яростно скрипел зубами, глаза его кровожадно горели — суший варвар, только что спустившийся с киммерийских холмов.

Глава третья И СОДРОГНУЛИСЬ УТЕСЫ...

Когда из королевского шатра появился исполин в черной броне, аквилонское войско уже стояло в полной готовности — длинные, плечом к плечу сомкнутые шеренги пеших копейщиков и всадников, закованных в блестящую сталь. Когда же он вскочил в седло вороного жеребца, с трудом сдерживаемого четверкой оруженосцев, войско разразилось восторженным ревом, от которого вздрогнули горы. Рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и шлемах, лучники в кожаных камзолах, с длинными луками, зажатыми в левой руке, — все они, потрясая оружием, громовым кличем приветствовали своего воинственного короля.

Войско на другом берегу тем временем не спеша спускалось по отлогому склону к реке. Пряди утреннего тумана завивались вокруг копыт, и мерцала сквозь туман стальная броня.

Аквилонское войско так же не спеша двинулось навстречу врагу. Размеренный шаг покрытых панцирями коней сотрясал землю. Утренний ветер расправлял шелковые складки знамен; длинные пики щетинились, словно густой лес; пестрели флажки, развевавшиеся у наконечников.

Королевский шатер осталось охранять лишь несколько суровых воинов, закаленных битвами и умев-

ших держать язык за зубами. Остался с Конаном и юный оруженосец: он стоял у двери, выглядывая наружу сквозь узкую щелку. Кроме горстки посвященных, о том, что на громадном жеребце во главе полков скакал вовсе не Конан, во всем многотысячном войске не ведала ни одна живая душа.

Силы аквилонцев были выстроены в обычном для них порядке. В середине помещался ударный кулак — тяжеловооруженные рыцари, по бокам двигались конные латники, усиленные копейщиками и стрелками. Стрелками в аквилонской армии были боссонцы из западных провинций страны — невысокие крепкие люди в кожаных куртках и железных шлемах.

Немедийцы двигались подобным же строем. Два войска приближались к реке, постепенно выдвигая фланги вперед. В центре аквилонского войска, над головой рослого всадника, закованного в вороненую сталь, трепетало и билось королевское знамя — золотые львы на черном поле...

Сам же король Конан стонал от душевной муки на постели в своем шатре, и языческие проклятия сыпались с его языка.

— Войска сходятся, государь, — глядя в щелку, рассказывал ему оруженосец. — Слышишь, трубы гремят? Восходящее солнце слепит мне глаза, отражаясь от шлемов и наконечников копий... Река кажется алой, и, видит Небо, ей в самом деле суждено покраснеть еще до вечера! Они вступили на берег... тучи жалящих стрел закрывают солнце, государь! Отлично, лучники! Верх за боссонцами! Слышишь, как кричат?

И действительно, перекрывая рев труб и лязг доспехов, издали долетал слитный грозный крик, с которым боссонцы одновременно натягивали и спускали тетивы.

— Их арбалетчики пытаются отвлечь наших стрелков и прикрыть своих рыцарей, ибо те уже въезжают в реку, — продолжал оруженосец. — Берега здесь от-

логие; я вижу, как боевые кони ломаются сквозь кусты... Клянусь Митрой, ниши стрелы не пропускают ни единой щелки в их броне! Падают люди, и кони бьются, пытаюсь выбраться из воды. Там неглубоко и течения особого нет, но они тонут в тяжелых доспехах, затоптанные мечущимися конями... А теперь двинулись наши! Аквилонские рыцари вступили в реку и рубятся с немедийскими! Вода бурлит, достигая брюха коней, оглушительно гремит меч о меч...

— Кром!.. — в муке выдохнул Конан. Жизнь малопомалу возвращалась в его тело, но подняться с постели по-прежнему не было сил.

— Фланги сошлись, — рассказывал оруженосец. — Копейщики и меченосцы врукопашную бьются в воде, а лучники, стоя позади, стреляют, стреляют... Во имя Митры, немедийским арбалетчикам приходится нелегко! А боссонцы, государь, берут прицел повыше, чтобы стрелы падали в глубине вражеских рядов! Их центр не может продвинуться ни на фут, а битва на флангах идет уже на том берегу!

— Кром! Имир и Митра!.. — метался на постели король. — Боги и дьяволы! Чего бы я не отдал только за то, чтобы оказаться там — пусть даже для того, чтобы погибнуть после первого же удара!..

* * *

Битва бушевала и гремела до самого вечера того долгого и жаркого дня. Склоны долины содрогались от топота атак и контратак, от посвиста стрел, треска копий и щитов. Аквилонское войско стояло насмерть. Лишь один раз его принудили было откатнуться от берега, но ответный удар рыцарей под королевским черным знаменем, летевшим над гривой вороного коня, быстро восстановил равновесие. Ни дать ни взять — железная крепость высилась на правом берегу речного потока; и наконец охрипший от волнения оруженосец сказал королю, что немедийцы начали отступать.

— Их фланги в смятении, а рыцари уклоняются от рукопашной. Что я вижу? Твое знамя двинулось вперед! Рыцари въехали в воду! Во имя Митры — Валанн ведет войско на тот берег!..

— Глупец! — простонал Конан. — Это может быть и ловушкой! Ему следовало бы просто удерживать позицию, а на рассвете Просперо подоспел бы сюда с пуантенскими ополченцами...

— Рыцарей встретил шквал стрел, но они не дрогнули, государь! — возбужденно выкрикивал оруженосец. — Они несутся вперед... они уже на том берегу! Скачут вверх по склону! Паллантид бросил фланги через реку, следом за ними, больше он ничего сделать не может... Знамя со львами плещется и вьется над схваткой... Немедийские рыцари, кажется, решили остановиться и дать отпор... но нет, не выдержали, повернули коней. Их левое крыло беспорядочно отступает, наши копейщики добивают их на бегу! Я вижу Валанна — как он рубится, государь! Никто больше не обращает внимания на Паллантида — все следуют за Валанном. Людям кажется, что это ты, государь, ведь он не поднимает забрала... Но он дерется не так самозабвенно, как может кому-нибудь показаться! Вот он созвал к себе пять сотен рыцарей, цвет нашего войска. Он видит то же, что и я отсюда: основные силы немедийцев в панике отступают, но в скалах, что прикрывают их справа, есть теснина, по которой можно выйти к ним в тыл! И всего-то горстка копейщиков прикрывает вход в это ущелье! Вот наши прорвались сквозь их реденькую цепочку и скачут прямо туда...

— Засада!.. — в бешенстве зарычал Конан, шаря по постели руками и пытаясь хотя бы сесть.

— Нет, государь! — захлебываясь восторгом юный оруженосец. — Я отлично вижу все немедийское войско! Они попросту забыли про эту теснину! Откуда им было знать, что их оттеснят так далеко? Дурень, дурень Тараск, это ж надо было так оплошать! Я вижу

флажки на пиках наших рыцарей, показавшихся с той стороны, за спинами немедийцев. Сейчас они ударят на них сзади и втопчут их в пыль... О Митра! О Митра, что это?..

Он пошатнулся, с трудом устояв на ногах; ходунном заходили стены шатра. Издали, сквозь гром сражения, катился низкий, неопределимо зловеющий гул.

— Утесы колеблются, государь! — испуганно завопил оруженосец. — Боги мои, что там?! Река вспенилась и вышла из берегов! Качаются горные пики! Земля уходит из-под ног, опрокидывая людей и коней... Скалы! Скалы рушатся, государь!

Чудовищный рокот катящихся глыб заглушил его голос. Ощутимо задрожала земля. Крики смертельного ужаса достигли ушей короля...

— Скалы обрушились, государь! — Лицо юноши было мертвенно бледно. — Обвалились прямо в ущелье и раздавили все живое, что там находилось... Черное знамя мелькнуло меж падающих валунов... исчезло... Слышен победный клич немедийцев, ну да, ведь они уничтожили пятьсот лучших рыцарей Аквилонии... А это что за крик?..

И Конан внятно разобрал многоголосое, отчаянное:

— Король пал! Король пал! Бегите, бегите! Король пал!

— Ложь! — Конан задохнулся от ярости. — Собаки, трупы, скоты!.. Ох, Кром, если бы я мог встать!.. На четвереньках, с мечом в зубах доползти до реки!.. Что там, мальчик? Неужели бегут?..

— Да, государь! — вскрикнул оруженосец. — Мчатся обратно к реке, шпора коней! Они сломлены, они как пена, несомая ураганом... Государь, Паллантид пытается остановить их, но его сминают... затаптывают! Они бросаются в воду; рыцари, копейщики, лучники — всех уравнило и перемешало безумное бегство... Немедийцы висят на плечах и косят их, косят...

— Пусть же дадут отпор, выйдя на этот берег! — зарычал король. Кое-как он сумел приподняться на

локтях: от страшного усилия пот ручьями потек у него по вискам.

— Нет, государь, они уже не могут! — плакал оруженосец. — Они сломлены... Это разгром! О Боги, Боги, и зачем я дожил до этого дня! — Но тут он вспомнил о своем долге и окликнул воинов, что непоколебимо стояли охраной вокруг шатра короля, наблюдая за битвой, которую вели их товарищи: — Живо приведите коня и помогите мне усадить в седло государя! Мы не должны здесь задерживаться!

Но прежде чем воины успели выполнить его приказание, волна бегущих накатила на лагерь. Рыцари, лучники и копейщики опрокидывали палатки, спотыкались о короба и веревки — а между ними, рубя направо и налево, неслись конные немедийцы. Падали смятые шатры, сразу в сотне мест вспыхнул огонь, и, конечно, без промедления начался грабеж. Суровые воины, сторожившие королевский шатер, отчаянно отбиваясь, умерли под градом ударов там же, где и стояли, и копыта коней победителей промчались по их изуродованным телам.

Но оруженосец плотно задернул дверную занавеску, и в безумии всеобщей резни никому не пришло в голову, что внутри еще есть кто-то живой. Вверх по долине унеслась кровавая клокочущая волна, и выглянувший наружу оруженосец заметил небольшую группу людей, целеустремленно двигавшуюся прямо к шатру.

— Государь! — прошептал юноша. — Сюда идет сам король Немедийский с четырьмя спутниками и оруженосцем! Он хочет сам принять твою сдачу, государь...

— К дьяволу сдачу!.. — закрипел зубами король.

С величайшим трудом он заставил себя сесть. Спустил ноги с ложа — и встал, качаясь как пьяный. Оруженосец кинулся на помощь, но Конан отпихнул его прочь.

— Дай лук!.. — прохрипел он, указывая на длинный лук и колчан со стрелами, висевшие на столбе.

— Но, государь... — в величайшем смятении осмелился возразить оруженосец. — Ведь битва проиграна! Тебе надлежит сдаться с достоинством, приличествующим человеку королевских кровей...

— Я не королевских кровей! — зарычал Конан. — Я варвар и сын кузнеца!

Вывхватив у юноши лук и стрелу, он кое-как доплелся до выхода из шатра. Он был почти обнажен, если не считать коротких кожаных штанов и рубахи без рукавов, распахнутой на широченной волосатой груди. Но из-под спутанной гривы черных волос страшным огнем горели синие глаза. Таким грозным мужеством веяло от короля, что оруженосец попятился: благоговей перед своим господином, он боялся его больше, нежели всего немедийского войска.

Шатаясь и широко расставляя ноги, чтобы не упасть, Конан рванул дверную занавеску и вышел наружу, под тент. Король Немедии и его спутники, как раз сошедшие с коней, замерли на месте, с изумлением взирая на неожиданно представшее перед ними видение.

— Я здесь, шакалы! — услышали они рык киммерийца. — Я — король! Попробуйте-ка взять меня, сукины дети! — И прежде чем они успели опомниться, он натянул лук и спустил тетиву. Оперенное древко затрепетало в груди рыцаря, стоявшего подле Тараска.

— Проклятие этой трясущейся руке! — выругался Конан. — Ну? Берите меня, если посмеете! — Покачнувшись на непослушных ногах, он привалился спиной к столбу и обеими руками поднял перед собой меч.

— Клянусь Митрой, это действительно король! — вырвалось у Тараска. Быстро оглядевшись вокруг, он рассмеялся: — Тот, другой, был просто одет в его доспехи! Живо вперед, псы! Принесите мне его голову!

Трое солдат — судя по их эмблемам, королевские стражники — ринулись на Конана. Один из них по-

ходя взмахнул булавой, замертво уложив беднягу оруженосца. Двоим другим повезло меньше. Первый, подскочивший к аквилонскому королю, едва успел занести меч: Конан встретил его страшным ударом наотмашь. Его клинок разрубил звенья кольчуги, как полотно, и отсек руку немедийца вместе с плечом. Тело рухнуло вперед, угодив под ноги товарищу. Тот споткнулся... выпрямиться ему уже было не суждено: меч Конана пронзил его насквозь.

Запаленно дыша, Конан высвободил клинок. Его сотрясала дрожь, широкая грудь тяжело вздымалась, по лицу и по шее ручьи тек пот. Но свирепые глаза вдохновенно горели:

— Иди сюда, бельверусская гнида! Мне до тебя не дотянуться! Подойди и умри!..

Тараск замешкался, поглядывая то на уцелевшего воина, то на своего оруженосца — худого и мрачного человека в черной кольчуге... Потом все-таки шагнул вперед. Он намного уступал гиганту киммерийцу силой и статью, но на нем был полный доспех, а искусство Тараска как фехтовальщика было известно во всех западных королевствах.

Оруженосец удержал его за руку:

— Не рискуй жизнью понапрасну, мой повелитель. Я позову лучников, и они расстреляют этого варвара, точно дикого льва.

И никто из них не заметил колесницу, которая подъехала во время схватки и остановилась чуть позади. Один Конан видел ее, и странный холодок пробежал у него по спине. Даже в вороных конях, что были впряжены в колесницу, смутно угадывалось нечто нездешнее, но не кони приковали взгляд короля, а человек, стоявший на колеснице.

Это был высокий, превосходно сложенный муж, облаченный в длинное, ничем не украшенное шелковое одеяние. Складки шемитского головного убора скрывали черты лица — видны были лишь темные магнетические глаза. В белых руках угадывалась

немалая сила: они твердо держали вожжи, смиряя вздыбливавшихся коней. Чем дольше глядел Конан на незнакомца, тем более внятно предупреждал его первобытный инстинкт. Он явственно ощущал недобрую мощь, исходившую от человека на колеснице. Так высокая трава, волнуемая в безветренный день, говорит о приближении опасной змеи.

— Привет тебе, Ксальтотун! — обернувшись, воскликнул Тараск. — Смотри, вот аквилонский король! Оказывается, он не погиб под обвалом, как мы полагали...

— Знаю, — ответил Ксальтотун. И, не позаботившись объяснить, откуда он это знает, спросил: — И что ты намерен с ним делать?

— Позову лучников, и пусть расстреляют, — сказал немедиец. — Покуда он жив — он слишком опасен!

— И все-таки даже пес бывает полезен, — проговорил Ксальтотун. — Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди сюда и попробуй, — предложил он ахеронцу. — Если б не мои несчастные ноги, я бы выкорчевал тебя из этой колесницы, как дровосек дерево. Живым ты меня не получишь!

— Боюсь, он говорит правду, — вставил Тараск. — Это же варвар, бессмысленный и свирепый, точно раненый тигр. Я позову лучников...

— Смотри и учись, — сказал Ксальтотун.

Его рука нырнула в складки одежд и извлекла наружу нечто блестящее — какой-то полированный шарик. Внезапным движением Ксальтотун метнул его в Конана. Киммериец с презрением отмахнулся мечом... но шарик, едва коснувшись клинка, с громким треском взорвался. Полыхнуло слепящее белое пламя, и Конан без сознания рухнул на землю.

— Он мертв? — В тоне Тараска было скорее утверждение, а не вопрос.

— Нет, — отвечал Ксальтотун. — Всего лишь оглушен. Он очнется через несколько часов. Прика-

жи своим людям связать его по рукам и ногам и бросить в мою колесницу.

Тараск кивнул, и воины исполнили приказание, ворча на неподъемную тяжесть. Ксальтотун набросил на безжизненное тело бархатный плащ, полностью укрыв его от случайного взгляда, и собрал вожжи.

— Я еду в Бельверус. Передайте Амальрику, что я буду с ним, если понадобится. Но, поскольку Конан устранен, а его войско разгромлено, я полагаю, для завершения завоевания хватит и простого оружия смертных. Вряд ли Просперо приведет сюда более десяти тысяч воинов: прослышав о нынешней битве, он, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию о нашем пленнике не говорите. Пусть думают, что Конана раздавили рухнувшие скалы! — Тут он уставился на королевского стражника и смотрел на него так долго и пристально, что воин принялся нервно переминаясь.

— Что это там у тебя на животе? — спросил наконец Ксальтотун.

— Как что? Пояс, с твоего позволения, господин... — ошеломленно выдавил стражник.

— Лжешь! — Смех Ксальтотуна был безжалостен, точно разящий клинок — Это ядовитая змея. Глупец, ты подпоясался змеей!

Тот наклонил голову, недоуменно тараща глаза... и, к его ужасу, пряжка ремня очертила истекающие ядом клыки и зашипела ему в лицо. Вместо ремня тело воина опоясывал отвратительный гад. С диким криком стражник ударил ладонью по его оскаленной морде, почувствовал, как входят в тело клыки... и, застыв в столбняке, тяжело повалился наземь.

Тараск смотрел на него безо всякого выражения. Он видел простой кожаный ремень и пряжку с острым язычком, впившимся в руку солдата. Ксальтотун обратил свой гипнотический взор на оруженосца Тараска... тот затрясся, серея лицом, но король вмешался.

— Не надо. Этому человеку можно доверять. Чародей натянул вожжи, разворачивая коней.

— Во всяком случае, пусть это останется тайной. Если я буду нужен, пусть Альтаро, слуга Ораста, зовет меня, как я его научил. Я же буду в твоём дворце в Бельверусе.

Тараск приветственно поднял руку, но выражение его лица, пока он глядел вслед удалявшейся колеснице, было не из приятных.

— Почему он пощадил киммерийца? — спросил до смерти напуганный оруженосец.

— Я и сам могу лишь предполагать, — проворчал Тараск.

Невиный шум продолжавшейся битвы скоро стих в отдалении. Закатное солнце венчало утесы пламенеющей алой каемкой, и скоро колесница затерялась в синей тени, надвинувшейся с востока.

Глава четвертая

«ИЗ КАКОЙ БЕЗДНЫ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

Долгая поездка на колеснице Ксальтотуна прошла мимо сознания Конана. Он лежал, точно мертвец, и не слышал, как бронзовые колеса лязгали о камни горных дорог, затем шуршали в густой траве плодородных долин и как наконец, одолев изломанные хребты, эти колеса равномерно застучали по широкой, вымощенной белым камнем дороге, что вьется среди роскошных лугов до самых стен Бельверуса.

Лишь перед рассветом жизнь начала понемногу возвращаться к нему. Он услышал невнятный шум голосов и тяжелый скрип громадных петель. Сквозь разрез бархатного плаща, которым он был накрыт, проник неверный факельный свет. Конан разглядел громадную черную арку ворот и бородатые лица воинов. Пламя факелов играло на их шлемах и наколенниках копий.

— Господин! Как кончился бой? — с живым интересом спросил кто-то по-немедийски.

— Хорошо, — был краткий ответ. — Король Аквилонии убит, а войско его разбежалось.

Стражники взволнованно зашумели, но все голоса заглушил гром колес, быстро покотившихся по каменным плитам. Бронзовые ободья высекали снопы искр: хлеща кнутом, Ксальтотун погнал своих скаку-

нов под арку ворот. Все-таки Конан расслышал, как один из воинов пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса между закатом и рассветом! И кони почти не вспотели! Во имя Митры, они...

Однако голоса отдалились, и снова был только топот копыт и стук колес по безлюдной ночной мостовой.

Конан запомнил услышанное, но ни одной мысли оно в нем не породило. Он был подобен бессмысленной кукле, которая все видит и слышит, но не способна понять. Свет и звук ничего не значили для него. Потом он вновь впал в глубокую летаргию и лишь смутно почувствовал, что колесница наконец остановилась посередине окруженного высокими стенами двора, что множество рук подняло его и понесло куда-то сначала по винтовой каменной лестнице, затем по длинному полутемному коридору. Шепот, осторожные шаги, какие-то непонятные шорохи раздавались кругом — но далеко, далеко, и он был совершенно к ним безразличен.

* * *

А потом он пришел к себе окончательно — сразу, толчком, с полной ясностью в голове. Он прекрасно помнил битву в горах и ее исход и вполне представлял себе, где оказался.

Он лежал на бархатном диване. На нем была та же одежда, что и накануне. Но руки и ноги и отягощали цепи, которых даже он не мог разорвать. Комната, в которой он находился, была убрана с мрачной роскошью: на стенах красовались черные бархатные шпалеры, на полу — толстые фиолетовые ковры. Ни окон, ни дверей не было заметно. Лампа резного золота, подвешенная к высокому потолку, неживым светом заливала чертог.

В этом свете фигура человека, сидевшего против Конана в серебряном кресле, похожем на трон, казалась не вполне реальной; прозрачная шелковая на-

кидка придавала ей некую расплывчатость очертаний, но бородатое лицо вырисовывалось ясно и четко, что тоже казалось неестественным в мертвом сиянии лампы. Казалось, странный нимб играл вокруг головы человека, заставляя рельефно выделяться черты, делая их единственной реальностью в таинственном, призрачном покое.

И лицо это было великолепно — точеное, классически прекрасное. Впрочем, в его безмятежном спокойствии угадывалось нечто тревожащее: некий намек на сверхчеловеческие познания и такую же сверхчеловеческую уверенность в себе. И пугающее чувство узнавания шевельнулось в глубине сознания Конана. Нет, он хорошо знал, что никогда прежде не видел этого человека. Тем не менее его черты кого-то — или что-то — напоминали. Похоже было, как если бы Конан наяву повстречал видение из своих худших кошмаров...

— Кто ты? — с угрюмым вызовом спросил король и попытался сесть, несмотря на вес кандалов.

— Люди зовут меня Ксальтотун, — был ответ. Сильный, звучный голос звенел, как золотой колокол.

— И где это мы? — поинтересовался киммериец.

— В одном из чертогов дворца короля Тараска, в Бельверусе.

Конан не удивился; Бельверус, столица Немедии, был и самым крупным среди городов, лежавших близ границы.

— А где Тараск?

— С войском.

— Что ж, — проворчал Конан, — если собрался меня убивать, давай.

— Я не для того спас тебя от королевских стрелков, чтобы прикончить здесь, в Бельверусе, — сказал Ксальтотун.

— Что ты там сделал со мной? — спросил Конан.

— Лишил тебя сознания, — прозвучало в ответ. — Каким образом — этого ты все равно не поймешь. Можешь, если хочешь, назвать это черной магией.

Конан и сам пришел к такому же выводу и раздумывал уже совсем над другим.

— Кажется, я понимаю, зачем ты меня пощадил, — сказал он. — Амальрик, видно, собрался страшать мной Валерия — в том случае, если произойдет невозможное и этот молодчик станет-таки королем Аквилонии. Все хорошо знают, что за попыткой посадить Валерия на мой трон стоит барон Торский! Насколько я знаю, Амальрика, он предназначает Валерию роль пешки, не больше. Так же, как сегодня, — Тараску!

— Амальрик о твоём пленении и не подозревает, — ответил Ксальтотун. — Как и Валерий. Оба уверены, что ты погиб и битве при Валкии.

Глаза Конана сузились, он пристально посмотрел на своего собеседника.

— Я чувствовал за всем этим чью-то мощную волю, — пробормотал он, — но думал, что это воля Амальрика. Однако, похоже, Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь марионетки, а нитки дергаешь ты. Кто ты?

— Какая разница? Даже если я расскажу, ты мне вряд ли поверишь. Ответь лучше — что, если бы я предложил снова посадить тебя на аквилонский престол?

Конан смотрел на него, точно волк, угодивший в клетку.

— Назови цену!

— Повиновение мне.

— Ну и катись в Преисподнюю со своим предложением! — зарычал Конан. — Я тебе пешкой не буду! Я добыл свою корону мечом! А кроме того, не в твоей власти покупать или продавать трон Аквилонии. Королевство еще не завоевано — одна битва не решает исхода войны!

— Ты забыл, что тебе противостоят не только воины с их жалким оружием, — ответил Ксальтотун. — Или меч смертного поразил тебя в твоём собственном шатре еще до начала сражения? О нет: то было

порождение мрака, скиталец, явившийся из внешних пространств по моему слову. Его пальцы пылали вечным морозом межзвездных черных Пустот. Это-то холод оледенил твою кровь и лишил мышцы силы. Холод, обжегший твоё тело, подобно железу, раскаленному добела! Или, может, ты скажешь, что человек, надевший твои доспехи, по чистой случайности повел рыцарей в ту теснину? Случайность, благодаря которой на них обрушились скалы?..

Конан молча смотрел ни него, и по спине гулял холодок. Мифология его варварского племени изобиловала легендами о чародеях и колдунах. К тому же, глядя на Ксальтотуна, любой дурак мог сказать, что это человек не обычный. Он явственно ощущал нечто неизъяснимое, отличавшее его от всех остальных, — некую ауру чужого Времени и Пространства, некое веяние зловещей, немислимой древности. И все-таки упрямый дух Конана отказывался признать поражение.

— Обвал мог быть и случайностью, — процедил он сквозь зубы. — А в ущелье — так это каждый бы на его месте предпринял!

— Вовсе нет. Ты, например, ни за что не сунулся бы туда — ты бы сразу заподозрил ловушку. Для начала, кстати, ты и через реку бы не пошел, не убедившись, что немедийцы действительно разгромлены. И потом, даже в безумии битвы гипнотическое внушение не могло бы внедриться в твоё сознание и заставить слепо ринуться в расставленную западню, как поступил тот простак, выраженный тобою.

Конан никак не мог распрощаться с сомнениями:

— Но если все было подстроено, чтобы разгромить мое войско, почему же твой межзвездный скиталец не прикончил меня прямо в шатре?

— Потому что я желал заполучить тебя живым. Я и без волшебства мог предсказать, что Паллантид велит другому надеть твои латы. Ты был нужен мне живым и не искалеченным, ибо ты можешь приго-

диться для осуществления моих планов. В тебе есть жизненная сила, которая стоит больше, чем все искусство и вся хитрость тех, кто считает себя моими союзниками. Ты — упорный враг, из тебя может получиться отменный вассал.

Услышав это, Конан плюнул, но Ксальтотун, не обращая внимания на его ярость, взял со стола хрустальный шар и поместил перед ним. Он ни на что не положил его и не стал никак укреплять. Тем не менее шар повис в воздухе, словно уложенный на подставку. При виде этого чуда Конан лишь фыркнул, хотя, по правде сказать, некоторое впечатление оно на него произвело.

— Хочешь посмотреть, что делается в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан не ответил, но то, как он замер, напрягшись всем телом, выдавало его отчаянное желание узнать.

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валкии, — вглядываясь в туманную глубину шара, заговорил Ксальтотун. — Основная часть немедийского войска заночевала у реки, и лишь рыцарские отряды продолжали громить отступавших аквилонцев. На рассвете армия свернула лагерь и двинулась через горы на запад. Просперо, который всю ночь гнал свои десять тысяч пуантенцев быстрым маршем, надеясь поспеть к началу сражения, был еще за много миль оттуда, когда ему начали попадаться бегущие. Не в силах собрать остатки разбитого войска, он отступал к Тарантии. Он примчался туда после отчаянной скачки, заменяя измученных коней отобранными у крестьян. Я вижу его рыцарей — усталых, в покрытых пылью доспехах, с обреченно повисшими плюмажами; из последних сил понукают они лошадей, пересекая равнину... Вижу я и улицы Тарантии. В городе неспокойно: каким-то образом сюда уже дошел слух о поражении и гибели короля Конана. Чернь сходит с ума от ужаса. «Король погиб! — повторяет она со слезами. — Кто теперь поведет нас на

немедийцев?...» Исполинские тени надвигаются на Аквилонию с востока, небо ее черно от стервятников...

Конан замысловато выругался.

— Пустые слова! Любой уличный оборванец мог бы напророчить не хуже! Если ты хочешь сказать, что разглядел все это в стекляшке, так ты не только негодяй — в чем, кстати, я и не сомневался, — но еще и лжец, каких мало. Просперо соберет баронов и удержит Тарантию. Страной же в мое отсутствие правит Троцерио, граф Пуантенский, уж он-то заставит немедийских собак с воем разбежаться по конурам! Что такое эти несчастные пятьдесят тысяч вашего войска? Да Аквилония проглотит их и не подавится! Не видать им не то что Тарантии, даже и Бельверуса! При Валкии была разбита не Аквилония, а всего только Конан!

— Аквилония, — невозмутимо ответил Ксальтотун, — обречена. Копье, секира и огонь заставят ее покориться. А не заставят — что ж, я призову против нее из тьмы веков иные силы. Точно так же, как рухнули скалы над Валкией, обрушатся по моему слову стены городов, а понадобится — и сами горы. Реки выйдут из берегов и затопят целые провинции. Так что лучше бы сталь и тегива сделали свое дело без дальнейшей помощи моего искусства, ибо могучие заклятия способны стронуть силы, грозящие поколебать равновесие Вселенной!

— Из какой бездны ты выполз, пес тьмы?... — проворчал Конан, не сводя с него глаз. Невольная дрожь потрясла могучего киммерийца: он чувствовал перед собой нечто неправдоподобно древнее и исполненное столь же неправдоподобного зла...

Тут Ксальтотун приподнял голову, словно прислушиваясь к шепоту, долетавшему из-за края мира. Казалось, он позабыл о пленнике. Затем он нетерпеливо тряхнул головой и рассеянно глянул на Конана.

— Что?... Я уже говорил, ты все равно не пове-ришь, даже если я тебе расскажу... Однако разговор

с тобой меня утомил. Увы, легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь мои мысли в слова, доступные пониманию безмозглого варвара...

— Будь мои руки свободны, — заметил Конан, — я бы мигом сделал безмозглый труп из тебя.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Вот потому-то я и не дал тебе такой возможности. — И Ксальтотун хлопнул в ладоши.

Его поведение разительно изменилось: в нем сквозило нетерпение и, пожалуй, даже нервозность. Впрочем, Конан был далек от мысли, что это как-то связано с ним.

— Поразмысли над моими словами, варвар, — сказал Ксальтотун. — Времени у тебя будет в достатке. Я еще не определил твою участь: все зависит от обстоятельств, еще не успевших сложиться. Запомни одно: если я надумаю использовать тебя в своей игре, лучше подчиниться добровольно, чем испытать мой гнев!

Конан тут же послал его весьма и весьма далеко, но в это время занавеси распахнулись, обнаружив спрятанную за ними дверь, и в комнату вошли четыре чернокожих гиганта. На них не было иной одежды, кроме шелковых набедренных повязок, перехваченных поясами; у каждого на поясе висел внушительных размеров ключ.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал неграм на пленного короля, сам же отвернулся, как бы потеряв к нему всяческий интерес. Конан обратил внимание на то, как странно подергивались его пальцы. Из резной нефритовой шкатулки извлек он щепоть блестящего черного порошка и бросил в курильницу, стоявшую на золотом треножнике у его локтя. Хрустальный шар, о котором, похоже, он позабыл, упал на пол, лишившись своей незримой опоры.

Тут негры подняли Конана и понесли его прочь, потому что сам он, опутанный цепями, идти не мог. Но прежде чем затворилась за ними позолоченная тиковая дверь, Конан бросил взгляд назад. Ксальто-

тун, откинувшись и скрестив на груди руки, полулежал в своем кресле, похожем на трон, а над жаровой завивалась тонкая струйка дыма. Конан почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. В Стигии, древнем царстве зла, лежавшем далеко на юге, ему приходилось уже видеть порошок, который воскурил Ксальтотун. Это была пыльца черного лотоса, дающая сон, похожий на смерть и исполненный чудовищных сновидений. Конан знал, что лишь жуткие чародеи Черного Круга, достигшие последних бездн зла, по своей воле ищут кошмаров черного лотоса и даже черпают из них новые силы для своего колдовства...

Для большинства жителей западных стран черный лотос был всего лишь страшной сказкой, но Конанто хорошо знал, до чего он реален. В мрачных подземельях Стигии, под сводами, никогда не знавшими света, все еще творились отвратительные обряды и полночные оргии, посвященные Тьме...

Конан еще раз оглянулся на позолоченную дверь и содрогнулся при мысли о том, что за нею происходило.

Он не мог сказать, какое было время суток — день или ночь. Казалось, дворец короля Тараска был погружен в вечные сумерки, казалось, кто-то не хотел впускать внутрь солнечный свет. И воплощением тьмы и теней, окутавших дворец, был — Конан чувствовал это — чужестранец Ксальтотун.

Негры пронесли Конана по извилистому коридору, столь скупо освещенному, что выглядели они, скорее, четырьмя черными призраками, несущими мертвое тело. Потом была винтовая каменная лестница, бесконечно струившаяся вниз... Факел в руке одного из негров отбрасывал на стены громадные бесформенные тени: ни дать ни взять демоны спускались в Преисподнюю, таща мертвеца.

Лестница привела их в длинный прямой коридор. По одну сторону в сплошной стене там и сям зияли

сводные проходы, за которыми виднелись лестницы, уводящие вверх. По другую сторону через каждые несколько шагов следовали запертые двери, забранные надежными решетками.

Остановившись возле очередной двери, один из негров поднял висевший на поясе ключ и повернул его в замке. Решетчатая дверь отворилась. Негры и узник оказались в небольшой камере: стены, пол и потолок были каменные, а напротив виднелась вторая такая же дверь. Канан понятия не имел, что за ней находилось, но подумал, что вряд ли там был еще один коридор: свет факела уходил меж прутьев неизвестно куда и терялся в беспредельной тьме, чуть слышно откликавшейся эхом.

В одном углу камеры, возле двери, через которую они вошли, с толстого железного кольца, вмурованного в стену, гроздьями свисали ржавые цепи. В цепях болтался скелет человека... Конан невольно задержал на нем взгляд, удивившись тому, что кости в большинстве своем были переломаны, а то и расщеплены. Череп же, отвалившийся от позвоночника, был расплюсчен ударом ужасающей силы...

Один из чернокожих тюремщиков — не тот, что открывал дверь, — своим поясным ключом отомкнул тяжелый замок и флегматично оттащил в сторону и ржавые цепи, и раздробленные кости. Затем они пристегнули кандалы Конана к освободившемуся кольцу, и третий негр своим ключом — тоже третьим по счету — попробовал замок дальней двери и удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что она была как следует заперта. Какое-то время они молча смотрели на Конана — черные великаны с узкими глазами и лоснящейся кожей, блестящей в факельном свете.

Затем тот, что носил на поясе ключ от ближней двери, гортанно произнес:

— Вот каков теперь твой дворец, белый король-собака! Никто не знает, где ты, только наш хозяин и мы. Весь дворец спит, а мы не болтливы. Ты будешь

жить здесь, а может, здесь и умрешь. Как он! — Негр презрительно пнул расколотый череп, который со стуком покатился по каменному полу.

Конан не снизошел до ответа, и тюремщик, наверное, уязвленный молчанием узника, пробормотал ругательство, нагнулся — и плюнул в лицо королю. Но это было ошибкой. Конан сидел на полу: цепи, охватившие его тело, запястья и лодыжки, были примкнуты к кольцу, он не мог ни встать, ни выдвинуться от стены более чем на длину руки. Но в ручных кандалах была изрядная слабина; Конан незаметно собрал всю цепь в ладонь — и, прежде чем негр успел выпрямиться, обрушил ее на заостренное темя противника. Чернокожий свалился, точно зарезанный бык. Его товарищи разинули рты: кожа на голове была рассечена, из носа и ушей потекла кровь.

— Ну? — поигрывая окровавленной цепью, зарычал Конан. — Кто еще?..

Приблизиться тюремщики не отважились. Бормоча что-то на своем гортанном наречии, они подняли оглушенного собрата и вынесли наружу, точно мешок. Они заперли дверь ключом, который так и не сняли с золотой цепочки, прикрепленной к ремню. Унесли они и факел, и, когда они удалялись по коридору, темнота, точно живое существо, кралась следом за ними. И вот наконец стих шорох шагов, скрылись последние отблески факела. Тьма и тишина безраздельно завладели подвалом...

Глава пятая УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал неподвижно, перенося тяжесть цепей и безнадежность своего положения со всем стоицизмом истинного сына диких киммерийских просторов. Он не шевелился, потому что звяканье цепей, сопровождавшее каждое движение, казалось непростительно громким в мертвой тишине подземелья. Между тем инстинкт варвара, наследие бесчисленных поколений, предостерегал: не можешь как следует за себя постоять — притаись. Логические рассуждения были здесь ни при чем. Конан лежал тихо вовсе не потому, что подозревал во тьме присутствие неведомых и грозных существ, способных его обнаружить. Ксальтотун заверил его, что никакого ущерба ему не нанесут, и он полагал, что тот в самом деле не был заинтересован в его гибели — во всяком случае, пока. Но инстинкт дикаря, тот же самый, что еще ребенком заставил Конана лежать неподвижно и молча, пока дикие звери рыскали кругом его убежища, — этот инстинкт не дремал и теперь.

Даже острое зрение Конана не могло пронизать густую тьму. И все-таки по прошествии некоторого времени — хотя сколько именно времени минуло, он ни при чем не смог бы сказать, — он различил едва заметное сияние, нечто вроде косого луча серого света.

Этот луч позволил ему смутно увидеть прутья входной двери у своего лица, а затем даже и контуры дальней решетки. Сперва это озадачило его, но потом он понял, в чем дело. Конан знал, что находится глубоко под землей, в катакомбах под королевским дворцом.

Тем не менее кому-то понадобилось устроить колодец наверх таким образом, что в него иногда заглядывала поднывавшая луна. Конан сразу подумал о том, что сможет, вероятно, следить с его помощью за сменой ночи и дня, отсчитывая время. Возможно даже, днем через отверстия будет проникать солнечный свет... если только колодец не закроют там, наверху, с наступлением дня. Чем не изощренная попытка — время от времени позволять узнику видеть лунный или солнечный свет?..

Конан снова обратил взгляд на осколки костей, смутно белевшие в противоположном углу. Он не стал предаваться болезненным раздумьям о том, кем мог быть при жизни этот несчастный и за что ему выпала подобная участь. Его внимание привлекло состояние костей. Он видел, что переломаны они были не на дыбе. И еще одна весьма неаппетитная деталь открылась внимательному взгляду: берцовые кости были расколоты вдоль. Объяснение этому могло быть только одно — кто-то расщепил их, чтобы полакомиться костным мозгом. Но кто, кроме человека, добывает мозг из костей?.. Уж не говорили ли эти немые останки о жуткой трапезе какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до людоедства?.. «Может, кто-нибудь однажды будет так же разглядывать и мои кости, висящие в ржавых цепях...» — подумал Конан, с неммым усилием подавляя приступ слепого животного ужаса.

Киммериец не сыпал проклятиями, не плакал и не бушевал, как, вероятно, поступили бы на его месте многие цивилизованные люди. Однако его боль и душевное смятение были нисколько не меньше оттого, что прорывались они наружу лишь дрожью, вре-

менами сотрясавшей его могучее тело. Где-то там, далеко на западе, немедийское войско огнем и мечом прокладывало себе путь к сердцу его королевства. Маленький отряд пуантенцев не сможет их остановить — Просперо в Тарантии продержится несколько недель, в лучшем случае месяцев; но если не придет помощь, то сыграет свою роль численный перевес немедийцев. Без сомнения, бароны поспешат на выручку Просперо, объединяясь против захватчиков... Но он-то, Конан, обречен беспомощно лежать в темном каземате, пока другие ведут его воинов на врага и отвоевывают королевство!

В бессильном бешенстве король заскрипел зубами... и тотчас замер, расслышав со стороны дальней двери крадущиеся шаги. Напрягая зрение, он кое-как различил неясную фигуру, скрючившуюся по ту сторону решетки. Скрежетнул металл по металлу, потом раздался щелчок, как если бы ключ повернулся в замке, и фигура растаяла во мраке, скрывшись из глаз. «Какой-нибудь стражник приходил проверить замок», — рассудил Конан. Спустя некоторое время откуда-то издали послышался такой же металлический щелчок, а следом — звук открывающейся двери и быстрый, пугливый топот ног, обитых в мягкие башмаки.

И вновь неподвижная тишина установилась в подвале...

Конан продолжал напряженно прислушиваться: ему казалось, минуло довольно долгое время, но он сам знал что обманывается: луна все еще светила сквозь невидимый колодец. Ни звука! В конце концов он переменял положение тела. Громко лязгнули цепи... и почти сразу по ближнему коридору, через который его втащили в камеру, просеменили легкие шаги. Еще миг — и в сером полусвете обозначился хрупкий, тоненький силуэт.

— Король Конан! — позвал дрожащий девичий голос. — Государь мой, ты здесь?..

— А где ж мне еще быть,— ответил он сдержанно и вывернул шею, пытаясь получше разглядеть незнакомку.

Это в самом деле была девушка, и она стояла совсем рядом с ним, обхватив пальчиками прутья решетки. Особый свет луны обрисовывал ее изящное тело, перехваченное в бедрах клочком шелковой ткани, и смутно играл на украшенных самоцветами пластинах, прикрывавших грудь. Большие испуганные глаза мерцали во мраке, нежное тело, казалось, слегка светилось, точно алебастровое. Длинные волосы ниспадали темной волной; они роскошно блестели даже в полумраке колодца.

— Вот ключи от твоих оков и от дальней двери! — прошептала она, и белая узенькая рука просунулась сквозь решетку, чтобы действительно уронить три предмета, звякнувшие подле Конана об пол.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он угрюмо. — Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Что еще за дьявольщину выдумал твой хозяин? Послал тебя поиздеваться надо мной?..

— Я не издеваюсь, господин мой! — Девушка чуть не плакала и дрожала так, что браслеты и нагрудные пластины звенели о прутья решетки, которые она сжимала обеими руками. — Клянусь Митрой, я украла ключи у чернокожих тюремщиков! Они — хранители подземелий, и каждый имеет при себе ключ лишь от одного вида замков. Я напоила их... всех, кроме одного, того, которому ты разбил голову, — его унесли к лекарю, и его ключ достать я не смогла. Но остальные — здесь, у тебя! Молю, не медли!... За этими темницами таится страшное подземелье — там, во тьме, врата Преисподней!

Если она притворялась, то притворялась здорово. Все же Конан попробовал ключи с немалым сомнением, ожидая лишь неудачи и издевательского смеха девчонки. Однако, к его радостному изумлению, один из ключей вправду отомкнул его цепи, подойдя не

только к замку у кольца, но и к тем, что запирали кандалы на руках и на ногах. Мгновение — и он поднялся во весь рост, охваченный яростным восторгом пусть относительной, но свободы. Быстрый шаг к двери — и его пальцы охватили железный прут вместе с тоненьким девичьим запястьем. Она, впрочем, и не пыталась вырваться и убежать. Подняв голову, она прямо и смело взглянула в его свирепые глаза.

— Кто ты, девочка? — спросил он требовательно. — Почему ты взялась мне помогать?

— Я всего лишь Зенобия, — прошептала она, и дыхание у нее перехватило, словно от страха. — Всего лишь рабыня, купленная в сераль короля...

— И все-таки, — настаивал Конан, — не вижу, с какой бы стати тебе отдавать мне ключи... если только это не какой-нибудь подвох!

Она опустила темноволосую голову, но потом вновь вскинула ее и вновь прямо встретила подозрительный взгляд киммерийца. Слезы алмазными звездами мерцали на пушистых ресницах.

— Я всего лишь рабыня, купленная в сераль короля, — повторила она, и Конан различил в ее голосе гордость, боровшуюся с унижением. — Но король ни разу даже не посмотрел на меня и, может быть, никогда не посмотрит. Я — ничтожнее псов, что гложут кости в его пиршественном зале. Но я — не раскрашенная игрушка! Я дышу, ненавижу, боюсь, радуюсь... и люблю. И я полюбила тебя, король Конан, с того самого дня, когда ты навещал короля Нуму несколько лет назад. Я видела, как во главе своих рыцарей ты проезжал по улицам Бельверуса, и сердце мое рвалось из груди, мечтая упасть в дорожную пыль, под копыта твоего коня...

Жаркая краска залила ее щеки при этих словах, но она не отвела глаз. Конан помедлил с ответом... в глубине души он так и остался необузданным дикарем, и все же мужчина должен быть уже совершенным скотом, чтобы не испытать невольного трепета и

смущения, когда женщина раскрывает перед ним свою душу.

Тут Зенобия склонила голову, и нежные губы прикоснулись к его пальцам, стиснувшем ее запястье. Но ужас их положения тотчас же с новой силой отразился в широко раскрытых темных глазах.

— Поспеш! — отчаянно прошептала она. — Уже минула полночь! Беги, государь!

— А с тебя не сдерут шкуру за то, что ты утащила ключи?

— Они никогда не дознаются. Даже если утром негры припомнят, кто дал им вино, они нипочем не посмеют сознаться, что напились и потеряли ключи. Я только не смогла заполучить тот, что отпер бы эту дверь... Ты должен проложить себе путь к свободе через те подземелья, мой государь! Какие ужасы таятся там во мраке, я не решаюсь даже гадать. Знаю только, что участь твоя будет еще страшнее, если ты останешься здесь. Ибо король Тараск возвратился...

— Что? Тараск?

— Да, причем возвратился тайно. Некоторое время назад он спустился сюда, в подземелье, а когда вышел обратно, весь дрожал и был смертельно бледен, как человек, страшно испытывающий судьбу. Я слышала, как он шепнул Аридею, своему оруженосцу, что, несмотря на запрет Ксальтотуна, ты все-таки умрешь...

— А что Ксальтотун? — пробормотал Конан. И почувствовал, как она содрогнулась.

— Не говори о нем! — был едва слышный ответ. — Демоны часто являются туда, где произносят их имена... Рабы говорят, он лежит в своем чертоге, за крепко запертой дверью и внимает сновидениям черного лотоса. Мне кажется, даже Тараск втайне боится его, не то бы он расправился с тобою открыто. Но он спускался в подземелья нынешней ночью... и одному Митре известно, что он там делал!

— Уж не Тараск ли возился под дверью... — задумался Конан.

— Вот кинжал! — Зенобия протянула что-то сквозь решетку, и его пальцы жадно сомкнулись на знакомом предмете. — Когда выйдешь в ту дверь, — продолжала сна, — поворачивай налево и иди вдоль камер, пока не доберешься до каменной лестницы. Не удаляйся от камер, если тебе дорога жизнь! Отвори дверь наверху лестницы — один из ключей должен подойти. Я буду ждать тебя за ней... и да не оставит нас Митра!..

И с этими словами она растворилась во тьме, лишь шелковые туфельки прошуршали по каменным плитам.

* * *

Конан пожал плечами и повернулся к дальней решетке. Мысль о возможности коварно подстроенной Тараском ловушки по-прежнему не покидала его. Что ж, очертя голову броситься в западню? А хотя бы и так! Это все же лучше, чем сидеть на цепи, беспомощно дожидаясь неведомой участи. Конан осмотрел кинжал, врученный ему Зенобией, и мрачная улыбка тронула его губы. Что бы там ни представляла собою девчонка, оружие в руке киммерийца свидетельствовало о ее практичном уме. Это не был какой-нибудь изящный стилетик, выбранный ради дорогих камней в рукояти и золотой крестовины и годный разве что для изящного убийства в дамском будуаре. В ладони Конана было настоящее оружие воина, с коротким обоюдоострым пятнадцатидюймовым лезвием, плавно сбегавшим к острию алмазного закала и остроты.

Удовлетворенное ворчание вырвалось у Конана. Ощущение рукояти в руке подбодрило его, уверенность теплом разбегалась по жилам. Какие бы паутины заговоров ни сплелись вокруг, какими бы сетями измены и коварства ни пытались опутать его, — эта сталь была настоящей. Мощные мускулы на правом плече короля вздулись, предвкушая убийственные удары...

Держа наготове ключи, он тронул дальнюю дверь и обнаружил, что она была открыта. В то же время он помнил, как запирал ее негр. Стало быть, та скрюченная, крадущаяся тень не была тюремщиком, вздумавшим еще раз проверить запоры. Наоборот — тот человек отпер дверь! Все это поневоле наводило на нехорошие мысли, — но Конан задумываться не стал. Без колебаний распахнул он решетку и, покинув темницу, ступил во тьму. Как он и думал, помещение по ту сторону не было коридором. Каменные плиты пола уходили неизвестно куда, теряясь во мраке, ряд камер тянулся налево и направо, но каковы были размеры подземелья, в которое он угодил, ни малейшего понятия Конан не имел. Ни потолка, ни другой стены не было видно. Лунный свет просачивался лишь сквозь решетчатые двери камер, темнота была почти абсолютной. Кто-нибудь менее зоркий, нежели киммериец, вряд ли различил бы мутно-серые пятна на полу перед дверьми...

Повернув налево, он со всей возможной быстротой скользнул вдоль решеток. Босые ноги короля беззвучно ступали по каменному полу. Проходя мимо, он бросал короткий взгляд в каждую камеру. Все были пусты, заперты. Несколько раз взгляд Конана ловил отблеск нагих белых костей. Камеры эти были наследием более мрачной эпохи, когда Бельверус был скорее крепостью, а не городом. Однако и в нынешние времена камеры явно использовались куда чаще, чем думали люди...

Когда впереди замаячили очертания лестницы, круто ушедшей вверх, Конан понял, что добрался до цели. И в тот же миг ощущение близкой опасности заставило его обернуться назад и низко пригнуться, прячась в непроглядной тени у подножия ступеней.

Где-то там, позади него, во мраке двигалось нечто — нечто громадное, но осторожное, и мягкие лапы его не были человеческими ступнями. Конан скользнул глазами вдоль длинного ряда камер, перед каж-

дой из которых лежал на полу сероватый прямоугольник даже не то чтобы света — просто менее густой тьмы... и увидел, как что-то не спеша приближалось к нему, пересекая эти прямоугольники. Что это было, Конан не взялся бы сказать. Громадное, тяжелое, оно тем не менее передвигалось с ловкостью и быстротой, до которых далеко было человеку. Неясный силуэт его то возникал на фоне пятен серого света, то пропадал в черноте промежутков. И веяло жутью от этой крадущейся поступи...

Конан слышал, как скрипели прутья решеток, когда неведомая тварь одну за другой пробовала их отворить. Наконец она достигла камеры, которую он только что покинул, — и эта дверь, единственная из всех, распахнулась. Мелькнула темным пятном и снова скрылась огромная туша: существо вошло в камеру. Лоб и ладони Конана взмокли от пота. Теперь он знал, зачем подкрадывался к его двери Тараск и почему удрал так поспешно. Король отомкнул дверь его камеры, а потом, где-то в дьявольской глубине подземелий, выпустил из клетки чудовище...

И вот оно покинуло бывшую Конанову темницу и заспешило дальше вдоль ряда дверей, опустив уродливую морду к самому полу. Оно больше не дергало запертые решетки. Оно шло по свежему следу.

Теперь Конан видел его лучше. Серый свет обрисовывал гигантское тело, напоминавшее человеческое, только неизмеримо массивней и толще. Ссутулившись, тварь ковыляла на задних ногах, и косматый густой мех ее отливал серебром. Длинные руки, вернее сказать, передние лапы свисали почти до земли, а морда были жуткой пародией на человеческое лицо.

Конан наконец узнал этот ужас подземелий и понял, что означали раздробленные, расщепленные кости. Перед ним была серая обезьяна-людоед из тех, что водятся в горных лесах восточного побережья моря Вилайет. Страшные эти обезьяны, великаны животного мира, убийцы, таящиеся в ночных джунглях,

вызвали к жизни жуткие легенды о гоблинах, которыми хайборийцы пугали детей...

Конан видел, что обезьяна его учуяла. Теперь она быстро шла, почти бежала вперед: бочкообразное тело покачивалось на коротких кривых могучих ногах. Конан еще раз покосился на лестницу. Тварь догонит его прежде, чем он успеет добежать до двери там, далеко наверху. Больше Конан не думал о бегстве. Он встретит чудовище здесь — лицом к лицу.

Он шагнул вперед, становясь в ближайший промежуток лунного света: он знал, что тварь видела в темноте гораздо лучше него, и пытался обеспечить себе хоть какое-то преимущество. Обезьяна тут же заметила его и ощерила желтые клыки, но не издала ни звука. Серые чудовища с моря Вилайет, порождения ночной тишины, были безгласны. Но на его морде, на этом извращенном подобии человеческих черт, отразился людоедский восторг.

Конан стоял наготове, бестрепетно наблюдая за приближением страшилища. Он знал, что жизнь или смерть его будет зависеть от одного-единственного удара. У него не хватит времени ни на то, чтобы ударить еще, ни даже на то, чтобы отскочить. Если он хотел выжить в неравной схватке, его первый удар должен был сразить обезьяну, и сразить наповал. Он смерил взглядом короткую толстую шею, сытое волосатое брюхо и могучую грудь, напоминавшую два сдвинутых вместе щита. Нет, бить надо в сердце. Уж лучше пойти на риск и надеяться, что клинок не соскользнет, ударившись о прочное ребро зверя, чем удар в какое-нибудь другое, не столь жизненно важное место..

Прекрасно понимая неравенство сил, Конан готовился противопоставить верный глаз и силу послушных разуму мышц тупой животной мощи и ярости косматого людоеда. Итак, грудь на грудь... смертельный удар... и будем надеяться, что крепкое тело сумеет выдержать чудовищные объятия, избежать которых не удастся уже наверняка.

Когда обезьяна ринулась к нему, широко распахивая страшные лапы, Конан нырнул под них и нанес удар с силой, удесятеренной отчаянием. Он почувствовал, как его клинок до рукояти ушел в мохнатую грудь, и немедленно, разжав пальцы, пригнул голову, сворачиваясь в один комок напряженных мышц. Упираясь коленом в брюхо зверя, он еще попытался перехватить лапы чудовища, не дать им сомкнуться и переломать ему кости...

На какой-то безумный миг Конану показалось, будто землетрясение выворачивает ему суставы, раздирая тело на части... и вдруг все кончилось, и он лежал лицом вниз, невредимый, а под ним, закатив красные глаза, содрогалась в последней муке страшная обезьяна. В ее груди торчала рукоять кинжала: удар достиг цели.

Конан и сам дрожал всем телом, тяжело дыша, будто после долгого боя. Ему казалось, у него была вывихнута половина костей, из глубоких резаных царапин, оставленных когтями чудовища, бежала кровь. Измятые мускулы и сухожилия немилосердно болели. Проживи обезьяна секундой дольше, она точно разорвала бы его. Но жизненная сила в который раз помогла Конану выстоять в испытании, немислимом для обычного человека. Ибо даже предсмертных конвульсий издыхающей обезьяны вполне хватило бы, чтобы оторвать кому угодно другому и руки, и ноги.

Глава шестая

УДАР КИНЖАЛА

Нагнувшись, Конан выдернул кинжал из груди обезьяны и быстро зашагал вверх по ступеням. Он понятия не имел о том, какие еще ужасы могли таиться во тьме, и выяснять не собирался. Даже ему, гиганту киммерийцу, вовсе не улыбалась еще одна подобная схватка. К тому же и свет, проникавший в невидимые колодцы, постепенно меркнул, сгущалась непроглядная тьма. Одним словом, что-то подозрительно близкое к паническому ужасу все быстрее гнало Конана по лестнице. Он вздохнул с большим облегчением, когда кончились ступени и пришло время пустить в ход третий ключ. Приоткрыв дверь, Конан осторожно выглянул наружу, ожидая, что на него тут же бросится человек — а может, и зверь.

Но перед ним был пустой, скупо освещенный каменный коридор. И — все та же точеная девичья фигурка, которую он впервые увидел сквозь прутья решетки.

— Государь мой! — В тихом, дрожащем голосе мешались радость и страх. Девушка подбежала было к королю, но тут же в смятении отпрянула: — Ты весь в крови!.. Ты ранен!..

Он нетерпеливо отмахнулся:

— Ерунда, эти царапины не повредили бы и ребенка... Впрочем, твоя зубочистка неплохо мне по-

служила, так что спасибо. Если б не она, Тарасков питомец сейчас хрустел бы моими косточками, разыскивая мозг... Ну, так что, теперь-то куда?

— Пойдем, — прошептала Зенобия. — Я выведу тебя за городскую стену, там у меня припрятана лошадь.

И она повернулась идти, но тяжелая рука Конана легла на ее обнаженное плечо.

— Иди-ка лучше рядом, — приказал он вполголоса, придерживая ее за талию. — Покамест у меня нет причины сомневаться в тебе, но, видишь ли, я дожил до этого дня в основном потому, что никогда особо не доверял ни мужчинам, ни женщинам. В общем, вздумашь шутить — учти: смеяться над шуткой тебе уже не придется.

Она не испугалась ни окровавленного кинжала, ни прикосновения его мускулистой руки.

— Убей меня безо всякой жалости, если я тебя предаю, — сказала она. — Объятие твоей руки, даже угрожающее, — это ли не исполнение мечты?

Сводчатый коридор вывел их к двери. Зенобия отворила ее. За дверью лежал еще один чернокожий — здоровяк в тюрбане и шелковой набедренной повязке. На каменном полу возле его ладони валялся кривой меч. Чернокожий не двигался.

— Я дала ему вино, одобренное дурманом, — обходя лежащего, шепнула Зенобия. — Это последний, внешний страж подземелий. Никто еще не убегал отсюда и тем более не стремился проникнуть извне, потому-то и ведают подземельями лишь эти четверо негров. И только они — из всех слуг дворца — знали, что король Конан был привезен на колеснице Ксальтотуна как пленник. А еще о том знала я, ибо я бессонно следила из окошечка в башне за всем, что делалось во дворе, пока другие девушки спали... Я слышала, что на западе происходит — или уже произошла — битва. Я страшилась за тебя... Я видела, как негры несли тебя во дворец, и узнала твое лицо

при факельном свете. Дождавшись вечера, я проскользнула в это крыло дворца, и вовремя — тебя тащили в подземелье. А перед тем ты целый день пролежал в покоях Ксальтотуна, опоенный или околдованный. Я не смела спуститься за тобой до темноты... Но поспешим, государь, ибо сегодня во дворце происходит нечто воистину странное! Рабы говорят — Ксальтотун спит, воскурив пыльцу стигийского лотоса: он часто делает это. Однако вернулся Тараск — вернулся безвестно, через потайную дверь, и плащ короля был покрыт пылью дальней дороги. С ним был только его оруженосец — молчаливый тощий Аридей. Я не очень поняла, что к чему, но мне стало страшно!..

Поднявшись вместе с Конаном по узкой винтовой лестнице, Зенобия открыла неприметную дверцу, и они вышли. Девушка тщательно притворила дверцу, вновь сделав ее неотличимой частью богато разукрашенной стены. Этот коридор был просторнее прежних, пол его устилали ковры, по стенам красовались шпалеры, а масляные лампы, подвешенные к потолку, распространяли золотое сияние. Конан напряженно прислушивался, но во всем дворце господствовала ничем не нарушаемая тишина. Конан не знал, в какой части дворца они находились и в каком направлении помещался чертог Ксальтотуна. Дрожа всем телом, Зенобия повела его по коридору и остановилась перед стеной нишей, укрытой атласной занавесью. Отдернув ее, она жестом пригласила Конана вступить в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! Там, дальше, днем и ночью нередко спуют евнухи и рабы. Я схожу посмотрю, нет ли кого...

Конан мгновенно ошетинился:

— Хочешь в ловушку меня завести?

Темные глаза наполнились слезами. Упав на колени, Зенобия схватила его руку.

— О мой король, не сомневайся во мне! — В дрожащем голосе была настойчивость, вызванная отчая-

нием. — Если ты промедлишь, мы оба погибнем! И неужели я выведу бы тебя из подземелий только затем, чтобы предать?..

— Ладно, — буркнул он, — придется поверить... хотя Кром видит, как нелегко расстаться с многолетней привычкой! И потом... знаешь, я тебя пальцем не трону, хоть ты все немедийское войско сюда приведи. Если б не ты, Тарасков людоед нашел бы меня безоружным и закованным в цепи... Поступай, девочка, как знаешь!

Поцеловав его руку, она легко вскочила на ноги и убежала по мягким коврам коридора, чтобы скрыться за прочными двойными дверьми.

* * *

Конан проводил ее взглядом, гадая, чем обернется для него такая доверчивость. Потом передернул могучими плечами и плотнее сдвинул атласные занавеси. Его не особенно удивило, что юная красавица рада была рискнуть жизнью ради него; такое случалось с ним не однажды. Многие женщины дарили ему свою благосклонность и во дни его страстей, и позже, когда он стал королем...

Не в его натуре было сидеть неподвижно, дожидаясь возвращения девчонки. Чисто инстинктивно он решил обследовать нишу — нет ли другого выхода. И выход нашелся. За шпалерами обнаружилась узкая щель, которая привела Конана к резной двери, едва видимой в луче тусклого света, проникавшего из коридора. Покуда Конан ее разглядывал, за нею хлопнула еще какая-то дверь, потом донесся приглушенный гул голосов. Один из этих голосов был Конану определенно знаком, и на загорелом лице короля появилось зловещее выражение. Не раздумывая, скользнул он в узкий проход и затаился у двери, точно пантера, подкарауливающая добычу. Дверь оказалась не заперта. Действуя умело и очень осторожно, Конан чуть-чуть ее приоткрыл. С той стороны тоже висели

плотные занавеси, но сквозь щель меж бархатных штор можно было заглянуть в комнату, освещенную пламенем единственной свечи, горевшей на эбеновом столике. В комнате находились двое. Один — покрытый шрамами, злодейского вида оборванец в кожаных штанах и выдавшем виды плаще. Вторым был Тараск, король Немедийский.

Тараску было явно не по себе. Он был бледен и беспрестанно оглядывался, как будто страхась услышать какой-нибудь звук или приближающиеся шаги.

— Отправляйся тотчас же и не мешкай в пути, — говорил Тараск. — Он глубоко погружен в дурманные видения, но откуда знать, когда его угораздит проснуться.

— Вот уж не ждал я услышать из уст Тараска слова, исполненные страха, — пробурчал его собеседник. Голос у него был низкий и грубый.

Король нахмурился.

— Ты прекрасно знаешь, что обычных людей я не боюсь. Но когда я увидел, как при Валкии рушились скалы, я убедился: мы воскресили не какого-то шарлатана, а сущего дьявола. И я боюсь его силы, потому что не знаю, сколь далеко она простирается. Я понял только одно: она как-то связана с этой проклятой штуковиной, которую я у него выкрал. Она вернула его к жизни, и, видно, на ней-то и зиждется все его колдовство. Недаром он так надежно спрятал ее! Но я дал одному из рабов тайный наказ следить за чародеем, и раб подсмотрел, как он клал эту вещь в золотую шкатулку и убирал шкатулку в тайник. Но я ни за что не осмелился бы похитить ее, если бы Ксальтотун не заснул сном черного лотоса... Итак, эта вещь — основание его могущества. С ее помощью Ораст вернул его к жизни. А он, опять же с ее помощью, сделает нас всех своими рабами, если мы не убережемся. Так что возьми-ка ее и выброси в море, как я велел. Только смотри сделай это подальше от

берегов, чтобы шторм или прилив не вынесли ее снова на сушу. И помни, что я тебе хорошо заплатил.

— Это верно, — ответствовал негодай. — Сказать по правде, король, не в одном золоте дело: за мной долг благодарности. Даже воры умеют быть благодарными.

— Когда бросишь эту штуку в море, — сказал Тараск, — можешь больше не считать себя моим должником, в чем бы ни заключался твой долг.

— Я поеду в Загару и в Кордюве сяду на корабль, — пообещал вор. — Я не смею показаться в Аргосе из-за убийства одного тамошнего...

— Мне все равно, так что договорились, — перебил король. — Вот, возьми. Конь ждет тебя во дворе. Ступай же — и поторопись!

Что-то перешло из рук в руки — что-то, больше всего похожее на частицу живого огня. Конан лишь мельком успел заметить его... Вор надвинул на глаза широкополую шляпу, завернулся в плащ и поспешно вышел из комнаты.

Дверь едва успела закрыться за ним, когда ярость и жажда отмщения взметнули Конана в стремительном, смертоносном прыжке. Он сдерживался, пока мог, но всему есть предел. От близости заклятого врага кровь варвара заклокотала в жилах, начисто смыв всякую осторожность. Тараск уже направился ко внутренней двери, но Конан, разметаив занавески, кровожадной пантерой ринулся в комнату. Тараск обернулся, но кинжал Конана вонзился в него еще прежде, чем он успел разглядеть, кто же напал.

Однако смертельного удара не получилось, Конан понял это тотчас. Его ступня угодила в складки портьеры и подвела его. В прыжке клинок вошел Тараску в плечо и пропахал по ребрам. Король Немедии отчаянно закричал. Страшный удар и тяжесть обрушившегося тела швырнули Тараска прямо на столик, тот опрокинулся, и свечка погасла. Оба противника рухнули на пол и запутались в портьерах. Конан вслепую наносил удар за ударом и никак не мог попасть в Тараска, кото-

рый вопил во все горло от боли и ужаса. Страх придав немедийскому королю сверхчеловеческие силы — вырвавшись, он убежал в темноту с криком:

— Спасите!.. Стража!.. Аридей, ко мне! Ораст! Ораст!

Конан поднялся, отшвырнув занавесь. И, ругаясь на чем свет стоит, пинком отбросил обломки стола. Что может быть горше неудавшейся мести! Вопли Тараска еще слышались в отдалении; во дворце начался переполох. Немедиец удрал в темноте, и Конан не мог сообразить, в какую сторону он скрылся, а главное, куда следовало теперь бежать ему самому. Плана дворца Конан не знал. Необдуманная месть сорвалась: оставалось попробовать спасти свою шкуру — если получится...

Понося последними словами постигшую его неудачу, Конан тем же проходом вернулся в свою нишу, и сейчас же к нему подбежала Зенобия.

— Что случилось? — вскрикнула девушка. Ее глаза были круглыми от ужаса. — Дворец так и гудит! Но, клянусь, я не предавала тебя! Я...

— Нет, это я разворошил осиное гнездо, — проворчал он. — Хотел тут сквитаться с одним, да не получилось. Как бы поскорее выйти наружу?

Она схватила его за руку и во всю прыть помчалась по коридору. Но добежать до двери они не успели: та уже сотрясалась от ударов — в нее ломились с другой стороны. Зенобия, всхлипнув, заломила руки:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я заперла эту дверь... через нее ведет путь к тайному ходу... Сейчас они ворвутся сюда!

Конан оглянулся: с другого конца коридора слышались невнятные крики, и, еще не видя врагов, киммериец понял, что опасность была не только впереди, но и за спиной.

— Сюда! Скорее сюда! — Девушка пересекла коридор и распахнула перед ними дверь какой-то комнаты. Конан последовал за нею и вдвинул в ушки золоченый засов. Он стоял в прихотливо убранном

покое, где, кроме них двоих, не было никого. Зенобия тянула его за руку, увлекая к окошку. Сквозь позолоченную решетку виднелись кусты и деревья.

— Ты сильный, — задыхаясь, вымолвила Зенобия. — Ты еще можешь спастись, если сломаешь решетку в саду полно стражи, но кусты там густые, ты спрячешься. Южная стена сада — это и городская стена. Переберись через нее, и ты на свободе. Там, возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса тебя ждет конь, спрятанный в чащобе. Ты знаешь, как добраться туда?

— Знаю, но что будет с тобой? Я думал забрать тебя отсюда...

Радость озарила ее лицо, сделав его еще краше.

— О Боги, чаша счастья моего переполнена... Но я не задержу твоего бегства. Если я обремению тебя, ты погибнешь! Не страшись за меня, они никогда не заподозрят, что я помогала тебе по собственной воле. Спешь же! Слова, которые я только что слышала, долгие годы будут наполнять светом всю мою жизнь...

Он вдруг схватил ее в железные объятия, с силой прижал к себе тоненькое затрепетавшее тело и принялся неистово целовать ее глаза, щеки, шею и губы. Зенобия едва не лишилась сознания от его жадных ласк и от счастья, грозившего разорвать сердце,

— Я уйду, — зарычал Конан. — Но, во имя Крома, когда-нибудь я вернусь за тобой!

Обхватив ладонями золоченные прутья, он одним яростным усилием выдернул их из гнезд. Перекинул ногу через подоконник и быстро спустился вниз, цепляясь за лепные украшения стены. Спрыгнул наземь — и тотчас растворился, как тень, в сплошной гуще высоких розовых кустов и раскидистых деревьев. Оглянувшись через плечо, он еще раз увидел Зенобию. Стоя у окна, она протягивала руки в немом жесте прощания и самоотречения...

Стража — рослые воины в начищенных кирасах и полированных бронзовых шлемах — мчалась ко двор-

цу, откуда все громче доносились суматошные крики и топот. Броня и оружие стражников поблескивали в свете звезд, шаги были слышны издалека. Конану, выросшему в диких лесах, эти вояки казались стадом быков, бестолково ломившимся сквозь кусты. Кое-кто из них, не подозревая того, пробежал в считанных футах от киммерийца, распластавшегося в тени зарослей. Они бежали ко дворцу и ничего не замечали вокруг. Когда они промчались с криками мимо, Конан поднялся и заскользил через сад в другую сторону, двигаясь бесшумно, точно охотящаяся пантера.

Быстро добрался он до южной стены и взбежал по ступенькам к самому парапету: стена была неприступна снаружи, но отнюдь не изнутри. Никаких часовых не было видно. Перед тем как проскользнуть между зубами, Конан обернулся в последний раз и окинул взглядом громадный дворец, вздымавшийся над вершинами кипарисов. Свет горел в каждом окне; туда-сюда носились тени людей, напоминавшие Конану кукол, которых дергают за незримые нити. Ощерившись, Конан на прощание погрозил дворцу кулаком и, выбравшись на ту сторону, повис на руках.

Невысокое дерево, росшее в нескольких шагах от стены, приняло его тело. Беззвучно свалившись на его ветви, мгновением позже он уже мчался сквозь ночь размашистым шагом горца, что неутомимо пожирает долгие мили.

Стены Бельверуса были окружены парками и загородными виллами состоятельных жителей. Ленивые рабы, спавшие в обнимку с копьями, не замечали стремительной тени, которая перемахивала ограды, скользила по аллеям под сомкнутыми кронами деревьев, неслышно пересекала виноградники и фруктовые сады. Одни лишь сторожевые псы просыпались полаять на эту легкую тень, которую они наполовину чувляли, наполовину угадывали во тьме, — и замолкали, когда она исчезала.

Во дворцовом покое король Тараск стонал и сыпал проклятиями, корчась на испятнанном кровью диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. За дверью, трепеща, толпились перепуганные слуги, но в комнате, где лежал король, кроме него самого и расстриги жреца, не было никого.

— Так ты уверен, что он еще спит?... — снова спросил Тараск, скрипя зубами: травяные снадобья, которыми Ораст умащивал глубокую и длинную рану на его плече и боку, причиняли невыносимую боль. — Иштар, Митра и Сет!.. Жжет, словно кипящая смола Преисподней...

— ...в которой ты, без сомнения, уже сейчас бы варился, если бы тебе повезло хоть чуточку меньше, — невозмутимо заметил Ораст. — Кем бы ни был владелец ножа, он бил насмерть. Да, Ксальтотун по-прежнему спит. Я тебе говорил и могу повторить. Но почему это так тебя беспокоит? Он-то здесь при чем?

— Что тебе известно о том, что произошло нынче ночью здесь, во дворце? — Тараск не сводил с лица Ораста пристального, горящего взгляда.

— Ничего, — был ответ. — Как ты знаешь, вот несколько месяцев я занимаюсь тем, что перевожу рукописи для Ксальтотуна — перевожу тома эзотерического знания с современных языков на древние, чтобы он мог их прочесть. Он прекрасно владел всеми языками и видами письменности, существовавшими в его эпоху, однако новые, появившиеся с тех пор, изучить еще не успел. Вот он для быстроты дела и велел мне перевести для него кое-какие труды: он хочет выяснить, что нового появилось в магии за три тысячи лет. Даже о его возвращении прошлой ночью я узнал лишь тогда, когда он послал за мной и рассказал о сражении... после чего я вернулся к своим занятиям и не покидал кельи, пока во дворце не начался переполох! Я не знал даже о том, что ты вернулся...

— И о том, что Ксальтотун привез во дворец пленного короля Аквилонии, тоже не знал?

Ораст покачал головой, но, похоже, не особенно удивился.

— Ксальтотун сказал только, что Конан больше не будет нам мешать. Я предположил, что он пал, но о подробностях не расспрашивал.

— Я собирался прикончить его, — зарычал Тараск, — но Ксальтотун спас ему жизнь. Я сразу понял зачем! Он собирался держать Конана в плену живым и пугать им нас всех — Амальрика, Валерия и меня! Покуда Конан жив — он опасен. Он способен объединить Аквилонию. А значит, с его помощью нас можно принудить вести такую политику, на которую мы бы в ином случае никогда не согласились. Ох, не доверяю я этому воскресшему пифонцу! И скажу тебе больше — последнее время он попросту внушает мне страх!... Когда после битвы он отправился на восток, я выждал несколько часов, а потом последовал за ним. Я хотел выяснить, что он собирается делать с Конаном. Я узнал, что он заточил его в подземелье. Я решил пойти против воли Ксальтотуна и умертвить варвара. И я его...

Осторожный стук в дверь прервал речь короля.

— Это Аридей, — пробормотал Тараск. — Впусти его.

Дверь отворилась — вошел угрюмый оруженосец. Глаза его блестели от сдерживаемого волнения.

— Ну что, Аридей? — воскликнул Тараск. — Поймал ли ты того, кто на меня напал?

— Успел ли ты разглядеть его, государь? — спросил Аридей, словно бы желая еще раз подтвердить некое уже известное ему обстоятельство. — Ты не узнал его?

— Нет. Все произошло очень быстро, и потом, свеча сразу погасла — я уж решил, что это Ксальтотун своей магией напустил на меня какого-то демона...

— Пифонец спит, заперевшись на все замки и засовы... Дело в том, что я спускался в подземелье — И Аридей нервно передернул тощими плечами.

— Говори же! — нетерпеливо потребовал Тараск. — Что ты там увидел?

— Пустую камеру, — прошептал оруженосец. — Идохлую обезьяну!

— Что?! — Тараск вскинулся на диване. Кровь снова хлынула из открывшейся раны.

— Да, государь, — повторил Аридей. — Людоед мертв — кто-то пырнул его точно в сердце. А Конан — сбежал!

Лицо Тараска посерело. Безвольно подчинился он Орасту, который уложил его обратно на диван и занялся раной.

— Конан! — твердил король. — Там должен был валяться его растерзанный труп. А вместо этого он... он сбежал! Это не человек, а сам дьявол! Я-то думал, что за нападением на меня стоит Ксальтотун... Но теперь я знаю, кто это был! Боги и дьяволы! Это Конан пырнул меня!.. Аридей!

— Да, мой король!

— Осмотри каждый уголок во дворце. Быть может, он рыщет по темным коридорам, подобно голодному тигру! Загляни в каждую нишу... только будь осторожен. Помни, что ты охотишься не за цивилизованным человеком, но за кровожадным варваром, свирепым и сильным, точно дикий зверь! Обыщи хорошенько дворцовый парк, нет, весь город! Вели поставить оцепление у стен! Если окажется, что он уже скрылся из города — а это вполне возможно, — возьми отряд конников, и за ним! Ты должен выследить его, как выслеживают волка в холмах! Поспешь, и тебе еще удастся его схватить!.. — В этом деле нам пригодился бы сверхчеловеческий разум, — сказал Ораст. — Не посоветоваться ли с Ксальтотуном?

— Нет! — порывисто воскликнул Тараск. — Пусть воины догонят Конана и расправятся с ним. Ксальтотун не сможет ничего возразить, если мы убьем сбежавшего пленника!

— Что ж,— сказал Ораст,— я, конечно, не чета ахеронцу, но тоже владею кое-каким искусством и повелеваю некоторыми духами, заключенными в материальную оболочку. Я постараюсь помочь.

* * *

Фонтан Траллоса находился примерно в миле от городских стен, недалеко от дороги. Дубовая роща окружала его плотным кольцом. Конан издали расслышал мелодичное журчание его струй, переливавшихся в тишине звездной ночи. Утолив жажду его студеной водой, Конан без промедления направился к югу, где виднелись плотные заросли. Обойдя их, он заметил крупного белого коня, привязанного в кустах. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, Конан уже шагнул к коню, когда насмешливый хохот, раздавшийся позади, заставил его стремительно обернуться.

Из непроглядной тени вышел человек, одетый в тускло поблескивавшую кольчугу. Это был на какой-нибудь дворцовый стражник в полированном нагруднике и шлеме со страусовым плюмажем. Перед Конаном стоял высокий, крепкий мужчина в боевом шлеме и серой кольчуге. Он принадлежал к особому классу странствующих воинов, которых можно было встретить лишь в Немедии. Их ряды пополнялись теми, кто не сумел обрести рыцарское достоинство и соответствующий достаток либо утратил его; это были закаленные воины, посвятившие жизнь войне и поиску приключений. Между ними существовали свои отношения, иногда они возглавляли войска, но сами не признавали над собой никого, кроме короля.

На более опасного врага напороться было мудрено.

Быстрый взгляд, брошенный вокруг, убедил Конана, что его противник был один. Конан вздохнул полной грудью, подбираясь всем телом в ожидании схватки.

— Я ехал в Бельверус по поручению Амальрика,— осторожно приближаясь, говорил тем временем воин.

Звездный свет играл на огромном двуручном мече, который он держал перед собой, вынув из ножен.— Слышу, конь мой перекликается с чьим-то чужим, спрятым в чаще. Дай, думаю, посмотрю, кому бы это понадобилось оставить в таком месте лошадь. Решил подождать — и, вижу, не прогадал!

Эти люди зарабатывали себе на жизнь мечами.

— Я узнал тебя,— пробормотал немедиец.— Ты Конан, король Аквилонии. Я думал, что ты погиб при Валкии под обвалом, но теперь ви...

Договорить не пришлось: Конан прыгнул вперед, как раненый тигр. Немедиец был опытным воином, но не учел быстроты, на которую в решительный миг способен был варвар. Конан застал его врасплох; тот не успел ни рубануть тяжелым мечом, ни отразить стремительного удара. Кинжал короля вошел ему в горло, над шейным вырезом кольчуги, и, скользнув вниз, остановил сердце. Издав булькающий звук, воин запнулся и рухнул. Он еще не успел упасть, когда Конан безжалостно выдернул кинжал. Белый конь громко фыркнул, шарахаясь от запаха крови, от вида окровавленного клинка.

Покрытый потом, со страшным кинжалом в руке, Конан замер, как статуя, вслушиваясь в голоса ночи. В лесу было тихо, если не считать сонного чириканья разбуженных птиц. Но потом со стороны города, далеко-далеко, резко прокричала труба.

Конан склонился над убитым и быстро обыскал его. Если этот человек и вез какое-то сообщение, оно, вероятнее всего, было устным.

Король не стал медлить — до рассвета оставалось всего несколько часов. Очень скоро белый конь мчался галопом по дороге на запад, а всадник его был одет в серую кольчугу странствующего воина-немедийца.

Глава седьмая

ЗАВЕСА РАЗДВИНУЛАСЬ

Конан знал: если он хотел спастись, нужно было уходить, и уходить быстро. У него не возникло и мысли о том, чтобы спрятаться где-нибудь вблизи Бельверуса и отсидеться, пропустив погоню мимо себя. Он был уверен, что сверхъестественный союзник Тараска без труда его выследит. Отсиживаться и выжидать было не в его натуре: открытая схватка, открытая погоня — это подходило ему куда больше. Он знал, что отрыв для начала был неплохой. И уж он погоняет их, пробираясь к границе.

Зенобия подобрала ему замечательного коня: белый жеребец был крепок, силен и отменно вынослив. Девчонка неплохо разбиралась в конях, оружии и, не без самодовольства сказал себе Конан, в мужчинах. Он скакал на запад, оставляя позади милю за милей.

Спящая страна расстилалась вокруг. Конан видел деревни, укрытые зеленью рощиц, и окруженные белыми стенами виллы, раскинувшиеся среди фруктовых садов и просторных полей. Чем дальше на запад, тем меньше их становилось. Местность постепенно делалась все суровой и пересеченней, со скалистых высот хмурились крепости, без слов говорившие о столетиях пограничной войны. Но никто не окликал с их стен одинокого всадника, никто не выезжал наперерез. Хозяева замков были в походе под знаме-

нем Амальрика, и вымпелы, реявшие обычно над башнями, развеивались теперь над равнинами Аквилонии.

Когда осталась за спиной последняя деревушка, дорога свернула на северо-запад, к далеким перевалам, и Конан оставил ее. Дорога привела бы его к пограничным башням, где все еще стояли вооруженные гарнизоны, и уж там-то его нипочем не пропустили бы без расспроса. К тому же с рассветом, по всей вероятности, там появятся обозы с ранеными и кавалькады возвращающихся солдат. Зато вдаль от дорог и застав пограничные пустоши вряд ли так кишели разездами, как в обычное время...

Бельверусский большак был единственной дорогой через границу на добрых пятьдесят миль с севера на юг. Дорога вилась между холмами, а слева и справа раскинулись дикие, малонаселенные горы. Конан по-прежнему ехал только на запад, намереваясь пересечь границу в самом сердце глухих гор, несколько южнее перевалов. Короткий путь был намного трудней, но вместе с тем и безопасней для преследуемого беглеца. Армия застряла бы здесь, одинокий же человек на коне надеялся проскользнуть.

К рассвету, однако, Конану не удалось достичь гор, синевших у горизонта. Он заехал в такие места, где не было ни ферм, ни деревень, ни вилл, мерцающих белизной сквозь зелень садов. Утренний ветер колебал высокую жесткую траву, высохшую на корню. В отдалении, на невысоком холме, виднелась сторожевая крепость. Аквилонцы нередко тревожили степное приграничье набегами, оттого-то поселения были здесь не так часты, как дальше к востоку. Казалось, рассвет поджег степь. В небе над головой Конана с заунывным криком пролетел на юг запоздалый косяк диких гусей. Спустившись в болотистую низину, Конан спешил и расседлал коня. В течение нескольких часов он гнал его немилосердно; скакун тяжело поднимал бока, белая шерсть потемнела от

пота. Конан дал ему от души повалиться и попасться, сам же взмог на невысокий подъем и залег там, глядя на восток. Там, вдалеке, виднелась дорога, белой ленточкой протянувшаяся к склону холма. На ней не было заметно никакого движения. Конан присмотрелся к сторожевому замку. Похоже, и там на одинокого путника не обратили внимания.

Минул час, все было тихо по-прежнему. Конан не замечал вокруг никаких признаков жизни. Лишь однажды между зубцами крепостных бастioned на солнце блеснула сталь. Да еще ворон безостановочно кружился над степью, то снижаясь, то снова взмывая, — ни дать ни взять что-то высматривал. Конан оседлал коня и вновь поскакал на запад, уже без той спешки, что прежде.

Но едва он выехал из ложбины, как над головой раздалось злорадное карканье. Конан вскинул голову: там, высоко в небе, трепетали черные крылья. Конан поехал дальше, и ворон последовал за ним, держась над его головой и поганя ясное утро хриплым, назойливым криком. Отогнать его Конану не удалось.

Так продолжалось несколько часов; в конце концов Конан дошел до последней степени раздражения и готов был отдать полкоролевства только за то, чтобы свернуть эту мерзкую черную шею.

— Дьяволы Преисподней!.. — взревел он в бессильной ярости, грозя наглому созданию закованным в сталь кулаком. — Ты что, взялся с ума меня свести своим карканьем? Прочь, черное отродье погибели! Лети лучше поищи пшеницы в крестьянских полях!

Его конь тем временем уже взбирался в предгорья; Конан неприятно удивился, когда на вопли ворона сзади как будто откликнулось эхо. Обернувшись, он увидел вторую.. ю черную точку, повисшую в синеве. А еще дальше послеполюденное солнце играло на полированной стали. Это могло означать лишь одно — воинов. И скакали они большаку — тот давно уже скрылся за горизонтом. Они преследовали беглеца.

Мрачней, вновь посмотрел он на кружившуюся над ним птицу, и по спине пробежал озноб.

— Так, значит, это не просто прихоть безмозглой твари, — пробормотал он. — Всадники не могут тебя разглядеть, адское ты создание, но та другая птица видит тебя, а они видят ее. Она следует за тобой и ведет их. Кто ты на самом деле? Отлично обученное пернатое создание или демон в облике птицы? Уж не Ксальтотун ли пустил тебя по моему следу? Или ты сам — Ксальтотун?...

В ответ раздался зловеющий, пронзительный крик, только теперь Конану слышался в нем отзвук злобой насмешки.

Он не стал больше тратить силы на перебранку проклятым предателем. Мрачно стиснув зубы, он больше не позволял ему себя отвлекать. Скачка по холмам, лежавшим впереди, обещала быть долгой и трудной. Конан не решался особенно понукать коня, не успевшего толком передохнуть возле болотца. Преследователи были еще далеко, но он знал, что его нынешнее преимущество скоро сойдет на нет. Они ведь почти наверняка сменили коней в замке, мимо которого он проезжал.

Дорога делалась все трудней. Круглые травянистые холмы сменились крутыми, заросшими густым лесом горными склонами. Конан, скорее всего, ушел бы здесь от погони... если бы не чертова птичка, продолжавшая кружиться над ним и непрерывно вопить.

Петляя меж скал, Конан потерял из виду преследователей, но знал, что они по-прежнему шли по пятам, безошибочно ведомые своими крылатыми союзниками. Черная тень над головой все больше казалась Конану демоном, посланным гнаться за ним по всем кругам Преисподней. Камни, которые он с проклятиями швырял вверх, пролетали мимо или падали вниз, не причинив твари вреда. А ведь в юности ему случалось сбивать ястребов на лету!

Конь быстро выбился из сил, и Конан понял, что положение его сделалось безнадежным. Более того, он ощущал за всем этим неумолимую руку судьбы. Спасения не было. Он и теперь оставался таким же пленником, каким был в бельверусских подвалах. Однако Конан не был сыном Востока, готовым безропотно склониться перед неизбежным. Может, он и не сумеет бежать, но, по крайней мере, прихватит с собой в Вечность некоторое количество врагов... Конан присмотрел на горном склоне густые пушистые лиственницы и направился к ним, собираясь принять здесь свой последний бой.

И в это время впереди послышался крик — человеческий, но очень странного тембра. Конан раздвинул зеленые ветви и сразу увидел кричавшую. Там, внизу, на неширокой поляне, четверо солдат в немедийских кольчугах надевали петлю на шею худой древней старухе в крестьянской одежде. На земле валялась охапка сухих веток, перехваченная веревкой. Должно быть, женщина собирала хворост, когда попала в руки солдат.

Негодяи уже подтаскивали старуху к дереву, сучьям которого, раскинутым невысоко над землей, по всей видимости, предназначалась роль виселицы. От этого зрелища в сердце Конана медленно закипела смертоносная ярость. Около часа назад он пересек границу и теперь стоял на своей земле, и что же? На его глазах собирались расправиться с одним из его подданных!

Между тем бабка отбивалась отчаянно, проявляя неожиданную силу. Конан увидел, как она подняла голову — снова раздался тот же удивительный и жутковатый, далеко слышный зов. Ворон, мелькавший между вершинами деревьев, насмешливо передразнил ее крик. Солдаты захохотали, один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул с усталого жеребца и съехал вниз по каменной круче. Его кольчуга лязгнула, когда он приземлился на траву, и все четверо оглянулись ра-

зом, выхватывая мечи. У них так и отвисли челюсти при виде гиганта в кольчуге, стоявшего перед ними с обнаженным клинком в могучей руке.

Конан хрипло расхохотался.

— Подонки! — сказал он, и голос его был спокоен и беспощаден. — Стало быть, немедийские шакалы нынче заделались палачами и вешают моих подданных по своему усмотрению? Нет уж, сперва снимите голову их королю. Я здесь, благородные господа, и я к вашим услугам!

И он шагнул вперед. Солдаты смотрели на него, не вполне понимая, что происходит.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал в бороду один из негодяев. — Кольчуга на нем немедийская, а говорит с аквилонским акцентом.

— Какая разница? — отозвался другой. — Прикончим его, а потом вздернем старую ведьму.

Сказав так, он побежал навстречу Конану, замахиваясь на ходу. Но ударить не успел: просвистел громадный меч короля, раскроив и шлем, и череп под шлемом. Немедиец упал, но остальные оказались закаленными рубаками. Рыча, точно волки, обступили они великана в серой кольчуге, и скоро крики сражающихся и звон стали заглушили даже неумолчное карканье ворона, кружившеговерху.

Конан бился молча. Его губы кривила безжалостная улыбка, глаза превратились в два синих огня; двуручный меч крушил и сверкал, устремляясь то влево, то вправо. При всей своей богатырской стати Конан был ловок, как кот, и двигался с таким проворством, что удары, сыпавшиеся с трех сторон, чаще всего рассекали лишь воздух. Когда же он рубил сам, удары были страшны и смертоносны. Вот и еще двое свалились в траву и испустили дух, а четвертый получил не менее полдюжины ран и пятился, спотыкаясь и едва поспевая отмахиваться мечом.

И в это время шпора Конана запуталась в накидке одного из убитых. Конан запнулся... и прежде чем

он успел вновь обрести равновесие, немедиец, подхлестнутый отчаянием, атаковал его так, что Конан не удержался на ногах. Немедиец издал хриплый крик торжества и прыгнул вперед, двумя руками занося меч и пошире расставляя ноги для решительного удара... И тут что-то большое и мохнатое перелетело через поверженного короля и молнией обрушилось солдату на грудь. Крик торжества сменился предсмертным воплем — и стих.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник был мертв. Он лежал на земле с разорванным горлом, а над ним стоял громадный серый волк и, опустив голову, обнюхивал кровь, лужей растекавшуюся в траве.

Король обернулся, услышав голос старухи. Он обратил внимание, что она была высокого роста и держалась прямо. И хотя наряд ее был беден, точеные, орлиные черты лица и пронизывающий взгляд черных глаз говорили о том, что перед Конаном стояла не простая крестьянка. Вот она позвала волка, и громадный зверь подбежал, точно послушный пес, и ласково потерся мускулистым плечом о колено старухи, глядя на Конана умными зелеными глазами. Старуха рассеянно опустила руку на мощную шею зверя; оба стояли неподвижно, глядя на короля Аквилонии. И хотя смотрели они совсем не враждебно, Конану под их взглядами стало несколько не по себе.

— Люди говорят, король Конан погиб, задавленный землей и камнями, когда рухнули скалы при Валкии, — низким, звучным голосом проговорила старуха.

— Говорят, — буркнул он в ответ. Спорить ему не хотелось, он думал о конных латниках, нагонявших его с каждым мгновением. Ворон снова пронзительно закричал, и Конан невольно глянул вверх, раздраженно скрипнув зубами.

Выше по склону, над скалами, устало свесив голову, стоял белый конь. Старуха внимательно посмотре-

ла на него, потом на ворона. и вновь прозвучал таинственный крик вроде тех, что Конан слышал уже дважды. Как бы узнав этот клич и испугавшись его, ворон вдруг замолчал и, развернувшись в воздухе, помчался к востоку. Но далеко улететь не успел. Большая тень накрыла его, откуда-то снялся орел и, быстро набрав высоту, скользнул к черному вестнику. Удар могучих когтей — и мерзкий голос предателя умолк навсегда.

— Кром!.. — проворчал Конан, во все глаза глядя на старуху. — Никак ты тоже волшебница?

— Я — Зелата, — был ответ. — Жители долин называют меня ведьмой. Значит, это отродье ночи вело по твоему следу вооруженных людей?

— Да, — сказал Конан. И отметил про себя, что старуха нисколько не удивилась. — Похоже, они уже недалеко.

— Возьми коня и следуй за мной, король Конан, — коротко велела она.

Конан без пререканий полез на скалу и сошел на поляну обходным путем, ведя коня в поводу. Он видел, как вернувшийся орел лениво спустился с небес и на миг коснулся плеча Зелаты, простирая громадные крылья и словно боясь сокрушить своей тяжестью хрупкие кости старухи.

Зелата молча зашагала вперед, громадный волк бежал у ноги, орел парил над головой. Конан долго шел за ней то непроглядными чащобами, то извилистыми карнизами, нависшими над бездной. Наконец узкая тропа, тянувшаяся вдоль обрыва, привела их к необычному жилищу, затерявшемуся в путанице хребтов и ущелий. Оно было частью сложено из камня и представляло собой наполовину дом, наполовину пещеру. Сверху нависал огромный утес. Орел взлетел на вершину утеса и застыл там на страже, недвижимый, как изваяние.

По-прежнему молча Зелата устроила коня в соседней пещере, пододвинув ему большие охапки травы и

молодых листьев; в глубине пещеры журчал тоненький ручеек.

Проведя короля в домик, она указала ему на деревянную лавку, покрытую шкурами, сама же присела на низенькую скамеечку возле крохотного очага. Развела огонь, подбросила в него тамарисковых поленьев и приготовила немудреный ужин. Волк дремал подле нее, положив на лапы тяжелую голову и обратив морду к огню. Волку что-то снилось: его уши подрагивали и шевелились во сне.

— И не страшно тебе сидеть в доме у ведьмы? — нарушив наконец молчание, спросила старуха.

Конан не ответил, лишь передернул плечами, обтянутыми серой кольчугой. Зелата протянула ему деревянное блюдо, на котором лежали сушеные фрукты, сыр, ячменный хлеб и стоял вместительный горшок хмельного горского пива, что варят из ячменя, выросшего в заоблачных долинах.

— Задумчивая тишина полян и ущелий милей шума и суеты городских улиц, — сказала Зелата. — А дети лесов добрей детей человеческих... — Ее рука легонько погладила жесткую шерсть спящего волка. — Сегодня мои дети были далеко от меня, а не то в твоем мече, мой король, не было бы нужды. Они услышали мой зов и спешили ко мне...

Конан спросил ее:

— Чего от тебя добивались эти немедийские выродки?

— Солдаты сбегают из вторгшейся армии и разбойничают по всей стране, от границ до самой Тарантии, — отвечала она. — Крестьяне, живущие в долинах, наболтали им, будто у меня где-то припрятан золотой клад. Эти глупцы надеялись отвлечь таким образом их внимание от своих погребов и амбаров. Солдаты требовали у меня выдать сокровища; мои ответы привели их в ярость... Но здесь тебя не найдут ни разбойники, ни преследователи, ни даже ворон.

Конан покачал головой, жадно заглатывая пищу:

— Я поеду в Тарантию.

Тут уж настал ее черед качать головой.

— Ты лезешь прямо в пасть дракону, король. Лучше будет, если ты скроешься из страны. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — В прежние времена бывало и так, что война начиналась с поражения, а оканчивалась победой. Один проигранный бой — это еще не потеря королевства!

— Значит, ты хочешь поехать в Тарантию?

— Да. Просперо ее Амальрику не отдаст.

— Ты уверен?

— Дьяволы Преисподней, женщина! — воскликнул он гневно. — А как же иначе?..

Она снова покачала головой:

— Я чувствую, что дело обстоит не так, как тебе кажется. А впрочем, давай посмотрим. Нелегко раздвинуть завесу, и все-таки я постараюсь сделать это и показать тебе столицу.

Конан не разглядел толком, что она метнула в огонь. Однако волк тявкнул во сне, а домик наполнился густыми клубами зеленого дыма. Конану показалось, что стены и потолок начали отступать в бесконечность; так или иначе, дым не давал ничего рассмотреть. Но потом в нем начали появляться и пропадать какие-то образы, постепенно обретая предельную ясность. Конан видел знакомые башни и улицы Тарантии, запруженные кричащей толпой. И в то же время каким-то образом он различал вдали немедийские знамена, неудержимо ползущие к западу, а за ними пожары и пепелища разоренной страны. На главной площади Тарантии бесновался народ. Люди кричали о том, что король пал в бою, что бароны вот-вот начнут делить Аквилонию между собой и что власть короля — даже такого короля, как Валерий, — все же лучше безвластия. Вот к народу выехал в сияющих латах Просперо. Тщетно пытался он успокоить людей, призывая их довериться графу Троцерио и встать на стенах, помогая

его рыцарям удерживать город. Но страх толпы искал выхода в гневе, и слепой гнев этот обратился против Просперо. В рыцарей полетели отбросы и камни, люди обзывали Просперо пуантенским наймитом и врагом хуже Амальрика...

Ясная картина несколько замутилась — это, видимо, означало пропуск некоторого времени, — и глазам Конана предстал Просперо, покидающий Тарантию во главе своих рыцарей. Выезжая из ворот, они поворачивали к югу и давали шпоры коням. Позади них в городе творилось нечто несусветное...

— Дурачьё!.. — хрипло пробормотал Конан. — Дурачьё! Не поверить Просперо!.. Вот что, Зелата, если ты надумала морочить мне голову...

— Я показала тебе то, что было, — ответствовала она сурово и невозмутимо. — Вечером минувшего дня Просперо выехал из Тарантии, выехал почти на глазах у Амальрика. Со стен уже было видно, как горели окрестные села... Так я прочитала в дыму. На закате, не встретив сопротивления, немедийцы вступили в Тарантию. Смотри же! Вот что сейчас происходит в королевском зале Тарантии...

И Конан неожиданно увидел перед собой громадный зал. Валерий, облаченный в горностаевую мантию, стоял на тронном возвышении, Амальрик же, так и не снявший пропыленных, испачканных кровью доспехов, возлагал на его желтые кудри сверкающий золотой обруч — корону Аквилонии! Толпа, ликуя, рукоплескала; молча стояли длинные ряды закованных в сталь немедийских солдат. Вельможи, бывшие при Конане в немилости, прохаживались с развязным и напыщенным видом, и у каждого на рукаве красовался герб Валерия.

— Кром!.. — Конан вскочил с яростным криком, сжимая огромные кулаки. На висках вздулись жилы, судорога исказила лицо. — Чтобы немедиец короновал изменника аквилонской короной!.. В королевском зале Тарантии!..

Как бы развеянный этой бешеной вспышкой, дым поблек и пропал, и Конан встретил взгляд черных глаз Зелаты, поблескивавших в полутьме.

— Ты сам видел — жители твоей столицы оказались недостойны свободы, которую ты завоевал для них потом и кровью. Они сами отдались в руки работорговцам и палачам. Они показали, что не верят в свое предназначение. И на этих-то людей ты хочешь опереться, отвоевывая королевство?

— Они думали, что я мертв, — проворчал он, беря себя в руки. — Сына у меня нет, а люди не склонны хранить верность памяти... Ну и что с того, что немедийцы взяли Тарантию? Еще остались провинции и тамошние бароны... остался народ! Валерий добыл всего лишь мимолетную славу...

— Ты упрям, как и подобает бойцу. Я не властна показать тебе ни будущее, ни все прошлое полностью. На самом деле я вовсе ничего тебе не показываю. Я лишь помогаю тебе увидеть, как неизреченные силы раздвигают завесу. Не хочешь ли поискать в минувшем ключа к тому, что происходит сегодня?

— Хочу! — Конан вновь сел.

И опять за клубился зеленый дым. Снова замескали видения. На сей раз королю оставалось только гадать, какое отношение они имели к происходившему. Он увидел громадные, вздымающиеся черные стены и окутанные тенями пьедесталы, на которых громоздились отвратительные изваяния звероголовых Богов. В тенях двигались люди — жилистые, смуглокожие люди в набедренных повязках из красного шелка. Они уносили в гигантские черные коридоры зеленый нефритовый саркофаг. Но пока киммериец размышлял о смысле увиденного, картина переменялась. Перед Конаном предстала пещера — обитель мрака, логово безымянного ужаса. На алтаре, вытесанном из черного камня, стоял странной формы золотой сосуд, сработанный в виде раковины морского гребешка. Конан видел, как проникли в пещеру люди — такие

же смуглые и жилистые, как те, что несли саркофаг. Они схватили сосуд... и тотчас кругом них закружились тени, — Конан не мог с уверенностью сказать, что там произошло. Он успел только разглядеть в вихре тьмы некое сияние; источник сияния показался ему комком живого огня.

А потом дым стал всего лишь обычным дымом, что поднимался, рдея и становясь прозрачным, с тама-рисковых поленьев.

— Но что означает все это? — спросил Конан недоуменно. — То, что касалось Тарантии, мне понятно. Но при чем здесь заморийские воры, крадущиеся переходами стигийского подземного храма Сета? И эта пещера — сколько ни странствовал я по свету, ни о чем похожем не слышал. Я видел какие-то разрозненные обрывки, которые мало что значат сами по себе. Но раз уж ты смогла мне их показать, почему ты не можешь приоткрыть мне будущее?

Зелата долго молчала, ворошила угли.

— Эти вещи подчинены непреложным законам, — сказала она наконец. — Я не могу тебе объяснить. Я и сама не вполне понимаю — а ведь я бесчисленные годы училась мудрости в тишине горных вершин. Если бы я могла, я бы спасла тебя, но этого мне не дано. У последней черты человек должен сам трудиться во имя своего спасения. Возможно, однако, мне что-нибудь откроется в сновидении, и утром я смогу подсказать тебе ключ к тайне...

— К какой тайне? — спросил Конан.

— К той, что противостоит тебе и уже лишила тебя королевства, — ответила она. Потом расстелила овчину на полу перед очагом. — Спи!

Не сказав ни слова, Конан растянулся на овчине и погрузился в беспокойный, но все же глубокий сон. Чудовищные тени склонялись над ним, молчаливые призраки крались сквозь его сновидения, а потом на фоне пурпурного бессолнечного горизонта предстал силуэт невидимого и великого города. Этого

города не было на дневном лике Земли. Громадные колонны и тонкие минареты, казалось, доставали до звезд. А над ними, точно мираж, плыло бородатое лицо Ксальтотуна.

* * *

Конан открыл глаза в зябких предрассветных сумерках и сразу увидел Зелату, склонившуюся перед крохотным огоньком. Он ни разу не проснулся в течение ночи, хотя шаги выходившего, а затем вернувшегося волка должны были бы его разбудить. Волк сидел у очага. На мохнатой шубе его блестели капли росы — и не только росы. В густом меху запеклась кровь, на плече была рана.

Зелата кивнула, не оборачиваясь: казалось, мысли царственного гостя были ей открыты.

— Он охотился перед рассветом, и кровавой была его добыча, — сказала старуха. — Человек, вздумавший выслеживать короля, никогда уже не будет охотиться, ни на человека, ни на животное.

Конан завороченно смотрел на громадного зверя... Зелата протянула королю плошку с едой.

— Когда я снова сяду на трон, я ни о чем не забуду, — сказал он коротко. — Ты здорово выручила меня... во имя Крома, я уж и не помню, когда это я ложился спать, полностью доверившись гостеприимству мужчины или женщины, как нынешней ночью!.. Но что там насчет загадки, которую ты сулила истолковать мне поутру?

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в огне.

— Разыщи Сердце своего королевства, — наконец проговорила Зелата. — В нем заключено твое поражение — или победа. В этой битве ты сражался не только со смертными. И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!

— Ты имеешь в виду город? Тарантию? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я всего лишь пророчица, чьими устами вещают тебе Боги. И они же налагают на мои уста печать, дабы я не открыла тебе слишком многого. Ты должен искать Сердце своего королевства — это все, что я могу тебе сказать. Боги отверзают мои уста, Боги их и замыкают.

* * *

Рассвет едва серебрил горные пики, когда Конан снова пустился в путь. Оглянувшись через плечо, он увидел Зелату, стоявшую у двери домика. Лицо старухи, как всегда, было непроницаемо, огромный волк сидел у ноги...

Над горами висело серое небо, холодный, стонущий ветер пел о близкой зиме. Побуревшие листья медленно слетали с оголенных ветвей, падая на плечи короля, обтянутые кольчугой.

Весь день ехал он по горам и холмам, держась подалее от деревень и дорог. Незадолго до темноты он начал спускаться в предгорья и наконец увидел широкие равнины Аквилонии, расстилавшиеся впереди.

Здесь, с западной стороны хребта, деревни и фермы примыкали к самому подножию гор, ибо вот уже полстолетия аквилонцы гораздо чаще тревожили набегами немедийцев, чем наоборот. Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож.

Конан медленно ехал вперед в сгущавшейся темноте. Ему не слишком хотелось быть узнанным как недругами, так и друзьями, но опасаться этого не приходилось. Двигаясь на запад, немедийцы в полной мере припомнили соседям старые счеты, и Валерий даже не пытался сдерживать своих союзников. На то, чтобы завоевать любовь простого народа, он и не рассчитывал. Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарниц и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая

черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, а в стороне вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Скорость, с которой здесь двигалось неприятельское войско, свидетельствовала о том, сколь мало было встреченное им сопротивление. И все-таки, если бы сам Конан возглавлял своих аквилонцев, захватчикам пришлось бы жизнью и кровью покупать каждый фут этой земли. «Если бы за мной стояла династия! — с горечью думал король. — Но я всего лишь одинокий искатель приключений, волею судеб вознесенный на трон. Даже та толика королевской крови, которой хвастается Валерий, оказывает больше влияния на умы людей, чем память о Конане, давшем этой стране ее мощь и свободу...»

Отряд, гнавшийся за ним в Немедии, так и не пересек горы. Конан озирался в поисках отбившихся от своих или возвращавшихся немедийских солдат, но не встретил ни одного. Мародеры поспешно убирались с дороги, принимая его в доспехах за одного из завоевателей. Земли к западу от гор изобиловали речками и рошицами — было где спрятаться и отсидеться.

Так он и ехал по разграбленной, разоренной стране, останавливаясь только затем, чтобы дать отдых коню и самому подкрепиться пищей, что собрала ему в дорогу Зелата. И вот наконец однажды утром, сгорнившись на речном берегу, густо заросшем ивами и дубами, он разглядел вдаль, за полями и перелесками, голубые с золотом башни Тарантии. Вымерший край остался позади — здесь жизнь была ключом. Конан был вынужден двигаться медленно и осторожно, прячась в густых лесах и держась нехоженых троп. В поздних сумерках подъехал он к имению Сервия Галанна...

Глава восьмая

УГЛИ ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Местность кругом Тарантии счастливо избежала погрома, который пришлось пережить восточным провинциям. Сломанные заборы, вытоптанные поля, ограбленные амбары — все это было и здесь, но огонь и клинки все же не бушевали так, как в других местах.

Лишь одна угрюмая груда пепла и почерневших камней невольно притягивала взгляд. Конан помнил, что тут когда-то стояла прекрасная вилла одного из его самых убежденных сторонников...

Король не решился в открытую приблизиться к ферме Галанна, лежавшей всего в нескольких милях от города. Долго ехал он в сумерках по обширному лесу, пока между деревьями не показалась сторожка. Спешившись и привязав коня, он подошел к двери домика, намереваясь послать за Сервием сторожа. Откуда знать, какие враги могли засесть в доме? Войск поблизости не было видно, но кто поручится, что они не расквартированы по всем окрестным поместьям?.. Однако, приблизившись, он увидел, как растворилась дверь хозяйского дома, выпустив плотно сбитого человека в облегающих шелковых штанах и расшитом камзоле. Человек свернул на тропинку, уводящую в лес...

— Сервий!

Услышав негромкий оклик, хозяин усадьбы издал испуганное восклицание и обернулся. Его рука метнулась к короткому клинку, висевшему у бедра. Он шарахнулся прочь от высокого, облитого серой сталью силуэта, возникшего перед ним в темноте...

— Кто ты такой? — спросил он. — Кто твой... О Митра!.. — Он ахнул, и бледность расплзлась по румяным щекам. — Изыди! — вырвалось у него. — Зачем ты вернулся из Серых Равнин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен...

— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою верность, — ответствовал Конан. — Да не трясись ты так! Я из плоти и крови!

Взмокший Сервий нерешительно подошел, вглядываясь в лицо одетого в кольчугу гиганта... а потом, убедившись, что перед ним и вправду не дух, упал на колено и сдернул с головы украшенный перьями берет.

— О государи! Это чудо, превосходящее всякую веру!.. Главный колокол цитадели отзвонил по тебе много дней назад... Люди говорят, ты умер при Валкии, задавленный горами земли и камней...

— В моих доспехах был другой, — проворчал Конан. — Но поговорим об этом потом. Если, положим, у тебя на столе найдется кусочек мяса...

— Прости, государи! — вскакивая, воскликнул Сервий. — В твою кольчугу въелась пыль дальней дороги, а я держу тебя здесь и кормлю разговорами. Во имя светлого Митры! Теперь я и в самом деле вижу, что ты живой, но, клянусь, когда я повернулся и увидел в потемках этакое серое привидение, колени мои готовы были подломиться. Встретить вечером в лесу человека, в чьей смерти был убежден, — это ли не страх?..

— Пусть сторож позаботится о моем жеребце, он привязан вон за тем дубом, — попросил Конан, и Сервий, кивнув, увел короля в сторону от тропинки.

Придя в себя после пережитого испуга, вельможа явно занервничал.

— Лучше я приплю слугу из дома, — сказал он. — Сторож сейчас у себя, но можно ли в нынешние времена доверять хотя бы и собственным слугам? Будет лучше, если о твоём возвращении не узнает никто, кроме меня...

Подойдя к большому дому, смутно белевшему за деревьями, Сервий свернул на дорожку, которой пользовались нечасто. Она вилась среди дубов, посаженных вплотную друг к другу, так что переплетенные ветви смыкались над головой, не пропуская слабый свет сгущавшихся сумерек. Сервий шел поспешно и молча, с явным трудом одолевая снедавший его страх. Он провел Конана в дом маленькой боковой дверью, за которой тянулся узкий полутемный коридор. Все так же тихо и быстро они пересекли его и оказались в просторном покое с дубовым потолком и стенами, отделанными породистым деревом. В большом камине пылали целые бревна, ибо осенний воздух дышал ранним морозцем, а на столе из красного дерева аппетитно дымился в каменном противне мясной пирог. Сервий запер тяжелую дверь и погасил свечи, горевшие в серебряном подсвечнике на столе. Теперь комнату освещали лишь блики пламени камина.

— Прости, государь, — принялся извиняться вельможа. — Нынче опасно: повсюду бродят шпионы. Вовсе незачем, чтобы кто-нибудь заглянул в окно и признал тебя. Пирог, однако, прямо из печи: я собирался переговорить со сторожем и, вернувшись, поужинать. Если, государь, ты снизойдешь...

— Света мне хватит, — буркнул Конан, садясь к столу и без особых церемоний вытаскивая кинжал.

Жадно набросился он на ароматный пирог, запивая его вином со знаменитых виноградников Сервия. Казалось, он и думать забыл обо всякой опасности, но Сервий так и ерзал на скамье у огня, нервно переби-

рая пальцами золотую цепь, висевшую на груди. Беспрестанно косился он на фигурные стекла окна, поблескивавшие в свете огня, а то, вслушиваясь, обочивался к двери, как бы ожидая услышать за нею чьи-то шаги... Покончив с едой, Конан поднялся и пересел поближе к огню.

— Я не стану подвергать тебя лишней опасности своим присутствием, Сервий, — сказал он без обиняков. — Рассвет застанет меня далеко от твоих владений.

— Государь!.. — Сервий умоляюще вскинул руки, но Конан лишь отмахнулся.

— Твоя верность и твое мужество мне отлично известны. И то и другое превышает всяких похвал. Но если мой трон захвачен Валерием, укрывать меня для тебя — верная смерть.

— У меня нет сил для открытого неповиновения, — признался Сервий — Жалкие полсотни воинов, которых я мог бы вывести в битву, — что солома на ветру против их войска... Ты видел руины владений Эмилия Скавона?

Конан угрюмо кивнул.

— Ты же знаешь, он был самым могущественным вельможей этой провинции, — продолжал Сервий. — Он наотрез отказался присягнуть на верность Валерию. Немедийцы за это сожгли его в собственном доме. Тогда мы, уцелевшие, поняли бессмысленность сопротивления, тем более что и жители Тарантии не стали сражаться. Мы покорились, и Валерий оставил нам жизнь, хотя и обложил налогом, который наверняка разорит многих. Но что нам оставалось делать, государь? Мы ведь думали — тебя больше нет. Многие бароны погибли, другие томятся в плену. Армия разогнана и разбита, а наследника у тебя нет. Нас некому было возглавить...

— А куда смотрел Троцери, граф Пуантенский? — резко спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Правду сказать, его полководец Просперо встал во главе небольшого войска и принял бой. Отступая перед Амальриком, Просперо безуспешно побуждал жителей встать под свое знамя. Увы, государь, после твоей кончины всем сразу вспомнились прежние свары и междоусобные распри. Вспомнили и о том, как Троцero со своими пуантенцами когда-то прошелся по этим землям не хуже Амальрика — с огнем и мечом. Бароны не пожелали признать главенства Троцero. Какие-то люди — не иначе, шпионы Валерия — кричали на улицах, что граф Пуантенский, дескать, сам подумывает об аквилонской короне. Все разом принялись сводить старые счеты. Если бы у нас был хоть один наследник династии, мы бы немедля короновали его и пошли за ним на немедийцев, но такого человека не нашлось... Бароны, сохранившие тебе верность, нипочем не желали избрать из своей среды короля: каждый мнил себя ничем не хуже соседа, каждый опасался честолюбия остальных. Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка. Если бы у тебя был сын, бароны сплотились бы вокруг престолонаследника. Но вышло так, что их любовь к родине не обрела зримого символа... Что же до купцов и простого народа — они более всего страшились безвластия и опасались, как бы не вернулись прежние дни раздробленности и усобиц, когда каждый барон устанавливал у себя свои собственные законы. Эти люди ратовали за то, что, мол, скверный король все же лучше, чем вообще никакого, — даже Валерий, который худо-бедно в родстве с прежней династией. Потому-то никто и не преградил ему путь, когда он подъехал к городским стенам во главе войска, закованного в стальные латы, и ударил пикой в ворота Тарантии, и алый дракон Немедии реял над его головой... Вообрази, государь: люди тотчас распахнули ворота и бросились перед ним на колени! Они отка-

зались помочь Просперо и не заперлись в городе. Они сказали: Валерий будет лучшим королем, чем Троцero. Они утверждали — и так оно и есть, государь, — что бароны навряд ли подчинятся Троцero, зато Валерия многие из них примут охотно. Они решили переметнуться к Валерию, чтобы таким образом избегнуть и ужасов междоусобной войны, и ярости немедийцев. Просперо уехал на юг с десятью тысячами своих рыцарей, а всего через несколько часов в город вступила немедийская конница. Немедийцы не погнались за Просперо. Они заняли Тарантию и короновали Валерия...

— Стало быть, дым старой ведьмы показывал правду, — пробормотал Конан, и по спине в который раз пошел гулять холодок — А что, уж не Амальрик ли короновал Валерия?

— Да, в большом королевском зале, и говорят, что кровь после резни едва высохла у него на руках.

— И как же процветает народ при его милосердном правлении? — с гневной насмешкой поинтересовался король.

— Валерий живет как завоеватель в покоренной стране, — с горечью ответил Сервий. — При дворе полно немедийцев, из них же составлены дворцовые войска, в цитадели стоит крупный гарнизон немедийских солдат. Воистину, государь, наступил Час Дракона! Немедийцы гуляют по улицам развязной походкой господ. Они бесчестят женщин и ежедневно грабят купцов, а Валерий то ли не хочет, то ли не может их приструнить. Нет, он всего только пешка, он марионетка, а за ниточки дергает кто-то другой. Умные люди с самого начала предвидели, что так оно и случится, а теперь и народ стал понимать, что к чему. Амальрик с сильной армией отправился по внешним провинциям — усмирять непокорных баронов. Увы, единства между баронами как не было, так и нет. Они боятся и ненавидят друг друга больше, чем Амальрика. Вот он и раздавит их поодиночке, одного

за другим. Во многих замках и городах сразу поняли это и сдались без боя. Тем, кто сопротивляется, приходится плохо. Немедийцы рады утолить свою давнюю ненависть. К тому же их ряды постоянно пополняются аквилонцами, которых гонит к ним голод, жадность или нужда. Чего, собственно, и следовало ожидать...

Конан печально кивнул, глядя, как багровые отсветы пламени играют на дубовых панелях, покрытых замысловатой резьбой.

— Итак, в Аквилонии есть король: безвластия, которого все так боялись, удалось счастливо избежать, — помолчав, проговорил Сервий. — Валерий и не думает защищать подданных от своих союзников-немедийцев. Сотни людей, которым не удалось заплатить назначенный выкуп, уже проданы кофийским работорговцам...

Конан резко вскинул голову, синие глаза вспыхнули смертоносным огнем. Подобно железным молотам, сжались его кулаки, он витиевато выругался.

— Да, — сказал Сервий, — белые мужчины и женщины продаются в рабство, как во времена усобиц. Им суждено влачить жизнь рабов и рабынь во дворцах Турана и Шема. Да, Валерий стал королем, однако единения, на которое так надеялся народ, нет и в помине. К тому же Гендерланд на севере и Пуантен на юге еще не покорены, да и на западе держатся некоторые провинции, чьи бароны заручились поддержкой боссонцев. Но эти провинции далеки и серьезной угрозы для Валерия не представляют. Если им сильно повезет, они смогут отстоять свою независимость, но в наступление не перейдут. Здесь, в центре страны, Валерий и его чужеземные рыцари гораздо сильнее...

— Пусть радуется, пока может, — мрачно сказал Конан. — Ему недолго осталось. Народ скоро прослышит, что я жив, и поднимет восстание. Мы отобьем Тарантию еще прежде, чем подоспеет со своими ар-

миями Амальрик. Мы выметем эту пададь из королевства поганой метлой...

Сервий молчал. Тишину нарушало только потрескивание дров.

— Ну? — воскликнул Конан нетерпеливо. — Что сидишь, повесив голову, и смотришь в огонь? Ты не согласен с тем, что я говорю?

Сервий не отважился посмотреть ему прямо в глаза.

— Ты сделаешь все, что под силу смертному человеку, мой государь, — отвечал он. — Я бывал с тобой в битвах и знаю, что перед твоим мечом склоняется любое существо из плоти и крови...

— Что ты этим хочешь сказать?

Сервий поплотнее запахнул подбитый мехом камзол и содрогнулся, хотя у огня было тепло.

— Поговаривают, — прошептал он, — будто причиной твоего падения послужила черная магия...

— Ну и что с того?

— Как что, государь? Разве под силу смертному человеку бороться против магии? Кто этот скрывающий свое лицо чужестранец, с которым Валерий и его приспешники, по словам верных людей, совещаются чуть не каждую ночь? Тот, что появляется и исчезает столь таинственно? До меня дошли слухи, будто это — страшный волшебник, умерший тысячи лет назад и возвратившийся из пучин смерти, дабы свергнуть короля Аквилонии и восстановить на троне династию, наследником которой является Валерий...

— Какая разница? — гневно вырвалось у Конана. — Я ушел из лап демонов, что слоняются по бельверусским подвалам, а потом — от дьявольщины в горах. Если народ поднимется...

Сервий покачал головой:

— Твои вернейшие сподвижники в восточных и центральных провинциях перебиты, бежали или томятся в застенках. Гандерланд на севере и Пуантен

на юге отсюда слишком далеки. Боссонцы отступили в свои западные пределы. Понадобятся долгие недели, чтобы собрать и сосредоточить силы. Прежде чем ополченцы соединятся, Амальрик уничтожит их порознь...

— Но неужели восстание в центральных провинциях не склонит в нашу пользу чашу весов? — воскликнул Конан. — Захватив Тарантию, мы поддержались бы в ней до подхода гандеров и пуантенцев, Амальрик там или не Амальрик!

Сервий помедлил, потом выговорил, понизив голос:

— Ходит слух, что ты не только погиб, но и был проклят. Будто бы человек, чье лицо скрыто, навел чары, которые сгубили тебя и привели войско к разгрому. По тебе отзвонил колокол в цитадели. Люди уверены, что короля Конана больше нет. Но даже если в центральных провинциях прослышат о том, что ты жив, народ не поднимется. Он не посмеет. Чародейство погубило тебя в битве при Валкии, чародейство же и принесло вести в Тарантию, ибо в тот самый вечер на улицах уже кричали о поражении. А потом на улицы вышел немедийский жрец и обратил черные силы против тех, кто еще сохранил тебе верность. Я сам видел это! Вооруженные люди падали, точно мухи, и умирали на мостовой, и невозможно было понять, какая смерть их уносила. А тощий жрец смеялся и приговаривал: »Я — просто Альтаро, ничтожный ученик Ораста, который сам — всего лишь скромный послушник того, чье лицо скрыто. Эта сила — не моя: я — только проводник ее...«

— Ну, так что, — резко произнес Конан, — неужели не лучше с честью погибнуть, чем жить в бесчестии? Неужели смерть хуже, чем угнетение, рабство и каждодневный позор?..

— Страх перед колдовством гонит прочь разум, — отвечал Сервий. — Этот страх в центральных провинциях настолько силен, что люди не восстанут

даже ради тебя. Внешние провинции, надо думать, решатся на битву, но те же чары, что поразили твое войско при Валкии, поразят его вновь. Немедийцы мертвой хваткой держат самые обширные, богатые и населенные области Аквилонии; с теми силами, которые тебе, быть может, удастся собрать, их не освободить. Ты лишь принесешь ненужную жертву, сгубив верных тебе людей. Горько вымолвить, но это так: государь мой Конан, ты — король без королевства...

Конан смотрел в огонь, не торопясь отвечать. Вот рассыпалось, не дав даже искр, насквозь прогоревшее полено. Не так ли рассыпалось прахом и его королевство?

И вновь Конану померещилась за внешним обликом событий некая неосязаемая, но вполне реальная сила. Вновь ощутил он неумолимый ход безжалостной судьбы... отчаяние и ужас загнанного в ловушку... багровую ярость, неистовое желание пустить в ход меч, крушить, убивать...

— Где сановники моего двора? — спросил он наконец.

— Паллантид был тяжело ранен при Валкии и угодил в плен, но семья выкупила его. Сейчас он у себя, в своем замке в Атталусе, заживает раны. Счастье, если он сможет когда-нибудь снова сесть на коня. Канцлер Публий бежал переодетым, никто не знает куда. Совет разогнан: кто в ссылке, кто за решеткой. Многие верные тебе люди преданы смерти. В частности, не далее как нынешней ночью под топором палача умрет юная графиня Альбиона...

Конан вздрогнул, и такая ярость вспыхнула в его синих глазах, что вельможа отшатнулся помимо собственной воли.

— За что? — спросил Конан.

— За то, что не пошла к Валерию в наложницы. Ее земли отобраны, слуги проданы в рабство, и сегодня в полночь в Железной Башне скатится на плаху ее голова. Осмелюсь посоветовать тебе, мой

король,— ибо для меня ты навеки король — беги, покуда тебя не узнали! Время такое, что никому верить нельзя. Всюду кишат согладаты, готовые объявить малейший проступок, любое недовольное слово изменой и подстрекательством к восстанию! Если ты откроешься подданным, государь, тебя непременно схватят и казнят. В твоём распоряжении я сам, люди, которым я доверяю, и быстрые кони. К рассвету мы будем далеко от Тарантии, а там рукой подать до границы. Я не могу помочь тебе вернуть королевство, но по крайней мере буду в изгнании рядом с тобой...

Конан покачал головой. Он молча смотрел в огонь, подперев огромным кулаком подбородок. Пламя бросало красноватые блики на стальные звенья кольчуги, зажигало в глазах волчьих злоецкие огоньки. И Сервий, в невольном беспокойстве взиравший на Конана, с особой остротой ощутил, что его король был существом поистине из иного мира. Могучее, закаленное тело под серой кольчугой не принадлежало цивилизованному человеку, в глазах полыхали огни первобытных стихий. Все, что было в короле варварского, выступило на передний план; у последней черты с него сползла тонкая оболочка внешней цивилизованности, обнажив суть. Конан вновь становился варваром, которым был от рождения. Он действовал не так, как действовал бы в тех же обстоятельствах цивилизованный человек, его мысль летела иными путями, и невозможно было ее предсказать. Поистине один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры воина с киммерийских холмов...

— Я поеду в Пуантен, если получится,— сказал наконец Конан.— Поеду один. Но прежде того мне, как королю Аквилонии, нужно сделать еще одно дело.

— О чем ты, государь? — Предчувствие бросило Сервия в дрожь.

— Сегодня я иду в Тарантию за Альбионкой,— ответил король.— Вышло так, что я не смог защитить

своих подданных... Но если они срубят голову ей, пусть рубят заодно и мою.

— Это безумие!..— Сервий вскочил и поднял руки к горлу, как бы уже ощущая захлестнувшую его петлю.

— В Башню ведут потайные ходы, о которых знают немногие,— сказал Конан.— В любом случае я буду последним дерьмом, если позволю казнить Альбиону за то, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести!

— Мы все погибнем! — обреченно выдохнул Сервий.

— Погибну только я, если потерплю неудачу. Ты и так достаточно рисковал, принимая меня. Я пойду один, и немедленно. А у тебя попрошу вот что: повязку на один глаз, посох и одежду путешественника...

Глава девятая

«ЭТО КОРОЛЬ! ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК!»

Множество народа проходило под аркой громадных ворот Тарантии в часы между закатом и полночью: припозднившиеся странники, чужеземные купцы, ведущие вереницы тяжело груженных мулов, работники с окружающих виноградников и ферм. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях до некоторой степени упрочилась, не было нужды обыскивать всякого, кого постоянная людская река вносила сквозь тяжелые ворота. Строгости военного времени были отменены: на страже стояли полупьяные немедийцы, высматривавшие в толпе разве что смазливых молоденьких крестьянок да богатых торговцев, которых можно было заставить раскрыть кошелек. Им было не до того, чтобы обращать внимание на каждого рабочего с фермы или запыленного путника — даже если этот путник на голову выше большинства других людей и поношенный плащ не в силах скрыть очертаний мощного тела.

Этому человеку была свойственна прямая осанка и грозная воинская стать, притом что он сам не осознавал ее, а значит, и не пытался скрывать. Широкая повязка прикрывала один глаз, кожаная шапка, надвинутая на самые брови, не давала рассмотреть черты лица. Сжимая загорелой рукой тяжелый толстый посох, он не спеша миновал арку, где, треща и

плюясь брызгами смолы, горело несколько факелов, и, напутствуемый равнодушными взглядами подвыпивших стражников, вышел на улицы Тарантии.

Улицы города были широки и хорошо освещены. Как обычно, толпы людей сновали по своим делам туда и сюда, мастерские и ларьки были открыты, на прилавках красовался товар. Лишь одна примета наступивших перемен бросалась в глаза. Там и сям можно было заметить немедийских солдат, где группками, где поодиночке. Развязно и нагло, с видам хозяев проталкивались они сквозь толпу. Женщины спешили в сторонку, стараясь не попадаться им на пути, мужчины отступали прочь, темнея лицом и стискивая кулаки. Аквилонцы были гордым народом, а вражда с немедийцами тянулась из глубины веков.

Пальцы странника, сжимавшие посох, побелели от напряжения, но он, как и прочие, безропотно отступил, пропуская одетых в кольчуги завоевателей. В своей линялой, пропыленной одежде он мало чем выделялся среди пестрого многолюдья. Лишь однажды, проходя мимо лавки оружейника и попав в полосу яркого света, лившегося из дверей, он ощутил чей-то пристальный взгляд, быстро обернулся и заметил какого-то человека в коричневой куртке работника, который внимательно приглядывался к нему. Человек поспешно отвел глаза и затерялся в толпе. Конан, однако, тут же свернул в узкий проулок и прибавил шагу. Возможно, это было любопытство праздного зеваки, не более. Но рисковать попусту он не собирался.

Угрюмая Железная Башня стояла поодаль от цитадели, посреди путаницы узеньких улочек и беспорядочно расположенных домишек. Это место было в центральной части города, где полагалось бы селиться богатым. Однако состоятельные горожане сторонились зловещего места: так и разрослись убогие кварталы в месте, вовсе для них не предназначенном.

Сама же Башня в действительности была настоящим замком. Громадные древние стены были сложены из тяжелых каменных глыб, скрепленных почерневшим железом: когда-то, в минувшем столетии, здесь была тарантийская цитадель.

Неподалеку от нее, затерявшись между купеческими складами и доходными домами, частью покинутыми, стояла старинная сторожевая башня, до того заброшенная и позабытая, что вот уже более ста лет ее даже не считали нужным наносить на планы города. Для какой цели она служила прежде, никто уже не знал. Последнее время мало кому доводилось бросить даже случайный взгляд на старую башню и на замок, что висел на ее двери, дабы покинутое здание не сделалось прибежищем воров и нищих. А между тем замок, внешне выглядевший дряхлым и ржавым, на самом деле был нов, исключительно крепок и донельзя хитро устроен, а ржавчина и грязь лишь призваны были это скрыть. Что ж, во всем королевстве за все времена едва набралось бы полдюжины людей, знавших тайны, которые охранял этот замок.

В его тяжелом, обросшем зеленью корпусе не было даже скважины для ключа. Однако умелые пальцы Конана быстро нашли несколько выпуклостей, незаметных для случайного взгляда, и надавили их в определенном порядке. Дверь беззвучно отворилась вовнутрь, и король ступил в темноту, столь плотную, что ее, казалось, можно было пощупать. Войдя, он прикрыл дверь за собой. Будь у Конана светильник, он увидел бы, что башня внутри была совершенно пуста: голый каменный цилиндр, и более ничего.

Уверенно пошарив в знакомом углу, Конан ощупал одну из плит пола. Быстро подняв и отодвинув ее, он без долгих раздумий спустился в открывшуюся дыру. Под ногами были каменные ступени; Конан знал, что они вели в узкий тоннель и далее прямо в подвал Железной Башни, стоявшей через три квартала отсюда.

Гулко ударил большой колокол цитадели — тот, что бил только в полночь или когда народу объявляли о кончине монарха. Внутри Железной Башни открылась дверь скудно освещенной комнаты, и в коридор вышел человек. Изнутри, надо сказать, Железная Башня выглядела столь же безрадостно, как и снаружи: голые, грубо обработанные каменные стены, каменные плиты пола, глубоко истертые спотыкающимися шагами бесчисленных узников, а над ним — сводчатый каменный потолок, едва озаренный слабым пламенем факелов, чадивших в нишах стен.

Человек, шедший тяжелой походкой по этому мрачному коридору, как нельзя лучше соответствовал всему, что его окружало. Он был высокого роста, мускулистое тело плотно обтягивал черный шелк. Голову покрывал черный же капюшон, спадавший на плечи; он был снабжен двумя отверстиями для глаз. За спиной колыхался широкий черный плащ, а на плече покоился тяжелый топор. Достаточно было взглянуть на этот топор один раз, чтобы понять: он не был ни оружием воина, ни орудием мастера.

Навстречу, с другого конца коридора, ковылял сутулый кислотилицый старик, горбившийся под тяжестью фонаря и копья.

— Твой предшественник был точнее тебя, господин палач, — проворчал старик. — Только что пробило полночь, и те, в масках, пошли в камеру госпожи. Ты заставляешь их ждать!

— Эхо от колокола еще гуляет среди башен, — ответил заплечных дел мастер. — Это верно, я не так проворно кидаюсь бежать по приказу аквилонцев, как тот выродок, что служил здесь до меня. Но они смогут убедиться, что мой удар не хуже. Занимался бы ты лучше своими делами, старик, и не совал нос в мои. Право же, моя работа лучше твоей. Клянусь Митрой! Ты бродишь холодными коридорами, пялясь

на ржавые решетки темниц, а я нынче срублю самую прекрасную голову во всей Аквилонии!

Сторож, хромая и ворча, удалился по коридору, палач же не спеша отправился дальше. Еще через несколько шагов, свернув за угол коридора, он краем глаза приметил слева от себя чуть-чуть приоткрытую дверь. Если бы он немного подумал, он бы догадался, что дверь приоткрыли уже после того, как ее миновал сторож. Однако думать палач не привык и прошел мимо двери, а потом размышлять сделалось поздно.

Чей-то мягкий тигриный шаг и шелест плаща предостерегли его в последний момент, но обернуться он уже не успел. Могучая рука, протянувшаяся сзади, охватила его шею, не дав закричать. В тот краткий миг, что ему еще оставался, палач успел с ужасом осознать страшную силу нападавшего и то, сколь беспомощны были перед нею его собственные хваленые мышцы. Не видя взмаха кинжала, он ощутил над собой занесенное острие...

— Немедийская скотина! — прошипел ему в ухо хриплый от ярости голос. — Больше ты не срубишь ни одной головы аквилонца!

И это было последнее, что слышал в своей жизни палач.

* * *

В сыром подземелье, тускло освещенном единственным факелом, трое мужчин окружили юную девушку, стоявшую на коленях на каменном полу, присыпанном соломой. Тело ее едва прикрывала изорванная сорочка, роскошные золотые волосы разметались по белым плечам, грубая веревка стягивала за спиной руки, в глазах стоял ужас. Даже неверный факельный свет, даже смертельная бледность и тюремные лохмотья не могли скрыть ее замечательной красоты. Она молчала, лишь взгляд огромных глаз скользил по лицам мучителей. Все они были в масках и плащах. Деяния, подобные нынешнему, полагалось

совершать в масках, хотя бы и в покоренной стране. Несмотря на это, Альбиона, конечно, без труда узнала их всех; но минует ночь — и это ее знание не повредит уже никому.

— Наш повелитель в своем милосердии дает тебе еще одну возможность, графиня, — сказал самый высокий из троих. По-аквилонски он говорил без акцента. — Он велел мне сказать тебе: смягчи свой гордый, мятежный дух, и он по-прежнему готов будет раскрыть тебе объятия. Если же нет... — И он указал рукой на зловещего вида колоду, стоявшую посередине темницы. Она была покрыта пятнами и вся в глубоких зарубках, причиненных, надобно думать, отточенным лезвием, которое раз за разом рассекало нечто уступчивое и с силой входило в плотное дерево.

Содрогнувшись, Альбиона отшатнулась прочь и побледнела еще сильнее. Каждая жилка ее молодого, полного сил тела так и молила о жизни. Валерий тоже был молод и очень красив. Альбиона твердила себе, что его любили и находили привлекательным многие женщины... но тщетно. Она так и не смогла выговорить заветное слово, которое спасло бы ее нежное тело от плахи и окровавленного топора. В чем дело — она плохо понимала сама. Она знала одно: при мысли об объятиях Валерия все ее существо сотрясала дрожь отвращения, и это отвращение пересиливало даже страх смерти. Альбиона отрицательно покачала головой.

— Значит, и говорить больше не о чем! — нетерпеливо воскликнул другой вельможа, и в его голосе явственно слышался немедийский акцент. — Где там палач?

И точно в ответ, беззвучно растворилась дверь подземелья. Огромная тень появилась в проеме — ни дать ни взять черный дух из Преисподней. При виде этого мрачного силуэта у Альбионы невольно вырвался тихий вскрик, да и остальные какое-то время могли только молча смотреть на него — таким безот-

четным ужасом веяло от молчаливого гиганта в черном капюшоне с двумя прорезами. В прорезах неистовым огнем горели синие глаза; они по очереди остановились на каждом, и у каждого пробежал по спине холодок.

Потом рослый аквилонец грубо схватил девушку и поволок ее к плахе. Она отчаянно закричала и, сходя с ума от ужаса, пыталась вырваться из его рук. Но он безжалостно швырнул ее на колени и прижал золотоволосую голову к плахе, покрытой запекшейся кровью.

— Что ты медлишь, палач? — спросил он раздраженно. — Делай свое дело!

В ответ прозвучал смех — низкий и неописуемо грозный. Все, бывшие в подвале, так и застыли, глядя на палача, — двое в плащах и тот, что склонился над Альбионкой. И даже она, как могла, вывернула шею, пытаясь взглянуть.

— Что еще за веселье, собака? — спросил аквилонец. Ему было не по себе.

И тут палач сорвал с головы капюшон и швырнул его наземь. И прислонился спиной к запертой двери, поднимая топор.

— Узнаете меня, ублюдки? — прогремел он. — Узнаете?

Гробовую тишину, следовавшую за этими словами, прорезал крик Альбионки.

— Король Конан!.. — закричала девушка и вырвалась наконец из ослабевшей хватки мучителя. — Благословен будь Митра!.. Король!..

Трое мужчин стояли как статуи. Когда аквилонец наконец раскрыл рот, у него был вид человека, усомнившегося в собственных ощущениях.

— Это Конан!.. — вырвалось у него. — Это действительно король!.. Или его призраки? Что за дьявольское наваждение?

— Дьявольское наваждение — чтобы одурачить дьяволов! — насмешливо отозвался Конан. Губы его

улыбались, но в глазах полыхало адское пламя. — Ну, кто первый, господа? При вас — мечи, при мне — вот этот колун. Топор мясника — именно то, что требуется, а?

— Вперед! — зарычал аквилонец и выхватил меч. — Убьем его — или он убьет нас!

Словно очнувшись, немедийцы обнажили клинки и разом кинулись на короля.

Неуклюжий тяжеловесный топор палача не предназначен для битв, но Конан орудовал им так ловко и легко, словно это была обычная боевая секира. С невероятным проворством он прыгал туда и сюда, отскакивая и нападая, сводя на нет их численное преимущество.

Первый же удар немедийского меча он отразил обухом и тут же, не дав ни отступить, ни защититься, жестокий ударом наотмашь проломил грудь негодяю. Второй немедиец с силой размахнулся, но задеть Конана не сумел и, так и не успев восстановить равновесие, рухнул с расколотым черепом. В следующий миг аквилонец был загнан в угол. Он едва поспевал отбивать сокрушительные удары. Конан не давал ему даже малейшей передышки, чтобы позвать на помощь.

Неожиданно левая рука короля метнулась вперед и сорвала с него маску, обнажив побелевшее лицо.

— Дерьмо! — заскрипел зубами король. — Так и думал, что это ты! Даже этот топор слишком хорош для твоей гнусной башки. Подымай смертью вора, предатель!

Лезвие описало безжалостную дугу, и аквилонец с диким воплем упал на колени, хватая левой рукой обрубок правой, из которого струей хлынула кровь. Срезав руку по локоть, топор глубоко врезался в бок — так, что из раны показались внутренности.

— Валяйся здесь, пока не истечешь кровью, — сказал ему Конан и с отвращением швырнул топор на пол. — Пойдем, графиня!

Нагнувшись, он перерезал кинжалом веревку, стянувшую ее запястья. Поднял девушку, как ребенка, и понес вон. Она отчаянно рыдала, обхватив руками его могучую шею.

— Ну, ну, девочка,— проворчал он.— Надо еще выйти отсюда. Если мы сумеем добраться до каземата, где тайная дверь, ведущая в тоннель... А, чтоб им!.. Хоть и толстые стены, все-таки услышали!

Звяканье доспехов, топот и крики бегущих людей неслись откуда-то спереди, отдаваясь под сводами потолка. Из-за поворота, высоко поднимая фонарь, появился хромой сторож, яркий свет облил Конана и девушку. Король с проклятием ринулся к нему, но старик бросил фонарь и копье и с неожиданной прытью умчался по коридору, надтреснутым голосом призывая подмогу. Послышались ответные крики...

Конан быстро повернулся и побежал назад. Они с Альбионкой были отрезаны от тайного хода, которым он проник в Железную Башню и которым надеялся покинуть ее. Впрочем, Конан не отчаивался. Он неплохо знал это мрачное здание: прежде чем стать королем, он был его узником.

Он свернул в боковой ход и скоро оказался в другом, более широком коридоре, который шел параллельно первому. Здесь не было еще никого. Пробежав всего несколько шагов, киммериец кинулся в другой ход и вернулся назад, в только что покинутый коридор, попав как раз туда, куда и хотел. В считанных футах виднелась дверь, заложенная тяжелым засовом, а перед нею бородатый немедиец в латах и шлеме. Он стоял к Конану спиной, глядя внутрь коридора, где все слышнее был шум и беспорядочно мелькали отсветы фонарей.

Конан не раздумывал долго. Он выпустил девушку и бесшумно подбежал к стражнику сзади, держа в руках меч. В последний миг тот обернулся, заорал от неожиданности и испуга и вскинул копье, но прежде чем он успел хотя бы замахнуться, меч обрушился на

его шлем с силой, которая уложила бы и быка. Удара не выдержал ни шлем, ни череп под ним — стражник рухнул замертво.

В мгновение ока Конан отодвинул массивный засов, с которым обычный человек не справился бы в одиночку.

— Альбиона!

Попытываясь, она подбежала к нему. Конан схватил ее одной рукой, выскочил за порог и растворился во тьме.

Они попали в узкий проулок, где было темно, как в дымоходе. С одной стороны высилась сама Башня, с другой — глухие каменные стены каких-то домов. Спеша вперед со всей скоростью, какую позволял крошечный мрак, Конан выискивал окна, но не находил ни одного.

Позади гроыхнула тяжелая дверь, наружу с ревом хлынули стражники. Нагрудники лат и обнаженные мечи блеснули в факельном свете. Воины оглядывались, не зная, куда подевались беглецы, — пламя факелов рассеивало непроглядную тьму едва на несколько шагов. В конце концов они наобум пустились по переулку — в противоположном направлении от Конана и Альбионы.

— Сейчас они поймут, что ошиблись,— пробормотал он и прибавил шагу.— Хоть бы трещинка была в проклятой стене... Дьявол! Уличная стража! ..

— Кто идет? — долетел крик, и Конан скрежетнул зубами, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись позади,— велел он Альбионе.— Надо прорваться, пока те не вернулись и не захлопнули мышеловку!

Заноса меч, он помчался вперед, навстречу приближавшимся воинам. Он в полной мере воспользовался внезапностью и тем, что уличный свет позволял ему отлично видеть противников, между тем как сам он, выскочивший из темноты, был почти невидим для них. Они еще не вполне поняли, что происходит, а он

уже был среди них, разя налево и направо с молчаливой яростью раненого льва.

Он знал, что должен прорубить себе путь, пока они не опомнились. Но их было не меньше десятка, все в доспехах, все закаленные ветераны пограничных битв, привыкшие в подобных случаях повиноваться не разуму, а безошибочному воинскому инстинкту. Трое свалились на мостовую, так и не успев понять, что на них налетел один-единственный человек. Зато остальные отреагировали мгновенно. Оглушительно загремела сталь; меч Конана высекал искры, гуляя по кольчугам и шлемам. Он по-прежнему видел их лучше, чем они его. Он был для них неясной, быстро мелькающей тенью. Их удары рассекали воздух или отскакивали от его клинка. Зато сам он разил со смертоносной яростью урагана.

Но сзади нарастали крики и топот тюремной стражи, готовый вот-вот выбежать из проулка, а ему все не удавалось пробиться: дорогу по-прежнему загораживали воины в кольчугах, размахивающие мечами. С мужеством отчаяния Конан бросился вперед, понимая, что сейчас будет настигнут... Как вдруг за спинами стражников из ниоткуда появилось десятка два каких-то темных фигур. В потемках сверкнула сталь, закричали люди, которых убивали ударами в спину. Кто-то а черном плаще метнулся навстречу Конану, и тот, приметив блеск клинка, замахнулся мечом, но остановил удар, поскольку в руке, протянувшейся к нему, оружия не было.

— Сюда, государи! — шепнул человек. — Скорее!

Конан подхватил на руки Альбиону и поспешил следом за неожиданным спасителем, изумленно ругаясь вполголоса. Когда за тобой гонится три десятка тюремных стражников, особо раздумывать недосуг.

В окружении таинственных спутников поспешил он в переулок, неся измученную девушку, точно дитя. Темные плащи с капюшонами не давали ему как следует разглядеть неведомых избавителей. Сомне-

ния и подозрения роились у него в голове... но эти люди, кем бы они ни были, только что перебили его врагов — так почему бы и не последовать за ними?..

Словно прочитав его мысли, вожак легонько коснулся его руки и сказал:

— Тебе нечего опасаться, король Конан: мы — твои верные подданные.

Голос был незнакомый, но, судя по выговору, принадлежал аквилонцу родом из центральных провинций.

Стражники позади них подняли яростный крик — они наткнулись на изрубленные тела, валявшиеся в грязи. Неясные силуэты людей, удалявшихся по направлению к освещенной улице, подсказали им, где враг. Но люди в плащах повернулись к глухой с виду стене, и Конан увидел в ней раскрытую дверь. Сколько раз он проходил здесь прежде при свете дня и мог бы поклясться, что никакой двери не было и в помине. Тем не менее они вошли внутрь, и дверь закрылась за ними. Щелкнул замок. Конану все это не слишком понравилось, но его спутники знай спешили вперед. Видимо, им был отлично знаком этот ход. То рука, то локоть касались короля, подсказывая, куда идти. Ему казалось, они попали в тоннель. Он чувствовал, как дрожало тоненькое тело Альбионы у него на руках. А потом впереди забрезжил выход — сумрачная арка чуть светлее окружающей тьмы. Они прошли под нею один за другим и оказались в нескончаемом лабиринте мрачных дворов, переулков и извилистых коридоров. Миновав наконец последний поворот, они вступили в просторный чертог, местоположение которого Конан при всем своем первобытном чувстве направления не взялся бы определить.

Глава десятая

МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все, пришедшие с Конаном, вступили в чертог. Когда дверь затворилась, Конан увидел перед собой всего одного человека. Это был худощавый, стройный мужчина в черном плаще с капюшоном. Капюшон упал на плечи, открыв бледное спокойное лицо с тонкими правильными чертами.

Король поставил Альбиону на ноги, но она пуглива прижалась к нему, оглядываясь вокруг. Покой был обширный, с мраморными стенами, частью укрытыми черными бархатными занавесями. На мозаичном полу раскинулись толстые, пушистые ковры. Бронзовые светильники заливали чертог мягким золотым светом.

Конан все еще держал руку на рукояти. Кровь запеклась на его ладони и на ножнах меча; вытереть клинок не было времени.

— Где мы? — спросил он.

— В храме Асуры, государь, — отвечал незнакомец с глубоким поклоном, в котором подозрительный король не усмотрел ни намека на иронию.

Альбиона слабо вскрикнула и еще крепче прижалась к Конану, с ужасом глядя на черную арку дверей и ожидая, что оттуда вот-вот выползет какое-нибудь жуткое порождение тьмы.

— Не страшись ничего, госпожа моя, — сказал их проводник. — Суеверное заблуждение ложно: здесь тебе ничто не грозит. Уж если сам король убедился в чистоте нашей религии и тем оградил ее от преследований невежд, тебе, графиня, сомневаться в том не пристало.

— Сам-то ты кто? — спросил Конан.

— Я — Хадрат, жрец Асуры. Один из моих учеников узнал тебя, когда ты входил в город, и сообщил мне.

Конан шепотом выругался.

— Больше никто не понял, кто ты такой, — заверил его Хадрат. — Чужая одежда обманула всех, кроме последователя Асуры, ибо путь нашей веры — путь познания сути, скрытой под видимой оболочкой. Мы шли за тобой до самой сторожевой башни. Кое-кто из моих людей последовал за тобою в тоннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь выбираться тем же путем. Прочие, в том числе и я, окружили Железную Башню. Располагай нами, король Конан. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Вы рисковали жизнью ради меня, — сказал Конан. — Зачем?

— Пока ты сидел на троне, ты был нашим другом, — ответил Хадрат. — Ты защитил нас, когда жрецы Митры посягали бичами изгнать нас из страны.

Конан с любопытством оглядывался. Он не только не бывал никогда прежде в храме Асуры, но даже не был уверен, есть ли вообще таковой в его столице. Жрецы этой религии обладали сверхъестественным умением прятать свои святыни от посторонних глаз. Культ Митры почти безраздельно господствовал среди хайборийских народов; тем не менее культ Асуры упорно продолжал существовать, несмотря на гонения со стороны властей и нелюбовь черни. Конан в свое время наслушался жутких историй о глубоко запрятанных храмах, где над черными алтарями непрерывно поднимается густой дым, о том, что жрецы

Асуры то и дело похищают людей и приносят их в жертву громадному, свитому в кольца змею, что вечно раскачивает в зловещем мраке страшной чешуйчатой головой...

Постоянные преследования заставляли приверженцев Асуры все искуснее укрывать свои храмы и налагать покров тайны на отправлявшиеся в них службы. В свою очередь, такая таинственность порождала еще более чудовищные подозрения и невероятные рассказы.

Конан, однако, отличался религиозной терпимостью, присущей варварам. Он покончил с гонениями и запретил своим подданным преследовать приверженцев Асуры — ведь все обвинения против них зиждились на весьма шатких доказательствах вроде ничем не подтвержденных сплетен и слухов. «Если они — злые волшебники, почему позволяют вам себя обижать? — говорил Конан. — А если нет, так и трогать их не за что. Во имя дьяволов Крома — да пусть на здоровье веруют в таких Богов, какие им нравятся!»

Хадрат почтительно пригласил короля сесть. Конан опустился в кресло, отделанное слоновой костью, и жестом указал Альбионе на второе такое же, но она предпочла золоченую скамеечку у его ног и тесно прижалась к его колену: только рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Она была правоверной митраиткой и с самого детства наслушалась всяческих ужасов о кровавых жертвах нечеловеческим Богам в сумраке таинственных храмов. Юная графиня до смерти боялась поклоняющихся Асуре, ей было не по себе.

Хадрат остался стоять перед ними, склонив непокрытую голову:

— Приказывай, государь!

— Для начала — еды, — проворчал Конан, и жрец ударил серебряным жезлом в золотой гонг.

Мелодичный звон еще метался меж мраморных стен, когда из-за портьер появились четверо в капю-

шонах и внесли приличных размеров серебряный столик, уставленный хрустальными сосудами и блюдами, над которыми курился ароматный пар. С поклоном поставили они столик перед королем. Конан вытер руки узорчатым полотенцем и с нескрываемым удовольствием причмокнул губами.

— Остерегись, государь! — шепнула ему Альбиона. — Говорят, они едят человечину...

— Ставлю свое королевство, что это всего лишь добрая жареная говядина, и не более, — ответил Конан. — Ешь, девочка! Небось изголодалась на тюремной похлебке!

Альбиона вняла этому совету, а пуще того — живому примеру человека, чье слово было для нее непреложным законом. Она принялась есть — очень изящно и с очень большим аппетитом. Сидевший рядом с ней король Аквилонии рвал мясо зубами и большими глотками пил вино так, как будто ел последний раз несколько дней назад, а не минувшим вечером.

— Ваши жрецы, Хадрат, проницательны и умны, — сказал он с набитым ртом, держа в руках кость. — Буду рад, если вы мне поможете отвоевать королевство.

Но Хадрат покачал головой, и кость с грохотом обрушилась на стол.

— Кром и дьяволы! Да что за напасть такая сразила мужей Аквилонии? Сначала Сервий, а теперь еще ты! Вы что, только и можете мотать своими пустыми башками, когда я рассуждаю о том, как бы дать под зад коленом этим скотам?..

Хадрат вздохнул и медленно выговорил:

— Горькими будут мои слова, государь. Я и рад был бы произнести нечто иное, но, увы, со свободой Аквилонии покончено навсегда. Более того — свобода всего нашего мира, похоже, доживает свой век. Эпоха сменяет эпоху; история открывает страницу рабства и ужаса. Так бывало и в прежние времена...

— О чем ты? — невольно понизив голос, спросил король. Хадрат сел и опустил локти на колени, глядя в пол.

— О том, что против тебя сговорились не только мятежная знать Аквилонии и немедийские завоеватели, — сказал он. — Здесь замешано волшебство — жуткая черная магия, пришедшая в сегодняшний день из далеких и зловещих времен. Страшная тень восстала из глубин прошлого, и нет никого, кто был бы способен ей противостоять...

— О чем ты? — повторил Конан.

— О Ксальтотуне из Ахерона, что умер три тысячи лет назад, а теперь вновь разгуливает по земле.

Конан довольно долго молчал. Некий образ всплыл в его сознании — спокойное нечеловечески прекрасное лицо, обрамленное темной бородой и густыми волнистыми волосами. Жутковатое ощущение — где я видел его раньше?.. — вновь накатило на короля. Ахерон!.. Память смутно откликнулась на это слово, рождая неясные обрывки воспоминаний...

— Ахерон, — пробормотал он. — Ксальтотун из Ахерона! А ты не спятил, жрец? Ахерон — это миф, которому я не знаю сколько веков! Никто не знает, существовал ли он когда-либо вообще...

— Он существовал, — ответил Хадрат. — Империя черных магов, погрязших в таком зле, какого нам теперь и не представить. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада. Волшебники Ахерона занимались гнусной некромантией и самой низменной тавматургией, которой обучили их демоны. И величайшим среди чародеев проклятого королевства был Ксальтотун из Пифона...

— Ну и как же все-таки удалось его свергнуть? — спросил Конан скептически.

— Он ревностно хранил и берег источник космической мощи. Но этот источник был у него украден и обращен против него же. А теперь он ему возвращен, и чародей снова непобедим.

Альбиона куталась в черный плащ палача и смотрела то на жреца, то на короля, не вполне понимая их беседу. Вот Конан сердито потряхнул головой и проворчал:

— Болтовня это все. Если Ксальтотун пролежал мертвым три тысячи лет, каким образом он?.. Какой-нибудь негодяй присвоил его имя, и только!

Хадрат наклонился к столику из слоновой кости и раскрыл стоящую на нем маленькую золотую шкатулку. Что-то тускло блеснуло в его руке, и он протянул Конану крупную золотую монету очень древней чеканки.

— Ты видел Ксальтотуна в лицо? Вот, взгляни. Ее отчеканили в Ахероне незадолго до его падения. Это черное царство было так насыщено колдовством, что магическая сила присуща даже монете...

Конан взял золотой кружок и хмуро уставился на него. За годы грабежей через руки Конана прошло немало всевозможных монет, так что он неплохо в них разбирался. Края были сношены до тонкости, надписи истерты так, что их стало почти невозможно прочесть. Но изображение, оттиснутое на одной стороне, было, как прежде, ясным и четким. И Конан, взглядевшись, с шипением втянул в себя воздух. В комнате было тепло, но на него вдруг повеяло ледяным холодом, от которого поднялся дыбом каждый волосок. С монеты смотрело бородатое, непроницаемое, нечеловечески прекрасное мужское лицо...

— Клянусь Кромом, это он! — пробормотал Конан. Теперь он понимал, почему черты Ксальтотуна с самого начала показались ему так странно знакомыми. Когда-то давно в далекой стране он уже разглядывал такую монету. — Совпадение! — проворчал он, передернув плечами. — Совпадение — или у того, кто присвоил себе имя забытого чернокожника, хватило ума подделать и внешность...

Но в голосе короля не было убежденности. Вид монеты потряс его до глубины души. Привычный,

реальный мир рушился у него под ногами, падая в бездну колдовства и иллюзий. Чародея он еще мог понять, но такая бесовщина попросту не лезла в сознание!

— У нас нет сомнений, что это действительно Ксальтотун из Пифона, — сказал Хадрат. — Это он с помощью заклинаний подчинил себе духов земной стихии и обрушил скалы при Валкии. И он же незадолго до рассвета подослал в твой шатер порождение тьмы...

Конан сдвинул брови:

— Откуда ты знаешь?

— Последователи Асуры владеют тайными способами получать нужные сведения... впрочем, это неважно. Важно иное — понимаешь ли ты, что вотще пожертвуешь своими подданными, безуспешно пытаешься вернуть себе корону?

Конан подпер кулаком подбородок, невесело глядя в пространство. Альбиона смотрела на него с беспокойством, сиюсь постичь загадку, с которой столкнулся ее король.

— А нет ли в мире, — спросил он наконец, — чародея, способного потягаться в магии с Ксальтотуном?

Хадрат покачал головой:

— Если бы такой был, мы, асуриты, наверняка знали бы о нем. Люди называют наш культ пережитком древнего стигийского змеопоклонства. Это ложь: наши предки пришли из Вендии, что лежит за морем Вилайет и голубыми горами Химелии. Мы — сыны Востока, а не Юга и осведомлены обо всех магах Востока, которые много сильнее чернокнижников Запада. Но перед черной мощью Ксальтотуна любой из них — что соломинка на ветру...

— Но ведь когда-то его победили! — настаивал Конан.

— Да, — кивнул Хадрат. — Но уж теперь-то он позаботится, чтобы источник космической силы не был снова похищен.

— Что же это за источник, будь он трижды неладен? — воскликнул Конан раздраженно.

— Его называют Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, шаман первобытного племени, что похитил его у Ксальтотуна и обратил против него, укрыл Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ним небольшой храм. Впоследствии тот храм трижды перестраивали, делая его все больше и краше, но всякий раз — на месте прежней святыни, хотя никто уже не знал почему. Память о погребенной реликвии покинула людские умы, сохранившись лишь в жреческих книгах да фолиантах, посвященных эзотерическим знаниям. Откуда явилось Сердце, неведомо никому. Одни говорят, что это воистину сердце какого-то Бога, другие считают его звездой, давным-давно упавшей с небес. Три тысячи лет ничей взгляд не касался его — до тех пор, пока оно не пропало. Когда волшебство митраитских жрецов оказалось бессильно против чар Альтаро, ученика Ксальтотуна, они вспомнили древнюю легенду о Сердце. И тогда верховный жрец с одним из учеников спустился в ужасное, лишенное света подземелье по храмом; три тысячи лет туда не сходил ни один жрец. Ибо старинные книги в железных переплетах, написанные тайным языком символов, рассказывали не только о Сердце, но и о порождении тьмы, приставленном жрецами древности его охранять. И вот далеко внизу, в чертоге, чьи двери вели в беспредельную тьму, учитель и ученик нашли черный каменный алтарь, тускло мерцавший каким-то потусторонним светом. На алтаре лежал золотой сосуд в форме двустворчатой раковины и, казалось, приросший к темному камню. Сосуд был открыт — и пуст! Сердце Аримана исчезло! И пока они стояли, пораженные ужасом, чудовищный страж подземелья напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сразился с бессмысленным выходцем из Преисподней и прогнал его прочь. Он сумел выбраться наружу по бесконечным каменным лестницам и

вынести умирающего учителя. И тот, прежде чем умереть, поведал младшим жрецам обо всем, что с ними произошло, завещав им склониться перед силой, которую они не в состоянии победить. Однако жрецы шептались между собой, так что через некоторое время слух долетел и до нас.

— Значит, Ксальтотун черпает свою силу из этого символа? — спросил Конан. Он все еще сомневался.

— Нет. Его сила приходит из пропастей тьмы, а Сердце Аримана рождено в далекой вселенной, полной света и огня. Попади оно в руки сведущего человека — и тьма будет повержена. Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов, — затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...

— Значит, золотой сосуд в виде раковины на черном алтаре в глубокой пещере... — пробормотал Конан, силясь припомнить ускользающий образ. — Когда-то я видел или слышал о чем-то похожем. Но все-таки, во имя Крома, хотелось бы знать, что представляет собой твое знаменитое Сердце?

— Внешне оно напоминает огромный драгоценный камень, похожий на рубин, только полыхает ослепительным светом, какого ни один рубин не знал никогда. Оно, как живой огонь...

Конан внезапно вскочил на ноги и в избытке чувств ударил кулаком по ладони.

— Кром! — загремел он. — Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана!.. Сердце моего королевства! «Разыщи Сердце своего королевства», — сказала мне Зелата. Клянусь Имиром! Я видел этот камень в зеленом дыму! Тот самый, что Тараск слямзил у Ксальтотуна, пока тот дрых без задних ног, нанюхавшись черного лотоса...

Хадрат тоже вскочил в величайшем волнении, спокойствие слетело с него, точно сброшенный плащ.

— Что ты сказал? Сердце украдено у Ксальтотуна?

— Да! — гремел Конан. — Тараск до судорог боится Ксальтотуна и надумал подрезать ему крылья, тоже решив, что Сердце и есть основа его могущества. Может, он даже думал, что чернокнижник без него сразу ноги протянет. Во имя Крома, я... — Но тут лицо Конана исказила бессильная ярость, а воинственно сжатый кулак медленно опустился. — Эх, я же совсем забыл... Тараск отдал Сердце какому-то ворюге и велел бросить в море. Сейчас негодяй, верно, уже подъезжает к Кордаве. Пока я туда доберусь, он сто раз сядет на корабль, и Сердце окажется в океанской пучине...

— Море не удержит его! — дрожа от возбуждения, воскликнул Хадрат. — Ксальтотун сам давно забросил бы его в самое глубокое место, если бы не знал, что первый же шторм снова выкинет его на сушу. Но вот на каком далеком, неведомом берегу это произойдет?..

— погоди, жрец! — Конан быстро справился с унынием, обычная уверенность вернулась к нему. — Лично у меня нет особой уверенности, что вор в самом деле бросит наш камушек в воду. Уж я-то знаю воров! И если я что-нибудь понимаю — а это так, ибо в юности я и сам промышлял в Заморе воровством, — так вот, он его не выбросит. Продаст какому-нибудь купцу побогаче — да откуси я собственную голову, если не так! Кром! — Конан стремительно шагнул по комнате взад и вперед. — А ведь, ей-же-ей, стоит его поискать! Зелата велела мне разыскать Сердце моего королевства, так? Все остальное, что она мне показывала, подтвердилось! Неужели наша победа над Ксальтотуном в самом деле зависит от красного камушка?

— Клянусь жизнью! — воскликнул Хадрат. Лицо его просветлело, глаза так и горели. Он сжал кулаки: — Дай мне Сердце — и я брошу вызов Ксальтоту-

ну во всем его темном могуществе! Клянусь тебе, государи! Вернется Сердце — вернется к тебе и корона, а захватчики позабудут путь к нашим порогам! Ибо страшнее всего для Аквилонии не мечи немедийцев, но черное искусство Ксальтотуна...

Довольно долго Конан молчал, жар, с которым говорил Хадрат, произвел на него впечатление.

— Все это напоминает мне погоню, какая, бывает, происходит в дурном сне, — сказал он наконец. — Но твои слова — точно эхо дум старой Зелаты, а она говорила мне правду. Надо искать Сердце!

— В нем — судьба Аквилонии, — повторил Хадрат убежденно. — Я пошлю с тобой своих людей...

— Не надо! — нетерпеливо откликнулся король. Еще не хватало ему на шею жрецов, пусть сколь угодно сведущих в тайных науках. — Это дело для воина, и я поеду один. Сначала в Пуантен, оставляю Альбиону у Троцера. Затем в Кордаву, а там и в море, если понадобится. Даже если ворюга надумает выполнить Тарасков наказ, ему, чего доброго, не сразу подвернется подходящий корабль...

— Как только ты найдешь Сердце, — продолжал Хадрат, — я начну торить путь к свободе здесь, изнутри страны. Тайными путями разнесу я по всей Аквилонии весть о том, что ты жив и возвращаешься с магией, превосходящей все чары Ксальтотуна. Когда ты вернешься, люди готовы будут восстать. И они восстанут! Ибо будут уверены, что есть сила, способная защитить их от Ксальтотуна. А кроме того, я помогу тебе проделать хотя бы часть пути.

Он поднялся и снова ударил в гонг.

— Потайной ход ведет из этого храма за городские стены. Ты отправишься в Пуантен в лодке паломника, чтобы никто не осмелился тебе досаждать.

— Как скажешь, — проворчал Конан. Перед ним снова была ясная цель; он сгорал от нетерпения, он жаждал немедленно действовать. — Давай только шевелись побыстрее!

Тем временем в городе, вне храмовых стен, события разворачивались столь же стремительно. В дворцовый покой, где веселился с танцовщицами Валерий, ворвался запыхавшийся гонец. Упав на колено, он разразился довольно бессвязным рассказом о кровавом нападении на тюрьму и о том, что граф Феспий, которому было поручено присмотреть за казнью Альбионы, лежит при смерти и непременно хочет сообщить Валерию нечто важное перед кончиной.

Торопливо накинув плащ, Валерий поспешил вслед за гонцом. Извилистые переходы привели их в покой, где лежал Феспий. Вне всякого сомнения, он умирал. Он трудно дышал, и при каждом вздохе на губах выступала кровавая пена. Обрубленную руку ему перетянули жгутом, остановив кровотечение, но рану в боку залечить было невозможно.

Оставшись наедине с умирающим, Валерий вполголоса выругался.

— Во имя Митры! — сказал он. — Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары...

— Валерий! — сипло выдохнул Феспий. — Он жив! Конан!..

— Что?.. — вырвалось у правителя. — Что ты сказал?

— Клянусь Митрой!.. — Феспий захлебывался кровью, но продолжал говорить: — Это он спас Альбиону от топора! Это был не призрак, поднявшийся из Преисподней... Он жив, он из плоти и крови и еще страшнее, чем прежде! В переулке за Башней полно мертвецов. Берегись, Валерий... он вернулся... чтобы убить... всех нас...

Жестокая судорога потрясла окровавленное тело, и душа графа Феспия отлетела.

Валерий хмуро поглядел на умершего, потом окинул быстрым взглядом чертог — не прячется ли кто — и наконец, шагнув к двери, распахнул ее внезапным

движением. Гонец и немедийская стража стояли в нескольких шагах от двери. Валерий удовлетворенно пробормотал что-то сквозь зубы.

— Все ли ворота закрыты? — спросил он затем.

— Да, государь.

— Устроить стражу немедленно. Никто не должен входить или выходить из города без самого тщательного досмотра. Пусть прочешут улицы и обыщут каждый дом. Важный узник сбежал из тюрьмы с помощью аквилонского мятежника... Кто-нибудь из вас успел его узнать?

— Нет, государь. Старик сторож видел его, но мельком, и может только сказать, что это был великан, одевшийся в черный наряд палача, а сам палач, зарезанный, валяется голым в одной из камер...

— Этот человек очень опасен, — сказал Валерий. — Не пытайтесь взять его живым. Как выглядит графиня Альбиона, вы все знаете. Ищите ее. Если найдете, убейте на месте и ее, и того, кто будет с ней. Исполняйте!

Вернувшись во дворец, Валерий вызвал к себе четверку людей странной и явно чужеземной наружности. Все они были рослыми и худыми, с желтоватой кожей и неподвижными лицами. Они были очень похожи один на другого и чертами, и одеждой — все в длинных черных хламидах, из-под которых едва виднелись обутые в сандалии ноги. Черные капюшоны бросали тень на их лица. Они стояли перед Валерием, спрятав в широких рукавах скрещенные руки. Валерий немало путешествовал по свету и повидал разные народы. Он смотрел на этих четверых без особого удовольствия.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая изгнанными из своего королевства и умирающими с голоду, вы поклялись вечно служить мне, — начал он без предисловий. — И вы неплохо держали слово... хотя и отвратительны были ваши дела. Сослужите же мне еще одну службу, и я разрешу вас от клятвы... Я

узнал, что киммериец Конан, прежний король Аквилонии, еще жив — несмотря на чары Ксальтотуна... а может быть, и благодаря им, это мне неизвестно. Мрачный ум воскрешенного демона превыше разумения смертного человека. Я знаю одно: пока жив Конан — я в смертельной опасности. Народ принял меня как меньшее из двух зол — они ведь думали, что Конан погиб. Но стоит ему объявиться, и я моргнуть не успею, как трон зашатается у меня под ногами!.. Я даже думаю, что союзники мои одобряют такую смену правителей, если решат, что свое дело я сделал. Откуда мне знать? Но этот мир слишком мал: двум королям Аквилонии в нем не ужиться. Итак, я велю разыскать киммерийца! Пустите в ход все свои способности и выследите его, где бы он ни прятался, куда бы ни бежал. В Тарантии у него много друзей. Кто-то помог ему, когда он похищал Альбиону! Один человек — даже Конан — не мог учинить такого побоища в проулке за Железной Башней... Однако довольно. Берите посохи — и в путь! Я не знаю, куда приведет вас его след. Но вы должны его разыскать. А когда разыщете — убейте его! Четверо кхитайцев одновременно поклонились. И, так и не произнеся ни единого слова, повернулись и мягким шагом неслышно вышли из комнаты.

Глава одиннадцатая

РЫЦАРИ ЮГА

Рассвет, занявшийся над вершинами далеких холмов, окрасил паруса небольшой лодки, спускавшейся по реке. Река — могучий Хорот — текла примерно в миле от тарантийских стен, затем поворачивала к югу. Надо сказать, эта лодка весьма сильно отличалась от большинства других суденышек, сновавших по широкой глади Хорота. Она не принадлежала ни рыбаку, ни купцу, везущему богатый товар. Она была длинной и узкой, с высоким загнутым носом и черная, точно из черного дерева, а по бортам белели нарисованные черепа. Посередине виднелась крохотная каюта с плотно занавешенными окошками. Другие суда далеко обходили зловецкий корабль: все знали, что в этой «лодке паломника» лежало тело умершего поклонника Асуры, отправившегося в последнее путешествие на юг, туда, где, далеко за горами Пуантена, Хорот вливался наконец в синий океан. Вся река отлично знала, как выглядели «лодки паломников», и никто, даже наиболее ревностные митраиты, не смел касаться их и чинить препятствия их печальному странствию.

Куда стремились эти суденышки, не ведал никто. Одни говорили — в Стигию, другие — к безымянному острову, невидимому за горизонтом, третьи верили, что умершие обретали последнее пристанище в Вендии,

таинственной и прекрасной восточной стране. Но все это были только догадки и домыслы. Умершие последователи Асуры отправлялись вниз по великой реке в лодке, направляемой громадным рабом, и больше никто никогда не видел ни тела, ни лодки, ни раба. А может, правы были те, кто утверждал, будто на веслах всегда сидит один и тот же раб?..

Человек, гнавший лодку по залитому утренним солнцем Хороту, был велик ростом и темнокож. Одетый в кожаную набедренную повязку и сандалии, он ловко правил и с необыкновенной силой орудовал веслами. Дотошный глаз мог бы заметить, что цветом кожи он был обязан тщательно наложенной краске. Но вплотную к погребальной лодке не смел приблизиться никто. Все знали, что над асуритами тяготело проклятие, а «лодки паломников» охраняла могущественная и недобрая магия. Рулевые встречных суденышек спешили переложить руль и прошептать охранительное заклинание, понятия не имея, что тем самым способствуют побегу своего короля и графини Альбионы!

Станным было их путешествие в узкой черной лодке по великой реке. Где-то там, двумя сотнями миль ниже по течению, Хорот круто сворачивал к востоку, обходя Пуантенские горы. А пока с обеих сторон разворачивалась, постоянно меняясь, панорама берегов. Днем Альбиона, как и подобает умершему, смиренно лежала в каюте, а Конан греб. Девушка выбиралась наружу только в ночные часы, когда реку покидали прогулочные суда с разодетыми бездельниками, отдохавшими на шелковых подушках, а суетливые рыбацьи лодки ожидали рассвета у берегов. Тогда Альбиона садилась к рулю, чтобы Конан мог поспать хотя бы несколько часов. Но король не нуждался в длительном отдыхе. Нетерпение подгоняло его, а выносливое тело могло одолеть и не такие труды.

Лодка шла к югу без остановки.

Зима осталась на севере: днем ласково светило золотое солнце, а по ночам гладь реки отражала мириады сверкающих звезд. Проплывали мимо города, залитые морем огней, проплывали гордые виллы и тучные пастбища. И вот засинели впереди Пуантенские горы — хребты громоздились один на другой, подобно бастионам, выстроенным руками Богов. С разбегу ударившись в громадные скалы, великая река прокладывала себе путь между холмами, с ревом и грохотом обрушиваясь водопадами и вскачь летя по порогам.

Внимательно осмотрев берег, Конан повернул рулевое весло и направил лодку к мысу, где высилась серая, странной формы скала, окруженная правильным кольцом елей.

— И как это лодки проходят пороги, ревущие там, впереди? Не пойму — проворчал он. — Хадрат говорил, как-то проходят... Ну да нам все равно соваться туда ни к чему. Жрец обещает, здесь нас будет ждать человек с лошадьми. Я, правда, никого что-то не вижу. И каким образом весть о нашем прибытии могла обогнать нас самих?

Мощным взмахом весел он выгнал лодку на низкий берег и привязал к толстому корню, торчащему из земли. Потом окунулся в воду и смыл краску, возвращая своей коже естественный цвет. Достав из каюты аквилонскую кольчугу, раздобытую для него Хадратом, он натянул одежду и доспехи, Альбиона же облачила в костюм для верховой езды по горам. Застегнув последнюю пряжку, Конан вновь оглянулся на берег... и вздрогнул, а рука метнулась к мечу. Ибо на берегу, под деревьями, стоял человек в черном. Он держал под уздцы изящную белую лошадку и гнедого боевого коня.

— Кто ты? — спросил король.

Человек низко поклонился ему:

— Я асурит. Я получил приказание и исполнил его.

— Как это «получил»? — поинтересовался Конан, но тот лишь поклонился еще раз:

— Я пришел, чтобы проводить вас через горы до первой крепости пуантенцев.

— Проводник, — сказал Конан, — мне не нужен, я хорошо знаю эти места. Спасибо тебе за коней, друг, но мы с графиней привлечем меньше внимания, если поедем одни.

Человек вручил Конану поводья и забрался в лодку. Оттолкнувшись от берега, он направил ее вниз по течению, туда, где гремели вдали невидимые перекаты. Конан в недоумении покрутил головой. Потом посадил графиню в седло, сам сел на гнедого, и оба поскакали к горам, чьи зубчатые вершины казались башнями, подпиравшими небо.

Холмистая местность у подножия хребтов была теперь своего рода пограничьем и переживала темные и смутные времена. Каждый барон был сам за себя, повсюду беспрепятственно бродили ватаги разбойников. Пуантен еще официально не объявил о своем отделении от Аквилонии, но фактически превратился в самостоятельное королевство, управляемое наследным графом Троцero. Предгорья номинально подчинялись Валерию, но он и не пытался штурмовать заоблачные перевалы с их твердынями, над которыми вызывающе развевалось малиновое знамя с леопардом.

Стоял тихий вечер. Король и его прекрасная спутница поднимались все выше по склону. И чем выше они взбирались, тем шире расстилались перед ними всхолмленные равнины предгорий, покрытые лиловыми тенями отгоревшего дня, украшенные мягким блеском рек и озер, золотом плодородных полей и белизной далеких сторожевых башен. А впереди, высоко-высоко, виднелась первая из пуантенских твердынь суровая крепость, нависшая над узким ущельем, и малиновое знамя вилось над ней в чистой синеве неба.

Крепость была еще не близко, когда из-за деревьев появился отряд рыцарей в начищенных латах. Рыцари были настоящими южанами: высокими, темноглазыми, с воронными кудрями.

— Остановись, почтенный, — сказал Конану предводитель. — Зачем и по какому делу едешь ты в Пуантен?

— С каких это пор людей в аквилонских доспехах здесь останавливают и допрашивают, точно чужестранцев? — пристально глядя на него, спросил Конан. — Или Пуантен восстал?

— Самые разные люди едут нынче из Аквилонии, — хмуро ответил рыцарь. — Что же до восстания — если назвать этим словом неподчинение узурпатору, то да, тогда Пуантен восстал. Мы согласны служить памяти мертвого мужа, но не живому псу!

Тут-то Конан сорвал с себя шлем и, откинув густую черную гриву, прямо поглядел в глаза говорившему. Пуантенец отшатнулся и стал бледен как смерть.

— Силы небесные! — задохнулся он. — Это короли! Он жив! Жив!

Его спутники недоуменно взгляделись... и разразились ревом изумления и восторга. Плотнo окружив Конана, они выкрикивали боевой клич и в избытке чувств размахивали мечами. Шумное ликование пуантенских воителей могло насмерть перепугать не смелого человека.

— Троцero заплачет от радости, увидев тебя, государь! — крикнул один из них.

— И Просперо! — добавил другой. — На нашего полководца с тех самых пор как будто и солнце не светит. Только знай клянет себя день и ночь за то, что не подоспел вовремя к Валкии и не погиб рядом со своим королем!

— Теперь мы вернем королевство! — заорал третий, вращая над головой громадным мечом. — Да здравствует Конан — король Пуантена!..

Восторженные крики и лязг блистающей стали спугнули птиц, и они пестрой тучей снялись с ветвей ближних деревьев. В жилах рыцарей кипела горячая южная кровь, они жаждали лишь одного: скорее бы счастливо обретенный король вновь повел их к победам и славе.

— Приказывай, государь! — кричали они. — Позволь, кто-нибудь из нас поскачет вперед и доставит в Пуантен весть о твоём возвращении! Пусть над башнями развеваются флаги, пусть розы ложатся под копыта твоего коня! Пусть красота и доблесть Юга окажут тебе почести, подобающие твоему...

Но Конан непреклонно покачал головой.

— Кто подвергает сомнению вашу верность? — сказал он. — Дело только в том, что ветер, разносчик вестей, невозбранно летит через горы — и не только в дружественные страны. А им пока совсем ни к чему знать о том, что я жив. Проводите меня к Троцero, но смотрите никому не открывайте, кто я такой.

Рыцари мечтали о триумфальном шествии, а получилось что-то вроде тайного побега. Ехали спешно, скрытно и молча — разве только шептали словечко-другое старшинам крепостей на очередном перевале. Конан ехал меж спутников, не поднимая забрала.

Горы были почти безлюдны: жили здесь только солдаты в сторожевых замках да беглые разбойники, объявленные вне закона. Пуантенцы не видели нужды в том, чтобы в трудах и муках добывать скудное пропитание, возделывая суровые скалы. К их услугам были прекрасные и щедрые земли, простиравшиеся южнее гор до самой реки Алиманы, за которой лежала Зингара.

За горами, в Аквилонии, зимняя стужа оголила ветви деревьев, а здесь зеленели травами роскошные луга, в которых паслись табуны коней и стада скота — гордость и слава Пуантена. Пальмовые и апельсиновые рощи радовались ласковому солнцу, великолепные

пурпурные, золотые, малиновые башни богатых городов так и сияли. Это была страна изобилия и тепла, прекрасных женщин и неустрашимых воителей. Не только суровые земли способны рождать храбрецов. Жадные соседи издревле зарились на Пуантен, и сыны его были закалены беспрестанными войнами.

С севера страну прикрывали хребты гор, но на юге лишь Алимана отделяла пуантенские равнины от равнин Зингары, и воды ее сотни раз окрашивались кровью. К востоку лежал Аргос, а за ним Офир, и оба отличались высокомерием и алчностью. Мечи пуантенских рыцарей ограждали страну, и праздные минуты редко им выпадали.

И вот Конан прибыл в замок графа Троцero...

* * *

Конан сидел на шелковом диване в богато убранном чертоге. Теплый ветер шевелил прозрачные шторы на окнах. Троцero ходил по комнате туда и сюда, точно пантера по клетке. Это был гибкий, нервный мужчина с талией девушки и плечами бойца. Прожитые годы почти не оставили на нем отпечатка.

— Разрешите нам провозгласить тебя королем Пуантена! — уговаривал он Конана. — Пусть эти ничтожные северяне влачат ярмо, в которое сами сунули шеи. Юг по-прежнему твой! Живи здесь и правь нами среди цветов и пальмовых рощ...

Конан покачал головой:

— Пуантен благороден, как ни одна другая страна. Но и ей, при всем мужестве ее сынов, не выстоять в одиночку.

— Мы поколениями оборонялись в одиночку, — возразил Троцero с ревливой гордостью, присущей его народу. — Мы не всегда были частью Аквилонии!

— Я знаю, — сказал Конан. — Но в те времена все королевства были раздроблены на мелкие владения, без конца воевавшие друг с другом. Теперь все по-другому. Дни герцогств и вольных городов миновали,

грядет эпоха империй. Правителям снятся завоевания, и защититься можно только в единстве.

— Так давай присоединим Зингару к Пуантену, — предложил Троцero. — Там теперь не менее полдюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу лишь сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается, чтобы ты им правил. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия?.. Нет, Троцero. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

— Тогда веди нас через горы, и мы выгоним немедийцев!

Свирепые глаза Конана благодарно потеплели. Но...

— Это стало бы напрасной жертвой, Троцero, — сказал он. — Я уже объяснял тебе, что именно я должен сделать, чтобы вернуть королевство. Я должен разыскать Сердце Аримана..

— Но это же сумасшествие! — возмутился Троцero. — Бредни еретического жреца!.. Бормотание свихнувшейся ведьмы!..

— Не был ты в моем шатре перед Валкией, — мрачно ответил Конан и невольно покосился на свое правое запястье, где еще виднелись синие пятна. — Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моей армии. Нет, Троцero, это не бред, и я в том убедился. Ксальтотун — не простой смертный, и противостоять ему можно только с Сердцем Аримана в руках. Так что я все-таки поеду в Кордаву. И при том один.

— Это слишком опасно... — не сдавался Троцero.

— А жить не опасно? — проворчал король. — Но я поеду не как аквилонский владыка и даже не как пуантенский рыцарь. Я буду простым странствующим наемником, как в прежние годы. Это верно, к югу от Алиманы у меня полно врагов и на суше, и на море. Многие, понятия не имея о короле Аквилонии, вспомнят Кована — вождя барахских пиратов. Или Амру — предводителя черных корсаров. Но хватает у меня и друзей, а кроме того, есть люди, которые по некоторым причинам будут рады мне помочь...

Воспоминания заставили его слегка улыбнуться.

Троцero уронил руки, отчаявшись убедить короля, и повернулся к Альбионе, сидевшей на соседнем диване.

— Я понимаю твои сомнения, господин мой, — сказала она. — Но я тоже видела монету в храме Асуры и помню слова Хадрата о том, что ее отчеканили за целых пятьсот лет до падения Ахерона! Если, как утверждает государь, на монете изображен именно Ксальтотун, то значит, что в прежней своей жизни он не был обычным волшебником. Его век измерялся столетиями — разве простому смертному это под силу?

Ответить Троцero не успел: в дверь почтительно постучали, и чей-то голос произнес:

— Повелитель! Мы поймали какого-то человека, прокравшегося в замок. Он говорит, что хотел бы сообщить нечто твоему гостю. Как прикажешь с ним поступить?

— Аквилонский шпион!.. — прошипел Троцero и схватился за кинжал, но Конан возвысил голос:

— Откройте дверь! Я сам посмотрю, что это за птица.

Приказание было исполнено: на пороге появился худощавый мужчина в темной куртке с капюшоном. Двое суровых стражников держали его за руки.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Мужчина кивнул, и могучие стражники потрясенно уставились на Троцero.

— К нам на юг пришло слово, — сказал асурит. — За Алиманой мы уже не сможем тебе помогать: наше влияние распространяется отсюда не к югу, а лишь на восток, вдоль русла Хорота. Но вот что я вызнал: вор, которому Тараск поручил Сердце Аримана, до Кордавы так и не добрался. В Пуантенских горах его убили разбойники. Сердце досталось их вождю, который о его истинной природе и не догадывался. Вскоре пуантенские рыцари уничтожили его шайку, и он, оставшись ни с чем, продал Сердце кофийскому купцу по имени Зорат...

— Ха! — Конан вскочил, как подброшенный. — И что этот Зорат?..

— Четыре дня назад он пересек Алиману, направляясь в Аргос. С ним были вооруженные слуги.

— Глупец! Нынче пересекать Зингару небезопасно, — заметил Троцero.

— Верно, за рекой беспокойно. Но Зорат смел и по-своему безрассуден. Он торопится в Мессантию, надеясь там найти покупателя. Возможно, он даже догадывается, что именно попало ему в руки, и хочет продать Сердце стигийцам. Во всяком случае, едет он напрямик через восточную Зингару, кратчайшим путем, пренебрегая более протяженной дорогой вдоль границ Пуантена...

Конан так грохнул по столу кулаком, что тяжелая столешница задрожала.

— Во имя Крома! Неужто удача наконец-то надумала мне улыбнуться? Коня, Троцero! Скорее коня и доспехи вольного наемника! Зорат, конечно, опередил меня, но уж не настолько, чтобы я не смог его догнать — хотя бы на краю света!

Глава двенадцатая

КЛЫК ДРАКОНА

На рассвете Конан верхом переправился через мелководную Алиману и поскакал по широкой караванной тропе, что вела на юго-восток. А на покинутом им берегу молча сидел в седле граф Троцero, окруженный закованными в сталь рыцарями, и малиновое знамя с леопардом Пуантена трепетало на утреннем ветру над его головой. Темноволосые люди в блестящих доспехах хранили молчание, пока синяя дымка расстояния окончательно не поглотила их короля...

Конан ехал на громадном вороном жеребце, которого подарил ему Троцero. На плечах короля больше не было аквилонской кольчуги; если верить доспехам, он был наемником из Вольного Братства, члены которого, как известно, принадлежали ко всем народам земли. На голове Конана был простой шлем, помятый в боях, тело прикрывала выдавшая виды броня, а красный плащ, развевавшийся за плечами, был изрядно поношен и не особенно чист. Словом, Конан с головы до пят выглядел именно тем, за кого себя выдавал, — наемным рубакой, познавшим все гримасы и капризы судьбы: сегодня — богатая добыча, а завтра — ветер в кошельке да затянутый потуже ремень.

Конан не только выглядел наемником, он себя им и ощущал. Старые воспоминания проснулись в нем

и властно заговорили. Вновь встали перед глазами безумные, далекие славные времена, когда ему и не снилась корона, когда он странствовал и сражался, бражничал и бесчинствовал, думать не думая о завтрашнем дне. Если он тогда о чем и мечтал, так только о пенистом кубке, об алых девичьих устах да остром клинке, который обошел бы с ним бранные поля целого мира.

Сам не сознавая того, он все более возвращался к прежним повадкам. Развязность появилась в его поведении, в посадке на лошади — щегольство. Полузабытые ругательства сами собой слетали с его губ. Покачиваясь в седле, он мурлыкал старые песни — те самые, что они с друзьями хором ревели когда-то в тавернах, на пыльных дорогах, на полях кровавых сражений...

Опытный глаз его примечал, что в Зингаре вправду было беспокойно. Конные отряды, обычно разъезжавшие вдоль реки на случай набега из Пуантена, подевались неизвестно куда. Междоусобная грызня оголила границы. Пустынная дорога белела от горизонта до горизонта. Не позвякивали колокольцами караваны груженых верблюдов, не катились, постукивая колесами, повозки, не мычали стада. Конану попадались лишь редкие группы всадников, одетых в кожу и сталь, с жестокими глазами и ястребиными лицами. Они скакали стремя в стремя и держались настороженно. Обшарив Конана взглядами, они ехали прочь: с этого одинокого путника было явно нечего взять, зато схватка с ним обещала быть страшной.

Опустевшие деревни лежали в развалинах, поля стояли непахаными, луга заросли. Усобицы и налеты из-за реки почти выкосили здешний народ, времена были такие, что лишь храбрейшие дерзали путешествовать с места на место. А ведь в мирные дни эта дорога так и кишела купцами, спешившими из Пуантена в Аргос, в город Мессантию, и назад. Теперь

большинство торговцев предпочитало другой путь, тот, что вел пуантенскими землями на восток и лишь потом сворачивал к югу, в Аргос. Та дорога была много длинней, зато безопасней. Только отчаянный смельчак отважился бы рисковать товарами и самой жизнью, пересекая Зингару.

У южного горизонта ночами стояло зарево, днем к небу вздымались шаткие столбы дыма: в городах и весях юга гибли люди, рушились троны, горели великолепные замки. Временами Конана брало дотянувшееся из прошлого искушение: а не повернуть ли коня, не ринуться ли очертя голову в битвы и грабежи, как когда-то?.. И на что ему в таких трудах и муках отвоевывать свое право властвовать над народом, который успел уже его позабыть? Зачем гнаться за блуждающим огоньком, стремясь к утраченной навеки короне? Почему бы ему не забыться, не затеряться в кровавом водовороте войны, как прежде бывало?.. А королевство — да неужели он нового себе не создаст?..

Мир, думалось Конану, вступал в век железа, войн и имперских устремлений, и сильный человек вполне мог подняться над руинами наций, как новый завоеватель. Почему бы ему не стать таким человеком?

Так нашептывал ему знакомый бес-искуситель, а перед внутренним оком кружились призраки его кровавого и незаконного прошлого. Но Конан так и не свернул с пути. Он ехал вперед и вперед, неустанно стремясь к цели, которая казалась чем дальше, тем все менее ясной, порою напоминая несбыточный сон.

Со всей возможной скоростью гнал он вороного жеребца по белой дороге, простиравшейся от горизонта до горизонта. Зорат и вправду намного его обогнал, но Конан знал, что едет наверняка быстрее, чем обремененный товарами купец. И спустя некоторое время дорога привела его к замку графа Вальбросо, что высился, подобно гнезду стервятника, на голом хол-

ме. Вальбросо сам выехал из ворот во главе своих молодцов. Это был смуглый худой человек с блестящими глазами и хищным носом, похожим на клюв. На нем были черные латы, а позади скакали три десятка копейщиков — черноусые ястребы пограничных войн, такие же алчные и безжалостные, как и их хозяин. Оскудевшие караваны давно не приносили добычи, и Вальбросо клял на чем свет стоит бесконечные усобицы, из-за которых дороги стали пустынями, — впрочем, эти же благословенные усобицы дали ему повод для безнаказанной расправы с соседями...

Одинокий путник, замеченный с башни, выглядел не слишком лакомым кусочком, но Вальбросо привык извлекать барыш из всего. Многоопытным взглядом окинул он Конанову потрепанную кольчугу и темное, в шрамах, лицо и сделал тот же вывод, что и всадники, с которыми киммериец разминулся ранее: тяжелый меч и пустой кошелек.

— Куда едешь, мошенник? — спросил граф.

— В Аргос, — ответил Конан. — Я — наемник. А как звать, неважно.

— Справные наемники нынче держат путь не туда, а оттуда, — проворчал Вальбросо. — Теперь все веселье на юге: и сражения, и добыча. А может, вступишь в мой отряд? С голоду не помрешь, это я тебе обещаю. На большой дороге, правда, совсем не осталось жирных купцов, которых стоило бы пощипать, но я со своими парнями думаю вскоре перебраться на юг и наняться к тем, кто ближе к победе!

Конан ответил не сразу. Он знал: стоит прямо заявить «нет», и Вальбросо тут же натравит на него своих головорезов. Зингарец же, не дождавшись ответа, сказал еще:

— Вы, вольные наемники, знаете уйму способов развязать язык самому упрямому человеку. А у меня как раз пленник — последний перехваченный мною купец, ибо я, клянусь Митрой, уже несколько недель не видел ни одного. Так вот, у негодня была с собой

железная шкатулка, и мы не сумели ни вскрыть ее, ни заставить упряма выдать секрет. Во имя Иштар! Я-то думал, нет средств убеждения, которыми бы я не владел, но, может быть, ты, бывалый наемник, знаешь что-нибудь такое, что неведомо мне? Поехали в замок, посмотрим, не получится ли у тебя!

Эти слова возымели действие тотчас. Конан кивнул головой. В самом деле, пленником графа вполне мог оказаться и Зорат. Конан не был знаком с ним, но человек, у которого хватило духу пуститься в такое время по зингарским дорогам, мог, чего доброго, устоять и под пыткой...

Конан повернул коня и поехал рядом с Вальбросо по извилистой тропе, поднимаясь на холм, где упрямо высился замок. Вообще-то ему, как простому воину, полагалось бы ехать позади графа, но сила привычки взяла свое, а Вальбросо не обратил внимания. Годы, прожитые на границе, напрочь отучили его от этикета, уместного при блестящем королевском дворе. Он хорошо знал, как горды и независимы наемники, чьи мечи возвели на трон не одного короля...

* * *

Высохший ров был местами до половины забит мусором. Копыта коней простучали по подъемному мосту, и отряд въехал в ворота. С мрачным лязгом упала сзади решетка. Пустынный двор зарос кое-где чахлой травой, посередине виднелся колодец. Вдоль стен ютились покосившиеся лачуги воинов графа, из дверей выглядывали женщины: одни неряхи неряхами, другие — увешанные безвкусыми украшениями. Стражники в ржавых кольчугах резались в кости, сидя под арками на каменной мостовой... Сущее разбойничье гнездо, а не замок дворянина!

Вальбросо спешил и жестом пригласил Конана за собой. Войдя в дверь, они миновали длинный сводчатый коридор и натолкнулись на хмурого человека

в кольчуге, спускавшегося навстречу по лестнице. Конан пригляделся к шрамам на его лице и решил, что это, скорее всего, был капитан стражи.

— Ну что, Белосо? — спросил граф. — Заговорил?..

— Упряма, как черт, — буркнул Белосо, бросая на Конана подозрительный взгляд исподлобья.

Грязно выругавшись, владелец замка в ярости затопал по винтовой лестнице вверх. Конан и капитан последовали за ним.

Чем выше они поднимались, тем слышней делались стоны человека, терпящего ужасные муки. Пыточный застенок в замке Вальбросо располагался не в подземелье, как обычно, а, напротив, высоко над двором. Внутри застенка сидел на корточках волосатый, звероподобный мужик в кожаных штанах и, чавкая, обгладывал говяжью кость. А вокруг громоздились дыбы и крючья, тиски и прочие приспособления, изобретенные человеческим разумом для того, чтобы рвать плоть, дробить кости, выворачивать суставы и сухожилия...

На дыбе висел нагой человек, и Конан с первого взгляда понял, что страдать ему осталось недолго. Его руки, ноги и само тело были страшно растянуты, что говорило об исковерканных суставах и многочисленных внутренних разрывах. Смуглое лицо человека было умным и тонким, но глаза налились кровью и остекленели от муки, капли смертного пота стекали со лба, а рот был перекошен оскалом.

— Вот шкатулка, о которой я говорил. — Вальбросо зло пнул небольшой, но увесистый железный сундучок, стоявший поблизости на полу. Его покрывал замысловатый узор из крохотных черепов и сплетающихся драконов, но Конан не заметил никаких признаков замка, запиравшего крышку. Было видно, что сундучок жгли огнем, рубили топором и зубилом, но едва смогли оцарапать. — Этот пес держит там свои драгоценности, — зло продолжал Вальбросо. — Весь Юг знает Зората и его железную шкатулку, но

что в ней — одному Митре известно. Не открывает секрета, хоть тресни! Зорат!..

Итак, перед Конаном был человек, которого он так долго искал. Сердце короля забилося у горла, но, когда он склонился над мучеником, о его истинных чувствах догадаться было невозможно.

— Ослабь веревки, скотина! — резким голосом приказал он палачу. Вальбросо с капитаном устали на него в некотором недоумении: забывшись, Конан заговорил привычным повелительным тоном, палач же инстинктивно повиновался. В голосе незнакомца слышался металл, он явно не шутил, и заплочных дел мастер отпускал веревки постепенно — резкая слабина причинила бы разорванным суставам такую же муку, как и дальнейшее растягивание. Схватив кубок вина, стоявший неподалеку, Конан поднес его ко рту несчастного. Зорат судорожно глотнул, проливая вино на тяжело вздымавшуюся грудь. Потом в налитых кровью глазах затеплился огонек узнавания. Шевельнулись губы, покрытые запекшейся пеной. Задыхаясь и всхлипывая, Зорат заговорил по-кофийски:

— Значит, я умер? Значит, кончились наконец эти пытки?.. Передо мной король Конан, погибший при Валкии: я среди мертвых...

— Еще нет, — сказал Конан. — Но ты умираешь. Больше тебя не будут пытаться, это я обещаю. Но и помочь тебе я уже ничем не могу. Зорат! Скажи, как открыть твой сундучок?

— Мой сундучок, — пробормотал Зорат, соскальзывая в бредовое беспамятство. — Железный сундучок; выкованный в адовом пламени огненных гор Хроша... ни одно зубило его не возьмет. Какие сокровища возил я в нем по всему свету! Но равного тому, что лежит там теперь, еще не бывало.

— Скажи, как открыть, — тормошил его Конан. — Тебе оно уже не пригодится, а мне может помочь!

— Да, ты — Конан.. — невнятно бормотал кофиец. — Я видел тебя на престоле в тронном зале, в Тарантии...

со скипетром в руках, с короной на голове... Ты мертв: тебя убили при Валкии. Стало быть, умер и я...

— Что там несет эта падаль — нетерпеливо спросил Вальбросо, не понимавший по-кофийски. — Скажет он наконец, как отпирается чертов ящик?

Голос мучителя словно раздул в измученной груди искорку жизни. Зорат обратил налитые кровью глаза в сторону говорившего.

— Одному Вальбросо открою я тайну... — прошепестел он по-зингарски. — Я умираю... Нагнись ко мне, Вальбросо!

Граф не заставил себя упрашивать: отвратительная алчность была написана у него на лице. Угрюмый Белосо придвинулся вплотную к хозяину.

— Надави один за другим семь черепов по краю, — с трудом выдохнул Зорат. — А потом — голову дракона, изваянного на крышке. И наконец — шарик в лапах дракона. Потайная пружина...

— Живо ящик сюда! — заорал Вальбросо, добавив ругательство.

Конан поднял сундучок и поставил на лавку. Граф толкнул его плечом, оттирая в сторону. Белосо шагнул вперед...

— Позволь, я открою...

Вальбросо разразился такими проклятиями, что капитан отшатнулся. Черные глаза графа горели жадностью.

— Никто, кроме меня!

Конан, успевший инстинктивно протянуть руку к мечу, покосился на Зората. Стекленеющие глаза страдальца были с пристальным вниманием устремлены на Вальбросо... Конану померещилась даже тень зловещего торжества, искривившая усмешкой губы Зората. Лишь осознав, что умирает, кофиец согласился выдать секрет... Конан повернулся к Вальбросо и стал ждать, что же будет.

По краю крышки ларца были вырезаны сплетенные ветви какого-то дерева и между ними — семь

черепов. Сверху, среди фантастических узоров, красовался инкрустированный дракон. Трясущимися от нетерпения руками Вальбросо торопливо надавил черепа, затем прижал большим пальцем резную голову дракона... и вдруг, выругавшись, отдернул руку и раздраженно встряхнул ею.

— Какой козел не загладил резьбу? — прорычал он. — Так и руки недолго попортить...

Он тронул золотой шарик, что дракон держал в коготках, и крышка неожиданно отскочила. Золотое пламя ослепило глаза! Казалось, шкатулка была полна брызжущего огня, который переливался через край и разбрасывал по всей комнате трепетные искры. Белосо вскрикнул, а Вальбросо с шумом втянул в себя воздух.

Онемевший Конан стоял неподвижно, околдованный невероятным сиянием.

— Митра!.. Вот это камень!.. — Волосатая лапа Вальбросо нырнула в сундук, чтобы извлечь наружу большой алый шар, исходивший пульсирующим светом. В этом свете Вальбросо почему-то выглядел как покойник, зато снятый с дыбы умирающий внезапно разразился хохотом, диким и жутким.

— Глупец! — крикнул он. — Ты получил камень, и вместе с ним — смерть! Ты думаешь, что уколол палец?.. Приглядишься к голове дракона, Вальбросо!..

Обернулся не только граф — все, бывшие в комнате. Что-то маленькое и блестящее торчало из оскаленной металлической пасти...

— Клык дракона! — надрывался Зорат. — Я смазал его ядом черного стигийского скорпиона! Глупец, ты взялся за мой ларец без перчатки! Ты мертв, Вальбросо! Ты мертв!..

Кровавая пена хлынула из уст купца — душа его отлетела.

— О Митра, я горю!.. — взвизгнул Вальбросо и зашатался. — Огонь мчится по жилам!.. Рвутся суставы!.. Это смерть, смерть!..

И, покачнувшись, он рухнул на пол. Жуткие судороги скрутили его тело немыслимыми узлами; так он и застыл, глядя вверх бессмысленными глазами, обнажая в оскале почерневшие десны.

— Мертв, — пробормотал Конан и нагнулся подобрать камень, выкатившийся из скрюченной ладони Вальбросо. Сердце Аримана трепетало на полу, точно живой кусочек заката...

— Мертв, — повторил Белосо. Взгляд его был безумен. Он метнулся вперед...

Завороженный сиянием Сердца, Конан не ждал подвоха. Он понял намерение Белосо лишь тогда, когда нечто тяжелое обрушилось сверху на его шлем. Золотой свет камня сменился кровавым туманом, Конана бросило на колени...

Он услышал топот и животный рев убиваемого человека. Конан был оглушен, но сознания не потерял и успел понять, что Белосо огрел его, нагнувшегося, железной шкатулкой. Добрый боевой шлем спас короля. Пошатываясь, он поднялся, выхватил меч и затряс головой, пытаясь остановить стены комнаты, плясавшие перед глазами. Дверь была распахнута; торопливые шаги уже стихали, удаляясь по винтовой лестнице. Звероподобный палач испускал дух, валяясь на полу со страшной раной в груди.

Сердце Аримана исчезло.

Конан на нетвердых ногах выбрался из застенка наружу. Он держал в руке меч, по лицу из-под шлема бежала кровь. Качаясь, как пьяный, он сбежал вниз по ступеням. Со двора донесся звон стали, крики, затем отчаянный топот копыт. Пронзительно визжали женщины. Вывалившись во двор, Конан увидел суматошно мечущихся воинов. Задние ворота были раскрыты, поперек выхода, все еще сжимая копьё, лежал с разрубленной головой мертвый солдат. По двору с испуганным ржанием бегали кони, с которых никто не позаботился снять уздечки и седла. Был среди них и Конанов вороной жеребец.

— Он сошел с ума! — ломая руки, истошно кричала какая-то женщина. — Выскочил из замка, точно бешеный пес, и ну рубить направо и налево! Говорю вам, Белосо спятил! Где граф Вальбросо, наш господин?..

— Куда делся Белосо? — взревел Конан.

Все разом замолчали и обернулись, пяля глаза на окровавленного незнакомца с мечом в руках.

— Ускакал в задние ворота! — ответил женский голос.

— А это еще кто? — заорал какой-то воин.

— Белосо зарубил графа! — крикнул Конан и, прыгнув, поймал за гриву своего жеребца.

Он не собирался ждать, пока неуверенно переминавшиеся молодцы на него нападут. И он не ошибся: они отреагировали на его сообщение именно так, как он и ожидал. Поднялся ужасный гвалт. Никому не пришлось в голову запереть ворота, взять Конана в плен или броситься в погоню за убийцей и отомстить за вожда. Этих волков объединял лишь страх перед Вальбросо. Не стало его — и каждый был сам за себя.

По всему двору загремели, сшибаясь, мечи, женский визг надрывал слух. Среди всеобщего смятения никому и дела не было до Конана, который, вскочив на коня, вылетел из ворот и умчался вниз по склону холма. Перед ним расстилалась широкая равнина, караванная же дорога за холмом раздваивалась: одна ее ветка уходила на юг, другая на восток. По восточной дороге, низко пригнувшись в седле, стремительно уносился всадник, отчаянно шпоривший коня. Ровная степь покачивалась у Конана перед глазами, багровый туман временами застилал солнечный свет. Король пошатывался в седле, хватаясь за гриву. Кровь капала на кольчугу. Мрачно стиснув зубы, Конан знай понукал жеребца.

За его спиной из замка на холме повалил густой дым. Там, внутри, труп графа Вальбросо так и валялся неприбранным рядом с телом замученного куп-

ца. Солнце садилось; на фоне страшного, кровавого неба мчались одна за другой две черные крохотные фигурки...

Вороной жеребец начинал уставать — как, впрочем, и лошадь Белосо. Но копыта могучего жеребца мелькали по-прежнему стремительно. Конан не утруждал больную голову рассуждениями о том, почему зингарец спасается бегством от одного-единственного преследователя. Быть может, Белосо поддался безрассудной панике, околдованный безумием, таившимся в сиянии камня?..

Солнце скрылось. Белая дорога едва мерцала в призрачных сумерках, впереди сгущалась лиловая тьма.

Тяжело дышал измученный жеребец. Даже в потемках было заметно, как менялась местность вокруг. Голую степь оживляли дубовые рощи и заросли ольхи. Невысокие холмы поднимались вдаль. Появились первые звезды... Жеребец пошатывался на бегу. Но Конан разглядел впереди густой лес, тянувшийся по холмам до горизонта, а между собою и лесом — смутный силуэт беглеца. И снова послал вперед едва живого коня: он видел, что расстояние между ним и Белосо сокращалось ярд за ярдом, медленно и неуклонно. Сквозь стук копыт из непроглядных теней на обочине послышались какие-то странные крики, но ни преследуемый, ни преследователь даже ухом не повели.

Когда лошади внесли их под деревья, смыкавшиеся кронами над дорогой, их разделяли считанные шаги. Яростный крик сорвался с губ Конана: он занес меч. Белосо обратил к нему бледное, еле различимое в темноте лицо и тоже занес смутно блеснувший клинок, ответив, точно эхо, на боевой клич короля... Но тут измотанный Конанов жеребец охнул и покатился кувырком, споткнувшись впотьмах. Вылетев из седла, Конан врезался больной головой в камень... и непроглядная тьма погасила для него звезды.

Долго ли он пролежал без чувств, Конан не знал. Сначала он почувствовал, что его волокут, схватив за руку, по каменистой земле, напролом сквозь густые кусты. Потом кто-то грубо швырнул его оземь, и от этого толчка сознание начало возвращаться.

Шлем укатился неизвестно куда, голову раскалывала тошнотворная боль, в волосах было полно запекшейся крови. Но Конан обладал жизненной силой дикого зверя, и едва успел проясниться перед глазами туман, как киммериец начал озираться и соображать, куда его занесло.

Большая красноватая луна светила сквозь ветви деревьев, и он понял, что полночь давно миновала. Видимо, Конан провалялся оглушенным несколько часов: вполне достаточно, чтобы оправиться и от удара, которым наградил его Белосо, и от падения с лошади. Голова теперь была определенно яснее, чем во время той сумасшедшей погони...

Тут Конан с удивлением отметил, что лежит вовсе не на обочине белой дороги, как ему сперва показалось. Дороги совсем не было видно. Конан лежал на траве посреди небольшой поляны, огороженной черной стеной древесных столов и путаницей ветвей. Лицо и руки короля были изодраны и исцарапаны, словно его в самом деле волокли сквозь заросли ежевики. Конан приподнялся на локте... И тотчас отшатнулся. Сидя на корточках, над ним склонился некто. Вернее, нечто.

Сперва Конан усомнился в собственном рассудке: больно уж эта тварь напоминала видение прямоиком из кошмарного бреда. Неподвижному серому существу, что смотрело на Конана глазами, в которых не чувствовалось души, быть реальным просто не полагалось.

Какое-то время Конан молча разглядывал его, почти ожидая, чтобы оно растаяло, точно дурной сон. Но потом в глубине сознания шевельнулось что-то полу-

забытое, и король содрогнулся, ощутив, как противный холодок пополз по спине. Недаром, знать, люди шепотом передавали из уст в уста пугающие слухи о серых тенях, что таились в безлюдных лесах по холмам на границе Зингары и Аргоса! Вурдалаки, пожиратели человечины, семя тьмы, потомство нечестивой похоти, толкнувшей давно забытое племя в объятия демонов Преисподней!.. Вот, значит, кто бродил в здешних первобытных лесах, прячась в проклятых руинах древнего города...

Не сводя глаз с уродливой башки нависшего над ним чудища, Конан осторожно потянулся к кинжалу, висевшему у бедра... И как раз в это время с ужасающим воплем, который невольно повторил человек, вурдалак прыгнул к его горлу.

Конан вскинул правую руку — собачьи клыки его противника тут же сомкнулись на ней, вдавливая в тело звенья кольчуги. Руки, похожие на человеческие, искали его горло, но Конан увернулся и левой рукой выдернул из ножен кинжал.

Они покатались по траве, вцепившись друг в друга. Под трупно-серой кожей вздувались мускулы, подобные стальным канатам; обычного человека они смяли бы без труда. Но мышцы Конана тоже были выкованы из стали, а кольчуга надежно защищала его от лязгающих клыков и когтей, стремящихся разорвать тело. Раз за разом всаживал он кинжал в вурдалака... Живучесть человекообразного монстра казалась неисчерпаемой, вдобавок каждое прикосновение скользкого, холодного тела вызывало у короля дрожь омерзения. Гадливость и невыносимое отвращение направили руку киммерийца — острый наконец отыскало сердце врага, и чудовище забилося в предсмертных муках, потом вытянулось и затихло.

Конан поднялся, борясь с тошнотой. Он стоял посреди поляны с кинжалом в руках, пытаясь понять, куда же идти. Древний инстинкт по-прежнему безошибочно указывал ему, где север, где юг. Но вот

дорога... Конан понятия не имел, куда затащил его вурдалак. Мрачным взглядом обвел он молчаливый, посеребрённый лунной черной лес, окружавший его со всех сторон... и помимо воли покрылся холодным потом. Он был один, без коня, затерянный в этих колдовских лесах... и дохлая тварь, валявшаяся у ног, внятно свидетельствовала, что в лесах этих, быть может, водилось еще кое-что похлеще. Конан даже задержал дыхание, напрягая слух: не хрустнет ли сучок, не зашуршит ли трава?..

И наконец звук раздался, да такой, что киммериец едва не подскочил. Ночную тишину прорезал отчаянный визг насмерть перепуганного коня! Это был голос его жеребца. Наверное, на него бросилась лесная пантера, или... или вурдалаки жрали не только людей!

Конан пронзительно свистнул и помчался на крик, сокрушая кусты и подлесок. Пробудившаяся ярость мгновенно выжгла в нем страх. Погибнет конь — как он тогда настигнет Белосо и отнимет у него камень?... Жеребец вновь завизжал, на сей раз немного поближе. Конь явно с кем-то сражался: Конан услышал удар копыта, пришедшийся во что-то податливое.

Неожиданно выскочив на широкую белую дорогу, он увидел своего коня. Облитый ярким светом луны, жеребец вставал на дыбы, метался и бил передним копытом. Его уши были прижаты, зубы злобно осцереены. Вокруг него, уворачиваясь, прыгала серая тень. Минуло какое-то мгновение, и, окружая Конана со всех сторон, возникли новые тени — мерзкие, скользкие, алчные. Потянуло трупным запахом, точно из склепа...

Но взгляд короля уже уловил некий блик: лунные лучи играли на лезвие его меча, полузасыпанного палыми листьями. Выругавшись, Конан метнулся к оружию, подхватил — и пошел рубить налево и направо! Разверзались слюнявые клыкастые пасти, гнус-

ные лапы тянулись к нему, пытаясь схватить, — и все-таки он прорубил себе путь, схватил поводья жеребца и прыгнул в седло. Его меч вздымался и падал — морозная радуга, отражавшая серебряный свет. Кровь разлеталась черными кляксами из расколотых черепов вурдалаков, из рассеченных надвое отвратительных тел. Жеребец бил копытами, лягался и кусал. Наконец они вырвались из кольца и бешеным галопом понеслись прочь по дороге. Какое-то время по обе стороны, силясь догнать, мчались серые тени. Потом они отстали. Жеребец Конана взлетел на вершину поросшего лесом холма, и король увидел впереди голые склоны, возносившиеся вверх и вверх...

Глава тринадцатая

«ТЕНЬ ЯВИЛАСЬ ИЗ ПРОШЛОГО...»

Солнце едва успело подняться, когда Конан пересек границу Аргоса. Ему так и не попался на глаза не то что сам Белосо — даже его след. Видать, успел унести ноги, покуда король лежал без сознания... если только вурдалаки не слопали его в зингарских лесах.

Но следов расправы над ним Конан опять-таки не заметил. Скорее даже наоборот: по-видимому, чудовища сперва увлеклись погоней за Белосо — вот потому-то и прошло несколько часов, прежде чем они занялись Конаном. Но если Белосо жив, значит, он скакал по той же дороге, опережая Конана на некоторое расстояние. В этом король был уверен вполне. Если бы похититель Сердца не стремился в Аргос, он для начала вообще не свернул бы на юго-восток, на эту дорогу.

Стражники, стоявшие на границе, не стали спрашивать Конана ни о чем. Кто требует бумаги у одинокого странствующего наемника, особенно если доспехи его не украшены ничьим гербом, а значит, он ни у кого на службе не состоит?..

Дорога вела Конана невысокими, заросшими травой холмами, где в кружевной тени дубрав лепетали ручьи. То вверх, то вниз шла дорога, убегая вперед по горам и долам, до затянутого голубой мглой горизон-

та. Очень, очень древним был этот путь, ведущий из Пуантена к морю...

В Аргосе царил мир. Запряженные быками повозки рокотали колесами по мощеной дороге. Загорелые, сильные люди трудились в садах и полях, привольно раскинувшихся вдоль обсаженного деревьями большака. Перед гостиницами, под сенью раскидистых дубов, сидели на скамьях почтенные старцы и приветствовали проезжающих мимо...

Конан чуть не каждого расспрашивал о Белосо: пахарей в полях, разговорчивых стариков в трактирах, куда он заглядывал промочить горло объемистым бурдюком пенящегося эля, и востроглазых купцов, одетых в шелка, что встречались ему по дороге.

Сведения были противоречивы, но постепенно Конан выяснил следующее. Где-то впереди него, очевидно, направляясь в Мессантию, в самом деле двигался по большаку тощий, жилистый, по-западному усатый зингарец с опасным блеском в черных глазах. Мессантия? Конан не удивился. Во всех морских портах Аргоса, в отличие от внутренних провинций, обитало весьма пестрое население, а Мессантия, пожалуй, была наиболее многоязычной. В ее гавани показывались корабли, приходявшие из всех мыслимых и немыслимых стран; город служил прибежищем бродягам и отщепенцам всех мастей. Ибо Мессантия жила и процветала морской торговлей, и в своих сделках с моряками горожане давно утратили невыгодную чистоплотность. Не только честные купцы торговали в Мессантии — рекой текли сюда и пираты, и контрабандисты. Все это Конан знал отлично, ибо и сам в прежние дни, будучи барахским пиратом, не раз под покровом ночи входил в этот порт, имея в трюме порою весьма странные грузы. Более того, многие пираты с тех же Барахских островов, затерявшихся в море к юго-западу от зингарского побережья, сами были аргосскими моряками. И покуда их алчное внимание было посвящено судам иных дер-

жав, аргосские власти проявляли весьма широкое понимание морских законов...

Беда, однако, заключалась в том, что Конан в свое время плавал не только с барахцами. Он имел дело и с зингарскими морскими разбойниками, и — самое скверное — с чернокожими корсарами, что являлись с далекого Юга опустошать северные берега. Это однозначно ставило его вне закона. Стоит кому-нибудь узнать его в любом порту Аргоса — и Конану не сносить головы. Тем не менее киммериец упрямо ехал в Мессантию, останавливаясь лишь затем, чтобы дать передышку коню да самому ненадолго смежить глаза.

Он въехал в город незамеченным и затерялся в толпе, кишевшей на улицах и площадях. В Мессантии не было стен: море и корабли надежно охраняли эти торговые врата Юга...

* * *

Вечерело. Конан неторопливо ехал по улицам, спускавшимся к самой воде. В конце улиц виднелись набережные и за ними — мачты и паруса кораблей. Сколько лет минуло с той поры, когда Конан последний раз вдыхал соленый запах моря, слышал гул ветра в снастях и скрип мачт, видел белые венцы волн и край земли, отступающей за корму?.. И вновь шевельнулась в сердце тяга к дальним странствиям и неведомым землям...

Но к причалам Конан не поехал. Он повернул коня и, одолев большие, вытертые каменные ступени, выбрался на широкую улицу. Богато отделанные белые особняки смотрели с нее на море и порт. Здесь жили те, кого обогатила нелегкая морская добыча: несколько старых капитанов, сумевших поднакопить денег по чужим берегам, и великое множество перекупщиков и торговцев, ни разу не ступавших на палубу корабля, не говоря уж о морских сражениях и лютых штормах.

Конан направил коня к хорошо знакомым ему, отделанным позолотой воротам и въехал во двор, где негромко звенел фонтан и голуби перелетали с мраморных парапетов на мраморные же пороги. Навстречу выбежал паж, одетый в шелковые штаны и камзол, обрезанный снизу зубцами. Паж смотрел удивленно: мессантийским купцам приходилось иметь дело с самыми разными типами, зачастую грубыми и странными, но обычно они были как-то связаны с морем. С какой бы стати воину-наемнику этак похозяйски въезжать во двор известного торгового воротилы?

— Здесь живет купец Публио? — спросил Конан. Впрочем, это было скорее утверждение, чем вопрос, а в голосе, произнесшем эти слова, звучало нечто такое, отчего паж мигом сдернул шапку с пером и ответил с поклоном:

— Здесь, мой капитан.

Конан покинул седло. Паж позвал слугу, и тот, подбежав, принял поводья жеребца.

— Хозяин дома? — продолжал Конан, стаскивая латные рукавицы и выколачивая дорожную пыль из плаща и кольчуги.

— Да, мой капитан. Как прикажешь о тебе доложиться

— Я сам о себе доложу, — проворчал Конан. — Я знаю, куда идти, так что постой-ка здесь.

Властный тон не допускал возражений, и паж не посмел двинуться с места — так и остался смотреть вслед Конану, шагавшему по отлогой мраморной лестнице. Какие дела с его хозяином могли быть у этого великана воина, похожего на варвара с севера?.. Пажу оставалось только гадать...

Слуги, спешившие по делам, останавливались и глазели вслед киммерийцу. Конан пересек широкую тенистую террасу и вступил в коридор, по которому гулял свежий морской ветерок. Пройдя примерно половину, он услышал, как поскрипывает перо, и от-

ворил дверь в обширную комнату, множеством широких окон смотревшую на гавань.

Публио сидел за резным тиковым столом и водил золотым перышком по дорожному пергаменту. Он был невысокого роста, большеголовый, с быстрыми темными глазами. На нем были голубые одежды из тончайшего муарового шелка, отделанного парчой, на пухлой белой шее красовалась тяжелая золотая цепь. Купец раздраженно вскинул глаза на вошедшего... и недовольно поднятая рука так и замерла в воздухе. Полураскрыв рот, он смотрел на Конана, точно на тень, восставшую из прошлого. Он не мог поверить собственным глазам — и не мог скрыть боязни.

— Ну так что? — спросил Конан. — Что скажешь хорошенького, Публио?

Тот облизнул пересохшие губы.

— Конан!.. — прошептал он потрясенно. — Во имя Митры!.. Конан!.. Амра...

— А то кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с латными рукавицами бросил его на стол. — Слушай, — продолжал он нетерпеливо, — у тебя уже и стакана вина для меня не найдется промочить глотку с дороги?

— Д-да, конечно, вина... — завороченно повторил Публио. Привычно потянулся к гонгу, но тут же отдернул руку, точно обжегшись, и содрогнулся.

Конан наблюдал за ним с угрюмой насмешкой в глазах. Суетливо вскочив, купец бросился запирать дверь и при этом перво-наперво выглянул в коридор — не болтаются ли поблизости какие-нибудь рабы. Вернувшись, он принес золотой кувшин с вином и хотел было наполнить узкий бокал, но Конан отобрал у него кувшин, поднес двумя руками ко рту и долго с наслаждением пил.

— И в самом деле Конан, — пробормотал Публио. — Уж не сошел ли ты с ума? ..

— Клянусь Кромом, Публио, — сказал Конан, отрываясь от кувшина, но не выпуская его из рук, — ты

живешь теперь совсем не так, как в прежние времена. Да, нужно быть аргосским купцом, чтобы обрасти такой роскошью, начав с крохотной портовой лавчонки, провонявшей тухлой рыбой и дешевым вином...

— Те времена давно миновали. — Публио кутался в свои шелка, сясь унять невольную дрожь. — Я отбросил прошлое, точно сношенный плащ...

— Что ж, — сказал Конан, — я не старый плащ, так что от меня тебе не отделаться. Мне, правду сказать, нужно немного, но уж будь добр, расстарайся. Да смотри не вздумай отказывать. Слишком много дел мы вели с тобой в прежние дни. Думаешь, я совсем уж дурак и не понимаю, что этот особняк выстроен моим потом и кровью? Сколько грузов с моих кораблей прошло через твои руки?

— В Мессантии нет купца, который время от времени не имел бы дела с морскими бродягами, — трясущимися губами выговорил Публио.

— Но не с черными корсарами! — неумолимо ответил Конан.

— Во имя Митры, тише! .. — вырвалось у Публио. На лбу торговца выступил пот, пальцы нервно дергали золотую кайму одеяний.

— Я, собственно, хотел всего лишь освежить твою память, — сказал Конан. — Да не трясись ты так! Помнится, ты умел рисковать, когда содержал лавчонку и пытался выжить и разбогатеть. И дружил, как рука с перчаткой, со всеми пиратами и контрабандистами от Мессантии до Барахских островов! Или разбогатец и вовсе хватку утратил?

— Я стал... почтенным человеком... — начал было Публио.

— То есть попросту чертовски богатым, — фыркнул Конан. — А все почему? Почему ты так быстро разбогатец? Не приходилось ли тебе торговать слоновой костью и перьями страуса, медью и кожами, жемчугом, чеканным золотом и еще всякой всячиной из страны Куш? И где, позволь спросить, ты ску-

пал все это по дешевке, когда другие купцы за то же самое таскали стигийцам серебро мешками? Напомнить? Ты покупал у меня. И гораздо дешевле, чем следовало. А я брал свои товары у племен Черного Континента, я грабил стигийские корабли — я и мои черные корсары!

— Во имя Митры, довольно! — взмолился Публио. — Я ничего не забыл. Скажи лучше, что ты здесь делаешь? Я — единственный на весь Аргос, кто знает, что король Аквилонии был когда-то Конаном-пиратом. Потом до нас дошли вести о завоевании Аквилонии и гибели короля...

— Если верить слухам, враги уже сотню раз меня убивали, — проворчал Конан. — Однако вот он я, сижу живехонек и лакаю киросское вино... — Кувшин вновь оказался у его губ. Почти опустошив его, Конан сказал: — Я уже говорил, что не потребую от тебя слишком многого, Публио. Мне известно, что ты знаешь обо всем, происходящем в Мессантии. Так вот, я хочу выведать, нет ли в городе зингарца по имени Белосо, или как еще там он себя теперь называет. Он высокий, тощий и смуглый, как все его племя. Вероятно также, что он хочет продать некий редкостный камень.

Публио покачал головой:

— Не видал такого и даже не слышал. Но через Мессантию проходят тысячи людей, и, если он здесь, мои люди скоро его обнаружат.

— Отлично. Вот и пошли их, пускай ищут. А пока пусть твои слуги позаботятся о моем коне да принесут мне поесть сюда, в эту комнату.

Публио многословно обещал тотчас все исполнить. Конан допил вино, небрежно отбросил кувшин в угол и подошел к ближайшему окну, невольно расправляя грудь навстречу соленому ветру. Внизу расстилался лабиринт припортовых улочек. Конан оценивающе оглядел корабли, что стояли в гавани. Потом откинул голову, и взгляд его устремился прочь от берега,

в синюю даль, где сходились море и небо. Его память уже летела за горизонт, к золотым морям юга, к пламенеющему солнцу, под которым не существовало законов. Случайный запах пряности будил воспоминания о чужих берегах, где росли мангры и гремели барабаны... о кораблях, сцепившихся abordажными крючьями... палубы в крови, дым и пламя, крики дерущихся...

Задумавшись, он даже не обернулся, когда Публио потихоньку вышел из комнаты.

* * *

Подобрав шелковые одежды, купец чуть не бегом поспешил по коридору и наконец вошел в комнату, где склонился над пергаментом высокий, худой человек со шрамом на виске. Было, однако, в этом человеке нечто столь мирному занятию не соответствующее.

— Конан вернулся! — безо всяких предисловий выдохнул Публио.

— Конан? — Человек рывком вскинул голову, перо выпало из руки: — Тот самый корсар?

— Да!

Смертельная бледность залила впалые щеки.

— Он что, свихнулся? Если его обнаружат, мы пропали! На виселице очутится и корсар, и все, кто его укрывал или торговал с ним! Что, если правитель дознается о наших прежних с ним связях?

— Не дознается, — зловеще ответил Публио. — Пошли своих людей в порт и на рынки. Пускай разведдают, нет ли в Мессантии зингарца по имени Белосо. Конан говорит, у того при себе драгоценный камень, который он не прочь бы продать. Значит, можно будет выяснить у ювелиров. И вот еще что. Подбери с дюжину отчаянных негодяев, притом таких, которые, убрав человека, не станут потом трепать языками. Понял?

— Понял. — Человек со шрамом медленно и очень серьезно кивнул.

— Не затем я крал, изворачивался и обманывал, выбираясь с обочины жизни, чтобы призрак явился из прошлого и все пустил насмарку! — пробормотал Публио, и его лицо сделалось таким угрожающе-мрачным, что богатые вельможи и дамы, покупавшие жемчуг и шелка в его многочисленных лавках, немало удивились бы, доведись им лицезреть его в этот момент. Но когда спустя краткое время он вернулся к Конану и своими руками поставил перед ним большое блюдо с мясом и фруктами, незваный гость не увидел на его лице ничего, кроме доброжелательства.

Конан все еще стоял у окна, разглядывая пурпурные, малиновые, темно-красные, алые паруса галеонов, галер, каракк и дромонов.

— Если я еще не ослеп, вон та галера — стигийская, — заметил он, указывая на длинное, узкое, стройное черное судно, стоявшее на якоре поодаль от остальных, у широкого песчаного пляжа, плавной дугой убежавшего к далекому мысу. — Стало быть, между Стигией и Аргосом нынче мир?

— Так и раньше случалось, — ответил Публио и поставил блюдо на стол, не сдержав вздоха облегчения: тяжесть была порядочная, ибо он давно знал своего гостя. — Стигийские порты, — продолжал он, — временно открыты для наших судов, а наши — для их. Но не допусти Митра, чтобы какому-нибудь моему кораблю довелось встретиться в открытом море с одной из этих проклятых галер! Та, что стоит там на якоре, прибыла в порт нынешней ночью. Что здесь нужно ее хозяевам, понятия не имею. Покамест они ничего не продавали и не покупали. Ох, не верю я этим дьяволам смуглокожим! Если есть родина у предательства, так уж, верно, в их земле оно родилось!

— В свое время я их заставил поковылять, — небрежно бросил Конан, отворачиваясь от окна. — Помнится, как-то моя галера с командой сплошь из черных корсаров подкралась ночью к самым бастионам омываемых морем замков Кеми — города с черными

стенами... Мы пожгли тогда все галеоны, стоявшие в гавани. А что касается предательства... не в службу, а в дружбу, любезный хозяин, отведай-ка этих яств да пригуби вина, просто ради того, чтобы я знал, с какой стороны у тебя сердце!

Публио повиновался с такой готовностью, что подозрения Конана немедленно улеглись. Усевшись, он без дальнейших раздумий принялся расправляться с едой, которой хватило бы на троих.

Он еще ел, а по рынкам и набережным Мессантии уже засновали люди. Они искали зингарца, продающего дорогой камень или стремящегося на корабль, который идет в далекие страны. А высокий человек со шрамом на виске сидел, положив локти на пятнистый от вина стол в гнусном погребке, озаренном единственным латунным светильником, свисавшим с продыmlенной балки над головами. Человек вел беседу с десятью отпетыми мерзавцами, чьи рожи и лохмотья говорили сами за себя.

А когда засияли первые звезды, их лучи осветили четверку весьма странных всадников, скакавших в Мессантию с запада по белой дороге. Рослые, изможденные, они были одеты в черные одежды с капюшонами. Они не разговаривали друг с другом и лишь безжалостно погоняли коней, столь же тощих, как всадники, и вконец измотанных долгим путешествием и бешеной скачкой...

Глава четырнадцатая

ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно и полностью, точно кот. И по-кошачьи вскочил на ноги, выхватив меч, еще прежде, чем коснувшийся его человек успел хотя бы отшатнуться.

— Какие новости, Публио? — спросил Конан, узнав хозяина дома. Золотой светильник мягко освещал толстые занавеси и богатые покрывала дивана, где только что отдыхал Конан.

Публио оправился от испуга, вызванного столь бурным пробуждением его грозного гостя.

— Зингарца нашли, — доложил он Конану. — Приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать шемитскому купцу большой, необычного вида камень, но шемит не пожелал с ним связываться. Люди говорят, даже сквозь черную бороду было видно, как он побледнел, когда увидел драгоценность. Закрыв лавку и удрал, точно от нечистого духа!

— Похоже, это вправду Белосо, — пробормотал Конан, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам от нетерпения. — Ну, так где он сейчас?

— Спит у Сервио в доме.

— Этот крысиный угол я хорошо помню, — буркнул Конан. — Надо спешить, пока какой-нибудь пор-

товый воришка не перерезал ему глотку, позарившись на камень...

Взяв свой плащ, он накинул его на плечи, потом надел шлем, добытый для него Публио.

— Пусть мой конь ждет под седлом во дворе, — велел он купцу. — Не исключено, что мне придется спешно отбыть. И я не позабуду того, что ты для меня нынче сделал, Публио.

Через несколько минут Публио стоял у задней двери дома и смотрел в спину королю, удалявшемуся по темной улице.

— Прощай, корсар, — тихо приговаривал торговец. — Должно быть, этот камень стоит того, чтобы за ним охотился человек, только что утративший королевство. Да, надо было наказать моих молодцам, чтобы сперва дали ему завладеть безделушкой. Хотя, с другой стороны, из-за этого что-нибудь могло и сорваться... Нет уж, пускай Аргос окончательно забудет, кто такой Амра, а там пыль забвения покроет и мои прежние делишки. Очень скоро и не далее как в переулке за домом Сервио Конан перестанет быть для меня угрозой!

* * *

Дом Сервио — отвратительная конура с еще более отвратительной репутацией — стоял рядом с набережной, у самой воды. Неуклюжее строение было сложено из камня и толстых корабельных балок. К нему вел узкий загаженный переулок. Пройдя его почти весь, у самого дома Конан ощутил за собой слежку. Пристально вглядывался он в густые потемки между облезлыми постройками, но так ничего и не разглядел. Лишь однажды его слуха коснулся невнятный шорох одежды. Что ж, ничего необычного: по ночам в переулках кишели воры и нищие. Вряд ли они решатся напасть. Это люди опытные — им хватит одного взгляда на рослого вооруженного незнакомца..

Тут впереди распахнулась какая-то дверь, и Конан поспешно укрылся в тени под аркой. Кто-то вышел из двери и двинулся переулком, не то чтобы крадучись — скорее, с врожденной бесшумностью хищника джунглей. Когда же этот человек проходил мимо подворотни, где прятался Конан, бледный свет звезд очертил его профиль. Стигиец! Даже в потемках невозможно было не признать ястребиные черты, бритую голову и плащ, накиннутый на широкие плечи. Стигиец шел к берегу, и в какой-то миг Конану показалась, будто он прятал под одеждой фонарь — во всяком случае, Конан успел уловить отблеск света, когда человек уже исчезал за углом.

Но киммериец тотчас позабыл о нечаянной встрече, приметив, что дверь, из которой тот появился, так и осталась раскрытой. Вообще говоря, Конан собирался войти в дом с парадного входа и силой принудить Сервио показать ему комнату, где спал зингарец. Но если предоставился случай проникнуть внутрь, не привлекая ничьего внимания, грех им не воспользоваться!

Несколько быстрых шагов — и Конан был уже у двери. Коснулся рукой замка... и едва сдержал восклицание. Его пальцы, чуткие пальцы бывалого заморийского вора, тотчас ощутили, что замок был взломан. Какая-то жуткая сила высадила его ударом извне, погнув тяжелый запор и расшатав самые петли. Конан не представлял себе, как можно проделать подобное, не переполошив весь квартал. И тем не менее он был уверен, что взломщик орудовал здесь нынешней же ночью. Привыкнув жить среди ворюг и головорезов, Сервио ни за что не оставил бы сломанный замок без починки!

Конан вошел крадучись, держа кинжал наготове и соображая, каким образом он станет разыскивать комнату Белосо. Начал было шарить в крошечном мраке... и замер. Он почувал в комнате смерть, как чувствует ее дикое животное. Нет, самому ему смерть не

грозила. Просто где-то рядом лежало мертвое — только что убитое — тело. Конан отдернул ногу, коснувшись податливой плоти. Предчувствие заставило его ощупью разыскать стенную полочку и на ней — латунную лампу, рядом с которой лежали трут, кремь и кресало. Несколько мгновений — вспыхнул трепещущий огонек, и Конан смог оглядеться.

Деревянный лежак возле грубой каменной стены, голый стол и единственная скамья — другого убранства в убогой комнатке не было. Внутренняя дверь была заперта на все замки и засовы. А на утоптанном земляном полу лежал Белосо.

Лежал, запрокинув голову, и, казалось, внимательно созерцал прокопченный, обросший паутинами потолок. Зубы зингарца щерились в застывшем оскале. Рядом валялся меч, так и не вынутый из ножен. Рубаха Белосо была разорвана, а на коричневой мускулистой груди виднелся черный отпечаток пятерни. Каждый палец был отчетливо различим...

Конан молча смотрел на него, чувствуя, как сзади на шее встают дыбом тонкие волоски.

— Кром!.. — вырвалось у него. — Черная ладонь Сета!

Ему приходилось видеть такие следы, следы смертоносных прикосновений жрецов Сета, чей мрачный культ процветал в таинственной Стигии. И тут-то он вспомнил вспышку странного света из-под плаща вышедшего из этой самой двери стигийца.

— Во имя Крома, это было Сердце! — пробормотал Конан. — Так вот что он прятал за пазухой! Это жрец Сета: он магией выломал дверь убил Белосо, чтобы завладеть Сердцем!

Быстрый осмотр подтвердил по крайней мере часть его выводов. Камень у зингарца действительно похитили. Конан не мог отделаться от мысли, что за цепью кажущихся случайностей проглядывал умысел. И даже таинственная стигийская галера пришла в порт не просто так, но с вполне определенной целью.

Откуда было жрецам Сета знать, что Сердце прибыло на юг?.. Впрочем, это выглядело не более невероятным, чем прикосновение ладони, способное уложить наповал вооруженного мужчину.

Осторожные шаги снаружи заставили его оглянуться: В один миг потушил он лампу и выхватил меч. Слух говорил ему, что оттуда, из темноты, подкрадываются люди, и точно: когда глаза привыкли к неожиданной темноте, в дверном проеме замаячили какие-то фигуры, обступившие вход. Кто это такие, Конану оставалось только догадываться. Тем не менее он поспешил перехватить инициативу и внезапным прыжком вылетел за порог, не дожидаясь, пока они нападут.

Он застал головорезов врасплох. Он услышал и почувствовал, как с разных сторон на него кинулись люди, разглядел перед собой какого-то типа в маске и обрушил на него меч. Убийцы, как оказалось, и соображали, и действовали куда медленнее киммерийца: Конан вырвался из кольца и убежал переулком, прежде чем кто-либо успел его задержать.

На бегу он услышал негромкое поскрипывание уключин, донесшееся откуда-то спереди, и разом позабыл о возможной погоне. От берега отчаливала лодка! Конан скрипнул зубами и помчался вдвое быстрее, но тщетно. Еще не достигнув набережной, он различил плеск воды и шорох весел отходящего корабля...

Звезды притаились в тяжелых тучах, катившихся с моря. Конан опрометью вылетел на берег. Перед ним колыхались черные волны, и что-то удалялось во тьму — длинный, низкий, стремительный силуэт. Черная галера набирала скорость. Равномерно вздымались и падали длинные весла... Уходила галера и уносила с собой камень, который означал для Конана трон Аквилонии.

Яростно выругавшись, Конан шагнул навстречу волнам, вкатывавшимся на мокрый песок: долой кольчугу,

скорее плыть следом за кораблем... Но сзади скрипнул песок, выдавая чье-то присутствие, и Конан обернулся. Он успел позабыть о напавших на него убийцах.

Снова темные силуэты взяли его в кольцо. Первый, кто приблизился, пал под мечом киммерийца, но остальных это не смутило. Клинки замелькали в темноте, со скрежетом задевая кольчугу. Жестокий удар снизу вверх — раздался вопль, и прямо на руку Конана хлынула кровь и выпавшие внутренности. Чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым, приглушенно подбадривал нападавших. Конан стал продираться на этот голос. Нападавшие пытались схватить его, осыпали ударами... Тучи ненадолго разошлись, и Конан увидел высокого, худощавого человека с длинным мертвенно-белым шрамом на виске. Мгновенный прыжок — и меч Конана расколол его череп, словно перезрелую дыню.

Чей-то топор, занесенный вслепую, обрушился на шлем короля так, что искры посыпались из глаз. Он пригнулся и сделал выпад, и предсмертный вопль был ему наградой. Но тут же Конан сам потерял равновесие, споткнувшись о труп, и удар дубинки сшиб помятый шлем с его головы. Следующий удар пришелся прямо по незащищенному черепу...

— Срубим ему голову, — предложил кто-то.

— Не стоит, — ответил другой голос. — С раскроенной башкой не живут. Прилив его унесет... Помогите-ка лучше мне перевязать раны, пока я тут кровью не истек!

— Надо раздеть его, — сказал третий. — Кольчугу можно будет продать за пару монет. И поторопимся! Тиберию мертв, а куда идут матросы. Слышите, как поют? Давайте-ка сматываться!

Началась поспешная возня в темноте, потом прошуршали удаляющиеся шаги. Пьяные голоса, оравшие матросскую песню, раздавались все ближе..

Публию нервно ходил туда и сюда по своей комнате, выходявшей окнами на порт, погруженный во

тму, когда что-то заставило его оглянуться. Он хорошо помнил — дверь была заперта изнутри, но что это? Она распахнулась настежь, и в комнату друг за другом входили четверо. При виде их Публио покрылся гусиной кожей. Он видел на своем веку немало страшных созданий, но таких — еще никогда. Они были рослыми, тощими, в черных одеждах, под капюшонами смутно угадывались желтые лица. Публио не мог разглядеть их черты, да в глубине души и не хотел к ним присматриваться. У каждого был в руке длинный посох, испещренный странным рисунком...

— Кто вы? — спросил Публио, и голос сорвался. — Что вам здесь нужно?

— Где Конан, прежний король Аквилонии? — вопросом на вопрос ответил самый высокий. Его бесстрастный глухой голос заставил Публио содрогнуться. Так звонили колокола в храмах Кхитая...

— Я н-не знаю, о к-ком вы говорите... — начал заикаться купец. Всегдашняя выдержка изменила ему, уж слишком страшны были неожиданные гости. — Я не знаю его!

— Он был здесь, — ровным голосом промолвил кхитаец. — Во дворе стоит его конь. Скажи, где он, и не вынуждай нас причинять тебе вред.

— Гебал! — отчаянно завопил Публио, отступая перед ними и прижимаясь к стене. — Гебал!..

Четверо смотрели на него так же невозмутимо.

— Если ты позовешь раба, он умрет, — предупредил один из них, но это лишь перепугало Публио еще больше.

— Гебал! — кричал он — Проклятие, Гебал, где ты? Твоего хозяина убивают грабители!..

Быстрые шаги раздались в коридоре, и в комнату ворвался Гебал — невысокий, но невероятно мускулистый шемит. Он держал в руке меч с клинком, похожим на длинный лист, курчавая иссиня-черная борода воинственно топорщилась. Гебал уставился на четверых пришельцев в туповатом недоумении. От-

куда они здесь появились? Потом он смутно припомнил, как сон ненадолго сморил его прямо на лестнице, которую ему было велено охранять: наверное, вот тогда-то они и прошли. Никогда прежде он не засыпал на посту... Хозяин истерически кричал, указывая на чужаков. Гебал по-бычьи пригнул голову и ринулся вперед. Мускулистая рука взвилась в смертельном замахе... но удара так и не нанесла.

Навстречу Гебалу метнулась из широко черного рукава другая рука — тонкая, желтокожая. Длинный посох коснулся могучей груди шемита и тотчас отдернулся. Удар его был до жути похож на бросок ядовитой змеи.

И точно незримая стена остановила Гебала — он замер посередине разбега, голова поникла на грудь, пальцы выпустили меч... и шемит поник на пол так, словно в его теле разом растворились все кости. Публио вырвало.

— Не зови больше никого, — посоветовал рослый кхитаец. — Твои слуги крепко спят, но если ты их разбудишь, они умрут и с ними — ты сам. Где Конан?

— Он пошел к дому Сервио, что у набережных. Он разыскивает зингарца Белосо, — выдохнул Публио, разом лишившийся присутствия духа. Купец не был трусом, но эта четверка вселяла а него неописуемый ужас. Он вздрогнул всем телом, заслышав на лестнице торопливые шаги, неестественно громкие в зловещей тишине, окутавшей дом.

— Еще слуга? — спросил кхитаец.

Публио молча замотал головой — язык не повиновался ему. Один из кхитайцев сдернул с дивана шелковое покрывало и набросил на труп, и все четверо скрылись за стенной занавесью, лишь вожак, обернувшись, приказал:

— Поговори с идущим сюда и побыстрее отошли его прочь. Если выдашь нас, ни ты, ни он живыми отсюда не выйдете. Не вздумай даже знаком показать ему, что ты не один!

Погрозил посохом — и исчез.

Публио задохнулся, с трудом подавляя новый приступ тошноты. Быть может, всему виной освещение, но ему упорно казалось, будто посохи порой шевелились сами по себе, ни дать ни взять наделенные какой-то чудовищной жизнью...

Кое-как взяв себя в руки, Публио сумел спокойно встретить оборванного негодяя, влетевшего в комнату.

— Дело сделано, господин! — громко объявил головорез. — Варвар валяется мертвым на песке у края воды.

Публио уловил спиной некое движение за шпалерой и от ужаса едва не умер на месте. Наемный убийца ничего не заметил.

— Твой секретарь Тиберио погиб, — продолжал он. — Кроме него, варвар зарубил еще четверых. Мы унесли их тела. При варваре не было ничего ценного, лишь несколько серебряных монет. Какие будут приказания, господин?

— Никаких! — белыми губами выдохнул Публио. — Убирайся!

И негодяй с поклоном поспешил прочь, удивляясь про себя тому, как немногословен Публио и какой у него, оказывается, слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из-за шпалеры.

— О ком говорил этот человек? — спросил рослый предводитель.

— О чужестранце, который мне навредил, — выдавил Публио.

— Лжешь, — спокойно ответил кхитаец. — Я вижу по твоему лицу, что речь шла о короле Аквилонии. Сядь на диван, не двигайся и молчи. Я побуду здесь, а трое моих товарищей пойдут искать труп.

Публио сел и трясся от страха, поглядывая на своего безмолвного стража, пока не вернулись остальные трое и не сообщили, что тела Конана нигде не видать. Публио не знал, горевать ему или радоваться.

— Мы нашли место, где они дрались, — сказал один из троих. — Песок в крови, но короля там нет.

Четвертый принялся чертить своим посохом какие-то символы на ковре. При свете лампы Публио примерещилась на посохе блестящая чешуя...

— Вы прочли что-нибудь на песке? — спросил предводитель.

— О да, — был ответ — Король жив. Он отплыл на корабле, идущем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и посмотрел на Публио, который под его пристальным взглядом начал обильно потеть.

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал он запинаясь.

— Нам нужен корабль, — ответил кхитаец. — Корабль с командой, пригодной для дальнего путешествия.

— Насколько дальнего? — спросил Публио. Ему и в голову не пришло отказать.

— Может статься, до края Вселенной, — сказал кхитаец. — До расплавленных морей Преисподней, кипящих за чертою рассвета!

Глава пятнадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Когда начало проясняться сознание, Конан первым делом почувствовал движение. И ощутил, что лежал не на тверди: что-то размеренно вздымалось и опускалось под ним. Потом он услышал, как гудел ветер в снастях, и, еще не открывая глаз, понял, что находится на корабле. Слышалось неразборчивое бормотание чьих-то голосов. Конана окатили водой, отчего разум очистился полностью и мгновенно. Выругавшись, киммериец вскочил и свирепо огляделся кругом. Его встретил взрыв грубого хохота; пахло давно не мытыми человеческими телами. Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, шедшей под парусом. Северный ветер туго наполнял широкое полосатое полотнище. Солнце только-только вставало, мир вокруг переливался золотом, зеленью и синью. По левому борту смутной лиловой тенью виднелся берег. Справа простирался открытый океан. Все это Конан охватил первым же взглядом, хотя больше всего его интересовал, конечно, корабль.

Это было типичное торговое судно южных побережий: узкое, длинное, с высоко поднятым носом и такой же кормой, с каютами на обоих концах. Конан поглядел на открытый промежуток между палубами, откуда и поднималась тошнотворная, отвратительная вонь. Запах этот был ему знаком давно: запах греб-

цов, прикованных к скамьям. Их там сидело человек по сорок с каждой стороны, все — негры. Каждый был перехвачен поперек тела цепью, прикрепленной к толстому кольцу в продольном бруске, уложенном от одной палубы до другой. Конан знал: жизнь раба — гребца на аргосской галере была пострашнее всякого ада... Корабль ходко шел по ветру, и негры отдыхали от гребли. Большинство их было из страны Куш. Но около тридцати чернокожих, чьи глаза были с праздным любопытством устремлены на новичка, явно вели свой род с далеких островов Юга, исконного гнезда корсаров. Конан сразу отметил и выделил их стройные, мускулистые тела и правильные черты лиц. И даже узнал несколько человек: эти люди следовали за ним в прежние времена.

Конан оглядел море, корабль и гребцов в один миг, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. И повернулся к морякам, стоящим вокруг. Теперь он крепко стоял на широко расставленных ногах, кулаки его гневно сжимались. Матрос, окативший его, нагло ухмылялся, держа в руках ведро. Конан выругался и непроизвольно потянулся к мечу. Оказалось, однако, что он был безоружен и почти гол, если не считать кожаных коротких штанов.

— Что это за вшивая лохань? — рявкнул он. — И как я сюда попал?

Моряки — все как один коренастые бородатые аргосцы — вновь разразились хохотом. Один из них, в ком властные повадки и важный вид выдавали капитана, сложил на груди руки и высокомерно ответил:

— Мы нашли тебя валяющимся на песке. Кто-то треснул тебя по черепу и раздел. Мы решили взять тебя на корабль, потому что у нас не хватает матроса.

— Что это за корабль? — повторил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии, с грузом зеркал, шелковых плащей, щитов, мечей и позолоченных шлемов. Собираемся продать все это шемитам за

медную и золотую руду. А я — Деметрио, капитан корабля и твой хозяин отныне!

— Ладно, и мне примерно туда же, — пробормотал Конан, пропустив мимо ушей последнее замечание капитана.

Корабль быстро шел к югу, следуя плавному изгибу аргосского побережья. Торговые корабли никогда не отваживались уходить далеко от берега. И где-то там, впереди, летела на юг черная галера стигийцев...

— Не попадалась ли вам на глаза стигийская галера... — начал было Конан, но капитан, дородный мужчина с грубой физиономией, возмущенно выпятил бороду: с какой это стати он должен был отвечать на вопросы какого-то пленника. В самом деле, пора поставить нахального оборванца на место!

— А ну, за работу! — взревел он. — Скажи спасибо, что я вообще на тебя время потратил! Я и так оказал тебе слишком много чести, пригласив на ют для знакомства, да еще и отвечал на твои дурацкие вопросы! Живо марш отсюда — и за работу, если хочешь отработать проезд!

— Да я куплю твое корыто... — начал Конан и осекся, вспомнив, что здесь он всего лишь нищий босьяк.

Но слова его были услышаны: матросы грубо заржали, капитан же побагровел, усмотрев в происходящем насмешку над своей драгоценной персоной.

— Что? Бунтовать, свинья?... — зарычал он, угрожающе шагнув вперед и хватаясь за поясной нож. — За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Да придержи свой поганый язык, не то, клянусь Митрой, тебя посадят на весло и прикуют среди черномазых!

Долготерпением Конан не отличался никогда. И никто из тех, кто осмеливался говорить с ним таким тоном, не оставался в живых — даже в те времена, когда Конан еще не был королем.

— Заткнись, паскуда! — рявкнул он, и голос его был подобен гулу свирепого шторма. Онемевшие моряки изумленно разинули рты. — Только попробуй

вынуть из ножен эту игрушку, — продолжал Конан, — и я скормлю тебя рыбам!

— Да что ты из себя корчишь, ты?... — вырвалось у капитана.

— Сейчас увидишь! — И взбешенный киммериец прыгнул к козлам, где висело оружие.

Капитан выхватил нож и с ревом кинулся наперерез, но ударить не успел — Конан перехватил его руку и одним рывком выдернул плечо из сустава. Капитан завопил от боли и кувырком покатился по палубе, ибо киммериец пренебрежительно отшвырнул его прочь. Схватив тяжелый топор, Конан мгновенно обернулся навстречу подоспевшим матросам. Они обложили его, точно неуклюжие псы, между тем как сам он был сродни разъяренной пантере. Они едва успели замахнуться ножами, когда Конан снова прыгнул вперед и, оказавшись в самой их гуще, принялся раздавать удары с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Хлынула кровь, разлетелись мозги... два трупа повалились на палубу.

Ножи полосовали пустое место. Вырвавшись из толпы, Конан взлетел на узкий мостик, тянувшийся с кормы на нос над головами гребцов. Команда, обожженная и напуганная смертью товарищей, с оружием в руках подступала к нему сзади и спереди.

Взмахнув топором, Конан вгляделся в обращенные к нему черные лица. Ветер развеивал его густые волосы.

— Кто я такой? — прокричал он. — Протрите глаза, недоноски! Эй вы, Айонга, Ясунга, Ларанга! Кто я такой?

И снизу раздался ответный крик, тотчас перешедший в ликующий рев:

— Амра! Это Амра!.. Лев возвратился!..

Матросня тоже услышала и поняла этот крик и подалась назад, белея от страха. Неужто стоявший перед ними белокожий дикарь — и вправду тот самый ужас южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, оставшись лишь в кровавых легендах?... Тем временем черные гребцы положительно

сходили с ума: дружно гремя цепями и слясь их разорвать, они с пеной у рта выкрикивали имя Амры, как заклинание. Даже кушиты, никогда прежде не выдавшие Конана, подхватили крик. Рабы, запертые под кормовой палубой, с воплями колошматили в переборку.

Деметрио привстал на колени, упираясь в палубу здоровой рукой. Вывихнутое плечо причиняло ему жестокую боль.

— Вперед! — завизжал он. — Убейте его, дурачье, пока не расковались рабы!..

Это было поистине самое страшное, что может произойти на галере. Моряков точно подстегнули. С обеих сторон хлынули они на мостик... но Конан был для них слишком быстр. Львиным прыжком кинулся он вниз и по-кошачьи встал на ноги в проходе между скамьями гребцов.

— Смерть хозяевам!.. — загремел его голос.

Звизнул топор и, обрушившись на ближайшую цепь, разрубил ее, точно гнилушку. Освобожденный невольник с криком вскочил и принялся ломать весло, превращая его в дубину. Матросы суматошно метались по мостику, но остановить безумие рабов было уже превыше их сил. Секира Конана взлетала и падала без перерыва, круша цепь за цепью, и каждый взмах освобождал чернокожего великана, ревущего от ненависти, жажды мести и упоения возвращенной свободой.

Моряки, которые спрыгнули вниз с намерением прикончить Конана или по крайней мере задержать его, были тут же схвачены и разорваны рабами, еще сидевшими на цепи. А те, что уже были освобождены, ринулись вверх безумным черным потоком, вопя, точно стадо демонов. Обрывками цепей и обломками весел крушили они перед собой все живое, пуская в ход и ногти, и зубы. В самый разгар схватки невольники, запертые под кормовой палубой, сломали наконец переборку и вырвались наружу. Освободив с

полсотни гребцов, Конан снова выскочил на мостик, и к дубинам негров добавился его иззубренный о железо топор.

Бой скоро превратился в резню. Аргосские моряки были сильные и бесстрашны, как все, прошедшие жестокую морскую школу. Но что они могли поделать против могучих разъяренных рабов, ведомых гигантом варваром, похожим на тигра? Долгие годы страданий и унижений требовали кровавой отплаты... Смертоносный вихрь бушевал по всему кораблю... Когда же он улегся, на палубе «Смельчака» стоял один-единственный белый человек. Обезумевшие от радости негры бросались перед ним ниц и бились головами об окровавленные доски, готовые почитать его, как божество.

Конан еще тяжело дышал после битвы, пот тек по могучей груди, а с лезвия топора, зажатого в мускулистой руке, падали густые красные капли. Откинув за спину гриву черных волос, он озирался, точно какой-нибудь первобытный вождь, возглавивший пещерное племя на самой заре времен. В этот миг он не был королем Аквилонии — он снова стал вожаком черных корсаров, прорубившим себе путь наверх сквозь пламя и кровь...

— Амра! Амра! — распевали, точно молясь, уцелевшие негры. — Лев возвратился! Теперь стигийцы завоюют, точно собаки в ночи, и черные псы Куша станут вторить их вою! Пламя охватит деревни, пойдут на дно корабли! Ойя!... Заплачут женщины, загремят копыя...

— Довольно тявкать, дворняги! — Голос Конана перекрыл хлопанье паруса. — Десять человек — вниз, освободите тех, кто еще прикован. Остальные — на весла, к шкотам и фалам! Во имя дьяволов Крома! Вы что, не видите, что нас отнесло к берегу, пока дрались? Хотите сесть на мель и снова попасть в руки аргосцам? Мертвецов — за борт! Да шевелитесь, бездельники, если шкура вам дорога!

Со смехом, воплями и дикими песнями кинулись негры исполнять приказание Амры. Мертвые тела, белые и черные, полетели в воду, где уже резали волны треугольные плавники... И вот Конан стоял на корме, сложив на груди могучие загорелые руки и хмуро глядя на негров, ожидавших дальнейших распоряжений. Ветер трепал его волосы, отросшие за время странствий. Мало кто из аквилонских придворных узнал бы своего короля в этом диком и свирепом корсаре — диком и свирепом даже по меркам пиратов...

Наконец он возвысил голос:

— В трюме полно еды и оружия — этот корабль вез мечи и шлемы шемитам, торгующим на побережье. Нас здесь достаточно — хватит и для сражений, и для того, чтобы управиться с кораблем. Вы гребли в цепях для аргосских собак — станете ли грести для Амры свободными?

— Да!.. — слитно вырвалось из десятков глоток. — Мы — твои дети! Веди нас, куда пожелаешь!..

— Тогда — за дело! — приказал Конан. — Вымыть нижнюю палубу: свободным людям не пристало работать в подобной грязи. Трое — со мной: доставим из кормового трюма еду. Во имя Крома! Еще до конца плавания у вас нарастет на ребрах жирок!

Последовал новый взрыв восторженных воплей. Негры засновали, дружно впрягаясь в работу. Вновь наполнился парус, с гулом выгибаясь под ветром. Ветер свежел — там и сям на волнах закипали пенные гребни. Конан цепко стоял на качавшейся палубе, глубоко дыша соленым воздухом и расправляя могучие плечи. Будет ли он вновь королем Аквилонии — неизвестно. Но вот королем синего океана он был по-прежнему!

Глава шестнадцатая ГОРОД ЧЕРНЫХ СТЕН — КЕМИ

«С мельчак» стрелой неся к югу: теперь на его веслах сидели свободные люди, работавшие не за страх, а за совесть. По ходу дела галера превратилась из мирной купеческой в боевую, насколько вообще это было возможно. На курчавых головах гребцов красовались золоченые шлемы, при бедре у каждого висел меч. Вдоль бортов появились щиты, возле мачты лежали наготове копья, луки и стрелы. Казалось, Конану помогали даже стихии. День за днем дул ровный северный ветер и наполнял широкий пурпурный парус; в гребле почти не было нужды.

Конан сутками напролет держал на макушке мачты впередсмотрящего... Однако длинная, узкая, низкобортная галера, торопившаяся к югу где-то там, впереди, так им и не показалась. Вокруг было только пустынное синее море. Рыболовные суда разлетались прочь, как перепуганные птицы, при виде щитов на бортах. Других кораблей не было видно: торговый сезон почти завершился.

Появившийся наконец парус мелькнул на севере, а не на юге. У далекого горизонта возникла быстроходная галера, она мчалась, во всю ширь развернув парус. Но напрасно негры уговаривали Конана перехватить и ограбить ее — он только покачал

головой. На юг, на юг, к стигийским портам спешила стройная черная галера... Вечером, перед самым наступлением темноты, матрос видел быстроходное судно у северного горизонта: на рассвете оно оставалось все там же — далекая темная точка, казалось, повисла у них на хвосте. Конан только гадал, уж не гнались ли за ними, хотя разумному объяснению такая возможность поддавалась с трудом. Впрочем, Конану было наплевать. Чем дальше к югу продвигался «Смельчак», тем жарче делалось с недавнего его нетерпение. Сомнений Конан не ведал. Сердце Аримана похитил жрец Сета, и это было так же верно, как то, что солнце вставало утром, а садилось вечером. И куда было жрецу Сета с ним ехать, если не в Стигию?

Чернокожие чувствовали его состояние и, понятия не имея о цели своего вождя, работали так, как никогда не работали под кнутом. Они видели впереди кровь и добычу и были довольны. Мужчины с южных островов не ведали никакого иного занятия; кушиты же, с характерной для них черствостью, рады были грабить собственный народ. Кровное родство для них значило мало. Удачливый вождь и личная выгода — чего еще надо?

Побережье постепенно менялось. Больше не было отвесных утесов, не синели вдаль холмы. От самой воды начинались широкие низменные луга, простиравшиеся до горизонта. Здесь было мало гаваней и еще меньше портовых городов. Шемитские города стояли поодаль от берега; там, среди зеленых равнин, уменьшенные расстоянием, вздымались к небу белые зиккураты.

Многочисленные стада бродили по пастбищам. Их охраняли приземистые, широкоплечие всадники в цилиндрических шлемах, с иссиня-черными бородами. Такова была страна Шем — страна городов-государств, каждое из которых насаждало свои собственные законы. Конан знал, что далеко на востоке луга

менялись пустыней, где совсем не было городов — одни шатры кочевых племен.

Мимо, мимо страны зеленых саванн торопился быстрый корабль, и постепенно берег вновь начал изменяться. Гуще стали пальмовые рощи, появились заросли тамаринда. Потом вдоль моря потянулась сплошная полоса зеленых кустов и деревьев, позади которых высились голые песчаные холмы. К морю бежали речки и ручейки; растительность буйствовала на их влажных берегах

Наконец галера миновала устье крупной реки, и впереди, у южного горизонта, показались гигантские черные стены и высокие башни. Кеми!.. Река же, впадавшая в море, была не что иное, как Стикс, естественная граница Стигии. Кеми был самым крупным портом и важнейшим стигийским городом тех времен. Король жил в древнем Луксоре, зато в Кеми правило жречество. Впрочем, если верить слухам, главный жрец их темной религии располагался далеко в глубине страны, в таинственном заброшенном городе на берегу мрачного Стикса. Никто не знал, откуда текла эта река. Людям было известно лишь то, что она текла с юга на север целую тысячу миль, потом поворачивала на запад и еще через несколько сот миль изливала свои воды в океан...

* * *

Погасив все огни, «Смельчак» глухой ночью прокрался мимо города и еще до рассвета бросил якорь в маленькой бухте несколькими милями южнее. Бухту окружала топь, зеленое кружево мангровых зарослей, путаница пальм и лиан, повсюду кишели змеи и крокодилы. Что ж, зато корабль навряд ли кто обнаружит. Конан хорошо знал эту бухту: здесь он не единожды отсиживался, когда был корсаром.

Пока они шли мимо города, мимо громадных черных бастioned на острых мысах по обе стороны га-

вани, они видели факелы, горевшие мертвенным светом, а до слуха доносился приглушенный грохот барабанов. В этом порту, не в пример аргосским, не было толкотни кораблей. Власть и величие Стигии зиждились не на флотах. У стигийцев были и купеческие корабли, и боевые галеры, но сухопутная мощь страны далеко превосходила морскую. К тому же большинство кораблей сновало вверх и вниз по течению великой реки, не выходя в море.

Стигийцы были очень древним народом, смуглокожим и непостижимым, безжалостным и могучим. Власть их когда-то простиралась далеко на север, за Стикс, за равнины Шема, охватывая плодородные нагорья, где жили теперь племена Кофа, Офира и Аргоса. В те времена Стигия непосредственно граничила с Ахероном. Но зловеший Ахерон пал, и предки хайборийских народов, варвары в рогатых шлемах и волчьих шкурах, устремились на юг, изгоняя прежних правителей. С тех пор минули тысячи лет, но стигийцы ничего не забыли.

Весь день «Смелчак» стоял на якоре в крохотной бухте, надежно укрытый от посторонних глаз живыми стенами зелени. В путанице ветвей прихотливо переплетались лианы, мелькали ярко оперенные, звонкоголосые птицы, пробирались не менее яркие, но молчаливые змеи. Ближе к вечеру спустили и отправили вдоль берега маленькую лодку. Конан велел своим людям поймать какого-нибудь стигийского рыбака, вышедшего в море на своей плоскодонке, и добыча вскоре попалась.

Негры втащили на палубу «Смелчака» высокого, стройного, смуглого малого, серого от страха перед похитителями, которых все побережье почитало за людоедов. Он был почти наг, если не считать шелковых штанов: в Стигии, как и в Гиркании, шелк носили даже простолюдины и рабы. В лодке нашелся еще широкий плащ из тех, что рыбаки накидывают на плечи, спасаясь от ночной прохлады.

Бедняга повалился перед Конаном на колени, ожидая пыток и смерти...

— Вставай, парень, и хватит трястись, — нетерпеливо проговорил киммериец, не в силах понять его беспричинного страха. — Никто не тронет тебя. Скажи только: не возвращалась ли в последние дни из Аргоса такая черная быстроходная галера?

— Да, господин, — ответил рыбак. — Вчера на расвете из далекого плавания на север возвратился жрец Тутотмес. Люди говорят, он ездил в Мессантию...

— Что же он привез из Мессантии?

— О, господин, откуда мне знать...

— А зачем он ездил в Мессантию, не знаешь? — допытывался Конан.

— Не гневайся, господин, я всего лишь бедный рыбак... Кто я такой, чтобы постичь замыслы служителей Сета? Я способен говорить лишь о том, что видел сам или слышал на пристани. Поговаривают, будто с севера к нам дошли немыслимой важности новости... хотя какие именно, помилуй, не знаю... и господин Тутотмес тотчас же со всей поспешностью велел снарядить свою черную галеру. И вот он вернулся, но что он делал в Аргосе и какой груз доставил оттуда с собой — неведомо никому, даже морякам с галеры. Еще говорят, будто он разошелся с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, живущим в Луксоре... По слухам, Тутотмес ищет тайных познаний, стремясь низложить Величайшего. Но кто я таков, чтобы судить? Когда ссорятся жрецы, простому смертному вроде меня остается лишь пасть ниц и надеяться, что ни те, ни другие не втопчут его в пыль...

Конан только фыркнул — такая рабская философия до глубины души его возмущала — и повернулся к своим молодцам:

— Я отправляюсь в Кеми, разыскивать этого воишку Тутотмеса. Я пойду один. Рыбака посадить под замок, но не трогать... Во имя дьяволов Крома, да прекратите же этот вой! Вы что, воображаете, будто

мы прямо так войдем в гавань и возьмем город штурмом? Нет, лучше будет, если я отправлюсь один.

Отмахиваясь от возражений, он скинул одежду и облачился в шелковые штаны и сандалии, позаимствованные у пленника. Он взял даже его головную повязку, презрев лишь короткий нож рыбака. Стигийским простолюдинам носить оружие не дозволялось, накидка же была недостаточно просторна, чтобы спрятать под ней длинный меч киммерийца. И Конан пристегнул к поясу гханатский нож — оружие свирепого народа пустыни, жившего южнее стигийцев. Это был широкий, тяжелый, слегка изогнутый клинок из великолепной стали, отточенный, как бритва, и достаточно длинный, чтобы кому угодно выпустить кишки.

Оставив стигийца под охраной корсаров, Конан перебрался через борт и спустился в рыбацкую лодочку.

— Ждите меня до рассвета, — сказал он. — Если к тому времени я не вернусь, значит, не вернусь вообще, а стало быть, можете отправляться на юг, в родные места.

Негры подняли жалобный вой, так что Конан вновь высунул голову над бортом и выругал их, приказав немедленно заткнуться. Спрыгнув наконец в лодку, он схватил весла — и крохотная скорлупка полетела по волнам гораздо быстрее, чем когда-либо при прежнем владельце...

Глава семнадцатая

«ОН УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Гавань Кеми лежала между двумя длинными мысами, далеко вдававшимися в океан. Конан обогнул южный мыс, на котором рукотворным холмом высился черный замок, и вошел в гавань в сумерках. Он подгадал время так, чтобы меркнущий свет дня позволил страже узнать лодочку и накидку рыбака, но лишних деталей рассмотреть не дал. Никто не остановил Конана, пока он осторожно пробирался между громадными боевыми галерами, что с погашенными огнями в молчании стояли на якорях. Добравшись до широких каменных ступеней, спускавшихся к самой воде, Конан привязал лодку к железному кольцу, оставив ее среди множества других таких же. Никому, кроме рыбака, подобное суденышко все равно не могло пригодиться, а рыбаки друг у друга лодок не угоняли.

Никто не удостоил Конана лишним взглядом, пока он поднимался по длинной лестнице, скромно избегая света факелов, что горели над тихо плескавшей черной водой. Подумаешь, еще один рыбак вернулся ни с чем, посвятив целый день бесплодным трудам в море! Конечно, если бы к нему присмотрелись попристальнее, кто-нибудь мог бы заметить, что шаг его был слишком пружинист, а осанка слишком уверенна и горделива для бедного рыбака. Но Конан держался в

тени и быстро покинул причал, а простые стигийцы были горазды на умозаключения нисколько не более, нежели простолюдины иных, менее экзотических племен.

Телосложением Конан отчасти напоминал мужчин из стигийских воинских каст, людей высоких и мускулистых. Его бронзовая, загорелая кожа была почти такой же смуглой, как и у них, а густая черная грива, подстриженная над бровями и схваченная медной полоской, только усиливала сходство. Отличался он разве что походкой, чужеземными чертами лица и, конечно, синими глазами.

Переодевание, однако, оказалось удачным. Конану осталось только держаться в тени да отворачивать голову, когда кто-нибудь из местных подходил к нему слишком близко.

Конан знал, что ведет отчаянную игру и обман рано или поздно будет раскрыт. Слишком несхож был Кеми с портовыми городами хайборийских стран, где кишели представители всех мыслимых рас и народов. Здесь единственными инородцами были рабы — шемиты и негры, на которых он походил еще меньше, чем на стигийцев. В городах Стигии не жаловали чужестранцев, допуская к себе только послов и купцов, приобретших торговую привилегию. Но даже им не разрешалось сходить на берег после наступления темноты...

Конан не заметил в гавани ни одного хайборийского корабля. Зато ощутил, что над городом витало некое смутное беспокойство, некое оживление древних надежд и притязаний, гулял некий шепоток, внятный лишь тем, кто шептал. Конан не особенно понимал, в чем тут дело, но обостренный инстинкт варвара подсказывал: что-то не так! Держи ухо востро!..

Если его поймут, судьба его будет незавидной. Его могут убить уже за то, что он чужестранец; но если они узнают в нем Амру, предводителя корсаров,

огнем и мечом опустошавшего их берега... Конан передернул широкими плечами, содрогнувшись помимо воли. Он не боялся двуногих врагов, не боялся и смерти от рук человека. Но это была черная страна колдовства, обитель безымянного ужаса. Поговаривали, будто сам Сет, Старый Змей, изгнанный с севера хайборийцами, еще скрывался во тьме таинственных храмов, где у подножия мрачных святынь совершались загадочные и жуткие деяния.

Конан покинул припортовые улицы, ступенчато спускавшиеся к воде, и вступил в полутемные кварталы центральной части Кеми. И опять — ничего похожего на хайборийские города. Здесь и в помине не было яркого сияния светильников и факелов, не было нарядной, смеющейся толпы, которая гуляет по мостовой мимо настежь открытых мастерских и лавок, полных товара.

Здесь все закрывалось с наступлением темноты. Улицы освещались лишь считанными факелами, дымно чадившими на порядочном расстоянии один от другого. Немногочисленные пешеходы молча торопились куда-то: чем позже час, тем меньше их становилось. По мнению Конана, все вокруг выглядело исключительно мрачно и отдавало чем-то нереальным: молчание, необъяснимая спешка... и высоченные черные стены, вздымавшиеся по сторонам улиц. Стигийская архитектура отличалась мрачной громоздкостью; она подавляла человека, производя гнетущее впечатление.

Огней почти не было — только в верхних частях зданий. Конан знал, что большая часть жителей проводила вечера на плоских крышах домов, под звездами, среди пальм своих висячих садов. Откуда-то негромко доносилась странная музыка. Время от времени, рокоча колесами по мостовой, проезжала бронзовая колесница, везущая какого-нибудь вельможу с ястребиным лицом, закутанного в шелковый плащ, с золотым обручем на волосах в виде вздыбив-

шейся змеи. Нагие чернокожие колесничие напрягли узловатые мышцы, с трудом сдерживая свирепых стигийских коней...

Пешеходы же были все больше простолюдины — рабы, блудницы, работники, — и чем дальше, тем реже попадался Конану кто-либо навстречу. Он двигался к храму Сета, ибо там, вероятнее всего, можно было разыскать нужного ему жреца. Оставалось надеяться, что он сумеет узнать Тутотмеса, чье лицо всего раз мелькнуло перед ним в полутьме мессантийского переулка. А в том, что это был именно Тутотмес, Конан не сомневался. Лишь маги высокого посвящения, члены пресловутого Черного Круга, наделены были властью «черной руки» — способностью убивать простым прикосновением ладони. И только такой человек решился бы противопоставить себя Тот-Амону, которого западный мир знал лишь по исполненным безотчетного ужаса мифам...

Улица сделалась шире, и Конан понял, что добрался до храмовой части города. Громадные черные здания устремлялись к тускло мерцающим звездам, свет редких факелов придавал им неописуемо мрачный и угрожающий вид. Неожиданно Конан услышал, как на другой стороне улицы и чуть впереди него тихо вскрикнула женщина — нагая куртизанка, чью замысловатую прическу венчал высокий плюмаж, знак ее ремесла. Она пятилась, прижимаясь к стене, и с ужасом смотрела на что-то, еще невидимое для Конана. Заслышав ее крик, немногочисленные пешеходы так и застыли, и в тот же миг Конан расслышал тихое, но весьма зловещее шуршание, доносившееся откуда-то спереди. Потом из-за угла дома, к которому он как раз подходил, появилась омерзительная клиновидная голова, а за ней, виток за витком, поползло чешуйчатое лоснящееся тело.

Киммериец отшатнулся, мигом вспомнив рассказы, которых в свое время наслушался, — эти змеи были посвящены Сету, стигийскому Богу-Змею. В храмах

Сета держали немало подобных чудовищ; когда они чувствовали голод, их выпускали прямо на улицы за добычей. Жуткие змеиные трапезы считались жертвоприношением чешуйчатому Божеству...

Стигийцы, окружившие Конана, — мужчины и женщины — падали на колени, безропотно ожидая своей участи. Сейчас громадная змея изберет среди них одного, чтобы обвить его упругими кольцами, раздавить в кровавое месиво и проглотить, как полоз проглатывает мышь. Другие останутся жить. Это была воля Богов...

Но только не Конана! Между тем питон полз прямо к нему, привлеченный, возможно, тем обстоятельством, что он единственный не спешил преклонить колена. Конан сунул руку под накидку, к ножу, все еще надеясь, что адова тварь минует его. Но змея остановилась прямо перед ним, собралась в кольца и высоко подняла голову. Взгляд холодных глаз, исполненный древней змеиной жестокости, скрестился со взглядом человека, раздвоенный язык так и мелькал. И вот удав выгнул шею, собираясь ударить, но мгновением раньше Конан выхватил нож и полоснул им со скоростью молнии. Широкое лезвие рассекло клиновидную голову и глубоко врезалось в толстую шею.

Высвободив нож, Конан проворно отскочил прочь, а громадное тело забилося в судорогах, бешено свиваясь и хлеща могучим хвостом. Какое-то мгновение Конан завороченно наблюдал за агонией чудовища, а вокруг было тихо, лишь свистел и гулко бил о камни чешуйчатый хвост...

Но мгновение минуло, и потрясенные свидетели разразились ужасающим криком:

— Святотатство! Он убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!..

В Конана полетели камни. Обезумевшие стигийцы истерически закричали и бросились на него. Другие выскакивали из домов, присоединяясь к погоне. Выругавшись, Конан со всех ног кинулся в темный пе-

реулок. Он бежал, ведомый более чутьем, нежели зрением, а позади слышалось шлепание босых ног по мостовой и яростные крики преследователей, эхом отдававшиеся от каменных стен. Нащупав левой рукой какую-то щель, Конан юркнул туда и оказался в другом переулке, еще более узком. С обеих сторон вздымались гигантские черные стены, лишь высоко над головой виднелась узенькая полоска звездного неба. Конан знал, что стены, между которыми он спрятался, были стенами храмов. Тем временем погоня миновала его — преследователи промчались впотьмах мимо устья переулка, истошные крики понемногу стихли вдали. Конан пошел вперед, хотя перспектива столкнуться в темноте еще с одним «сыном Сета» вселяла в него невольную дрожь.

Спустя некоторое время впереди возник слабый движущийся отблеск — ни дать ни взять светлячок. Конан остановился и вжался в стену, нащупывая рукоятку ножа. Он знал, что это за свет: ему навстречу, неся факел, шел человек. Вот он приблизился уже настолько, что Конан различил смуглую руку и смутный овал лица. Еще несколько шагов — и человек тоже увидит его. Конан подобрался, точно тигр перед прыжком... но факел внезапно остановился. Пламя осветило дверь. Человек повозился с ней, отворил и вошел. Кромешная темнота вновь поглотила переулок... Было что-то зловещее в этой смутной фигуре, прокравшейся во тьме переулком и исчезнувшей в потайной двери. Не иначе, это жрец возвращался к себе в храм, исполнив какое-нибудь недоброе поручение!

Конан ощупью добрался до двери. Вслед за первым факелоносцем сюда вполне могли последовать и другие. Убраться назад тем же путем означало хорошую возможность вновь напороться на толпу, от которой он только что удрал. Чего доброго, они еще вернутся, заметят переулок и с воем ринутся на ускользнувшую было жертву... Конану стало не по себе

меж этих отвесных, неприступных стен, захотелось выбраться отсюда — даже если выбраться означало проникнуть внутрь одного из неведомых зданий.

Тяжелая бронзовая дверь оказалась не запертой. Приоткрыв ее, Конан заглянул в щель. Перед ним была большая квадратная комната, облицованная все тем же черным камнем. В стенной нише тлел факел. Комната была пуста. Конан проскользнул внутрь и притворил за собой лакированную дверь.

Его обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по черному мрамору пола. Заметив впереди еще одну дверь — на сей раз из тикового дерева, — Конан миновал ее и с ножом в руках вступил в огромное полутемное помещение, высокий потолок которого терялся во мраке. Влево и вправо тянулись черные стены, прорезанные арками. Зал освещали бронзовые лампы невиданной формы, едва разгонявшие тьму. Каменными карнизами нависали над головой затененные галереи...

Конан содрогнулся: стало быть, он залез в храм какого-то стигийского Бога — если не самого Сета, то какого-нибудь в том же роде. И в святилище было не пусто. Посреди громадного зала высился черный каменный алтарь — массивный, мрачный, не украшенный даже резьбой, — а на нем, свернувшись, лежала одна из громадных священных змей. Змея не шевелилась, лишь радужные кольца переливались в свете масляных ламп. Конан припомнил, что жрецы якобы опаивали змей время от времени каким-то дурманом. Он нерешительно шагнул вперед... и тотчас шарахнулся обратно, — но не в комнату, из которой только что вышел, а в нишу, завешенную бархатной шторой. Его слуха коснулся звук мягких шагов, раздавшийся где-то вблизи.

Из черной арки появился высокий крепкий мужчина в сандалиях и шелковой набедренной повязке. Широкая накидка окутывала его плечи. Лицо и всю голову скрывала чудовищная маска, в которой были

смешаны воедино звериные и человеческие черты. Венчало маску колеблющееся облако страусовых перьев.

В подобных масках стигийские жрецы совершали некоторые ритуалы... Конан очень надеялся, что тот не обнаружит его, но стигийца предостерег какой-то инстинкт. Направившись поначалу к лестнице, он вдруг повернул прямо к нише. Но едва он отдернул бархатную занавесь, как из темноты метнулась рука и, не дав закричать, схватила за глотку и втянула внутрь ниши, где жрец и напоролся на нож.

Дальнейшие действия Конана были подсказаны логикой. Он снял с головы жреца ухмыляющуюся маску и надел ее сам. Прикрыв тело убитого одеянием рыбака, он натянул на могучие плечи жреческую накидку. Судьба подарила ему личину — отчего ж не воспользоваться? Пускай теперь хоть весь Кемі гоняется за святотатцем, осмелившимся поднять руку на священного гада. Но кому придет в голову заглянуть под маску жреца?

Конан смело покинул альков и направился к первой же приглянувшейся арке. Но не успел сделать и дюжины шагов, как обостренный нюх на опасность вновь заставил его обернуться.

Вниз по лестнице один за другим спускались люди в масках, наряженные в точности так же, как он. Застигнутый на открытом месте, Конан заколебался, не зная, что делать, и остался стоять неподвижно, хотя по лбу и рукам покатались капли холодного пота. Жрецы не произнесли ни единого слова. Точно призраки, вереницей спускались они в зал и шли мимо Конана к одной из арок. Предводитель нес посох из черного дерева, на котором красовался белый ухмыляющийся череп. Конан понял, что перед ним была ритуальная процессия, недоступная пониманию чужеземца, но тем не менее игравшая важную — и зачастую зловещую — роль в стигийской религии. Шедший последним слегка повернул голову в маске

к неподвижно стоявшему киммерийцу, как бы приглашая его следовать за собой. Что делать? Не выполнить того, чего от тебя ждут, — значит навлечь неминуемые подозрения... И Конан пристроился в затылок последнему, принаравливая свой шаг к их мерной походке.

Они шли темным сводчатым коридором, и Конану сделалось очень не по себе, когда он заметил, что череп на посохе начал светиться неестественным фосфорическим светом. Животная паника шевельнулась в глубине его существа, понуждая выхватить нож, искромсать потусторонние силуэты вокруг — и бежать, бежать из этого жуткого храма! Все-таки Конан удержал себя в руках, подавив ужас, родившийся в недрах сознания и готовый населять кошмарными тенями все темные углы. И все-таки, когда они миновали громадную двустворчатую дверь и вышли под звездное небо, он едва не испустил вздох облегчения.

Некоторое время Конан раздумывал, не исчезнуть ли потихоньку в каком-нибудь переулке. Однако они шли и шли вереницей по длинной улице, и люди, попадавшие навстречу, поспешно отворачивались и удирали. К тому же процессия держалась довольно далеко от стен: внезапный прыжок в сторону навряд ли останется незамеченным...

Пока Конан в бессильной ярости крыл про себя жрецов на все корки, шествие приблизилось к невысоким воротам в южной стене и вышло наружу. Впереди и вокруг жались друг к другу низенькие глинобитные домики, в звездном свете смутно виднелись пальмовые рощи. Теперь или никогда, подумалось Конану. Самое время расстаться с его молчаливыми спутниками!

Но как только за ними закрылись ворота, все их молчание как рукой сняло. Они принялись возбужденно переговариваться вполголоса. Оставили они и ритуальный размеренный шаг, предводитель бесцеремонно сунул посох с черепом себе под мышку, и вся

компания, смешав ряды, поспешила вперед. Поспешил с ними и Конан. Ибо в приглушенный шепот жрецов вкралось слово, заставившее его немедленно насторожиться. И это слово было — «Тутотмес!»

Глава восемнадцатая

«Я — ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАВШАЯ СМЕРТИ...»

С жгучим интересом всматривался Конан в своих укрытых масками спутников. Либо один из них и был Тутотмес, либо все они шли на встречу с человеком, который был так нужен Конану. Когда же за кронами пальм в темном небе возникла треугольная черная тень гигантской постройки, Конан сообразил, куда все идут.

Жрецы миновали облезлые домишки и рощицы; может, кто и видел процессию, но на глаза предпочел не показываться. Нигде не было ни огонька. Черные башни Кеми угрюмо вздымались к звездам, отражавшимся в водах гавани. Впереди, уходя в непроглядную тьму, расстилалась пустыня. Откуда-то доносилось таяканье шакала. Обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по песку. Казалось, призраки спешат к гигантской пирамиде, возвышавшейся над темной пустыней...

При виде мрачной громады, заслонявшей звездное небо, сердце Конана заколотилось быстрее. Он был готов сойтись с Тутотмесом лицом к лицу и схватиться с ним, если придется, но к его нетерпению примешивался страх. Любого человека, приблизившегося к этому сооружению из черных камней, поневоле одолевали предчувствия. Самое имя его было у северных народов символом чего-то отвратительного

и ужасного. Легенды намекали, что пирамиды не были выстроены стигийцами, что они уже стояли здесь в незапамятно древние времена, когда смуглолицый народ только-только поселился у великой реки...

Подходя к пирамиде, Конан заметил у ее основания пятнышко неяркого света. Постепенно вырисовался дверной проем, по обе стороны которого задумчиво возлежали каменные львы с женскими головами, таинственные, непостижимые, — кошмарный сон, воплощенный в камне. Предводитель процессии направился прямо ко входу, и Конан разглядел какой-то темный силуэт там, в глубине. Вот с ним поравнялся предводитель, приостановился на миг — и исчез во тьме внутри пирамиды. Один за другим за ним последовали и остальные. При этом таинственный страж останавливал всякого вступавшего в темный портал, и что-то совершалось между ними, какой-то жест или слово — Конан тщетно силился разобрать. Отчаявшись, он намеренно замешкался и, наклонившись, сделал вид, что возится с ремешками сандалий. И только когда последний носитель маски благополучно исчез, Конан выпрямился и пошел вперед.

Ему было не по себе: в голову назойливо лезли когда-то слышанные байки, он всерьез гадал, был ли страж храма человеком. Однако волновался он зря. Бронзовый светильник, горевший за порогом, позволял видеть часть узкого длинного коридора, уходившего в темноту, и человека в широком черном плаще, молча стоявшего у входа. Больше никого не было видно. Жрецы в масках, надо думать, удалились по коридору.

Нижняя часть лица стигийца была скрыта плащом, но глаза так и впились в Конана пронизывающим взглядом. Вот он сделал левой рукой какой-то странный жест. Положившись на удачу, Конан повторил его. Но тотчас понял, что от него ожидали чего-то другого. Правая рука стигийца вылетела из-под плаща, сверкнула сталь. Последовал убийственный

удар, который, вне сомнения, пронзил бы сердце обычного человека...

Но перед стигийцем был воин, обладавший стремительной реакцией лесного кота. Тусклый свет едва успел отразиться от лезвия, когда Конан перехватил смуглое запястье, и тотчас же его правый кулак обрушился на челюсть стигийца. Голова стража запрокинулась и ударилась о камни стены с хрустом, который ясно говорил о проломленном черепе.

Конан на миг замер над ним, чутко прислушиваясь. Светильник догорал, отбрасывая бесформенные тени. Впереди, во тьме коридора, ничто не шевелилось, но Конану показалось, будто где-то там, глубоко внизу, едва различимо прощел гонг.

Нагнувшись, киммериец оттащил мертвое тело за дверь, а потом осторожно и быстро пошел по коридору вперед, даже не гадая о том, какая судьба могла его там ожидать.

* * *

Пройдя совсем немного, он озадаченно остановился. Коридор разветвлялся, и в какую сторону отправились жрецы, Конану неоткуда было знать. Наугад выбрал он левый проход... Пол слегка понижался и был гладок, точно отполированный множеством ног. Там и сям чадили факелы, разливая вокруг жутковатый трепетный полусвет. Поневоле Конан задумался, зачем и в какую из позабытых эпох были сооружены эти каменные громады. Древней, чудовищно древней была эта земля! Никто не знал, сколько веков глядели на звезды стигийские черные храмы...

Узкие арки открывались то справа, то слева, но Конан держался главного коридора — хоть и приходил все более к убеждению, что свернул не туда. Иначе он давно уже поравнялся бы со жрецами, ведь они не так сильно его обогнали. Конан начал нервничать. Тишину, казалось, можно было пощупать; тем не менее ему все время мнилось, что он был не один.

Не раз, торопливо минуя темную арку, он ощущал чей-то пристальный взгляд, устремленный на него из глубины. Конан замедлил шаг, почти решив вернуться туда, где коридор раздвоился... Потом резко обернулся, сжимая в руке нож.

У входа в боковой тоннель стояла девушка — стояла и смотрела на киммерийца. Кожа цвета слоновой кости говорила о ее принадлежности к какому-то древнему стигийскому роду. Как все знатные стигийки, она была высокой, гибкой и чувственно прекрасной. Роскошные волосы ниспадали черной вспененной волной, и среди них мерцал искристый рубин. На ней не было никакой одежды, кроме бархатных сандалий и широкого пояса, усеянного самоцветами.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она.

Ответить — значило выдать свое чужеземное происхождение. Конан молчал и не двигался — темная зловещая фигура в маске, увенчанной страусовыми перьями. Зоркие глаза его осматривали тени за спиной девушки. Никого не было видно. Но как знать, сколько воинов сбежится тотчас же, если она позвет?

Она тем временем пошла к нему — безо всякого страха, но подозрительно вглядываясь.

— Ты не жрец, — сказала она. — Ты воин, это видно даже под маской. Ты отличаешься от жрецов, как мужчина от женщин. О Сет! — воскликнула девушка, внезапно остановившись, и глаза ее округлились. — По-моему, ты даже не стигиец!

Его рука метнулась вперед так стремительно, что глаз не успел бы уследить, пальцы почти ласково обхватили нежную шею.

— Попробуй только пискни, — пробормотал он.

Ее гладкая кожа показалась ему холодной, как мрамор. Но в бездонных черных глазах, как и прежде, не было страха.

— Не бойся, я не выдам тебя, — ответила она спокойно. — Скажи лучше, не безумен ли ты — чу-

жепленник и чужестранец, вошедший в запретный храм Сета?

— Я разыскиваю жреца Тутотмеса, — ответил Конан. — Он здесь?

— А зачем он тебе нужен? — парировала она.

— При нем... нечто, украденное у меня.

— Я тебя к нему провожу, — предложила она с такой готовностью, что в нем вновь проснулись подозрения.

— Не играй со мной, девочка, — заворчал он.

— А я и не играю с тобой. Я не люблю Тутотмеса.

Конан помедлил, потом все же решился. В конце концов, он был в ее власти настолько же, насколько и она — в его.

— Иди рядом, — приказал он и, выпустив шею, схватил ее запястье. — И хорошенько думай, что делаешь. Если попробуешь шутить...

Она повела его по коридору — все вниз и вниз, пока не скрылись позади последние факелы, и он зашарил рукой по стене, не видя, лишь ощущая и чувствуя женщину, идущую рядом. Когда он ей что-то сказал, она повернула к нему голову, и он вздрогнул; заметив, что ее глаза светились во тьме, точно два золотистых огня. Смутные сомнения и еще более смутные, чудовищные подозрения зародились в его душе... и все-таки он продолжал идти. Она же вела его через такой лабиринт, через такую путаницу черных тоннелей, что даже его первобытное чувство направления было бессильно. Мысленно Конан сто раз обозвал себя недоумком за то, что последовал за нею в это мрачное прибежище тайн... Так или иначе, поворачивать назад было поздно. К тому же он вновь ощущал в темноте вокруг себя жизнь и движение, ощущал чье-то опасное, голодное нетерпение неподалеку... И если слух его не подвел, он расслышал даже смутный скользящий шумок, который затем удалился, повинаясь приказу, который шепотом отдала девушка.

В конце концов она привела его в покой, освещенный таинственным светом семи черных свечей, горевших в канделябрах невиданной формы. Конан понял, что они находились глубоко под землей. Комната была квадратной, со стенами и потолком из полированного черного мрамора. Она была обставлена в древнегипотетическом духе: Конан увидел ложе из эбенового дерева, обтянутое черным бархатом, а рядом, на черном каменном возвышении, стоял резной саркофаг.

Конан нетерпеливо переминался, поглядывая на черные арки: в комнату сходилась сразу несколько коридоров. Но девушка не пошла дальше. С кошачьей грацией растянулась она на ложе и закинула за голову руки, глядя на Конана из-под длинных загнутых ресниц.

— Ну? — спросил он нетерпеливо. — В чем дело? Где Тутотмес?

— А куда нам спешить? — отозвалась она. — Что значит час... или день.. или, если на то пошло, год или столетие? Сними маску, я хочу увидеть твоё лицо.

С раздраженным ворчанием Конан стащил с себя громоздкий головной убор. Девушка окинула взглядом его темное, в шрамах лицо, горящие глаза и одобрительно кивнула:

— Я вижу в тебе силу... огромную силу. Ты мог бы задуть вола!

Конан беспокойно вглядывался в темноту проходов, держа руку на рукояти ножа. Его подозрения все возрастали.

— Если ты завела меня в ловушку, пеняй на себя, — сказал он. — Любоваться результатом тебе уже не придется. Может, слезешь наконец с дивана и сделаешь что обещала? Или мне тебя...

Он не договорил. Случайный взгляд, брошенный на саркофаг, упал на посмертную маску, исполненную из слоновой кости со всей дотошностью давно забытого искусства. В чертах резной маски Конану помешало нечто знакомое, нечто внушавшее смутное

беспокойство. Потом он потрясенно осознал, в чем дело. У маски и у девушки, растянувшейся на ложе, было одно и то же лицо! Сперва он решил, что девушка послужила скульптору моделью — но ведь саркофагу было самое меньшее несколько столетий!.. Архаичные иероглифы были начертаны на его лакированной крышке. Конан принялся рыться в памяти, выискивая обрывки познаний, которых он в течение своей бурной жизни успел-таки поднабраться. Один за другим узнавал он древние письмена и наконец прочитал:

— Акиваша!

— Ты слышал что-нибудь о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же про нее не слышал, — буркнул Конан. Имя древней принцессы, столь же прекрасной, сколь и греховной, еще жило в легендах и песнях, которые помнил весь мир, — и это при том, что уже десять тысячелетий миновало с тех пор, как дочь Тутхамона веселилась и пировала в черных залах старинного Луксора...

— Ее единственный грех — это то, что она любила жизнь во всех ее проявлениях, — сказала стигийка. — Она приняла любовь Смерти, чтобы получить Жизнь. Ей невыносима была мысль о старости и морщинах, о том, чтобы умереть ссохшейся и поблекшей. Она отдалась Тьме и получила в подарок жизнь, жизнь, неподвластную старости и увяданию. Она укрылась во мраке, обманув смерть...

Конан свирепо взглянул на нее сузившимися глазами. Повернувшись, он сорвал крышку с саркофага. Там было пусто. От смеха девушки, прозвучавшего за спиной, кровь застыла у него в жилах. Конан резко обернулся к ней, чувствуя, как сзади на шее шевелятся волосы.

— Ты — Акиваша!

Она вновь рассмеялась, тряхнула блестящими волосами и раскинула руки:

— Да, я — Акиваша! Я — женщина, никогда не знавшая ни смерти, ни старости. Та, которую глупцы считают вознесшейся на небо к Богам, покинувшей землю во всем цвете юности и красоты, чтобы вечно царствовать в какой-нибудь небесной стране! О нет! Лишь во тьме могут смертные достигнуть бессмертия. Десять тысяч лет назад я умерла, чтобы жить вечно. Люби же меня, могучий варвар!

Гибко вскочив, она подбежала к нему, приподнялась на цыпочки и обняла его за шею. Глядя сверху вниз в ее прекрасное запрокинутое лицо, Конан ощутил пугающее влечение — и ледяной страх.

— Люби же меня, — шептала она, откинув голову, смежив глаза и приоткрыв губы. — Дай мне крови, чтобы обновить мою юность и поддержать вечную жизнь! Я и тебя могу сделать бессмертным. Я дам тебе мудрость всех веков, открою тебе тайны, эон за эоном хранившиеся во мраке храмов и подземелий. Я сделаю тебя королем призрачных орд, что пируют меж древних могил, когда ночь окутывает пустыню и летучие мыши резвятся в лунном луче. Мне надоели жрецы, маги и пленницы, которые так истошно кричат у порога смерти. Мне нужен настоящий мужчина... Люби же меня, варвар!

Она склонила темноволосую голову на его могучую грудь... и он ощутил острый укол в основание шеи, у горла. Выругавшись, Конан оторвал девушку от себя и швырнул прочь, на ложе:

— Будь ты проклята, упыриха!

Кровь тонкой струйкой сочилась из крохотной ранки.

Акиваша взметнулась на ложе, точно змея, изговившаяся укусить. Желтое адово пламя горело в ее огромных глазах. Ее губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы.

— Глупец! — выкрикнула она. — Ты думаешь спастись от меня? Ты кончишь свою жизнь здесь, со мной, в темноте! Я завела тебя глубоко в подземелья,

и одному тебе отсюда не выбраться. Ты не сумеешь одолеть или миновать тех, кто стережет эти тоннели. Если бы не я, сыны Сета давно уже набили бы твоей плотью утробы. Я еще напьюсь твоей крови, глупец!

— Прочь, пока я не изрубил тебя на куски! — зарычал Конан, и по его телу пробежала дрожь отвращения. — Может, ты и вправду бессмертна, но я тоже не шутки шучу!

Он попятился к арке прохода, сквозь который они вошли... и тут свет неожиданно погас. Все свечи потухли одновременно, хотя каким образом, Конан так и не понял. Акиваша их не касалась. Он услышал за собой смех упырихи, сладкий, как яд, как музыка Преисподней. Конан зашарил по стене в поисках выхода, покрываясь потом и чувствуя, что пропал. Нащупав наконец отверстие, он ринулся наружу, не особенно разбираясь, та ли это арка, которую он искал, или другая. Единственная мысль билась у него в голове: скорее покинуть зловещий чертог, где столько веков обитала прекрасная и омерзительная живая покойница.

Точно в дурном сне, мчался он вперед и вперед по темным закоулкам извилистых подземных тоннелей. Сзади и по сторонам то и дело слышались шорохи ползущих тел, а однажды вновь донеслось эхо сладостного и жуткого смеха, что он слышал в покоях Акиваши. На каждый звук, примерещившийся или реальный, Конан отвечал яростным взмахом ножа. Один раз его клинок вспорол нечто податливое и тонкое — паутину?.. В отчаянии Конан чувствовал, что с ним играют, завлекая его все глубже и глубже в беспредельную ночь, где его наконец разорвут клыки и когти чудовищ...

Но к ужасу киммерийца примешивалась тошнотворная горечь открытия, которое он сделал. Древняя легенда об Акиваше повествовала не только о зле и пороке, но еще и о юности, бессмертии и красоте. Для многих и многих мечтателей, поэтов и влюбленных

Акивапа не просто была недоброй принцессой стигийских сказаний — она представляла символом вечной молодости и красоты, сияющей в далеких чертогах Богов... И вот какова оказалась отвратительная правда. Вечная жизнь была в действительности мерзостным извращением. К физической гадливости, которую испытывал Конан, примешивалось жестокое разочарование. Рухнула мечта, которой так долго поклонялись мужчины. Сверкающее золото на поверку оказалось слизью и вселенской гнусностью. И волной накатила безысходность: а не тщета ли все? Не тщетны ли все мечты и надежды людей?

...Теперь он точно знал, что слух его не обманывал: за ним гнались, и преследователи подбирались все ближе. Во тьме звучали шорохи, каких никогда не производили звериные лапы, тем более человеческие ноги. Или в подземном мире была своя, особая животная жизнь?.. Конан повернулся лицом кседающим тварям и стал медленно пятиться, не видя ничего и никого. И вдруг все шорохи разом умолкли, Конан обернулся и разглядел в другом конце длинного коридора слабенький огонек.

Глава девятнадцатая

В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан осторожно крался в направлении огонька, чутко прислушиваясь к тому, что делалось за спиной. Звуков погони больше не было слышно, хотя он нутром чувствовал: там, во тьме, так и кишело что-то жадное, охочее до человеческой плоти.

Огонек между тем не стоял на месте — он плыл вперед, слегка подпрыгивая. Потом Конан разглядел его источник. Тоннель, которым он пробирался, пересекал другой, более широкий. И по нему двигалась странная процессия — четверо рослых, изможденных людей в черных одеяниях с капюшонами. Каждый опирался на посох, а предводитель нес в руке факел, горевший неестественно ровно. Точно призраки, миновали они затаившегося киммерийца, оставив после себя лишь меркнувший отсвет. Неопикуемой жутью веяло от этой четверки. Они не были стигийцами; подобных им Конан никогда не видал и даже усомнился, принадлежали ли они вообще к роду людскому. Гораздо более походили они на духов, бродящих в заколдованных подземельях...

Конану, впрочем, терять было нечего. Не дожидаясь, пока вновь сомкнется тьма и сзади зашуршат нечеловеческие шаги, он ринулся по коридору вперед. Выскочив в широкий тоннель, он снова увидел таинственную четверку — она была далеко и двигалась

прочь, окруженная сиянием факела. Конан беззвучно поспешил следом, но почти сразу был вынужден распластаться по стене — остановившись, они сбились в кучку и, казалось, начали совещаться о чем-то. Неожиданно они повернули назад, и Конан торопливо нырнул в ближайший проход. Он успел привыкнуть к темноте, хотя ночного зрения ему не было дано. Пошарив перед собой, он обнаружил, что тоннель изгибался. Конан спрятался за ближайшим поворотом, не желая попасться на глаза тем четверым.

Стоя там, он услышал где-то позади себя негромкий гул — ни дать ни взять нестройные человеческие голоса. Пройдя немного по коридору в том направлении, он убедился, что слух его не подвел. Конан сразу оставил свое первоначальное намерение следовать за призрачной четверкой, шедшей неизвестно куда, и начал пробираться на голоса.

Вот впереди забрезжил свет, и новое пересечение коридоров позволило Конану увидеть широкую арку, выходящую в какое-то освещенное помещение. И тут по левую руку от себя Конан приметил узкую каменную лестницу, уводящую вверх; звериная осторожность направила его к ней.

Голоса, которые он слышал, доносились из залитой светом арки. Пока он взбирался по лестнице, бормотание отдалилось, но затем он миновал низкую дверь и выбрался на галерею.

С галереи, окутанной спасительной тенью, Конану открылся гигантский, скудно освещенный зал. Он понял, что это был Зал Мертвых, редко посещаемый кем-либо, кроме молчаливых стигийских жрецов. Вдоль черных стен ярусами стояли резные раскрашенные саркофаги; каждый помещался в отдельной нише темного камня, ряды ниш поднимались вверх, постепенно теряясь во мгле. Тысячи резных масок бесстрастно взирали на группу людей, стоявших посередине зала и казавшихся неприметными и ничтожными среди такого скопища мертвых.

Десять человек, стоявших внизу, были жрецами — они сняли маски, но Конан узнал тех, за кем шел к пирамиде. Перед ними, подле алтаря, на котором покоилась мумия в истлевших повязках, стоял высокий мужчина с ястребиным лицом. А сам алтарь, казалось, был погружен в недра живого огня, что пульсировал и сверкал, бросая на черные камни трепетные золотые блики. Это сиял огромный алый кристалл, возложенный на алтарь, и в его свете лица жрецов казались пепельно-мертвенными. Глядя вниз, Конан разом ощутил все бесконечные лиги, все долгие дни и бессонные ночи изматывающей погони... Он задрожал от безумного желания ринуться вниз на безмолвных жрецов, могучими ударами клинка проложить себе путь и схватить алый камень нетерпеливыми пальцами... Но железная воля помогла ему совладать с собой и подавить этот порыв. Конан затаился в густой тени каменной балюстрады. Он заметил, что с галереи в зал вдоль стены вела лесенка, также скрытая тенью. Конан обводил сумеречный зал пристальным взглядом, высматривая других жрецов или свидетелей. Но, похоже, здесь были только те, что стояли у алтаря.

Глухой голос стоявшего рядом с мумией гулко разносился по залу:

— ...и таким образом к нам на юг пришла эта весть. Ее нашептывал ночной ветер, вороны сообщали ее друг другу, каркая на лету, летучие мыши рассказывали ее совам и змеям, таящимся в древних руинах. Ее разнесли оборотни, вампиры и черные демоны, крадущиеся в ночи. Спящая Ночь Мира шевельнулась и встряхнула тяжелой гривой, в черных безднах забили барабаны, и эхо далеких жутких криков стало пугать ночных пешеходов. Ибо Сердце Аримана вернулось в мир, вернулось исполнить свое непостижимое предназначение... Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, слуга Ночи, получил эту весть прежде Тот-Амона, что зовет себя королем всех

волшебников мира. Есть тайны, не предназначенные даже для ваших ушей. Скажу лишь, что Тот-Амон не единственный владыка Черного Круга. Восприняв весть, я выехал навстречу Сердцу, двигавшемуся на юг. Смерть за смертью оставляло оно за собой, несомое вперед рекой человеческой крови. Ибо кровь притягивает и питает его, а наибольшую силу придают ему окровавленные руки убийцы, вырвавшие Сердце у прежнего обладателя. Где сияет Сердце Аримана, там льется кровь, рушатся королевства и буйствуют слепые силы природы... И все же то, что должно было свершиться, свершилось — наконец-то я стою здесь перед вами как повелитель и господин Сердца. Я тайно призвал сюда вас, немногочисленных верных, чтобы разделить с вами власть над черным королевством грядущего. Сегодня вы увидите, как рухнут цепи рабства, наложенные на нас Тот-Амоном, как зародится империя!.. Но кто такой я — даже я, Тутотмес, — чтобы познать и покорить силы, дремлющие в этих алых глубинах? Три тысячи лет хранило оно забытые тайны... но я их узнаю. Мне рассказывают — они!

И взмахом руки он обвел безмолвные силуэты, застывшие в каменных нишах.

— Они спят, глядя на нас сквозь свои скульптурные маски, — продолжал Тутотмес. — Короли, королевы, полководцы, жрецы, чародеи, все династии, вся знать Стигии за десять тысяч лет! Прикосновение Сердца пробудит их ото сна. Долго, долго пылало и билось Сердце здесь, в Стигии, здесь был его дом в течение долгих столетий, пока его не перевезли в Ахерон. Древним была известна его полная сила, и, когда моя магия пробудит их к жизни, они расскажут мне обо всем! Я заставлю их для меня потрудиться. Воскресив их, я выведаю позабытую мудрость, познания, скрытые ныне в этих высохших черепах. С помощью мертвых поработим мы живых! О да! Ибо короли, полководцы и волшебники древних станут нам по-

мочь, и кто тогда устоит перед нами? Взгляните! Вот эти иссохшие, скрюченные останки на алтаре звались когда-то Тотмекри, верховным жрецом Сета; он умер три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга. Он знал Сердце. Он научит нас, как пользоваться его силой!

Подняв лучистый кристалл, Тутотмес возложил его на бесплотную грудь мумии и, воздев руки, запел заклинание. Но завершить его ему не пришлось. Он замер на полуслове, вглядываясь во что-то за спинами учеников, и те разом обернулись туда, куда указывал его взгляд.

Сквозь темную арку в зал один за другим вошли четверо изможденных созданий в черных плащах. Тени надвинутых капюшонов едва позволяли различить желтые овалы их лиц.

— Кто вы? — резко спросил Тутотмес, и его голос предвещал опасность не меньшую, чем шипение кобры. — Не безумны ли вы, вторгшиеся в священную обитель Сета?

Самый высокий из чужаков ответил ему голосом бесцветным, точно звук кхитайского храмового колокола:

— Мы пришли за Конаном, киммерийцем.

— Его нет здесь, — ответил Тутотмес и сдвинул плащ с правого плеча движением пантеры, выпускающей когти.

— Лжешь, — прозвучало в ответ. — Он здесь, в храме. Мы нашли труп за бронзовой дверью и пошли по следу сквозь путаницу коридоров. Потом мы натолкнулись на это сборище. Мы пойдем дальше, но сперва отдайте нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумных, — пробормотал Тутотмес, понемногу придвигаясь к говорившему. Следом, окружая чужаков, крались его жрецы, но те четверо как будто не замечали.

— Кто способен взглянуть на него и не возжелать? — продолжал кхитаец. — Мы слышали о нем еще

у себя на родине. Оно даст нам власть над народом, изгнавшим нас. Ужас и слава дремлют в его алых глупинах. Отдайте его нам и не вынуждайте вас убивать...

С яростным воплем кто-то из жрецов метнулся вперед, в его руке мелькнула сталь. Но ударить он не успел: взвился чешуйчатый посох и коснулся его груди, и жрец упал, как падает только мертвый. В следующий миг равнодушные мумии стали свидетелями жуткого, кровавого боя. Сверкали и обгалялись кривые ножи, мелькали похожие на змей посохи, и люди, которых они касались, с криком падали и умирали.

* * *

Как только был нанесен первый удар, Конан вскочил на ноги и помчался вниз по ступенькам. Он лишь мельком видел тот дьявольский бой. Он видел, как один из кхитайцев, изрубленный почти что в куски, все еще стоял на ногах, раздавая смерть, пока наконец Тутотмес не ударил его в грудь раскрытой ладонью, и только тогда кхитаец свалился: сталь не в силах была побороть его колдовскую живучесть.

К тому времени, когда Конан перепрыгнул последнюю ступеньку, сражение почти завершилось. Трое кхитайцев лежали на полу мертвыми, плоть их была иссечена в клочья, внутренности выпали. Но и среди стигийцев в живых остался один лишь Тутотмес.

Вот он бросился на уцелевшего кхитайца, простирая, как оружие, пустую ладонь, и ладонь эта была черна. Но еще быстрее метнулся вперед посох высокого кхитайца — метнулся и, казалось, сам собой удлинился в хозяйской руке. Острие коснулось груди Тутотмеса, и тот зашатался, но устоял; посох ударил еще и еще раз, и Тутотмес покачнулся и рухнул замертво. По его лицу быстро расползлась чернота, теперь он был весь так же темен, как его заколдованная рука.

Тогда кхитаец повернулся к драгоценному камню, что пылал на груди мумии, — и увидел перед собой Конана.

Некоторое время они молча смотрели один на другого, стоя среди кровавого побоища, под взглядами тысяч мумий.

— Долго же мы следовали за тобою, о аквилонский король, — проговорил кхитаец спокойно. — По большой реке, через горы, через Пуантен и Зингару, по холмам Аргоса и, наконец, морем. В Тарантии мы с трудом взяли твой след, ибо жрецы Асуры хитроумны. Мы вновь потеряли его в Зингаре, но затем отыскиали шлем, брошенный тобой в лесу у подножия пограничных холмов, там, где ты сражался с лесными вурдалаками. И сегодня, в этих лабиринтах, мы едва не сбились со следа...

И Конан подумал о том, как ему повезло, — ведь он выбрался из покоев упырихи не тем путем, которым пришел. Иначе он прямо налетел бы на желтых демонов. А так он сумел издали разглядеть, как они, подобно двуногим ищейкам, вынюхивают его след... вынюхивают его, пуская в ход какой-то жуткий сверхъестественный дар.

Кхитаец слегка покачал головой, словно прочитав его мысли.

— Все это, впрочем, неважно, — сказал он, — ибо долгий путь окончится здесь.

— Зачем вы выслеживали меня? — спросил Конан, готовый метнуться в любую сторону с быстротой спущенной пружины.

— Мы возвращали долг, — ответил кхитаец. — От тебя, обреченного смерти, бессмысленно что-либо скрывать. Мы служили Валерию, нынешнему королю Аквилонии. Долгой была наша служба, но теперь она кончена: братьев моих освободила гибель, меня же освободит исполнение клятвы. Я вернусь в Аквилонию, везя сразу два сердца: Сердце Аримана — для себя и сердце Конана — для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из живого Дерева Смерти...

Удар посоха был подобен броску гадюки, однако нож в руке Конана мелькнул мгновением раньше.

Посох распался на две половины, и половины эти начали корчиться; новый взмах отточенного клинка — и голова кхитайца покатила по полу.

Повернувшись, Конан протянул руку к Сердцу... и отпрянул. Волосы зашевелились у него на голове, кровь в жилах так и застыла.

То, что лежало на алтаре, больше не было ссохшейся мумией. Камень пылал и переливался на широкой груди живого мужчины, лежавшего обнаженным среди истлевших повязок. Но был ли он в самом деле жив?.. Конан не взялся бы утверждать. Во всяком случае, глаза его были неподвижным черным стеклом, в котором мрачно тлел нечеловеческий пламень.

Держа камень на ладони, воскрешенный поднялся и встал во весь рост у алтаря — нагой, смуглокожий, с лицом, похожим на застывшую маску. Молча протянул он Конану алый кристалл, исходивший пульсирующим огнем, точно настоящее сердце. Конан взял его, испытав жутковатое чувство — подарок из рук мертвеца! Он догадывался, что не все заклинания были пропеты, обряд не доведен до конца: жизнь вернулась в тело, но не вполне.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я тот, кто был Тотмекри, — прозвучал голос, подобный монотонному падению капель со сталакти-та в подземной пещере. — Я мертв.

— Ну, так будь добр, выведи меня из этого проклятого храма, — попросил Конан, внутренне содрогаясь.

Размеренным шагом двинулся мертвый к черной арке. Конан последовал за ним. Оглянувшись, он в последний раз увидел громадный темный зал, ряды саркофагов и мертвые тела вокруг алтаря. Отсеченная голова кхитайца все еще плилась вверх, в напозавшую тьму...

Сверкающий камень озарил черные коридоры, словно какая-нибудь волшебная лампа. Блики золотого света металась по стенам. Однажды Конану

померещился в потемках отсвет тела цвета слоновой кости, но упыриха, которую когда-то звали Акивашей, попятилась перед сиянием Сердца. Нечисть и нежить разбежались с дороги, прячась во тьме.

Мертвец шел прямо вперед, не глядя по сторонам, шаг его был ровен и неизменен, точно судьба. Конан обливался холодным потом, терзаясь сомнениями. Почем знать, к свободе ли ведет его этот жуткий проводник, восставший из прошлого? С другой стороны, в одиночку Конан ничем бы не выбрался из колдовской путаницы тоннелей и коридоров. Ему ничего не оставалось, кроме как следовать за мертвым сквозь тьму, что неохотно расступалась перед ними и вновь смыкалась позади, полная крадущихся теней, ненадолго разогнанных ослепительным пламенем Сердца...

А потом впереди показалась бронзовая дверь. В лицо Конану дохнул ночной ветер пустыни. Он увидел звезды в небе, и освещенную ими пустыню, и рассекавшую ее необъятную тень пирамиды. Тотмекри молча вытянул руку, указывая в пустыню, затем повернулся и беззвучно зашагал обратно во мрак. Конан провожал его взглядом, пока он не растворился в черноте, все теми же мерными шагами идя то ли навстречу известной и неотвратимой гибели, то ли к вечному сну...

Словно очнувшись, Конан с проклятием отскочил от двери и так помчался через пески, словно за ним гнались демоны. Он не оглядывался ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми, смутно вырисовывавшиеся вдаль. Он бежал на юг, к берегу, бежал со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Предельное усилие мышц вымело из его сознания черные паутины, чистый ветер пустыни развеял кошмары, а ужас и отвращение сменились яростным восторгом. И вот пустыню сменила болотная сырость, заблестела сквозь заросли черная гладь воды, и Конан увидел «Смельчака», стоявшего на якоре.

Он проложил себе путь сквозь влажную чащу, до бедер увязая в трясине. Потом бросился в воду и поплыл, думать не думая ни об акулах, ни о крокодилах. Он подплыл к галере и, счастливый и мокрый, полез на борт по якорной цепи, и только тут его заметили вахтенные.

— Просыпайтесь, псы! — проревел он во все горло, небрежно отмахиваясь от копья, которое перепуганный черный матрос нацелил было ему в грудь. — Поднять якорь! Живо на весла! Дать рыбаку полный шлем золота и отпустить его на берег! Скоро восход, а еще до рассвета мы должны влететь в ближайший зингарский порт!..

И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня.

Глава двадцатая И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплоту южному ветру. Но много полей стояло невспаханными, и лишь кучи золы и головешек указывали, где прежде стояли гордые виллы или процветающие города. Волки, не прячась, бродили по заросшим травой большакам, в лесах же таились шайки готовых на все людей, не знающих над собой господина. Только в Тарантии происходили пиры один пышнее другого и царил показной блеск.

Правление Валерия отмечено было безумством. Даже те из баронов, кто поначалу рад был приветствовать его восшествие на престол, теперь возмущались в открытую.

Сборщики налогов не давали житья ни богатым, ни бедным. Все богатства ограбленного королевства стекались в Тарантию, которая все менее походила на столицу державы и все более — на осажденную крепость захватчиков в завоеванной стране. Ее купцы богатели, но даже и богатеть было опасно. Каждого в любой миг могли под каким-нибудь дутым предлогом обвинить в измене, конфисковать нажитое, а самого бросить в тюрьму или вовсе отправить на плаху.

Валерий не делал даже попыток снискать любовь и доверие подданных, предпочитая опираться на немедийских солдат и отчаянно храбрых наемников. Он прекрасно знал, что является марионеткой в руках Амальрика. Знал он и то, что правит лишь с молчаливого согласия немедийца. Валерий понимал, что ему никогда не удастся объединить вокруг себя аквилонцев и сбросить это ярмо, ибо внешние провинции будут сопротивляться ему до последнего человека. Да и немедийцы мигом сбросят его с трона, вздумай он начать спланировать королевство. Он попался в собственные силки. Отрава униженной гордости разъедала его душу — и Валерий пустился в разврат, предпочитая жить сегодняшним днем, не думая и не заботясь о дне завтрашнем.

Но безумие его содержало в себе и некую хитрость — хитрость столь тонкую, что даже Амальрик не сумел ее разгадать. Быть может, долгие годы ссылки наделили ум Валерия горечью, недоступной обычному пониманию, а отвращение к нынешнему положению дел превратило эту горечь в род безумия? Как знать! Во всяком случае, им владело единственное желание — губить все и всех, так или иначе связанных с ним.

Он знал, что его правлению придет конец, как только Амальрик решит, что он выполнил свою роль. Еще он знал: покуда он жестоко угнетает родную страну, немедийцы будут терпеть его на престоле, ведь Амальрик желал окончательно поставить Аквилонию на колени, уничтожить последние ростки независимости и неповиновения. Вот тогда-то он сам возьмет власть, расстегнет кошелек, переделывая страну по себе, и использует ее людскую силу и природные богатства, чтобы отобрать у Тараска корону Немедии. Главной целью Амальрика был императорский трон, и Валерий об этом знал. Он не знал только, догадывался ли Тараск. По крайней мере, его безжалостное правление немедийский король одобрял. Тараск не-

навидел Аквилонию застарелой ненавистью, подкрепленной прежними войнами, и всей душой жаждал уничтожить западного соседа.

Что ж, Валерий и собирался разорить Аквилонию так, чтобы даже богатства Амальрика не помогли ей подняться. Он ненавидел барона не меньше, чем аквилонцев, и только мечтал дожить до того дня, когда страна придет уже в полное запустение, а Амальрик с Тараском сцепятся в междоусобной войне, которая и от Немедии не оставит камня на камне.

Он полагал, что завоевание все еще не покоренных провинций — Гандерланда и Пуантена, а с ними и Боссонских Пределов — поставит на его правлении точку. Его роль будет исполнена, и Амальрик просто отделается от него. Поэтому Валерий тянул с покорением этих провинций, ограничивая свою деятельность бессмысленными грабежами, а от Амальрика, понуждавшего его к выступлению в поход, он отговаривался, как только мог.

Жизнь Валерия состояла из сплошных оргий и разгульных пиров. В его дворец свозили прекраснейших девушек королевства — в основном силой. Он богохульствовал и пьяным валялся на полу пиршественных залов прямо в золотой королевской короне, марая царственный пурпур разлитым вином. А когда у него случались приступы кровожадности, на виселицах, установленных на рыночной площади, гроздьями повисали тела, топоры палачей купались в крови, а по стране мчались немедийские конники, грабя и сжигая все на своем пути. Доведенные до отчаяния аквилонцы то тут, то там поднимали беспорядочные восстания, которые подавлялись со зверской жестокостью. Валерий грабил, насиловал и разрушал так упоенно, что даже Амальрик возмущался и предостерегал его, что, мол, еще немного — и обнищавшая страна уже не сможет отстроиться. Откуда мог он знать, что именно таков и был замысел короля!

В Немедии и Аквилонии всюду шептались о вероятном безумии короля, а в Немедии — еще и о Ксальтотуне, человеке с покрытым лицом. Немногие видели его на улицах Бельверуса. Поговаривали, будто все больше времени он проводит в горах, среди одичавших наследников древней расы — немногословных, смуглолицых, чьи предки когда-то владели обширным королевством. Ходили слухи, будто среди спящих холмов ночами бьют барабаны, горят во тьме костры, а ветер разносит странные песнопения — песнопения и заклинания, утратившие смысл столетия назад, но упрямо повторяемые у очагов горных деревень, чьи обитатели столь разительно отличались от жителей долин.

Смысла этих ночных бдений не ведал никто — ну, может, разве Ораст, нередко сопровождавший пифонца. И было замечено, что на лицо Ораста все чаще набегала тень беспокойства.

Но с расцветом весны гибнущее королевство обещал новый слух, буквально возродивший его к жизни. Ни дать ни взять шепчущий ветер налетел с юга, пробуждая отчаявшийся, ко всему безразличный народ. Впрочем, где именно зародились эти слухи, никто так и не понял. Кто-то рассказывал соседям о странной, нелюдимой старухе, спустившейся с гор: дескать, ветер развеивал ее седые волосы, а рядом, подобно послушному псу, бежал громадный серый волк. Кто-то прослышал о жрецах Асуры, возникавших, как неуловимые призраки, там и сям от Гандерланда до пуантенских границ, от Тарантии до боссонских лесных деревень.

Как бы то ни было, слух расползлся, а с ним ширилось и восстание, пожаром охватившее приграничье. Восставшие штурмовали окраинные крепости немедийцев, вырезали отряды сборщиков дани. Весь запад страны вышел из повиновения столице, и это восстание было не чета прежним: уже не отчаяние чувствовалось в нем, а свирепая решимость и вдохно-

венный гнев освобождения. Поднимались не только простолюдины. Бароны укрепляли свои замки, заявляя о неподчинении управителям провинций. А по ту сторону границы были замечены отряды боссонских стрелков — решительных, кряжистых воинов в чешуйчатых панцирях и стальных шлемах, с длинными луками. Отчаявшаяся, отупевшая, загнанная страна совершенно неожиданно для завоевателей наливалась грозными и яростными токами жизни. Амальрик со всей поспешностью сообщил об этом Тараску, и тот явился с армией.

* * *

Двое королей и Амальрик вели речь о восстании, сидя в тарантийском дворце. Они не посылали за Ксальтотуном, с головою ушедшим в какие-то тайные приготовления в немедийских горах. Со дня кровавой битвы при Валкии они ни разу не обращались к нему за магической помощью, и он жил своей жизнью, мало общаясь с ними и не проявляя к их замыслам видимого интереса.

Не посылали и за Орастом; жрец пришел сам — бледный, точно морская пена, гонимая штормом. Когда он вступил в раззолоченные покои, где держали совет короли, всем бросился в глаза его измученный вид и полный ужаса взгляд. Никто из них еще не видел в глазах Ораста подобного страха.

— Ты выглядишь усталым, Ораст, — сказал Амальрик. — Присядь на диван, а я пошлю раба за вином. Поездка утомила тебя...

Но Ораст вскинул руку:

— Я насмерть загнал трех коней, торопясь сюда из Бельверуса. Я не смею ни отдыхать, ни наслаждаться вином, пока не скажу того, что должен сказать.

Он заходил по комнате, словно сжигаемый неким внутренним огнем, не дававшим ему стоять неподвижно. Потом обратился к недоумевающим слушателям:

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь в мертвое тело,— начал он без обиняков,— задумывались ли мы о последствиях, которые повлечет наша возня в черной пыли прошлого?.. Моя в том вина, мой грех. Мы лелеяли собственные честолюбивые планы и думать не думали, какие замыслы может взлелеять воскрешенный нами чародей. Так вот, мы выпустили в наш мир демона, исчадие Преисподней, недоступное человеческому рассудку. Сам я погряз во зле глубже некуда, но есть предел, которого не переступит ни один человек нашего времени. Мои предки были чистыми людьми, не запятнавшими себя служением демонам; в бездну зла погрузился лишь я один, но и я способен грешить лишь в пределах, мне отмеренных. А за Ксальтотунем стоят тысячи веков черной магии и демонских культов, вся сила древней религии зла! Он вне нашего разумения не только потому, что сам он волшебник, он — наследник целой расы чернокнижников!.. Путешествуя с ним, я видел такое, что перевернуло мою душу. Я видел, как в сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами мертвых и вызывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как проклятые последыши проклятой империи поклонялись ему и провозглашали его своим верховным жрецом. И я понял, что у него на уме. Слушайте же: он задумал ни больше ни меньше, как возродить древнее, черное, жуткое королевство — Ахерон!

— О чем ты? — изумился Амальрик. — Ахерон давно превратился в прах, а последышей, как ты их назвал, отнюдь не достаточно для возрождения империи. Даже Ксальтотуну не под силу пробудить прах, которому три тысячи лет!

— Плохо же ты знаком с его черным могуществом,— мрачно ответил Ораст. — Я видел, как самые горы меняли свои очертания и под звуки его заклинаний становились такими, какими были когда-то. Я видел, как сквозь реальность проступают тени

долин, лесов, озер и горных хребтов, явившиеся из прошлого. Мне показалось, я даже заметил, как поднимались в закатном тумане пурпурные башни позабытого Пифона... И вот в нашей последней поездке, когда загремели барабаны, а звероподобные почитатели Ксальтотуна завывали, катаясь в пыли, до меня дошел наконец смысл его колдовства. Говорю вам еще раз: он возродит Ахерон, подкрепив свою магию кровью гигантских жертвоприношений, подобных которым еще не было под луной. Поработив мир, он потоками крови смоет с лица земли настоящее и возродит прошлое!

— Ты сошел с ума!.. — вырвалось у Тараска.

— Сошел с ума? — Измученный взгляд Ораста обратился на короля. — Да может ли сохранить рассудок увидевший то, что довелось увидеть мне?.. Нет, я сказал вам правду. Он задумал вернуть Ахерон — с его башнями, городами и королями, со всеми его ужасами. Потомки ахеронцев послужат ему фундаментом... но известностью и камнем для строительства станет кровь и плоть ныне живущих. Каким образом — этого я вам сказать не могу. Но я видел!.. Видел своими глазами! Ахерон вновь станет Ахероном, и даже леса, реки и горы примут тот же облик, что в древности. Почему бы и нет? Уж если даже я, с моими ничтожными познаниями, сумел оживить человека, пролежавшего мертвым тридцать веков, — с какой бы стати величайшему волшебнику мира не воскресить королевство, рухнувшее когда-то? Придет час — и восстанет Ахерон из праха по его слову!

— Можем ли мы помешать ему? — спросил потрясенный Тараск.

— Есть лишь один путь, — ответил Ораст. — Нужно похитить у него Сердце Аримана.

— Но я... — помимо собственной воли начал Тараск и торопливо прикусил язык.

Этого никто не заметил, и Ораст продолжал: — Сердце Аримана — сила, которая может быть исполь-

зована против него. Дайте его мне в руки — и я, пожалуй, решусь противостоять Ксальтотуну. Но как похитить его? Чародей прячет Сердце в каком-то тайнике, до которого навряд ли сумеют добраться даже заморийские воры. Я бессилен его отыскать. Если бы только он вновь заснул сном черного лотоса... но в последний раз это было после битвы при Валкии, когда ворожба отняла у него много сил, и...

Дверь, закрытая на все замки и запоры, беззвучно растрепалась. На пороге стоял Ксальтотун. С обычным своим безмятежным спокойствием поглаживал он роскошную бороду, но глаза горели адским огнем.

— Слишком многому я тебя научил, — сказал он ровным голосом.

Его палец, точно перст судьбы, указывал на Ораста. И прежде чем кто-либо успел шевельнуться, он бросил на пол к ногам замершего, как статуя, жреца горсточку пыли. Она вспыхнула и затледа, выпустив струйку синеватого дыма, который обвил Ораста тонкой спиралью. Поднявшись выше плеч, дым с внезапностью кусающей змеи обвился вокруг его горла. Вопль Ораста сменился бульканьем и затих. Он вскинул руки к шее... но глаза уже вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дам душил его, как веревочная петля; потом он рассеялся и исчез, а Ораст мертвым рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши. Вошли двое, которых часто видели с ним, — низкорослые, с красными косыми глазами и острыми крысиными зубами, с кожей отталкивающего темного цвета. Не произнося ни слова, они подняли и вынесли тело.

Движением руки покончив со всем происшедшим, Ксальтотун опустил за стол из слоновой кости, вокруг которого сидели побледневшие короли.

— Почему вы собрались? — спросил он.

— Аквилонцы восстали на западе, — ответил Амальрик, первым пришедший в себя от страшного потрясения, вызванного гибелью Ораста. — Эти глупцы ве-

рят, будто Конан остался в живых и якобы возвращается во главе пуантенского войска освобождать королевство... Если бы он появился сразу после разгрома при Валкии, если бы тогда прошел слух о том, что он жив, центральные провинции не решились бы подняться, столь велик был их страх перед волшебной силой, которая тебе повинуется. Но бездарное правление Валерия довело их до такого состояния, что люди готовы пойти против нас за кем угодно, лишь бы скорая смерть избавила их от мучений и нищеты...

Разумеется, слух о том, будто Конан при Валкии не погиб, все время гулял по стране, но народ как следует поверил только сейчас. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид, он клянется, что в тот день король лежал в своем шатре, сраженный болезнью, а в его доспехах сражался простой воин. Рассказам Паллантида вторит мальчишка-оруженосец, едва оправившийся от удара булавы, которым его наградили при Валкии. Еще по стране бродит какая-то бабка с ручным волком и тоже болтает, будто король Конан жив и скоро придет за своей короной. А с некоторых пор и проклятые жрецы Асуры поют эту же песню. Они возвещают, что некоторым таинственным образом якобы получили «слово» о возвращении Конана. Покамест мне не удастся поймать ни жрецов, ни старуху, но все это, без сомнения, козни Троцero. Шпионы доносят мне, что пуантенцы явно собираются вторгнуться в Аквилонию. И я думаю, что Троцero, скорее всего, потащит с собой какого-нибудь парня, объявляя его королем Конаном...

Тараск засмеялся, но смех его прозвучал неуверенно. Он тайком пощупал шрам под одеждой и вспомнил карканье воронов, помогавших выследить беглеца. Вспомнил он и труп Аридея, своего оруженосца, которого нашли в пограничных горах чудовищно изувеченным волчьими клыками — так, по крайней мере, утверждали напуганные солдаты. Еще он вспом-

нил об алом камне, вынутом из золотого ларца, пока спал чародей... но об этом не стоило упоминать.

А Валерий вспомнил умирающего вельможу и жуткий рассказ, вырвавшийся у него вместе с последними вздохами. И четверых кхитайцев, отбивших на юг да так и не возвратившихся. И тоже придержал язык, ибо ненависть к союзникам глодала его, подобно червю, заставляя мечтать лишь о том, чтобы и восставшие, и немедийцы поскорее отправились на тот свет, вцепившись в глотки друг другу.

Но вот Амальрик воскликнул:

— Какая чушь — верить, будто Конан жив!

Вместо ответа Ксальтотун бросил на стол свиток пергамента. Амальрик взял его и развернул, и невнятный яростный крик сорвался с его уст. Вот что было написано на пергаменте:

«Ксальтотуну, главному фокуснику Немедии. Ахеронский ублюдок! Я возвращаюсь в свое королевство и собираюсь развесить твою шкуру на кусте ежевики. Конан».

— Подделка! — выкрикнул Амальрик.

Но Ксальтотун покачал головой:

— Письмо подлинное. Я сравнивал его с подписями на государственных документах, хранящихся в библиотеке дворца. Эти каракули невозможно подделывать.

— Значит, — пробормотал Амальрик, — если он и впрямь жив, нынешнее восстание будет совсем не таким, как прежние. Конан — единственный, кому под силу как следует сплотить аквилонцев. Но, — возразил он сам себе, — на Конана это мало похоже. С какой бы стати ему выдавать себя подобным хвастовством? Я бы скорее предположил, что он ударит внезапно и без предупреждения, как чаще всего и делают варвары...

— Мы и так предупреждены, — заметил Ксальтотун. — Ты сам говорил о шпионах и о том, что Пуантен готовит войну. Он все равно не сумел бы пересечь

горы незамеченным. Вот он и посылает мне вызов, причем в свойственном ему вкусе.

— Почему же тебе? — спросил Валерий. — А не мне или Тараску?

Ксальтотун обратился к королю непроницаемым ликом.

— Потому, — сказал он, помолчав, — что Конан умнее вас и понял то, чего вы, короли, никак не возьмете в толк. А именно: не ты, Тараск, не ты, Валерий, и даже не ты, Амальрик, суть повелители западных народов. Их хозяин — я, Ксальтотун!

Никто не произнес ни слова; все трое молча смотрели на чародея, потрясенно осознавая, что эта была сущая правда.

— Мне пристала одна дорога — имперская, — продолжал меж тем Ксальтотун. — Но для начала надо раздавить Конана. Я не знаю, каким образом он спасся от меня в Бельверусе; мне не дано знать, что происходит, пока я сплю сном черного лотоса. Но так или иначе — он на юге, и он готовит удар. Это его отчаянный, последний удар, ставший возможным лишь благодаря ярости народа, натерпевшегося от Валерия. Что ж, пусть поднимаются: все их судьбы лежат у меня на ладони. Мы подождем, пока он двинется нам навстречу, и тогда сокрушим его — раз и навсегда! После чего сомнем Пуантен, Гандерланд и глупых боссонцев. Затем придет черед Офира, Аргоса, Зингары, Кофа — все народы мира сплавим мы вместе, выковав мою империю! Вы станете моими сатрапами и тем обретете большее величие, чем ныне, когда вас зовут королями. Я непобедим — ибо Сердце Аримана спрятано так, что ни один человек более не сумеет использовать его против меня!

Тут Тараск поспешно отвел глаза, дабы Ксальтотун, чего доброго, не прочитал его мыслей. Значит, волшебник не заглядывал в золотой ларец, на крышке которого спали змеи, казавшиеся живыми, — не заглядывал с тех самых пор, как положил туда Сердце Аримана! Как ни удивительно, Ксальтотун по сей

день не подозревал о похищении Сердца. Видимо, странный камень был выше его черного знания и не подчинялся ему; во всяком случае, сверхъестественные таланты мага не подсказали ему, что ларчик был пуст. К тому же Тараску не верилось, чтобы Ксальтотун полностью представлял себе весь смысл откровений Ораста: то-то пифонец говорил не о рождении Ахерона, а лишь о создании новой земной империи. И Тараск пришел к выводу, что Ксальтотун еще не был до конца уверен в собственных силах. Им троим необходима была его помощь, но и он в них нуждался не меньше. В конце концов магия тоже до некоторой степени зависела от ударов мечей и рыцарских пик. Король перехватил взгляд Амальрика, брошенный исподтишка, и уловил его смысл. Пусть маг применит свое искусство, помогая им избавиться от опаснейшего врага. Позже они еще выберут время, чтобы ополчиться против него. И уж как-нибудь да превозмогут темную силу, которую сами же пробудили...

Глава двадцать первая

БАРАБАНЫ В ТУМАНЕ

Война началась, когда пуантенская армия в десять тысяч человек под развернутыми знаменами, точно стальная река, стекла с южных перевалов на аквилонские равнины. Шпионы божились, будто во главе войска ехал гигант в черных доспехах, с королевским львом Аквилонии, вышитым золотой нитью на груди его шелковой накидки. И так, Конан был жив! Король возвращался! Теперь никто уже в этом не сомневался, ни друзья, ни враги.

Одновременно с южным нашествием пришли и хорошие вести и с севера. Всадники, примчавшиеся на запыленных конях, сообщили, что из Гандерланда в Аквилонию тоже двигалось войско, причем бароны северо-запада и северные боссонцы спешили присоединиться к нему.

Тараск немедленно выступил с армией в тридцать одну тысячу воинов к городу Галпарану, что на реке Ширке: если гандеры направлялись к городам, еще удерживаемым немедийцами, они должны были переправиться именно здесь. Ширка была быстрой и бурной рекой, мчавшейся на юго-запад сквозь сплошные теснины и труднопроходимые каньоны. Нелегко было переправить целую армию через этот поток, вздувшийся от весеннего половодья. И поскольку вся страна восточнее Ширки была еще в руках немедий-

цев, логичным выглядело предположение, что галеры попробуют переправиться либо у Галпарана, либо у Танасула, лежащего южнее. Со дня на день ждали подкреплений из Немедии, но вместо подкреплений пришла весть, что южным границам страны угрожает Офир, и выслать дополнительные войска — значит оголить Немедию и спровоцировать вторжение с юга.

Амальрик и Валерий вышли из Тарантии с двадцатипяти тысячной армией, оставив в городе большой гарнизон для предотвращения возможных волнений. Их целью было встретить и разгромить Конана прежде, чем он успеет соединиться с мятежными аквилонцами.

Однако король и его пуантенцы, спустившись с гор, внезапно исчезли неизвестно куда. Они не ввязывались в сражения, не осаждали крепостей и городов. Оставалось только предполагать, что они повернули на запад, в дикие, малонаселенные холмы, и ушли в Боссонские Пределы, обрастая по пути добровольцами. Амальрик и Валерий с их войском, состоявшим из немедийцев, аквилонских изменников и свирепых наемников, в раздражении и гневе рыскали по стране, ища врага, но враг не спешил появляться.

Амальрику приходилось довольствоваться лишь смутными слухами о передвижениях армии Конана. Отряды разведчиков таинственным образом исчезали, едва выехав из лагеря. Соглядатаев нередко находили распятыми на дубах. Страна била захватчиков по-крестьянски: жестоко, скрытно — и насмерть. Все, что удалось достоверно выведать Амальрику, — это то, что севернее его войска, за Ширкой, двигался большой отряд гандеров и северных боссонцев, а Конан с пуантенцами и южными боссонцами находился где-то на юго-западе. Но вот где?..

Амальрик начал бояться, что, если они с Валерием еще больше углубятся в здешние дебри, Конан может вовсе обойти их и проникнуть в центральные провинции у них за спиной. Амальрик отступил от Ширки

и встал лагерем на равнине, в одном дне езды от Галпарана, опасаясь, что Конан заманивает его на юг, желая пропустить гандеров в королевство через северный брод...

Ксальтотун прибыл в лагерь Амальрика на своей колеснице, запряженной странными, не знающими устали скакунами. И вошел в шатер, застав барона с Валерием над картой, разложенной на походном столике из слоновой кости.

Карту Ксальтотун скомкал и отшвырнул прочь.

— Сведения, которых никак не могут добыть вапи соглядатаи, приносят мне мои, — сказал он. — Хотя, по правде сказать, их сообщения странно расплывчаты и неполны, как если бы против меня действовали незримые, но весьма могучие силы... Так вот, Конан движется вдоль реки Ширки с десятью тысячами пуантенцев, тремя тысячами южных боссонцев и баронскими дружинами Юга и Запада, общим числом около шести тысяч. Им навстречу с севера идет тридцатитысячное войско гандеров и северных боссонцев. Они обмениваются тайными посланиями с помощью проклятых жрецов Асуры, которые посмели противопоставить себя мне — *мне!* — и которых, клянусь Сетом, я скормлю змеям после сражения! Оба войска направляются к бродам у Танасула, но не думаю, чтобы гандеры стали переправляться; скорее уж Конан перейдет на тот берег и присоединится к ним.

— А зачем ему переправляться? — спросил Амальрик.

— Затем, что ему выгодно оттягивать битву. Чем дольше он прождет, тем больше сил к нему соберется, наше же положение только будет становиться опасней. Холмы за рекой так и кишат людьми, готовыми голову за него положить, — всеми теми, кого изгнала из родных мест жестокость Валерия. Со всей страны, поодиночке и группами, к Конану сбегаются люди. А у нас что ни день гибнут отряды, угодившие в крестьянские засады! В центральных провинциях неспо-

койно, того и гляди открыто восстанут. Одними гарнизонами там не обойтись, а немедийских подкреплений пока ждать не приходится. Что же до возни на офирской границе, я усматриваю здесь руку Паллантида: у него в Офире родня... Одним словом, если мы не перехватим и не раздавим Конана в самое ближайшее время, у нас за спиной вспыхнет бунт. Придется отступать в Тарантию, чтобы хоть удержать однажды захваченное, и при этом прорываться с боями. А Конан подоспеет следом и заставит нас отсиживаться в городе, где тоже хватает врагов... Нет, ждать нам нельзя. Надо уничтожить Конана прежде, чем его армия как следует разрастется, прежде, чем восстанут центральные провинции. Как только люди увидят над воротами Тарантии его голову, сам собой утихнут и мятеж.

— Но коли так, почему бы тебе не околдовать его армию и не уложить всех одним заклинанием? — не без насмешки осведомился Валерий.

Ксальтотун воззрился на аквилонца так, словно провидел не только насмешку, но и безумие, тлевшее в капризном взгляде правителя.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал он, помолчав. — Мое искусство в конце концов сокрушит Конана, точно ящерицу под каблуком. Но даже колдовству должны помочь пика и меч!

— Если он перейдет реку и встанет в Горалийских холмах, его не так-то просто будет выковырнуть оттуда, — заметил Амальрик. — Но если мы перехватим его по эту сторону, в долине, мы сотрем его в порошок. Далеко ли Конан от Танасула?

— Если он будет двигаться с той же скоростью, что и теперь, он достигнет бродов завтра к вечеру. Его люди выносливы, и гонит он их без остановки. Он прибудет туда, опередив гандеров самое большее на день.

— Отлично! — Амальрик решительно грохнул по столу кулаком. — Я доберусь до Танасула прежде него. Скорее отправить к Тараску гонца, чтобы выступал

немедля туда же! К тому времени, когда он подоспеет, я отрежу Конана от переправы и разобью его наголову. А потом вместе с Тараскам мы перейдем на ту сторону и расправимся с гандерами...

Но Ксальтотун только покачал головой:

— Это был бы неплохой план, если бы перед тобой стоял не Конан. Однако твоих двадцати пяти тысяч воинов отнюдь не достаточно, чтобы покончить с его девятнадцатью до подхода гандеров. Они будут сражаться, как раненые пантеры! А если в разгар битвы подоспеют еще и гандеры? Ты окажешься между двух огней и будешь уничтожен к приходу Тараска. Как бы он ни спешил, выручить тебя он не успеет.

— Ну так что же нам делать, по-твоему? — хмуро спросил Амальрик.

— Нужно идти на Конана объединенными силами, — отвечал ахеронец. — Пошли всадника к Тараску, пусть двигается сюда. Дождемся его, потом вместе выступим на Танасул.

— Но пока мы будем ждать, Конан уйдет за реку и соединится с гандерами! — возразил Амальрик.

— Конан не сможет перейти реку, — заверил его Ксальтотун.

Вскинув голову, Амальрик прямо взглянул в бездонные глаза мага:

— К чему ты клонишь?

— Предположим, далеко на севере, в верховьях Ширки, разразятся проливные дожди, а значит, река у Танасула вспухнет так, что переправа сделается невозможной. Тогда мы сможем без лишней спешки собрать войска, прижать Конана к берегу и раздавить, как жука. А потом, когда полая вода схлынет, — я полагаю, это произойдет уже на другой день — мы перейдем реку, чтобы прикончить и гандеров. Таким образом, дважды наша полная сила будет использована против меньших отрядов.

Валерий расхохотался, как всегда, когда недалеко была чья-нибудь гибель, — все равно, друга или вра-

га,— и беспокойно, резким движением пригладил непослушные желтые кудри. Амальрик взирал на ахеронца со смесью ужаса и восхищения.

— Если мы загоним Конана в долину Ширки таким образом, чтобы по правую руку у него были отроги холмов, а слева — бешеная река, наши с Тараском армии вправду оставят от него мокрое место,— проговорил он.— Значит, ты думаешь — ты уверен, что возможны такие дожди?

— Я пойду в свой шатер,— вставая, сказал Ксальтотун.— Некромантия не совершается одним взмахом жезла. Отправьте к Тараску гонца. И чтобы никто не смел приближаться к моему шатру!

Без этого последнего приказа вполне можно было обойтись. Ни один солдат во всем войске ни за какие деньги не подошел бы к таинственному шатру из черного шелка, входные занавеси которого были всегда плотно задернуты. Туда никогда не входил никто, кроме самого Ксальтотуна; тем не менее из шатра часто слышались загадочные голоса, полотнища стен трепетали при полном безветрии, раздавалась жутковатая музыка. А иногда, в глухой полуночный час, черный шелк подсвечивало изнутри багровое пламя, а по стенам начинали метаться бесформенные тени...

В ту ночь, лежа в своей палатке, Амальрик слышал бормотание барабана, доносившееся из шатра Ксальтотуна. Барабан гремел и гремел во тьме, и немедиец мог бы поклясться, что ему время от времени вторил низкий каркающий голос. Амальрик содрогался, ибо знал, что голос принадлежал не Ксальтотуну. Словно дальний гром, звучал барабан, и Амальрик, выглянув из палатки под утро, заметил у северного горизонта багровые сполохи молний; в иных сторонах света и над головой по-прежнему горели большие белые звезды. Сполохи мелькали почти беспрерывно, словно блики огня на блестящем клинке...

На другой день, на закате, явился с войском Тараск — пропыленный, измотанный дальним перехо-

дом; пешие воины на несколько часов отстали от конных. Тараск встал лагерем возле Амальрика, и уже на рассвете объединенная армия двинулась к западу.

Амальрик выслал вперед множество разведчиков и с нетерпением ждал вестей о пуантенцах, беспомощно топчущихся на берегу взбесившейся Ширки. Но вот наконец вернулись разведчики и сообщили, что Конан перешел реку!

— Что? — Амальрик не верил своим ушам.— Значит, он управился до наводнения?

— Никакого наводнения не было,— отвечали сбитые с толку соглядатаи — Вчера поздно вечером он подошел к Тансулу и перебрался на ту сторону безо всяких помех...

— Как не было наводнения? — воскликнул Ксальтотун. Вид у мага был ошеломленный — впервые за все время, что Амальрик его знал.— Невозможно! В верховьях Ширки и позавчера, и вчера бушевал ливень!

— Может, и так, о повелитель,— ответил разведчик.— Вода в реке и впрямь мутная, и жители Танасула говорят, что вчера она поднималась примерно на фут. Но для того, чтобы остановить Конана, этого, видать, не хватило.

Волшебство Ксальтотуна не работало!.. Эта мысль, точно молот, стучала в висках у Амальрика. С той ночи в Бельверусе, когда он увидел своими глазами, как бурая засохшая мумия напивается плотью и становится человеком, его страх перед этим человеком все возрастал. Гибель Ораста лишь подтвердила худшие опасения немедийца. В глубине души его зрело жуткое убеждение: этот волшебник — или демон — непобедим. А теперь перед ним было зримое свидетельство неудачи!

Но, может быть, думал барон Торский, нынешняя неудача случайна? Даже величайший из магов время от времени допускает ошибки... Как бы то ни было,

еще не время становиться поперек пути ахеронцу. Ораст вон попробовал — и угодил один Митра знает в какой круг Преисподней... Амальрик понимал: его меч навряд ли вырвет победу там, где оказалась бесполезна черная сила бывшего жреца...

В конце концов, ужасы и непотребства, задуманные Ксальтотуном, были делом отдаленного и еще неясного будущего. Зато Конан с его войском был близкой и вполне реальной угрозой. Почему бы не использовать против него магию Ксальтотуна? А там поглядим!

* * *

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное поселение, близ которого естественная россыпь скал составляла как бы природную дамбу через реку, — непроходимую разве что во время сильнейшего паводка. Разведчики, снова высланные вперед, сообщили, что Конан занял позицию в Горалийских холмах, отстоявших от реки примерно на милю. А к исходу дня в его лагерь прибыли гандеры.

Стояла ночь. Амальрик поглядывал на Ксальтотуна: в ярком свете факелов таинственный маг казался существом из другого мира.

— Что же нам делать теперь? — спросил барон. — Твоя магия не сработала, Конан стоит перед нами с войском, почти равным нашему, да еще и занял выгодную позицию. Нужно выбрать меньшее из двух зол: либо встать здесь и ждать, когда он нападет, либо отходить к Тарантии и ждать подкреплений!

— Промедление для нас — гибель, — отвечал Ксальтотун. — Переходите реку и разбивайте лагерь у берега. Мы нанесем удар на рассвете.

— Но у него настолько выгодная позиция... — начал Амальрик.

— Глупец! — Ксальтотун впервые сбросил маску извечного спокойствия. — Уже позабыл, что было при Валкии? Ты усомнился в моем могуществе из-за того

лишь, что некий слепой природный закон помешал наводнению? Я желал, чтобы с врагом покончили ваши копья, но страшиться тебе нечего: мое искусство сокрушит его войско. Конан в ловушке. Он не увидит завтрашнего заката. Переходите реку!

Переправлялись при факельном свете. Кони цокали копытами по мокрым камням и с плеском одолевали мелководья. Пламя факелов отражалось в нагрудниках и щитах, бросая на черную воду злоеющие кровавые блики. Скальная перемычка была довольно широкой, и тем не менее войско расположилось на отдых лишь после полуночи. Издалека, с возвышенностей, светил огоньками неприятельский лагерь. Конан собирался дать решительный бой в Горалийских холмах; не одному аквилонскому государю послужили они последним оплотом...

Покинув палатку, Амальрик беспокойно прохаживался по лагерю. Он видел загадочный свет, исходивший из шатра Ксальтотуна. Вновь раздавалось глухое бормотание барабана — на сей раз скорее шорох, чем гром, — и вопли демонов, время от времени прерывавшие сдержанный гул.

Ночь и волнение обострили инстинкты Амальрика; он чувствовал: Ксальтотуну противостояло нечто большее, нежели физическая мощь вражеских войск. И сомнения в могуществе колдуна вновь одолели барона. Он обвел взглядом огни, горевшие по высотам, и угрюмые морщины пробороzdили лицо. Он сам и его армия находились посреди враждебной страны. А там, в холмах, засели те, в чьих душах и сердцах давно выгорели все чувства, кроме беспощадной ненависти к захватчикам и безумной жажды отмщения. Поражение будет означать для немедийцев гибель, ибо отступление через враждебную, кровожадно настроенную страну ничем иным обернуться не может. С рассветом Амальрику предстояло бросить свою армию против величайшего воина западных стран и его войска, утратившего страх

смерти. И если Ксальтотун со своими чарами опять их подведет...

В это время из глубоких потемок возникло с полдюжины солдат. Отсветы огня плясали по их нагрудникам и навершиям шлемов. Солдаты не то вели, не то волокли изможденного человека в драных лохмотьях.

— Государь,— отсалютовав барону, заговорили воины.— Этот человек сам вышел к лагерю. Он говорит, ему позарез надо сказать что-то важное королю Валерию. Он аквилонец.

Правду сказать, походил он больше на волка — на волка, оставившего лапу в капкане. На лодыжках и запястьях виднелись застарелые язвы, причинить которые могли только кандалы. Клеймо, нанесенное каленым железом, уродовало лицо. Он упал на колени перед бароном, и тот видел только глаза, горевшие из-под спутанных грязных волос.

— Кто ты, смердящий пес? — спросил немеднец.

— Зови меня Тиберием,— ответил тот и судорожно лязгнул зубами.— Я пришел рассказать тебе, как подстроить Конану ловушку...

— Своих предаешь? — зарычал барон.

— Я слышал, у тебя много золота,— дрожа в своих лохмотьях, продолжал человек.— Поделись со мной! Дай мне золота, а я покажу, как победить короля!

Его глаза горели безумием, руки, простертые ладонями вверх, больше походили на когтистые лапы...

Амальрик с отвращением передернул плечами. Впрочем, он никогда не гнушался и самыми низменными средствами — лишь бы они вели к победе.

— Если ты говоришь правду, тебе дадут золота больше, чем ты в состоянии унести,— сказал он.— Если же выяснится, что ты лжец и шпион, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной!

Явившись к Валерию, барон указал ему на перебежчика, который скорчился перед ним на земле, зябко кутаясь в рвань.

— Он уверяет, что якобы может помочь нам в завтрашней битве. И эта помощь будет не лишней, особенно если у Ксальтотуна опять что-нибудь не заладится. Говори, пес!

По телу оборванца прошла судорога, слова хлынули невнятным потоком:

— Конан разбил лагерь в верхней части Львиной долины... Она имеет форму веера: с обеих сторон крутые холмы. Если вы ударите завтра, вам придется атаковать прямо в лоб — холмы по сторонам неприступны. Но если король Валерий снизойдет до моих услуг, я проведу его тайной тропой меж холмов и покажу, как выйти королю Конану в тыл. Но для этого нужно выехать немедленно. Путь займет много часов... Придется долго ехать на запад, потом на север... потом повернуть на восток... но зато мы войдем в Львиную долину с тыла — так же, как прошли туда гандеры...

Амальрик в немалом сомнении мял рукой подбородок. В нынешние времена не так уж редки стали люди, готовые душу продать за горстку монет.

— Если заведешь меня куда-нибудь, будешь убит,— сказал Валерий.— Надеюсь, тебе это известно?

Оборванца опять затрясло, но горящий взгляд не дрогнул.

— Если я обману, убей меня!

— Конан не решится разделить свое войско,— вслух размышлял между тем Амальрик.— Ему понадобятся все силы, чтобы отразить нашу атаку. Не думаю, чтобы в горах ждали заставы... С другой стороны, этот малый знает, что в случае чего ему несдобровать. А чтобы такое ничтожество пожертвовало собой... нет, немыслимо. Я думаю, этот человек не обманывает, Валерий.

— Обманывает, и еще как: хочет продать своего освободителя,— засмеялся Валерий.— Что ж, хорошо. Посмотрим, куда приведет меня этот пес. Сколько воинов ты мне дашь?

— Пожалуй, пяти тысяч будет достаточно, — ответил Амальрик. — Неожиданная атака с тыла смешает их ряды, и нам этого хватит. Я буду ждать твоего появления около полудня!

— Я думаю, ты сразу заметишь, когда я появлюсь, — сказал Валерий.

Вернувшись к себе, Амальрик с удовлетворением убедился, что Ксальтотун еще пребывал в своем шатре — судя по нечеловеческим воплям, от которых то и дело вздрагивала ночь. Потом слуха барона коснулся лязг стальных доспехов и звяканье сбруи. Амальрик с мрачным удовлетворением улыбнулся во тьме. Валерий, пожалуй, ему был больше не нужен... Конан, как раненый лев, даже в агонии будет рвать и крушить. Будем надеяться, когда Валерий ударит Конану в спину, киммериец успеет уложить его прежде, чем будет убит сам. Пускай Валерий вымостит своими костями немедийцам путь к победе, после этого можно будет обойтись и без него.

Пять тысяч всадников, отряженные с Валерием, большей частью были отпетые аквилонские перебежчики. В бледном сиянии звезд выехали они из спящего лагеря, следуя западному изгибу гряды высоких холмов, чьи гигантские тени чернели на небосводе. Валерий скакал первым, а рядом с ним ехал Тиберий. Ременная петля охватывала пояс предателя; другой конец ремня крепко держал воин, ехавший по другую сторону. Остальные всадники прижимались друг к другу, держа мечи наголо.

— Попробуешь обмануть — умрешь немедля, — еще раз предупредил Валерий. — Я не знаю этих холмов до последней тропинки, но в каком направлении ехать, чтобы выйти сзади к Львиной долине, уж как-нибудь разберусь. Так что смотри!

Тиберий втянул голову в плечи и, клацая зубами, принялся многословно убеждать короля в своей искренней верности. При этом он с самым дурацким видом поглядывал на знамя, реявшее над головой.

На знамени была вышита золотая змея — эмблема прежней династии.

Обойдя отроги холмов, прикрывавших Львиную долину, отряд направился к западу. Еще через час всадники повернули на север и углубились в труднопроходимую, дику местность, пробираясь извилистыми, едва различимыми тропами. Рассвет застал их в нескольких милях к северо-западу от позиции Конана. Здесь проводник повернул на восток и повел отряд сквозь путаницу ущелий. Валерий находил взглядом знакомые вершины и удовлетворенно кивал. Он неплохо представлял себе, куда они едут, и знал, что покамест все правильно.

И вдруг, безо всякого предупреждения, с севера стала напоздать волокнистая масса тумана. Она растекалась по долинам, окутывая склоны. Вот скрылось солнце; мир превратился в серое ничто, дальше нескольких ярдов ничего невозможно было разобрать. Теперь отряд двигался чуть не ползком, с трудом нащупывая дорогу. Валерий сыпал проклятиями. Туман скрыл вершины, служившие ему ориентирами. Поневоле приходилось полностью довериться проводнику. Знамя с золотой змеей обвисло в безветренном воздухе...

Валерию показалось, что и Тиберий был в замешательстве: он остановился, неуверенно оглядываясь.

— Заблудился, собака? — резко спросил Валерий.

— Слушай! — ответил тот.

Где-то впереди едва слышно забили барабаны.

— Это барабаны Конана! — воскликнул аквилонец.

— Если мы подошли так близко, что слышны даже барабаны, — сказал Валерий, — то где же шум сражения? Ведь оно наверняка уже началось!

— Эхо в ущельях способно сыграть любую шутку, — стуча зубами, ответил Тиберий. Его бил жестокий озноб — удел всякого, много времени проведенного в сырости подземных казематов. — Слушай!..

И в самом деле, вскоре до слуха донесся глухой рев.

— Бой идет вон там, в долине! — закричал Тиберий. — А барабаны бьют на холмах! Поспешим же!..

С этими словами он поскакал прямо на гул далеких барабанов; замешательства как и не бывало. Валерий поехал следом, проклиная туман. Потом ему пришлось в голову, что туман поможет им приблизиться скрытно. Конан их не заметит. Прежде чем полуденное солнце разгонит туман, они окажутся как раз за спиной киммерийца!

Теперь Валерий не имел уже вовсе никакого понятия о том, что лежало по сторонам: кручи, теснины или зеленые чащи. Барабаны все еще били, — звук, приближаясь, делался громче. Валерий утратил всякое чувство направления и даже вздрогнул, когда в густых прядях тумана слева и справа выросли серые скальные стены: стало быть, они проезжали узким ущельем. И хотя проводник держался с полным спокойствием, Валерий облегченно вздохнул, когда стены расступились и исчезли из виду. Если бы их ожидала засада, ее устроили бы в самой теснине.

В это время Тиберий снова остановился. Барабанный бой сделался громче, но Валерий никак не мог решить, откуда слышался звук: слева или справа, спереди или сзади. Сидя на боевом коне, он раздраженно оглядывался. Кругом плавал туман, на доспехах оседали капельки влаги. Позади него длинная вереница закованных в латы всадников уходила во мглу, напоминая шествие призраков.

— Что медлишь, собака? — спросил он проводника.

Тот, казалось, прислушивался к невидимым барабанам. Но вот он медленно выпрямился в седле и повернулся к Валерию. Он улыбался, и страшна была его улыбка.

— Туман редет, Валерий, — сказал он совсем другим голосом, костлявый палец указывал вверх: — Смотри же!

Барабаны внезапно умолкли. Туман быстро рассеивался. Из серых облаков выступили сначала верши-

ны утесов, и почему-то дрожь брала от их вида. Ниже стлался туман, рассеиваясь и редая... И Валерий привстал в стременах, испустив крик, на который эхом откликнулись его воины. Впереди не было ничего похожего на широкую, ровную долину, которую они ожидали увидеть. Ущелье кончалось тупиком. Со всех сторон высились отвесные скалы в сотни футов высотой. Сюда можно было попасть лишь узкой тесниной, которую они только что миновали.

— Ублюдок!.. — стиснув кольчужный кулак, Валерий с размаху ударил Тиберия по зубам. — Что еще за шутки?

Тиберий выплюнул кровь изо рта и засмеялся — жутко и грозно:

— Скоро в мире станет одной мразью меньше... Смотри внимательнее, ты, мразь!

И Валерий вскрикнул опять — не от страха, больше от ярости.

Вход в ущелье перегородили какие-то люди, стоявшие неподвижно и молча. Оборванные, заросшие, страшные люди, сжимавшие в руках копыя. Их там были многие сотни. А высоко на скалах уже возникали другие — тысячи других — истощенные, свирепые, меченные огнем, железом и голодом.

— Хитрость Конана!.. — бешено крикнул Валерий.

— Конан и не знает об этом, — засмеялся Тиберий. — Это заговор тех, кто по твоей милости все потерял и превратился в зверей. Прав был Амальрик: Конан не разделил своего войска. Мы — сброд, следовавший за ним, мы — волки, скрывшиеся в холмах, люди без крова и без надежды. Мы сами задумали это, а жрецы Асуры помогли нам, вызвав туман. Посмотри, посмотри на нас, Валерий! На каждом — твое клеймо, если не на теле, так на душе! Посмотри на меня!.. Ты не узнаешь меня, верно? Твой палач выжег этот рубец у меня на лице. А ведь когда-то ты меня знал. Я был владельцем Амилия... я тот, чьих сыновей ты казнил, чью дочь обесчестили и убили

твои наемники. Ты по-прежнему уверен, что я не принесу себя в жертву, заманивая тебя в ловушку? Всемогущие Боги!.. Да будь у меня хоть тысяча жизней, я все бы их отдал, только чтобы сжить тебя со свету! И я сделал это!.. Смотри, смотри на погубленных тобою людей, на тех, кого ты считал мертвыми... Они все-таки дождались своего часа! Ты стоишь в могиле, Валерий! Попробуй взберись на скалы! Они круты и высоки!.. Попробуй вырвись отсюда — копья остановят тебя, а сверху обрушатся валуны! Я подожду тебя в Преисподней, ублюдок!

Откинув голову, он захохотал так, что меж скал родилось эхо. Привстав в седле, Валерий с плеча рубанул его громадным двуручным мечом. Лезвие рассекло плечо и глубоко вошло в грудь. Тиберий осел наземь, захлебываясь кровью, но продолжая смеяться.

Гортанный гром барабанов вновь огласил ущелье. Сотрясая землю, покатались вниз огромные валуны. Крики гибнущих мешались со свистом стрел, тучами полетевших с утесов...

Глава двадцать вторая

ДОРОГА В АХЕРОН

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда войско Амальрика вошло в устье Львиной долины. По сторонам ее поднимались невысокие, но очень крутые холмы, дно же, начиная от устья, постепенно повышалось, образуя несколько природных террас неправильной формы. На самой верхней из них и стояла, ожидая врага, армия Конана. И надо сказать, что отряд, пришедший к нему из Гандерланда, состоял не из одних только копейщиков. С ними явились еще семь тысяч боссонских стрелков, а кроме того, баронские дружины западных и северных провинций: четыре тысячи конных воинов, пополнившие ряды кавалерии.

Копейщики тесным клином выстроились в дальнем, суженном конце долины. Их было девятнадцать тысяч — большей частью гандеры, лишь около четырех тысяч пришли из других аквилонских провинций. С каждой стороны пеший клин прикрывало по пять тысяч боссонских стрелков. А позади копейщиков, держа наготове длинные пики, неподвижно сидели в седлах конные рыцари: десять тысяч пуантенцев и девять тысяч аквилонцев, не считая баронских дружин.

Позиция, занятая Конаном, была превосходна. Ее нельзя было обойти с флангов: никто не смог бы

преодолеть лесистые кручи холмов под градом стрел метких боссонцев. Лагерь же располагался непосредственно позади войска, в узкой, сжатой крутыми скальными стенами ложбине — естественном продолжении Львиной долины, лишь чуть выше расположенном. Удара в спину Конану незачем было бояться. Он знал, что холмы позади него кишат бездомными беглецами, отчаянными людьми, в чьей верности сомневаться не приходилось.

Лишь один недостаток имела позиция аквилонцев: в случае поражения отступить было почти невозможно. Львиная долина была не только природной крепостью, но и ловушкой для тех, кто держал в ней оборону: выбраться из нее можно было единственным узким ущельем. Только тот отважился бы принять здесь решительный бой, кто намерен был победить — или погибнуть.

Ксальтотун поднялся на холм, что стоял у широкого устья долины, по левую руку. Этот холм господствовал над остальными; назывался он Алтарем Королей, но почему — не помнил уже никто. Помнил лишь Ксальтотун, но ведь его память хранила тысячелетия.

Он был не один. С ним шли двое приближенных, те самые, красноглазые, волосатые, темнокожие. Они тащили юную аквилонскую девушку, связанную по рукам и ногам. Взойдя на вершину, они положили девушку на древний камень, и в самом деле похожий на жертвенник. Много веков точили его дожди, солнце и ветер, так что ныне живущие видели в нем лишь удивительное творение природы. Но Ксальтотун знал, чем в действительности был этот камень и почему он здесь стоял. Вот удалились слуги, сутулые, точно молчаливые гномы, и Ксальтотун остался один. Он стоял у каменного алтаря, глядя в долину, и утренный ветер развеивал его темную бороду.

Отсюда было хорошо видно извилистое русло Ширки и холмы позади Львиной долины. Ксальто-

тун видел стальной клин, изготовившийся для боя, видел шлемы стрелков, поблескивавшие среди кустов и камней, видел неподвижных рыцарей, молча сидевших на боевых скакунах. Ветер трогал плюмажи на шлемах, пики топорщились, точно иглы ежа...

А с другой стороны стеной надвигались сплоченные ряды немедийцев. За их спинами равнина до самой реки пестрела яркими шатрами предводителей и линиями палатками простых солдат.

Точно река расплавленной стали, вливались немедийцы в долину, и алый дракон Немедии плыл по ветру над их головами. Самыми первыми двигались арбалетчики: стрелы лежали на тетивах, пальцы — на спусковых крючках. Следом шли копейщики, а за копейщиками — главная ударная сила армии, конные рыцари. Они ехали под развернутыми знаменами, подняв пики, громадные кони выступали торжественным шагом, как на смотре.

Аквилонская армия, изрядно уступавшая числом, ждала их в мрачном молчании.

Немедийских рыцарей было тридцать тысяч. По обычаю всех хайборийских народов, решить исход битвы предстояло именно им; пешее войско должно было лишь расчистить дорогу. Пеших — копейщиков и стрелков — было двадцать одна тысяча.

Арбалетчики принялись стрелять на ходу; стрелы с гудением и визгом уходили с тетив, но либо падали наземь, не долетев, либо отскакивали от сомкнутых щитов гандерских пехотинцев. Боссонские стрелки не дали немедийцам безнаказанно подойти на убойное расстояние: из-за камней, из кустов ударили длинные стрелы.

Довольно скоро арбалетчики начали пятиться, а затем и отступать в беспорядке. Их самострелы не могли равняться с боссонскими луками, а доспехи были слишком легки. К тому же они сознавали, что их всего лишь используют для того, чтобы расчистить

рыцарям дорогу; легко дагадаться, что повышению боевого духа это отнюдь не способствовало.

Смешав ряды, арбалетчики расступились и пропустили вперед пеших копейщиков. Это были все больше наемники: их хозяева безо всяких угрызений совести приносили их в жертву. Они должны были отвлечь внимание от рыцарей, давая тем подойти поближе. Разойдясь по флангам, арбалетчики продолжали стрелять, между тем как копейщики двинулись мерным шагом навстречу вихрю стрел. Позади них ехали рыцари.

Наемники уже готовы были дрогнуть под убийственным градом, летевшим на них с высоты, но тут пропела труба, пешие отряды подались в стороны, и закованные в железо рыцари рванулись вперед.

Им пришлось скакать сквозь жалящее облако смерти. Длинные стрелы безошибочно находили каждую щелку лат, каждое отверстие конских доспехов. Едва взобравшись на очередную террасу, иные лошади вставали на дыбы и скатывались вниз, унося с собой седоков. Неподвижные тела в стальных латах усеяли склоны. Рыцарская атака захлебнулась и повернула назад.

Амальрик перестраивал ряды, отступив к устью долины. Тараск с обнаженным мечом дрался под своим флагом, но боем командовал барон Торский. Амальрик бешено ругался, глядя на неподвижный лес пик, хорошо видимый над шлемами гандеров. Он так надеялся, что его отход заставит аквилонских рыцарей броситься за ними вниз по склону и погибнуть под стрелами арбалетчиков, под ударами превосходящих сил конницы. Но — проклятие! — они так и не сдвинулись с места. Слуги сбивались с ног, таская в бурдюках воду из реки, рыцари снимали шлемы и освежали потные головы. Раненые, оставшиеся на склонах, тщетно просили пить. Зато у аквилонского войска были под рукой родники, так что, несмотря на жаркий весенний день, от жажды они не страдали.

Ксальтотун наблюдал за ходом битвы, стоя на вершине Алтаря Королей у резного древнего камня. Вот, опустив пики, снова рванулись вперед рыцари с развевающимися султанами на шлемах. На сей раз они прорвались сквозь свистящее облако стрел и, подобно волне, с громом обрушились на живую стену щитов. Над пернатыми шлемами взлетали и падали топоры, снизу вверх били копья, валя и всадников, и коней. Честь гандеров рыцарской не уступала. Таких воинов не посылают на убой, чтобы господа могли снискать себе славу. Это была лучшая в мире пехота, и давняя традиция делала ее боевой дух непоколебимым. Короли Аквилонии с незапамятных пор ценили ее по достоинству. Не дрогнули гандеры и теперь. Знамя со львом развевалось над их стальными рядами, а в самой вершине клина вздымал окровавленный топор гигант в вороненых доспехах, с равной легкостью сокрушая и кости, и стальную броню.

Немедийцы были отважными воинами и сражались упорно, как велел им рыцарский долг. Но железный клин сломать так и не удалось, а с лесистых круч, высившихся слева и справа, дождем сыпались стрелы, производя в их тесно скученных рядах страшное опустошение. Арбалетчики здесь ничем помочь не могли, а копейщикам не под силу было одолеть крутизну и добраться до боссонцев. Нехотя отступили упрямые рыцари, и гандеры проводили их торжествующим криком. Защитники долины сомкнули ряды, заступая место павших товарищей. Пот катился из-под стальных шлемов; крепко сжимая копья, гандеры ждали новых атак, и сердца их наполнялись гордостью оттого, что среди них, как простой воин, рубился сам король. Аквилонские рыцари, сидевшие в седлах позади копейщиков, так и не пошевелились. Неподвижные, угрюмые, они молча ожидали своего часа.

Вот рыцарь на взмыленном коне взлетел на вершину Алтаря Королей. С горечью и гневом глянул он на Ксальтотуна.

— Амальрик велел передать: пришло время пускать в ход твою магию, чародей, — сказал он. — Мы мрем, как мухи, в этой проклятой долине! Мы не можем проломить их ряды...

Ксальтотун, казалось, стал еще выше ростом и шире в плечах, весь его облик дышал жутким величием.

— Возвращайся к Амальрику, — сказал он. — Скажи ему, пусть строит своих людей для атаки, но повременит, пока я не дам сигнала. И прежде чем будет дан этот сигнал, он увидит такое, чего ему не забыть до смертного ложа!

Рыцарь отсалютовал ему без особой охоты и сломя голову умчался вниз по склону холма. Ксальтотун стоял возле темного алтарного камня, глядя в долину — на мертвых и раненых, густо усеявших террасы, на угрюмых, окровавленных аквилонцев, на пыльные отряды латников, перестраивавшихся внизу. Потом он воздел глаза к небу... и наконец обратил взор на тоненькое девичье тело в белом платье, распростертое на алтаре. Подняв кинжал, сплошь усеянный архаическими письменами, Ксальтотун повел незапамятно древнее заклинание.

— О Сет! Бог тьмы, чешуйчатый повелитель теней! Кровью девственницы и семикратным символом призываю я из черных недр земли твоих сыновей! Дети глубин, спящие под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими ужасными гривами! Пусть дрогнут холмы, обрушивая на моих врагов лавины камней! Пусть небеса потемнеют над ними, а земля уйдет из-под ног! Пусть ветер, вырвавшийся из глубин, опутает их ноги, выпьет силы, иссушит их...

...Он так и замер с занесенным кинжалом в руке. Стало тихо, лишь ветер доносил из долины нестройный гул множества людей. Перед Ксальтотуном, по другую сторону алтаря, стоял человек в черном плаще. Капюшон бросал тень на его бледное, с тонкими чертами лицо и спокойные, задумчивые глаза.

— Собака асурит! — подобно рассерженной змее, зашипел Ксальтотун. — Безумец, уж не за смертью ли ты явился сюда? Эй, Баал, Хирон, живо ко мне!

— Зови! Зови громче, ахеронец! — ответил человек и засмеялся. — Им, должно быть, нелегко расслышать тебя из Преисподней!

В это время из чащи, окаймлявшей вершину холма, показалась высокая старуха в крестьянской одежде. Ее седые волосы развеивал ветер, а по пятам бежал большой волк.

— Жрец, ведьма и волк, — с презрительным смешком пробормотал Ксальтотун. — Глупцы! Что значат ваши жалкие фокусы по сравнению с моей силой! Движением руки смету я вас со своего пути...

— Сила твоя — что подхваченная ветром солома, ничтожный пифонец, — отвечал асурит. — Как ты думаешь, почему река не вспухла потоком и не заперла Конана на том берегу? Я разгадал твой умысел, приметив ночную грозу, и мои заклятия разогнали собранные тобой облака, не дав им пролиться дождем. А ты и не понял, что твоя магия так и не вызвала ливня...

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, однако уверенность его была поколеблена. — Я ощущал, что против меня действует могущественное колдовство. Но магию дождя может рассеять лишь тот, кому подвластно самое сердце волшбы! Тебе ли это под силу?

— Но ведь наводнение, задуманное тобой, так и не произошло, — проговорил жрец. — Взгляни на своих союзников, пифонец! Ты привел их сюда на погибель! Ловушка захлопнулась, и ты уже не властен помочь. Смотри!

Тонкая рука Хадрата указывала вниз. Из ущелья, из верхней долины за спинами пуантенцев, галопом вылетел всадник. Он бешено размахивал над головой чем-то блестящим. Бесстрашно промчался он вниз по склону, между расступившимися гандерами, и те с торжествующим ревом принялись бить копьями в щиты, наполнив громом долину. Выскочив на террасу, раз-

делявшую два войска, взмыленный конь завертелся на месте, взвиваясь на дыбы. Седок кричал не своим голосом, продолжая размахивать рукой. Это был обрывок алого знамени: солнце играло и переливалось на чешуе золотой змеи, украшавшей полотнище

— Валерий мертв! — зазвенел голос Хадрата. — Барабаны в тумане привели его к гибели! Я собрал этот туман, ничтожный пифонец, я же и развеял его с помощью своей магии, которая куда сильнее твоей!

— Что мне до Валерия? — возвысил голос Ксальтотун. На него было страшно смотреть: глаза горели, судорога коверкала черты. — Мне больше не нужен этот глупец! Я сокрошу Конана и без помощи смертных людишек...

— Так что же ты медлишь? — насмешливо осведомился Хадрат. — Чего ради ты позволил стольким своим сторонникам умереть под стрелами и на копьях?

— Потому что для великого колдовства нужна кровь! — загремел Ксальтотун, и скалы содрогнулись от его голоса. Мертвенное сияние переливалось вокруг его головы. — Потому что ни один волшебник не тратит сил попусту! Потому что я сохранил свою мощь для великих дел будущего, не желая расходовать ее ради какой-то потасовки в холмах! Но теперь, клянусь Сетом, я дам ей полную волю! Смотри же, пес, бессильный жрец давно умершего Бога, смотри, и рассудок навсегда оставит тебя!

Но Хадрат откинул голову и рассмеялся, и было в его смехе обещание ада:

— И ты смотри, черный демон Пифона!

Его рука нырнула под плащ и извлекла нечто, затмившее даже яркий солнечный свет. Всю вершину холма обьяло пульсирующее золотое сияние, и Ксальтотун вдруг сделался похож на мертвеца.

Он вскрикнул, словно ощутив смертельную рану:

— Сердце! Сердце Аримана!..

— Да! — был ответ. — И тебе не превозмочь его силу!

Казалось, Ксальтотун начал стариться и усыхать: бороду и волосы на глазах усыпала седина.

— Сердце! — повторил он невнятно. — Ты украл его, собака... вор...

— Нет, я не крал его. Оно побывало далеко в южных странах, и долгим было его путешествие. Но теперь оно у меня в руках, и против него тебе не поможет вся твоя черная сила. Сердце воскресило тебя — оно же и отбросит тебя обратно во тьму, из которой ты был вызван. Отправляйся же в Ахерон по темной дороге, сквозь сумрак и тишину. Пусть черная империя, которую ты хотел возродить, навеки пребудет лишь страшной легендой и затеряется в памяти человечества. Конан снова будет править страной, а Сердце Аримана вернется домой — в пещеру под храмом Митры. Тысячу лет оно будет гореть там как символ могущества Аквилонии!

Ксальтотун взмахнул кинжалом и с нечеловеческим криком бросился на Хадрата, огибая алтарь. Но в это время откуда-то — то ли с небес, то ли из самого камня, сиявшего на ладони Хадрата, — ударил слепящий голубой луч. Он вонзился прямо в грудь Ксальтотуну, и громовой раскат эхом раскатился в холмах. Ахеронский волшебник рухнул на землю, но, еще не коснувшись ее, его тело претерпело жуткие изменения. Не труп только что убитого лежал возле алтаря — иссохшая, сморщенная мумия, скорчившаяся внутри истлевших повязок.

Зелата задумчиво смотрела на то, что лежало у ее ног.

— Он и не жил по-настоящему, — сказала она. — Сердце придало ему пустую видимость жизни, так что он и сам обманулся. А я всегда видела в нем лишь мумию!

Хадрат склонился над алтарем и освободил девушку, лежавшую без чувств. И в это время из-за деревьев появилось нечто странное: колесница Ксальтотуна, влекомая демоническими конями. Медленным

шагом подошли они к алтарю и остановились. Бронзовое колесо почти касалось того, что уже не было человеком. Хадрат поднял высохшие останки и положил их в колесницу. Тотчас же тронулись с места волшебные кони и поскакали на юг, вниз по склону холма. Хадрат, Зелата и волк долго следили за тем, как они удалялись. Перед ними лежала долгая дорога в Ахерон, недоступная глазам смертного человека.

* * *

А внизу, в долине, Амальрик так и замер в седле при виде безумного всадника, что гарцевал между армиями, размахивая окровавленным клоком знамени с золотой змеей. Потом некое чувство заставило его вскинуть голову и обернуться к холму, звавшемуся Алтарем Королей... и раскрыть рот в изумлении. Вся долина увидела то же, что и барон: с вершины холма взвился луч слепящего света, окутанный брызгами золотого огня. Высоко над головами людей вспыхнуло такое сияние, что даже солнце, казалось, на миг побледнело.

— Сигнал Ксальтотуна!.. — взревел барон.

— Нет! — крикнул Тараск. — Это сигнал аквилонцам! Гляди!..

Там, наверху, наконец-то шевельнулся доселе неподвижный рыцарский строй. Долина огласилась густым, низким ревом множества глоток.

— Ксальтотун подвел нас! — в ярости вырвалось у Амальрика. — И Валерий! Мы в ловушке! Проклятие Митры на голову Ксальтотуна — это он привел нас сюда! Труба! Труби отступление!..

— Поздно! — завопил Тараск. — Слишком поздно!

Дрогнув, опускаясь, железный лес пик. Ряды гандеров раздвинулись, точно занавес, отхлынув влево и вправо. С ураганным гулом ринулись вниз по склону рыцари Аквилонии.

Ничто не могло противостоять этой атаке. Стрелы, выпущенные перепуганными арбалетчиками, отскакивали от щитов и шлемов. Развевались цветные султа-

ны, сеяли смерть склоненные пики... Дрогнувшие копейщики немедийцев были сметены в один миг, и стальная лавина понеслась дальше. Срывая голос, Амальрик выкрикнул приказ, и его рыцари, прищипорив коней, с отчаянным мужеством устремились навстречу. Они все еще имели численный перевес, но это были усталые воины на усталых конях, к тому же скакавшие вверх по склонам, между тем как их противники впервые за весь день обнажили мечи. Они неслись вниз с силой и яростью бури — и, подобно буре, смяли они немедийцев, смешав их ряды, расчленив строй. Опрокинули — и погнали уцелевших к устью долины.

А за ними бегом поспешали пешие гандеры, жаждающие вражеской крови. С круч кувырком скатывались боссонцы и на ходу выпускали в неприятеля стрелу за стрелой...

Вниз, вниз, с террасы на террасу катился кровавый поток и нес с собой ошарашенных, сломленных немедийцев. Арбалетчики бросали оружие и разбегались. Копейщики, пережившие сокрушительную рыцарскую атаку, были вырезаны гандерами без всякой пощады.

Миновав устье долины, битва выплеснулась в чистое поле. По всей равнине туда и сюда мчались воины, удирая, преследуя и убивая. Кто-то сходил с одного на один, кто-то, поднимая коня на дыбы, разил двуручным мечом. Немедийцы еще дрались, но были уже не способны хоть как-то сомкнуть ряды и дать отпор. Целые сотни их покидали сражение и мчались к реке. Многим удалось достичь ее, выбраться на тот берег и ускакать на восток. Но огонь восстания уже охватил всю страну, жители охотились на бывших захватчиков, как на волков. До Тарантии добрались единицы.

Окончательно подорвала дух немедийцев гибель Амальрика. Бросив безуспешные попытки собрать и построить своих, барон устремился на вражеских рыцарей, следовавших за исполином в вороненых

доспехах: царственный лев украшал его плащ, а над головой вилося черное аквилонское знамя с золотым львом и рядом с ним — малиновый леопард Пуантена. Высокий воин в сверкающих латах опустил пику и поскакал навстречу Амальрику. Они столкнулись с грохотом. Пика немедийца, угодив противнику в шлем, сорвала ремни и застежки; шлем слетел, обнаружив черты Паллантида. Пика аквилонца пробила и щит, и нагрудник, и сердце барона, сбросив его мертвое тело с седла, и под тяжестью пронзенного тела переломилась.

Поднялся отчаянный крик, сопротивление немедийцев было сломлено бесповоротно. Так приливная волна наконец прорывает и сносит подмытую дамбу. В слепом ужасе побежденные толпами устремились к реке... Кончился Час Дракона.

Тараск не побежал с поля сражения. Амальрик пал, погиб знаменосец, и королевское знамя Немедии было втоптанно в кровавую грязь. Большая часть ее рыцарей скакала прочь, по пятам преследуемая аквилонцами. Тараск понимал, что битва проиграна, и с горсткой верных воинов метался по равнине, одержимый лишь одной мыслью — встретиться с Конаном. И наконец он встретил его.

К тому времени отряды успели окончательно рассыпаться и перемешаться. Пернатый шлем Троцери сверкал в одном конце поля, шлемы Просперо и Паллантида — в другом. Конан был один. Тараск тоже был один: все его люди погибли. Два короля сошлись в поединке.

Они уже ринулись друг на друга, но тут конь Тараска захрипел и осел наземь. Конан тоже покинул седло и побежал навстречу противнику. Тараск поднялся, с трудом выпутавшись из сбруи. Ослепительно сверкнули клинки и встретились с лязгом, разбрызгивая синие искры. Потом загремели доспехи: Тараск растянулся на земле, сбитый с ног страшным ударом Конанова меча.

Киммериец поставил латный башмак на грудь врагу и снова занес меч. На нем уже не было шлема; он встряхнул густой черной гривой, синие глаза горели прежним огнем:

— Сдаешься, ты?..

— Ты хочешь меня пощадить? — удивленно спросил немедиец.

— Да, хочу. Хотя ты, собака, меня в свое время и не думал щадить. Живи! И пусть живут все твои, кто бросил оружие. А уж как чешутся руки раскроить тебе башку... — добавил киммериец.

Тараск, как мог, вывернул шею и оглядел поле. Остатки немедийского войска удирали по каменной дамбе. Победоносные аквилонцы висели у них на плечах, рубя со всей яростью сбывшейся мести. Гандеры и боссонцы наводнили вражеский лагерь, раздирая палатки в поисках поживы, ловя пленников, вспарывая тюки и переворачивая повозки...

Тараск грязно выругался и передернул плечами — насколько он вообще мог это сделать, прижатый к земле.

— Что ж, выбора у меня нет... Каковы твои условия?

— Ты отдашь все, чем успел завладеть в Аквилонии. Пусть твоя солдатня сложит оружие и выметается из всех замков и городов, да поживее. Ты выкупишь и вернешь на родину всех аквилонцев, проданных в рабство. А потом, когда мы в полной мере подсчитаем убытки, нанесенные войной, ты их возместишь. И будешь сидеть у меня заложником, пока это все не будет исполнено!

— Хорошо, — сдался Тараск. — Мои гарнизоны оставят города и замки без боя... и все прочее, как ты сказал. Ну а за мою шкуру какой выкуп назначишь?

Конан засмеялся и убрал ногу с груди врага, а потом одним рывком поставил его на ноги, взяв за плечо. Он хотел что-то сказать, но заметил шедшего к ним Хадрата.

Жрец, как обычно невозмутимый, осторожно пробирался между грудями мертвых тел, конских и человеческих.

Окровавленной рукой Конан утер с лица пыль и пот. Он бился весь день: сначала — пешим, среди гандерских копейщиков, потом пересел в седло и возглавил рыцарскую атаку. Он лишился плаща, залитые кровью доспехи были измяты ударами множества мечей, булав и секир. Он стоял во весь рост посреди ужасного побоища, похожий на языческого героя древней легенды.

— Ты хорошо поработал, Хадрат! — загремел он весело. — Во имя Крома, как я обрадовался, разглядев твой сигнал! Мои рыцари с ума сходили от нетерпения, уж очень хотелось им взяться поскорей за мечи. Еще немного, и я не смог бы их удержать... А что там наш чародей?

— Он отправился путем мрака обратно в свой Ахерон, — ответил Хадрат. — Мне же пора вернуться в Тарантию... Здесь я больше не нужен, зато в храме Митры меня ждет одно неотложное дело. Все мы совершили здесь, что могли. На этом поле мы спасли Аквилонию, и не только ее. Твое возвращение в столицу станет триумфальным шествием по шальной от счастья стране. Вся Аквилония выйдет приветствовать возвращение своего короля. Итак, до встречи в Тарантии, в тронном зале дворца.

Конан молча проводил глазами жреца. Со всех сторон к нему уже спешили верные рыцари. Он разглядел Паллантида, Троцero, Просперо и Сервия Галанна в политых кровью доспехах. Шум битвы постепенно смолкал, сменяясь многоголосым ликующим ревом. Все взгляды, горящие яростью и восторгом выигранной битвы, устремились к исполинской черной фигуре короля, руки в латных рукавицах потрясали обгабренными клинками. Отовсюду неслись могучий, громовой крик, подобный гулу морского прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии!.. Слава!..

— Ты еще не назвал моего выкупа, — мрачно буркнул Тараск.

Рассмеявшись, Конан со стуком вдвинул меч в ножны. Расправив плечи, он провел пятерней по волосам, словно бы ощущая на них отвоеванную корону.

— В твоём серале, — сказал он, — есть одна девушка. Ее имя Зенобия.

— Да... да, кажется, есть.

— Вот и отлично. — Король улыбнулся, словно вспомнив о чем-то очень хорошем. — Она станет твоим выкупом, больше мне ничего не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как и обещал. В Немедии она была рабыней, а в Аквилонии я сделаю ее королевой!

Литературно-художественное издание

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Говард, Р. Джордан

ТЕНЬ ВЛАСТЕЛИНА

Пер. с англ. Н. Ладиловой

5

Р. Говард

ЧАС ДРАКОНА

Пер. с англ. Г. Трубицыной

267

РОБЕРТ ГОВАРД
РОБЕРТ ДЖОРДАН

КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ

Перевод с английского
Н. Ладиловой, Г. Трубицыной

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художник *Владислав Асадуллин*

Верстка *Елены Посадовой*

Корректоры *Вера Чаленко, Алевтина Борисенкова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.12.98 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая
с ФПФ. Бумага типографская. Усл. п. л. 27,42.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 2101.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат ППП
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140